

*КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА*

№ 3 (2009-2010)

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ 7

ПОСТОЯННАЯ ТЕМА: «ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» 8

Общие вопросы преподавания международного права

*Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2009 года)..... 8

*Первый российский учебник по международному праву, изданный за рубежом 11

Вопросник по международному праву 16

*Ответы преподавателей международного права на Вопросник «Казанского журнала международного права» (В.В. Гаврилов, И.С. Марусин, Р.Ш. Гарипов)

Вопросник по международному гуманитарному праву..... 24

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА: «ПРИЗНАНИЕ РОССИЕЙ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ»..... 25

Шамба С.М. – министр иностранных дел Республики Абхазия. Россия – Абхазия: история и современность 25

Хутаба Д.В. (Абхазия). Вопросы международно-правового признания Абхазии и Южной Осетии 33

Беседа с автором книги «Признание Россией Южной Осетии и Абхазии»
к.ю.н. А.Г. Аршевым 40

«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ» 60

Ивонина О.И. Правовое поле глобальной политики 60

«МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ» 72

*Мезяев А.Б. Мемуары Главного Обвинителя Международного трибунала по бывшей Югославии К.дель Понте 72

*О мемуарах бывшего Секретаря Международного суда ООН Х.Тирлуэя..... 89

«ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ» 92

К 100-летию юбилею советского посла

Беседа с первым Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Уганде и Либерии

Д.Ф. Сафоновым об истории советской дипломатии 92

«ИНТЕРВЬЮ»..... 99

Я.Бономи, судья Международного трибунала по бывшей Югославии, член судебной палаты по делу Слободана Милошевича и Радована Караджича 99

«ЖИВАЯ ИСТОРИЯ» 102

«К 30-летию независимости Республики Зимбабве»

***30 лет независимости Республики Зимбабве: борьба продолжается** 102

***Из истории борьбы за независимость народа Зимбабве:**

1. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Зимбабве в России
П.Мпоко 103

2. Интервью с заместителем Директора Института Африки РАН профессором
В.Г. Шубиным..... 106

3. Интервью с юридическим консультантом на Женевских и Лондонских переговорах по урегулированию родезийского кризиса профессором В.Е. Чиркиным..... 108

***Документы** 110

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 121

* Мезяев А.Б. Основные юридические дефекты Решения Международного суда ООН о временных мерах защиты в деле <i>Грузия против России</i> 2008 года»	121
* Тодорович Д. зам. Председателя Сербской радикальной партии (Сербия). Дело профессора Шешеля в Гаагском трибунале	125
* Худынцева А.С. Понятие правового статуса судей международных судов (на примере Международного Суда ООН).....	129
* Магомедов М.Ш. Нападения на компьютерные сети и международное гуманитарное право	136
* Пашина А.Д. Соотношение понятий «угроза миру», «акт агрессии» и «нарушение мира»	157
* Авхадеев В.Р. Правовое регулирование отношений собственности в Антарктике.....	162
* Брайдж М. Оружие массового уничтожения и проблемы защиты окружающей среды	164
* Владимирова Е.А. Имплементация программ помощи Европейских Сообществ в Чехии.....	172

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....177

Решения Европейского суда по правам человека, вынесенные по делам из Российской Федерации в 2008 году	177
---	-----

«PERSONA GRATA: Международно-правовые назначения» 198

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНАХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА201

1. Универсальный периодический обзор в Совете ООН по правам человека и Россия (февраль 2009 г.).....	206
2. Комитет по правам человека (март 2009 г.).....	212

ДОКУМЕНТЫ..... 225

1. Заявление Президента РФ 26 августа 2008 г.	225
2. Указы Президента РФ о признании Абхазии и Южной Осетии.....	227
3. Указы Президента РФ о назначении Послов РФ в Абхазию и Южную Осетию	229
4. Договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Абхазией.....	231
5. Договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Южной Осетией	236
6. Выступления президентов РФ, Абхазии и Южной Осетии после подписания договоров о дружбе и сотрудничестве	242
7. Федеральные законы РФ о ратификации договоров РФ с Абхазией и Южной Осетией .	245

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 247

Библиография статей по международному праву в юридических журналах, опубликованных в 2008-2009 годах	247
--	-----

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD.....	7
<u>PERMANENT THEME: «TEACHING OF INTERNATIONAL LAW».....</u>	8
General Issues Teaching of International Law	
* United Nations Program of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law (UN General Assembly Resolution 64/113-2009)	8
* The First Russian Textbook on International Law, published abroad	11
Questionnaire on International Law	16
* Answers of International Law Teachers to the Questionnaire of «Kazan Journal of International Law» (V.V. Gavrilov, I.S. Marusin, R. S. Garipov)	
Questionnaire on International Humanitarian Law	24
<u>SPECIAL THEME: «RUSSIA’S RECOGNITION OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA»</u>	25
S.M. Shamba - <i>Minister of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia, Russia</i> - Abkhazia: History and Modernity	25
D.V. Hutaba (Abkhazia) - Questions of International Legal Recognition of Abkhazia and South Ossetia	33
Conversation with the Author of the «Russia’s Recognition of South Ossetia and Abkhazia», Doctor A.G.Areshev	40
<u>SIGHT FROM THE DISTANCE</u>	60
Ivonina OI, legal field of global politics.....	60
<u>«INTERNATIONAL Law MEMOIRS»</u>	72
*A.B. Mezyaev, Memoirs of the Chief Prosecutor of the International Tribunal for the Former Yugoslavia K. Del Ponte	72
* On the Memoirs of the Former Registrar of the International Court of Justice	89
<u>«HISTORY OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL RELATIONS»</u>	92
To the 100 anniversary of the Soviet ambassador.	
Conversation with the first Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR in Uganda and Liberia, D.F. Safonov on the History of Soviet Diplomacy	92
<u>«INTERVIEW»</u>	99
J. Bonomi, <i>Judge, International Tribunal for the Former Yugoslavia, the Trial Chamber in the case of Slobodan Milosevic and case of Radovan Karadzic</i>	99
<u>«LIVING HISTORY». THE 30-th ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC OF ZIMBABWE».....</u>	102
* 30 years of Independence of the Republic of Zimbabwe: The Struggle Continues	102
* History of the Struggle of the People of Zimbabwe for the Independence:	
1. Interview with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Zimbabwe in Russia M. P.Mpolo	103
2. Interview with the Deputy Director of the Institute of African Studies Professor	

V.G. Shubin	106
3. Interview with the Legal Advisor to the Geneva and London talks on the Rhodesian Crisis Professor VE Chirkin	108
* Documents	110
<u>QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW</u>	121
* A.B. Mezyaev, Main Legal Defects of the Decision of the International Court of Justice on the Provisional Measures in the Case Georgia against Russia in 2008.....	121
* D.Todorovic, <i>Deputy President of the Serbian Radical Party (Serbia)</i> , The Case against Professor V.Seselj in the International Tribunal for the Former Yugoslavia	125
* A.S. Hudyntseva, The Concept of the Legal Status of Judges of International Courts (with special reference to the judges of International Court of Justice).....	129
* M.Sh.Magomedov, Computer networks attacks and international humanitarian law	136
* A.D. Pashina, On the Concepts of «Threat to Peace», «Act of Aggression» and «Breach of Peace»	157
* V.R. Avhadeev, Legal Regulation of Property Relations in the Antarctic	162
* M.Brayje, Weapons of Mass Destruction and Environmental Issues.....	164
* E.A. Vladimirova, Implementation of Assistance Programs of the European Communities in the Czech Republic	172
<u>CHRONICLE OF INTERNATIONAL LAW</u>	177
Judgments and Decisions of the European Court of Human Rights, Delivered in Relations to the Cases from Russian Federation in 2008	177
<u>«PERSONA GRATA: International legal stuff appointments».....</u>	198
<u>RUSSIA IN THE INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS BODIES</u>	201
1. <u>Universal Periodic Review of Russia in the UN Human Rights Council (February 2009)</u>	206
2. <u>Human Rights Committee and Russia (March 2009)</u>	212
<u>DOCUMENTS</u>	225
1. Declaration of the President of Russia, August 26, 2008	225
2. Decree of the President of Russia on recognition of Abkhazia and South Ossetia	227
3. Decree of the President of Russia on the appointment of ambassadors in Abkhazia and South Ossetia	229
4. Treaty of Friendship and Cooperation between Russia and Abkhazia	231
5. Treaty of Friendship and Cooperation between Russia and South Ossetia	236
6. Speeches of the Presidents of Russia, Abkhazia and South Ossetia after the signing of treaties of friendship and cooperation	242
7. Federal laws of Russia ratifying the treaties of Russia with Abkhazia and South Ossetia	245
<u>REFERENCES SECTION</u>	
Bibliography of articles on international law in legal journals published in 2008-2009...	247

SOMMAIRE:

<u>DE LA RÉDACTION</u>	7
<u>THÈME PERMANENT: «L'ENSEIGNEMENT DU DROIT INTERNATIONAL»</u>	8
Questions générales de l'enseignement du droit international	
* Programme d'assistance des Nations Unies aux fins de l'enseignement, de l'étude, de la diffusion et d'une compréhension plus large du droit international (résolution de l'Assemblée générale des Nations unies, 2009).....	8
* Le premier manuel de Russie sur le droit international, publiés à l'étranger	
Questionnaire sur le droit international.....	16
* Réponses des professeurs de droit international au Questionnaire de l'enseignement du droit international» (V.V. Gavrilov, Yu.S. Marusin, R.Ch.Garipov)	
Questionnaire sur les problèmes de l'enseignement du droit international humanitaire.....	24
<u>THÈME SPÉCIAL: «RECONNAISSANCE PAR LA RUSSIE DE L'ABKHAZIE ET OSSÉTIE DU SUD»</u>	25
S.M. Chamba, <i>Le ministre des Affaires étrangères de la République d'Abkhazie</i> . Russie - Abkhazie: Histoire et Modernité.....	25
D.V. Hutaba (Abkhazie) - Les questions de reconnaissance juridique internationale de l'Abkhazie et l'Ossétie du Sud.....	33
Conversation avec l'auteur du livre «La Russie de reconnaître l'Ossétie du Sud et en Abkhazie», Dr. A.G. Arechev	40
Ivonina O.I., Domaine juridique de la politique mondiale	60
<u>MÉMOIRES de DROIT INTERNATIONAL</u>	72
*A.B. Mezyaev, Mémoires du Procureur du Tribunal international pour l'Ex-Yougoslavie K. Del Ponte.....	72
* Mémoires de l'ancien Greffier de la Cour internationale de Justice.....	89
<u>HISTOIRE DE LA DIPLOMATIE ET RELATIONS INTERNATIONALES</u>	92
Pour le 100ème anniversaire de l'ambassadeur soviétique.	
Discuter avec le premier ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de l'URSS en Ouganda et au Libéria, D.F.Safonov sur l'histoire de la diplomatie soviétique	92
<u>INTERVIEW</u>	
J. Bonomi, juge au Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie, membre de la Chambre de première instance dans l'affaires contre Slobodan Milosevic et Radovan Karadzic	99
<u>LIVING HISTORY. 30ème anniversaire de l'indépendance de la République du Zimbabwe</u>	102
*30 ans d'indépendance de la République du Zimbabwe: la lutte continue De l'histoire de la lutte pour l'indépendance du peuple du Zimbabwe:	
1. Interview avec l'Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de la République du Zimbabwe en Russie M.P. Mpoko	103
2. Interview avec le directeur adjoint de l'Institut de l'Afrique de l'Académie Russe des Sciences professeur V.G. Chubin.....	106
3. Interview avec un conseiller juridique aux pourparlers à Genève et Londres pour résoudre la crise de Rhodésie, le professeur V.E. Chirkin	108
* Documents	110

<u>QUESTIONS DES THÉORIE ET PRATIQUE DU DROIT INTERNATIONAL</u>	121
*A.B. Mezyaev, Les défauts principal del'Ordonnance de la Cour internationale de Justice sur les mesures conservatoires du 15 octobre 2008 dans l'affair «Géorgie contre la Russie» en 2008»	121
* D.Todorovic, <i>adjoint Président du Parti Radical Serbe (Serbie)</i> , Affaire V.Seselj au Tribunal de La Haye.....	125
* A.S. Hudyntseva, Le statut juridique des juges des tribunaux internationaux (avec une référence particulière a les juges de la Cour internationale de Justice)	129
*M.Ch. Magomedov, Les attaques sur les réseaux informatiques et du droit humanitaire international	136
*A.D. Pachina, La question des concepts de «menace pour la paix», «acte d'agression» et «violation de la paix»	157
*V.R. Avhadeev, La réglementation juridique des relations de propriété dans l'Antarctique	162
* M.Braije, Les armes de destruction massive et les questions environnementales	164
* E.A. Vladimirova, La mise en œuvre des programmes d'aide des Communautés européennes.....	172
<u>CHRONIQUE DU DROIT INTERNATIONAL</u>	177
Les décisions de la Cour européenne des droits de l'homme (les affaires contre la Fédération de Russie; 2008).....	177
<u>PERSONA GRATA</u>	198
<u>LA RUSSIE DANS LE ORGANES INTERNATIONAL DES DROITS DE L'HOMME</u>	201
Examen périodique universel du Conseil des droits de l'homme des Nations Unies et la Russie (Février 2009)	206
Comite des droits de l'homme (Mars 2009)	212
<u>DOCUMENTS</u>	225
1. Declaration du Président de la Russie (26 août 2008)	225
2. Decret du Président de la Russie sur la reconnaissance de l'Abkhazie et l'Ossétie du Sud	227
3. Decret du Président de la Russie sur la nomination des ambassadeurs en Abkhazie et en Ossétie du Sud.....	229
4. Traite d'amitié et de coopération entre la Russie et l'Abkhazie	231
5. Traite d'amitié et de coopération entre la Russie et l'Ossétie du Sud.....	236
6. Discours des présidents de la Russie, l'Abkhazie et l'Ossétie du Sud après la signature des traités d'amitié et de coopération.....	242
7. Les lois federales de la Russie de ratifier les traités de la Russie en Abkhazie et en Ossétie du Sud.....	245
<u>BIBLIOGRAPHIE</u>	
Bibliographie des articles sur le droit international dans des revues juridiques publiées en 2008-2009	247

Уважаемые читатели третьего выпуска «Казанского журнала международного права»! Третий номер журнала выходит за 2009-2010 годы. В этом выпуске мы продолжаем развитие наших традиционных рубрик. Во-первых, это рубрика «Специальная тема», которая посвящена появлению новых независимых государств – Абхазии и Южной Осетии – и их признанию Россией и другими государствами мира.

В рубрике «Международно-правовые мемуары» мы публикуем материалы, посвященные мемуарам бывшего главного обвинителя Международного трибунала по бывшей Югославии и бывшего Секретаря Международного суда ООН. В рубрике «Взгляд со стороны» публикуем взгляд на международное право глазами историка.

С этого номера вводим **новые рубрики**.

Прежде всего, это рубрика «**Живая история**», посвященная 30-летию независимости Республики Зимбабве. Мы публикуем интервью с непосредственными участниками борьбы за независимость как с зимбабвийской, так и с российской (советской) стороны. Многие материалы публикуются впервые.

Другой новой рубрикой является «**История дипломатии и международного права**». Открывает рубрику интервью с бывшим первым Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Либерии и Уганде Д.Ф. Сафоновым. Беседа состоялась в дни торжеств, посвященных 100-летию Дмитрия Федоровича!

Мы стараемся развивать рубрику «Справочный раздел», где приводится библиография статей по международному праву: диапазон изданий существенно расширен.

Не могли не отреагировать на весьма значимые события 2009 года в отношении международно-правовых аспектов защиты прав человека в России. В этом году Россия прошла через сито сразу двух международных органов – Совета ООН по правам человека и Комитета по правам человека. В этом номере публикуются заключительные документы по результатам представления Россией докладов в обоих этих международных органах.

Как всегда мы старались опубликовать остро-дискуссионные материалы. Надеемся на активное сотрудничество наших читателей в обсуждении опубликованных материалов.

Редакционная коллегия.

Общие вопросы преподавания международного права

*Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2009 года)

*Первый российский учебник по международному праву, изданный за рубежом

Вопросник по международному праву

*Ответы преподавателей международного права на Вопросник «Казанского журнала международного права»

Вопросник по международному гуманитарному праву.....

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 64/113

«Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»

Генеральная Ассамблея, ссылаясь на свою резолюцию 2099 (XX) от 20 декабря 1965 года, которой была учреждена Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права для улучшения знания международного права как средства укрепления международного мира и безопасности и содействия развитию дружественных отношений и сотрудничества между государствами, признавая, что Программа помощи является одним из основных видов деятельности Организации Объединенных Наций и что в течение более четырех десятилетий она обеспечивает фундамент для предпринимаемых Организацией Объединенных Наций усилий, направленных на углубление знания международного права, признавая также, что в результате повышения спроса на подготовку по вопросам международного права и его распространение перед Программой помощи встают новые задачи, с признательностью принимая к сведению доклад Генерального секретаря об осуществлении Программы помощи и мнения Консультативного комитета по Программе помощи, содержащиеся в этом докладе, считая, что международное право должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех университетах, будучи убеждена в том, что следует побуждать государства, международные и региональные организации, университеты и учреждения к оказанию дальнейшей поддержки Программе помощи и расширению их деятельности по содействию преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права, в частности тех видов деятельности, которые приносят особую пользу для лиц из развивающихся стран, вновь подтверждая, что при осуществлении Программы помощи желательно в максимально возможной степени использовать ресурсы и возможности, предоставляемые государствами-членами, международными и региональными организациями, университетами, учреждениями и другими донорами, вновь подтверждая также надежду на то, что при назначении лекторов для семинаров в рамках программ стипендий в области международного права будет приниматься во внимание необходимость обеспечения представительства основных правовых систем и сбалансированности представительства различных географических регионов,

1) *одобряет* руководящие принципы и рекомендации, содержащиеся в разделе III доклада Генерального секретаря, в частности те из них, которые направлены на достижение наилучших результатов в осуществлении Программы помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права в рамках политики максимальных финансовых ограничений;

2) *уполномочивает* Генерального секретаря осуществлять в 2010 и 2011 годах виды деятельности, указанные в его докладе, включая предоставление:

а) ряда стипендий, которые будут определены с учетом общего объема ресурсов для Программы помощи и предоставлены квалифицированным кандидатам из развивающихся стран, с тем чтобы они могли обучаться по Программе стипендий в области международного права в Гааге в 2010 и 2011 годах;

б) ряда стипендий, которые будут определены с учетом общего объема ресурсов для Программы помощи и предоставлены квалифицированным кандидатам из развивающихся стран, с тем чтобы они могли обучаться на региональных курсах по международному праву в 2010 и 2011 годах; и, при необходимости, обеспечение финансирования вышеупомянутых видов деятельности за счет ассигнований из регулярного бюджета, а также за счет добровольных финансовых взносов, которые поступят для этих стипендий, и в ответ на просьбы, содержащиеся в пунктах 19–21, ниже;

3) *уполномочивает также* Генерального секретаря предоставить по крайней мере одну стипендию как в 2010-м, так и в 2011 году в рамках Программы стипендий имени Гамильтона Ширли Амерасингхе в области морского права при условии внесения новых добровольных взносов специально для этой стипендии;

4) *выражает признательность* Генеральному секретарю за его усилия по укреплению, расширению и усилению подготовки по вопросам международного права и деятельности по его распространению в рамках Программы помощи в 2008 и 2009 годах;

5) *просит* Генерального секретаря рассмотреть возможность допущения к участию в различных компонентах Программы помощи кандидатов из стран, которые готовы нести все расходы, связанные с таким участием;

6) *просит также* Генерального секретаря и впредь обеспечивать необходимые ресурсы в бюджете по программам для Программы помощи на следующий и будущие двухгодичные периоды в целях дальнейшего обеспечения ее эффективности;

7) *признает* важность юридических изданий, которые подготавливает Управление по правовым вопросам Секретариата, и настоятельно рекомендует продолжать их публикацию;

8) *выражает признательность* Управлению по правовым вопросам за предпринятые усилия по обновлению юридических изданий Организации Объединенных Наций и, в частности, дает высокую оценку Отделу кодификации за его инициативу по использованию настольных издательских средств, что в значительной мере способствовало своевременному выпуску его юридических изданий;

9) *выражает признательность* Отделу кодификации за создание новых веб-сайтов для «Юридического ежегодника Организации Объединенных Наций»², дипломатических конференций Организации Объединенных Наций и портала юридических изданий Организации Объединенных Наций, а также расширение веб-сайта, посвященного «Краткому изложению решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда»;

10) *призывает* Управление по правовым вопросам продолжать поддерживать и расширять свои веб-сайты, перечисленные в приложении I к докладу Генерального

секретаря, в качестве чрезвычайно важного средства для распространения материалов по международному праву, а также проведения углубленных юридических исследований;

11) *признает* важность Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, вносящей крупный вклад в дело преподавания и распространения международного права во всем мире, и настоятельно призывает государства вносить добровольные взносы, с тем чтобы дать Отделу кодификации возможность продолжать содержать и расширять эту библиотеку;

12) выражает благодарность Отделу кодификации в связи с тем, что Библиотека аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву получила премию за лучший веб-сайт 2009 года, которая была присуждена Международной ассоциацией юридических библиотек на ее ежегодной конференции, проходившей в Турции в октябре 2009 года;

13) *просит* Генерального секретаря представить соответствующую информацию Консультативному комитету по Программе помощи для содействия рассмотрению им вопроса, о котором говорится в пункте 89 его доклада;

14) *предлагает* использовать программу стажировок для подготовки материалов для Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

15) *выражает удовлетворение* по поводу деятельности по подготовке кадров и оказанию технической помощи в области международного права, осуществленной Управлением по правовым вопросам в рамках Программы помощи и описанной в докладе Генерального секретаря, и рекомендует продолжать такую деятельность в рамках имеющихся ресурсов;

16) *выражает признательность* Учебному и научно-исследовательскому институту Организации Объединенных Наций за его участие в Программе помощи в рамках мероприятий, о которых говорится в докладе Генерального секретаря;

17) *выражает также признательность* Гаагской академии международного права за тот ценный вклад, который она продолжает вносить в осуществление Программы помощи, обеспечивая кандидатам в рамках Программы стипендий в области международного права возможность посещать мероприятия Программы и участвовать в них параллельно с курсами Академии;

18) *с признательностью отмечает* вклад Гаагской академии в преподавание, изучение, распространение и более широкое признание международного права и призывает государства-члены и заинтересованные организации положительно откликнуться на призыв Академии продолжать поддержку и, по возможности, увеличивать их финансовые взносы, чтобы позволить ей осуществлять свою деятельность, в частности мероприятия, касающиеся летних курсов, региональных курсов и программ Научно-исследовательского центра по вопросам международного права и международных отношений;

19) *просит* Генерального секретаря продолжать пропагандировать Программу помощи и периодически предлагать государствам-членам, университетам, благотворительным фондам и другим заинтересованным национальным и международным учреждениям и организациям, а также частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Программы помощи или каким-либо иным образом оказывать помощь в ее осуществлении и возможном расширении;

20) *вновь обращается с просьбой* к государствам-членам, заинтересованным организациям и частным лицам делать добровольные взносы, в частности для финансирования Программы стипендий в области международного права и Библиотеки аудио-

визуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, и выражает признательность тем государствам-членам, учреждениям и частным лицам, которые внесли добровольные взносы в этих целях;

21) *настоятельно призывает*, в частности, все правительства делать добровольные взносы для организации региональных курсов по международному праву Отделом кодификации Управления по правовым вопросам в качестве важного дополнения Программы стипендий в области международного права, облегчая тем самым бремя потенциальных принимающих стран и обеспечивая возможность возобновления организации этих региональных курсов;

22) *просит* Генерального секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее 65-й сессии доклад об осуществлении Программы помощи в 2010 году и, после консультаций с Консультативным комитетом по Программе помощи, представить рекомендации относительно выполнения Программы помощи в последующие годы;

23) *постановляет* включить в предварительную повестку дня своей 65-й сессии пункт, озаглавленный «Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права».

*64-е пленарное заседание,
16 декабря 2009 года.*

Первый российский учебник по международному праву, изданный за рубежом

В 2009 году в издательстве «Eleven International Publishing» (Нидерланды) вышел в свет первый российский учебник международного права на английском языке – «International Law – A Russian Introduction». Ответственными редакторами учебника являются профессора В.И. Кузнецов и Б.Р. Тузмухамедов. Переводчиком и редактором английского издания является профессор У.Батлер.

Авторы: Абашидзе А.Х., Егоров С.А., Федоров В.Н., Гидирим А.В., Игнатенко Г.В., Иваненко В.С., Капустин А.Я., Карташкин В.А., Колодкин А.Л., Колодкин Р.А., Копылов М.Н., Кузнецов В.И., Лукашук И.И., Марочкин С.Ю., Подаков А.А., Ромашев Ю.С., Шумилов В.М., Тузмухамедов Б.Р., Верещетин В.С.

Содержание

<i>S.V. Lavrov</i>	
Preface to the First Edition	xv
<i>V. I. Kuznetsov</i>	
Preface to the Second Edition	xvii
<i>B.R. Tuzmukhamedov</i>	
Preface to the English Edition	xix
<i>W.E. Butler</i>	
Abbreviations	xxv
Authors	xxix
Chapter 1. Concise Survey of Origin and Development of International Law. Russia and International Law	1
§ 1. Origin and Development of International Law	1
§ 2. Russia and International Law	8

Chapter 2. Concept, Peculiarities, and System of International Law	17
§ 1. Concept of International Law	18
§ 2. Subject of Regulation	22
§ 3. International Law as Special Legal Complex	26
§ 4. System of International Law	33
Chapter 3. Subjects of International Law	37
§ 1. Concept and Types of Subjects of International Law	37
§ 2. States as Principal Subjects. International Legal Recognition Thereof	45
§ 3. Legal Succession of States	51
§ 4. Legal Status of Specific Participants of International Relations	59
Chapter 4. Sources of International Law	69
§ 1. Concept of Sources of International Law	69
§ 2. Customary Norms	70
§ 3. Treaty Norms	79
§ 4. General Principles of Law	81
§ 5. Resolutions of International Organizations	83
§ 6. Interaction of Sources of International Law	87
Chapter 5. Law of International Treaties	95
§ 1. Concept, Sources, and Subjects of Law of International Treaties	95
§ 2. Concept and Legal Nature of International Treaties	98
§ 3. Procedure and Stages of Conclusion of International Treaties	102
§ 4. Entry of Treaty into Force. Operation of Treaty in Time and Space	113
§ 5. Treaties and Third States	114
§ 6. Interpretation of International Treaties	115
§ 7. Invalidity, Change, and Suspension of Operation and Termination of International Treaties	117
§ 8. Treaties with Participation of International Organizations	123
Chapter 6. Principles of International Law	129
§ 1. Concept and System of Principles of International Law	130
§ 2. Basic Principles of Contemporary International Law	132
§ 3. Principle of Sovereign Equality of States	135
§ 4. Principle of Noninterference in Internal Affairs	138
§ 5. Principle of Territorial Inviolability and Integrity of States	140
§ 6. Principle of Inviolability and Indissolubility of State Boundaries	142
§ 7. Principle of International Cooperation	145
§ 8. Principle of Equality and Self-Determination of Peoples	146
§ 9. Principle of Nonuse and Threat of Force	151
§ 10. Principle of Peaceful Settlement of International Disputes	155
§ 11. Principle of Universal Respect and Protection of Human Rights	157
§ 12. Principle of Good-Faith Fulfillment of International Obligations	160
Chapter 7. International Law and National Law: Correlation and Interaction	63
§ 1. Conceptions of Correlation of International Law and National Law	163
§ 2. International Law Within Limits of National Jurisdiction	169
§ 3. International Law in National Courts	182
Chapter 8. Population and International Law	197
§ 1. Concept of Population	197
§ 2. Citizenship	198
§ 3. Citizenship of European Union	208
§ 4. Statelessness	210
§ 5. Foreign Citizens	211
§ 6. Migrant Workers	218
§ 7. Question of Citizenship in Connection with Legal Succession of States	219

§ 8. Right of Asylum	221
§ 9. Readmission	222
§ 10. Duty of State to Defend its Population	223
§ 11. Extradition of Criminals	224
§ 12. Refugees	225
Chapter 9. International Protection of Human Rights	229
§ 1. Human Rights as Branch of International Law	229
§ 2. United Nations Charter and International Bill of Rights	231
§ 3. Role and Competence of United Nations in Sphere of Human Rights	244
§ 4. Regional Cooperation of States in Domain of Human Rights	248
§ 5. International Protection of Human Rights and Processes of Globalization	250
Chapter 10. International Legal Responsibility	255
§ 1. Concept of International Legal Responsibility	255
§ 2. Acts of Subjects of International Law as Grounds of International Responsibility Thereof	258
§ 3. International Treaty Responsibility of Subjects of International Law for Damage Arising When Effectuating Lawful Activity	262
§ 4. Concept of International Crime (or Serious Violation of Obligations Arising from Imperative Norms of General International Law)	264
§ 5. Content of International Responsibility (or International Legal Forms and Means of Realization of International Responsibility)	269
§ 6. Implementation of International Responsibility	272
§ 7. Responsibility of Natural Persons Under International Criminal Law	280
§ 8. Diplomatic Protection	281
Chapter 11. Peaceful Settlement of International Disputes	287
§ 1. Concept of International Dispute	287
§ 2. Legal Content of Principle of Peaceful Settlement of International Disputes	289
§ 3. Peaceful Means of Settlement of International Disputes	293
§ 4. Role of International Organizations in Cause of Peaceful Settlement of International Disputes	299
§ 5. Peaceful Settlement of Disputes within Framework of General European Process	300
§ 6. Peaceful Settlement of Disputes within Framework of Commonwealth of Independent States	303
Chapter 12. International Court of Justice	305
§ 1. International Court of Justice – Chief Judicial Organ of United Nations	306
§ 2. History of Creation of International Court of Justice	307
§ 3. Membership of International Court of Justice and Organization of its Work	308
§ 4. Procedure in Disputes Between States	311
§ 5. Procedure when Rendering Advisory Opinions	315
§ 6. Practice of International Court of Justice	317
Chapter 13. International Security and International Law	321
§ 1. Concept of International Security	321
§ 2. Politico-Legal Aspects of Collective Security of Universal Character	324
§ 3. Politico-Legal Peculiarities of Regional Systems of Collective Security	327
§ 4. Peacekeeping Operations	331
Chapter 14. Foreign Relations Law	339
§ 1. Concept of Foreign Relations Law	339
§ 2. Systems of Foreign Relations Agencies	340
§ 3. Diplomatic Law	348
§ 4. Diplomatic Law of International Organizations	355
§ 5. International Legal Protection of Persons Enjoying Diplomatic Immunity	357
§ 6. Consular Law	358

Chapter 15. International Organizations and International Law	365
§ 1. Concept, Basic Indicia, and Classification of International Organizations	365
§ 2. General Characterization of Structure and Activity of United Nations, Principal Organs Thereof, and Basic Peculiarities Thereof	369
§ 3. Specialized Agencies of United Nations	385
§ 4. Regional Organizations and Sub-Regional Structures and Their Interaction with the United Nations	388
§ 5. International Nongovernmental Organizations and Forms of Their Cooperation with the United Nations	391
§ 6. Process of Renewal and Adaptation of United Nations and Charter Thereof to Realities of the Modern World	394
Chapter 16. Territories and Boundaries in International Law	399
§ 1. Types of Territories	399
§ 2. State Territory	400
§ 3. Territorial Acquisitions and Changes	404
§ 4. Territorial Disputes	408
§ 5. State Boundaries	411
§ 6. International Rivers	418
§ 7. International Canals	425
§ 8. International Legal Regime of Antarctica	430
Chapter 17. International Law of the Sea	433
§ 1. Concept, Sources, and Codification of International Law of the Sea	433
§ 2. Internal Sea Waters	435
§ 3. Territorial Sea	436
§ 4. Contiguous Zone	437
§ 5. High Seas	438
§ 6. Continental Shelf	442
§ 7. Exclusive Economic Zone	443
§ 8. Seabed Beyond National Jurisdiction. The Area	444
§ 9. Marine Scientific Research	446
§ 10. Archipelagic Waters	447
§ 11. International Straits and Canals	448
§ 12. Arctic	451
§ 13. Antarctica	453
§ 14. New Challenges and Threats to Safety of Activity of States in World Ocean	454
§ 15. International Maritime Organizations	459
§ 16. International Tribunal for the Law of the Sea	462
Chapter 18. International Air Law	467
§ 1. Concept of International Air Law	467
§ 2. Sources of International Air Law	468
§ 3. Special Principles of International Air Law	469
§ 4. Legal Status of Air Space	474
§ 5. Regulation of International Flights of Aircraft	477
§ 6. Open Skies Treaty of 1992	482
§ 7. Legal Regulation of International Air Services	483
§ 8. Commercial Rights in International Air Services	485
§ 9. Struggle Against Acts of Illegal Interference in Civil Aviation	488
§ 10. Responsibility Under International Air Law	490
§ 11. International Aviation Organizations	492
Chapter 19. International Space Law	497
§ 1. Concept and Sources of International Space Law	497
§ 2. Legal Regime of Outer Space and Celestial Bodies	500

§ 3. Legal Status of Space Objects and Astronauts	502
§ 4. Limitations of Use of Outer Space for Military Purposes	504
§ 5. Responsibility in International Space Law	505
§ 6. International Legal Regulation of Certain Applied Types of Space Activity	507
§ 7. International Cooperation in Research and Use of Outer Space	508
Chapter 20. International Economic Law	511
§ 1. History of International Economic Law	511
§ 2. International Economic Law in the International Economic System	514
§ 3. Sources and Principles of International Economic Law	519
§ 4. States as Subjects of International Economic Law	524
§ 5. International Economic Organizations	527
§ 6. Law of International Economic Integration	529
§ 7. International Trade Law	532
§ 8. International Financial Law	534
§ 9. International Investment Law	539
§ 10. International Customs Law	542
Chapter 21. International Ecological Law	545
§ 1. Concept of International Ecological Law	546
§ 2. Origin and Basic Stages of Forming International Ecological Law	548
§ 3. Sources of International Ecological Law	550
§ 4. Treaty Practice of Using Foreign Debt for Protection of the Environment	554
§ 5. Principles of International Ecological Law	556
§ 6. Questions of Protection of Environment in Activity of International Organizations	561
§ 7. Contribution of United Nations Conferences on Problems of the Environment to the Codification and Progressive Development of International Ecological Law	564
§ 8. International Legal Protection of Polar Ecosystems	569
§ 9. International Ecological Justice	574
Chapter 22. International Law Enforcement	577
§ 1. Content of International Cooperation in Law Enforcement Sphere and Place and Role of International Law in Regulation Thereof	578
§ 2. Constituent Elements of Violations of Law According to International Law and Classification Thereof	580
§ 3. Jurisdiction of States With Respect to Violations of Law	583
§ 4. Extradition and Transfer of Persons in Interests of Justice	585
§ 5. Struggle Against Crimes of International Character and Other Violations of Law Provided by International Law	587
§ 6. International Law Enforcement Organizations	597
§ 7. International Criminal Courts and Tribunals	600
Chapter 23. Law of Armed Conflicts – International Humanitarian Law	607
§ 1. Concept, Sources, and Subject of Regulation of Law of Armed Conflicts	607
§ 2. Legal Consequences of Commencement of War	612
§ 3. Neutrality During War	613
§ 4. Legal Status of Participants of Armed Conflicts	615
§ 5. Legal Regime of Military Occupation	617
§ 6. Prohibition of Means and Methods of Conducting Military Actions	619
§ 7. Means and Methods of Waging Naval Warfare	622
§ 8. Means and Methods of Waging Air Warfare	625
§ 9. Protection of Rights of Person During Armed Conflict	625
§ 10. International Legal Regulation of End of Military Actions and State of War	628
§ 11. Problems of International Legal Regulation of Relations Arising in Period of Armed Conflicts of Non-international Character	630

§ 12. Law of Armed Conflicts and Russian Legislation	639
Chapter 24. Disarmament and Concomitant Measures in International. Law	641
§ 1. Concept of Disarmament	641
§ 2. Sources of Norms in Domain of Disarmament	643
§ 3. Norm-Creating Agencies	645
§ 4. Subject-Matter of Regulation of Norms in Domain of Disarmament	647
§ 5. Demilitarization and Neutralization	652
§ 6. Confidence and Security-Building Measures	653
§ 7. Verification of Compliance with Treaty Obligations	654
Chapter 25. European Law	657
§ 1. Politico-Legal Dimension of Europe	657
§ 2. Council of Europe	661
§ 3. Organization for Security and Cooperation in Europe	671
§ 4. Commonwealth of Independent States	678
§ 5. European Union	683

ВОПРОСНИК

по проблемам преподавания международного права

Данный Вопросник преследует цель составления долгосрочной программы работы «Казанского журнала международного права» в области предложения и обсуждения путей решения главных проблем преподавания международного права в Российской Федерации. Просим всех читателей «КЖМП» не только самим откликнуться на наш призыв, но и передать нашу просьбу прислать ответы на данный Вопросник Вашим коллегам по кафедре и коллегам в других вузах Вашего города.

1. Каковы, на Ваш взгляд, цели преподавания международного права в юридическом образовании в России?

В.В. Гаврилов: Проблема соотношения и определения основных принципов взаимодействия международного и внутригосударственного права в последние годы приобрела особую актуальность для российской правовой доктрины и правоприменительной практики. Во многом это было связано со включением в текст Конституции РФ 1993 г. совершенно нового для отечественных нормативно-правовых документов такого уровня положения о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15).

Закрепление указанной нормы в Основном законе нашей страны имеет, как минимум, два важнейших практических следствия. Первое из них заключается в том, что в настоящее время к числу правовых регуляторов отношений, возникающих в рамках границ Российской Федерации или с участием ее субъектов, наряду с положениями российского законодательства, отнесены и нормы международного права (МП). Смысл второго определяет необходимость учета на практике принципа приоритетного применения положений международных договоров по отношению к нормам внутригосударственного права России.

Возрастание значения международного права в современном мире связано также с тем, что с каждым годом его регулирующее воздействие все глубже проникает в

область внутригосударственных отношений. Как следствие, многие элементы традиционной сферы действия национального права рассматриваются сегодня в качестве объектов совместного регулирования с участием как внутригосударственных, так и международных правовых норм.

Именно поэтому грамотному специалисту-юристу, равно как и предпринимателю или чиновнику любого профиля и уровня, сегодня уже недостаточно разбираться только в основах российской правовой системы. Для успешного выполнения своих функций он должен иметь хотя бы общее представление о законодательстве иностранных государств, об основных положениях ключевых международных нормативных документов, принятых в области международного публичного и частного права, уметь их анализировать и, в случае необходимости, применять в своей практической деятельности. Достижение этой цели невозможно без преподавания базовых курсов по международному, европейскому и сравнительному праву на юридических факультетах вузов России.

И.С. Марусин: На мой взгляд, цели преподавания международного права не отличаются от целей преподавания других дисциплин в системе высшего юридического образования. Студенты должны познакомиться с системой международного права, способами регулирования им общественных отношений, принципами, лежащими в их основе, а также с содержанием основных международно-правовых актов и задачами и функциями наиболее значимых международных организаций и учреждений. Они должны четко представлять себе, что именно и как регулирует международное право.

Р.Ш. Гарипов: Современное международное право служит важнейшим ориентиром и мощным стимулом в развитии внутринационального законодательства, поэтому цель преподавания международного права – дать студентам необходимый объем знаний, навыков, умений в области международного права. Целью изучения международного права является усвоение студентами основных принципов международного публичного права и умение применять нормы международного права в правовой системе России.

2. Какие бы Вы выделили главные проблемы преподавания международного права в современной высшей школе РФ? Каковы возможные пути преодоления этих проблем?

В.В. Гаврилов: Отношение к международному праву как в отечественной, так и в зарубежной правовой доктрине в течение многих десятилетий было, мягко говоря, «особым». Наверное, я не очень далеко отойду от истины, если отмечу, что очень многие юристы, как теоретики, так и практики, рассматривали его, да и до сих пор рассматривают, как одну из экзотических составляющих мировой правовой системы – составляющую самобытную, яркую, интересную и в чем-то даже притягательную, но с практической точки зрения малополезную.

Поэтому неудивительно, что и в Государственном стандарте ВПО, и при составлении рабочих учебных планов многих юридических факультетов выделение часов на преподавание МП происходит по «остаточному» принципу, так как и государственные чиновники, и преподаватели-отраслевики не до конца понимают значение этой дисциплины для качественной подготовки юристов высшей квалификации. Преодоление подобного «несерьезного» отношения к международному праву в значительной степени способно поднять уровень его преподавания в высшей школе.

Для достижения этой цели должен быть ликвидирован разрыв между создателями международно-правового «продукта» в самом широком смысле этого слова (учеными, преподавателями), с одной стороны, и его потребителями (министерствами, ведом-

твами, органами власти на уровне субъектов федерации, муниципалитетами и др.) – с другой. Первые должны выступать в качестве постоянных поставщиков кадров, идей и разработок для вторых, а вторые – в полную силу использовать профессионализм, инициативу и креативность первых в процессе своей деятельности. Такой творческий союз уже давно существует и прекрасно зарекомендовал себя в Западных странах. Мы должны совместными усилиями наладить такое сотрудничество и в России. В противном случае все призывы к повышению уровня и качества преподавания международного права, в отсутствие базы для реализации знаний о нем, так и останутся призывами.

И.С. Марусин: Среди главных проблем преподавания международного права я бы назвал широту и разнообразность регулируемых международным правом отношений, которые трудно преподавать с достаточной степенью основательности в отведенные учебным планом часы, а также уменьшившийся интерес учащихся к международным отношениям вообще. Но без понимания азов этих отношений практически невозможно понять (можно лишь заучить) нормы, данные отношения регулирующие. Мне представляется желательным введение в программу первого курса специального предмета, посвященного системе современных международных отношений, но вряд ли это предложение может быть реализовано при четырехлетнем сроке обучения.

Р.Ш. Гарипов: Одной из главных проблем является отсутствие должного внимания к практической составляющей курса, студенты должны больше внимания уделять изучению конкретных кейсов и уметь оперировать нормами международного публичного права. Другой проблемой является отсутствие у большинства студентов языковой подготовки, что сильно сужает их кругозор и возможности. Пути преодоления: усилить языковую подготовку студентов силами преподавателей факультетов иностранных языков; создать единую базу данных грантов и стипендий на зарубежные стажировки, которыми могли бы воспользоваться преподаватели и студенты, изучающие международное право; наладить сотрудничество с рядом международных организаций, где студенты могли бы проходить практику; приглашать специалистов из Москвы и из-за рубежа для чтения лекций.

3. Каковы должны быть межпредметные связи между курсом международного публичного права и другими предметами? Каков Ваш личный опыт (опыт Вашего вуза) в решении проблемы межпредметных связей? Применяют ли студенты знания, полученные после изучения курса международного права, при изучении других учебных курсов?

В.В. Гаврилов: Сегодня очевидно, что проблем, возникающих при изучении и реализации национального и международного права, и особенно в процессе их взаимодействия, великое множество, и далеко не все из них получили свое решение. Причина этого, среди прочего, состоит в том, что до сегодняшнего дня не налажено должное взаимодействие между представителями международного и внутригосударственного направлений юридической науки. В современных российских учебниках по юриспруденции не всегда можно встретить даже упоминание о международном праве, а дисциплина, именуемая себя «общей теорией права», дает, действительно, лишь самое общее представление об МП.

Так уж сложилось, что проблематика взаимодействия международного и национального права в течение многих лет была предметом исследования международно-правовой науки, которая добилась на данном направлении впечатляющих результатов. Тем обиднее, что эти результаты практически не востребованы на уровне отраслевых юридических наук и подменяются собственными далеко не всегда качественными по

своему содержанию разработками административистов, цивилистов или представителей уголовно-правовых наук. Между тем, сегодня вряд ли найдется область права, которая до конца может быть понята без более или менее полных и правильных представлений об МП. Поэтому схемы и конструкции, наработанные международно-правовой доктриной, должны активно использоваться теоретиками права и представителями отраслевых юридических наук с тем, чтобы избежать элементарных ошибок и просчетов и не проходить еще раз путь, который уже был пройден до них. Впрочем, справедливо и обратное. Необходимость учета в международно-правовых исследованиях достижений общей теории права и отраслевых дисциплин имеет не менее важное значение как для развития юридической науки в целом, так и для практического воплощения ее результатов в действиях и сознании людей.

Средством преодоления указанных выше межпредметных диспропорций должно стать включение расширенного международно-правового блока в курс общей теории права, а также в курсы, изучающие государство и право зарубежных стран и сравнительное правоведение. На старших курсах весьма полезным в этом отношении, а также в плане применения студентами знаний, полученных при изучении МП, могло бы стать включение в учебные планы междисциплинарных курсов, посвященных актуальным проблемам юридической науки, таких, например, как «защита прав человека в международном и внутригосударственном праве», «международные и национальные аспекты защиты прав на интеллектуальную собственность», «актуальные проблемы теории международного и внутригосударственного права» и др.

И.С. Марусин: Мой преподавательский опыт позволяет говорить о межпредметных связях лишь в том случае, когда соответствующий вопрос рассматривается в рамках нескольких учебных курсов (например, вопрос о разграничении юрисдикции в отношении уголовного преступления, совершенного на борту гражданского воздушного судна, выполняющего международный рейс). В этом случае соответствующий преподаватель рассматривает данный вопрос в соответствии со своими знаниями и представлениями о другом предмете. Продолжая свой пример, скажу, что, судя по рассказам студентов, они этот вопрос на семинаре по уголовному праву решали, опираясь только на Уголовный кодекс РФ, а я на своем занятии, разумеется, ссылаясь на Токийскую конвенцию 1963 г.

Р.Ш. Гарипов: Международное право студенты изучают у нас на 4-5-м курсах. Было бы лучше, если международное право изучалось на 3-м курсе.

4. Каковы главные мотивации изучения международного публичного права для сегодняшних студентов юридических вузов? Как Вы решаете проблему мотивации?

В.В. Гаврилов: Общеизвестно, что существует два основных рычага мотивирования человека к занятию определенной деятельностью. Первый связан с органично присущим ему желанием достичь материального благополучия, а второй – с его стремлением получить признание в определенном социуме. Другими словами, искомая деятельность должна быть социально значимой, востребованной и хорошо оплачиваемой. Сегодня эти «высоты» могут быть достигнуты в рамках крупных российских компаний и корпораций, имеющих совместные проекты с иностранными фирмами или при работе в международных институциональных структурах. Лишь в отдаленной перспективе они могут быть обеспечены в других сегментах рынка юридических услуг, существующих в России.

Поэтому основной способ решения проблемы мотивации к изучению международного права в ДВГУ – ориентирование студентов на перспективу работы в указан-

ных выше структурах, а также разъяснение им их преимуществ перед работодателями по сравнению со студентами, не изучавшими блок международно-правовых дисциплин. Последнее особенно значимо в современных условиях глобализации при стремительном увеличении количества международных проектов, нуждающихся в квалифицированном юридическом сопровождении.

И.С. Марусин: Основная мотивация студентов при изучении международного права, очевидно, такая же, как и при изучении основной массы других предметов. Студентам необходимо сдать экзамен по международному праву для продолжения обучения и получения диплома. Некоторым из них интересно международное право как таковое. Именно они пишут дипломные работы по нашему предмету, а некоторые из них начинают заниматься также научной деятельностью.

Р.Ш. Гарипов: Международное право входит в перечень обязательных к изучению дисциплин, поэтому все студенты посещают занятия по международному публичному праву.

5. Какова эффективность преподавания международного права в Вашем вузе?

а) Проводите ли Вы проверки остаточных знаний и каковы их результаты?

Какие темы запоминаются студентами лучше, а какие – хуже? В чем, на Ваш взгляд, главные сложности в данном вопросе и каковы пути их преодоления?

б) Какова эффективность преподавания международного права в Вашем вузе после окончания студентами их обучения?

Применяют ли они нормы международного права в своей практической деятельности? Каково место в практической работе Ваших выпускников знаний, полученных в вузе, и знаний, полученных из иных источников (самообразование, дополнительное образование, аспирантура, повышение квалификации и т.д.)?

В.В. Гаврилов: Представляется, что такая эффективность достаточно высока, так как от 15 до 30% выпускников специализированного международно-правового факультета, существовавшего в рамках юридического института ДВГУ с 1994 по 2009 гг., ежегодно заканчивали университет с красными дипломами, сдавая в рамках государственной аттестации итоговый экзамен по МП и защищая выпускные квалификационные работы по актуальным проблемам международного публичного и частного права. Уровень приобретенных знаний позволил многим из них по окончании обучения продолжить образование и получить степень магистра права в университетах Австралии, Великобритании, Венгрии, Германии, Китая, Кореи, США и других стран.

Относительно вопроса об избирательности усвоения студентами материала в процессе изучения ими курса международного права следует отметить, что главным средством решения этой проблемы должно стать преподнесение информации об МП как о целостной и единой области знаний, все составные части которой находятся в тесном взаимодействии. Другими словами, преподавание курса МП должно быть методологически выстроено таким образом, чтобы студенты переходили к изучению специальных тем лишь после того, как для них не останется «темных пятен» в сфере главных «особенностей» МП (предмет, источники, субъекты, место среди других систем права и прочих нормативных конструкций, нормотворческий процесс, ответственность). Глубокое изучение этого блока тем и умение опереться на соответствующие понятия и принципы в процессе изучения «особенной» части курса станет для студентов своего рода «универсальным ключом», который позволит им без проблем открыть любые «кладовые знаний» об МП.

Несмотря на то, что процент органов и организаций, испытывающих реальные потребности в специалистах по международному праву, на Дальнем Востоке России все еще недостаточно высок, многие выпускники, работающие по специальности, имеют достаточно хорошую юридическую практику в области международного публичного и частного права. Это касается как работников юридических отделов крупных транспортных и инвестиционных компаний, так и специализированных фирм, оказывающих услуги иностранным предпринимателям из Японии, Кореи, США, Китая, ведущим свой бизнес в данном регионе. Представляется, что с каждым годом по мере возрастания потенциала Владивостока как крупного промышленного, научного, культурного центра и форпоста России в динамически развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе потребность в специалистах-международниках здесь будет неуклонно возрастать.

ДВГУ единственный из вузов Приморского края имеет лицензию на подготовку магистров юриспруденции по направлению «Международное право. Европейское право». С прошлого года мы готовим аспирантов по международному частному праву и планируем открыть аспирантуру по международному публичному праву. Так что со временем и эти формы подготовки специалистов найдут реальное воплощение в деятельности нашего института и университета.

И.С. Марусин: Вероятно, вопрос об эффективности преподавания международного права лучше поставить самим студентам. Проверок остаточных знаний мы не проводим. С моей точки зрения, главной задачей обучения является не запоминание конкретных положений конкретных норм, многие из которых неизбежно забудутся или изменятся со временем, а привитие молодым людям умения изучить, обобщить и запомнить конкретный правовой материал (в нашем случае – международно-правовой). Если студент смог справиться с этим в период обучения, подтверждением чему является сдача им экзамена, то он сможет справиться с этим и тогда, когда этого потребует от него практическая деятельность, независимо от происшедших изменений.

6. Каковы главные формы контроля получаемых студентом знаний? Какие Вы видите здесь основные проблемы? Как Вы решаете эти проблемы? Как проводится экзамен по международному праву в Вашем вузе?

В.В. Гаврилов: Наряду с проведением обычных устных экзаменов по результатам изучения курса МП в ДВГУ реализуется практика проведения занятий в форме коллоквиумов, оценки знаний студентов при помощи тестеров, выполненных на бумажном и электронном носителях. Кроме того, на практических занятиях постоянно практикуется проведение контрольных опросов по проблемным блокам, проведение ролевых и деловых игр и т.п.

Главной проблемой здесь считаю повсеместное совмещение в вузах России элементов «рейтингово-модульной» и «лекционно-экзаменационной» систем преподавания и оценки знаний по одному и тому же предмету в рамках одного и того же временного периода, и не только по международному праву. Между тем, эти системы не совместимы в принципе. Поэтому студент, не посещавший, например, занятия, проводившиеся по «рейтингово-модульной» системе, не может быть допущен к сдаче итогового экзамена по предмету в обычной устной форме. Однако по ряду соображений педагогического, административного или финансового характера эта практика реализуется вузами довольно часто, напрочь разрушая саму идею модуля и рейтинга.

Другими словами, стремясь перенять методику преподавания юридических и, в том числе, международно-правовых дисциплин, существующую в Западных странах без соответствующей подготовки преподавателей, а также выверенного и скоордини-

рованного методического обеспечения этого процесса, мы добьемся не повышения, а существенного понижения качества преподавания и усвоения материала по МП.

И.С. Марусин: Главной формой контроля является экзамен. Экзамен проводится в письменном виде. Учащимся предлагается ответить на теоретические вопросы, входящие в программу курса, которые в первую очередь должны показать знание ими основных положений курса.

Р.Ш. Гарипов: Экзамен проводится в традиционной форме с экзаменационными билетами. Во время промежуточного контроля знаний применяются тестовые и практические задания.

7. Каковы типичные ошибки, допускаемые студентами при изучении курса международного права? Каковы, на Ваш взгляд, их причины и пути их преодоления?

В.В. Гаврилов: Постоянно встречающиеся попытки подходить к изучению международного права с позиций права национального и с инструментарием отраслевых юридических дисциплин. Эта проблема может быть преодолена лишь путем детального, наглядного и постоянного выявления и анализа «общего» и «специфического» в системах МП и ВП в процессе обучения.

И.С. Марусин: Главной причиной неудачи при сдаче экзамена по международному праву является, по моему мнению, в первую очередь недостаточная подготовка студентов, вызванная нехваткой времени, самоуверенностью или нежеланием прилагать определенные усилия. В некоторых сравнительно редких случаях можно говорить и просто о неспособности данного студента справиться с материалом.

8. Каковы особенности преподавания международного права в Вашем вузе?

В.В. Гаврилов: С момента образования в рамках юридического института ДВГУ международно-правового факультета кафедрой международного права и преподавателями некоторых других кафедр ЮИ ДВГУ для его студентов, помимо классических курсов международного публичного и международного частного права, был разработан и читался цикл специальных курсов международно-правовой направленности, в число которых входило 17 дисциплин (включая альтернативные дисциплины для отделения международного морского права). Их основная цель состояла в обучении студентов основам правового регулирования международных отношений различного уровня и характера. Кроме того, большое внимание уделялось изучению таких предметов, как «профессиональный английский» и факультативные курсы по иностранному языку.

С принятием решения о реорганизации структуры ЮИ ДВГУ перечень дисциплин международно-правовой специализации был кардинальным образом пересмотрен и с сентября 2009 г. выглядит следующим образом:

4-й курс (7-й семестр)

- права человека и международное право
- международное гуманитарное право

4-й курс (8-й семестр)

- международное морское право // международное рыболовное право
- правовое регулирование иностранных инвестиций
- международный коммерческий арбитраж // морские перевозки

5-й курс (9-й семестр)

- международный уголовный суд // арест и обременения морских судов
- европейское право

- международные сделки
- дипломатическое и консульское право
- проблемы теории международного права

9. Каковы главные проблемы преподавания отдельных отраслей международного права в качестве спецкурсов («Международное гуманитарное право», «Международная защита прав человека» и др.)?

В.В. Гаврилов: Слабая методическая обеспеченность. После завершения изучения специального курса студент должен стать своеобразным экспертом в соответствующей области. Для этого он должен изучить и надлежащим образом проанализировать основные подходы к данному вопросу, существующие в российской и зарубежной специальной литературе, нормативные источники, а также практику национальных и международных судов и других органов по рассмотрению споров. В реальности же в большинстве случаев мы имеем дело с традиционными лекциями преподавателей, с большим или меньшим успехом пересказываемыми ему впоследствии на зачетах и экзаменах студентами. Эта практика может быть изменена посредством подготовки и издания ведущими школами МП России полноценных учебно-методических комплексов по специальным международно-правовым дисциплинам с их последующим распространением на электронных и бумажных носителях среди преподавателей и студентов юридических факультетов России, создания электронной базы данных отечественных и зарубежных публикаций по МП, организации тренингов и методических конференций для преподавателей и т.п.

Р.Ш. Гарипов: Основной проблемой является отсутствие или нехватка соответствующей литературы.

10. Какие темы Вы бы хотели поднять и провести по ним общероссийскую дискуссию в области преподавания международного права на страницах «Казанского журнала международного права»?

В.В. Гаврилов: Очень важным считаю изучение возможности и эффективности включения в учебные планы особенностей преподавания межпредметных специальных дисциплин на стыке международного и национального права, а также межотраслевых дисциплин внутри самого МП, затрагивающих насущные проблемы позиционирования современной России в международном сообществе, а также глобальные проблемы современности (например, «Россия и правовое обеспечение энергетической безопасности», «Международное право и вызовы современности» и др.).

И.С. Марусин: Мог бы предложить следующую тему для дискуссии: как преподавать международное публичное право в условиях, когда для основной массы студентов не только история международных отношений последнего десятилетия (не говоря уже о прошлом веке), но и современные внешнеполитические реалии остаются почти целиком неизвестными?

Уважаемые преподаватели международного права!

Просим Вас принять участие в ответах на вопросы данного Вопросника и направлять их в адрес редакции.

ВОПРОСНИК

по проблемам преподавания международного гуманитарного права

Данный Вопросник преследует цель составления долгосрочной программы работы «Казанского журнала международного права» в области предложения и обсуждения путей решения главных проблем преподавания международного права в Российской Федерации. Просим всех читателей «КЖМП» не только самим откликнуться на наш призыв, но и передать нашу просьбу прислать ответы на данный Вопросник Вашим коллегам по кафедре и коллегам в других вузах Вашего города.

1. Каковы, на Ваш взгляд, цели преподавания международного права в юридическом образовании в России?

2. Какие бы Вы выделили главные проблемы преподавания международного права в современной высшей школе РФ?

Каковы возможные пути преодоления этих проблем?

3. Каковы должны быть межпредметные связи между курсом международного публичного права и другими предметами?

Каков Ваш личный опыт (опыт Вашего вуза) в решении проблемы межпредметных связей?

Применяют ли студенты знания, полученные после изучения курса международного права, при изучении других учебных курсов?

4. Каковы главные мотивации изучения международного публичного права для сегодняшних студентов юридических вузов? Как Вы решаете проблему мотивации?

5. Какова эффективность преподавания международного права в Вашем вузе?

а) Проводите ли Вы проверки остаточных знаний и каковы их результаты?

Какие темы запоминаются студентами лучше, а какие – хуже? В чем, на Ваш взгляд, главные сложности в данном вопросе и каковы пути их преодоления?

б) Какова эффективность преподавания международного права в Вашем вузе после окончания студентами их обучения?

Применяют ли они нормы международного права в своей практической деятельности?

Каково место в практической работе Ваших выпускников знаний, полученных в вузе, и знаний, полученных из иных источников (самообразование, дополнительное образование, аспирантура, повышение квалификации и т.д.)?

6. Каковы главные формы контроля получаемых студентом знаний?

Какие Вы видите здесь основные проблемы?

Как Вы решаете эти проблемы?

Как проводится экзамен по международному праву в Вашем вузе?

7. Каковы типичные ошибки, допускаемые студентами при изучении курса международного права?

Каковы, на Ваш взгляд, их причины и пути преодоления?

8. Каковы особенности преподавания международного права в Вашем вузе?

9. Каковы главные проблемы преподавания отдельных отраслей международного права в качестве спецкурсов («Международное гуманитарное право», «Международная защита прав человека» и др.)?

10. Какие темы Вы бы хотели поднять и провести по ним общероссийскую дискуссию в области преподавания международного права на страницах «Казанского журнала международного права»?

Шамба С.М. - министр иностранных дел Республики Абхазия. Россия – Абхазия: история и современность

Хутаба Д.В. (Абхазия). Вопросы международно-правового признания Абхазии и Южной Осетии

Беседа с автором книги «Признание Россией Южной Осетии и Абхазии»
к.ю.н. А.Г. Аршевым

Россия – Абхазия: история и современность

Шамба С.М.¹

Абхазия в XIX веке – время борьбы Российской и Турецкой империй за влияние в регионе

Последовательная и наступательная политика России на Западном Кавказе, в частности в Абхазии, начала развиваться еще в XVIII веке, вслед за утверждением России в Восточной Грузии, где уже в 1801 г. было упразднено Картлийско-Кахетинское царство.

С приходом к власти в Абхазии владетельного князя Келешбея Чачба-Шервашидзе, мудрого и харизматичного политика, вектор сближения с Россией стал увеличиваться. Осознавая ответственность перед своим народом и, в то же время, видя возрастающее внимание к региону соседних могущественных держав, он долгое время успешно лавировал между интересами Турции и России.

В 1803 г. Келешбей сделал первый формальный шаг к сближению с Россией, намереваясь с ее помощью избавиться от протектората Турции. В 1806 г. владетельный князь обратился с просьбой о принятии Абхазии в подданство России, но император Александр I медлил с решением этого вопроса. В разразившейся Русско-Турецкой войне 1806-1812 гг. Россия пыталась использовать Келешбея в своих интересах. Так, в 1807 г. 60-летнему князю было предложено отбить у турок крепость Поти, но он уклонился от активных действий, понимая, что может понести большие потери. Вместе с тем, собрав 25-тысячное войско, Келешбей пресек попытки Турции высадить десант в Абхазии.

Вскоре после гибели владетельного князя Абхазии, а именно 12 августа 1808 г., его сын, Сефербей (Георгий) Шервашидзе, обратился к императору с новыми «просительными пунктами» о принятии в подданство России, и 17 февраля 1810 г. Александр I утвердил этот документ, признав Георгия «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи»². Однако для того чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря, необходимо было еще выбить из этого региона турок, а, как известно, их влияние и

¹ Министр иностранных дел Республики Абхазия.

² Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – Верден, 1913. – С. 5-7.

распространение здесь было достаточно серьезным (турки называли Сухум старым Стамбулом).

Борьба двух империй, продолжавшаяся более 50 лет, была беспощадна и кровава, и прежде всего для того населения, которое здесь проживало. Однако мнение некоторых радикально настроенных национал-патриотов о том, что Россия воевала с народами Западного Кавказа, ошибочно, так как очевидно, что Российская империя воевала не с народами, а с Турцией за влияние в этом регионе. Обе империи являлись одними из самых могущественных сверхдержав того времени, перед ними стояли великие исторические задачи, поэтому борьба за территориальное господство между ними была неизбежна.

Как известно, в мае 1812 г. был заключен Бухарестский мир, по которому Россия приобрела все побережье Абхазии и Мегрелии, тем самым ей удавалось укрепить безопасность Крыма, а, кроме того, решила главную стратегическую задачу России – Наполеон лишился турецкого союзника.

В 1829 году был заключен Адрианопольский трактат, согласно которому Порты отказывалась в пользу России от всего восточного побережья Черного моря и уступала ей черкесские земли. Однако эта уступка имела значение только на бумаге. На деле же Турецкая империя не прекращала попыток вернуть Абхазию и весь Южный Кавказ под свой протекторат. Этот регион всегда являлся стратегически значимым (как известно, здесь проходил Великий шелковый путь), и Турции было важно отсечь коммуникации, связывающие Россию с Южным Кавказом, а также с Западом. В этой связи можно провести параллель и с недавними событиями. В современной истории Кавказа мы также наблюдаем борьбу сверхдержав за стратегически важную в геополитическом смысле часть Черноморского побережья.

Однако вернемся к истории взаимоотношений России и Абхазии, которые, как известно, особенно в XIX веке, были весьма неоднозначны. Очевидно, что как притязания Турции, так и России воспринимались народами, исторически проживавшими на данной территории, как посягательство на национальную, в пределах целой этнической группы, независимость. Кроме того, именно в этот исторический период Западный Кавказ оказался без реального лидера, способного принимать самостоятельные решения и консолидировать адыго-абхазское общество. Разлад в элите, раскол в обществе, отсутствие предводителя, способного взять в руки управление своим народом, привели к внутренней борьбе. Как известно решение глобальных национальных проблем, вопросов войны и мира зависело в то время от высшего сословия, которому традиционно доверяли крестьяне. Но князья и дворяне разделились во мнениях, а национального лидера, пользовавшегося всеобщим уважением, а главное широким доверием, уже не было. Таким образом, можно говорить о том, что именно в результате несогласованных действий и неправильно выбранного вектора и произошел массовый исход абхазо-адыгских субэтносов из своих земель.

В данном вопросе необходимо также учитывать этнопсихологическое состояние народа, не желавшего признавать чью-либо власть, оказавшегося без реального лидера между молотом и наковальней, интересами Российской империи, с одной стороны, и Османской – с другой. Примечательно в этой связи высказывание турецкого офицера о политике Порты на Кавказе, которое в равной степени верно и в отношении политики царской России: «В Константинополе умы были затемнены до такой степени, что там не различали творимого на Кавказе и играли с судьбой целого народа... Стремясь

поддержат черкесов, начинают с уничтожения их социального и политического быта; подстрекая на борьбу с русскими, в то же время отрезают им путь отступления»¹.

Мы часто занимаемся мифологизацией того действительно страшного периода в нашей истории и героизацией народа, закрывая глаза на факты. А факты, исторические и документальные материалы, военная публицистика XIX века свидетельствуют о том, что в регионе шла борьба не народов, а империй за сферы влияния и территориальное господство. Народы Западного Кавказа оказались заложниками времени, заложниками великого передела. Еще одним подтверждением тому служит появление здесь англо-французских агентов, которые обещали горцам «избавить» их навсегда от русских, если они примут покровительство Англии. Народы Западного Кавказа оказались на пути столкновения интересов более могущественных держав, которое решало глобальные стратегические задачи. Так было на протяжении всей истории наших народов. Именно поэтому поколения горцев воспитывались войнами. Извлекая уроки из прошлого, нам необходимо двигаться дальше.

Сегодня, когда интересы мировых сверхдержав вновь сталкиваются в регионе, нам необходимо вести взвешенную, более прагматичную политику. Героическая история наших народов всегда была связана с мировыми цивилизационными процессами, однако горький опыт научил нас, что силой одного лишь оружия невозможно добиться благополучия народа. Государственность необходимо строить на основе добрососедства и взаимного доверия.

Абхазия конца XIX – начала XX века – борьба за выживание

В течение 30-ти лет, с 1877 г. по 1907 гг., абхазы за неоднократные возмущения и бунты считались в царской России «виновным населением». До 1864 г. однородная в этническом отношении страна во второй половине XIX в. подверглась колонизации не только со стороны русских, греческих, армянских, болгарских, немецких, эстонских и других новопоселенцев. Начиная с 70-80-х годов XIX в. из прилегающих районов Западной Грузии сюда хлынули представители картвельских народов, в основном мегрелы. Тогда же, в 1877 г., в газете «Тифлисский вестник» появляется программная статья грузинского общественного деятеля Якова Гогебашвили. В ней, в частности, говорилось, что «мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев»². В результате стремительных процессов перемещения населения этнодемографическая ситуация в стране резко изменилась. Так, если в 1886 г. абхазы составляли 85,7% населения, то в 1897 г. – лишь 55,3%.

Картвельская колонизация Абхазии оказалась настолько бурной, что насторожила царские власти. Русские интересы в Абхазии напрямую столкнулись с грузинскими. Грузия воспользовалась результатами войны для достижения собственных интересов. Представители грузинской церкви, интеллигенции, различных политических партий и течений все отчетливее предъявляли свои притязания на Абхазию.

В период революционных событий в России грузино-абхазские противоречия до крайности обострились. Абхазы воспринимали все происходящее на их родине как «грузинскую революцию» и выступили на стороне правительства против этих «революционеров».

В 1907 г. по инициативе председателя правительства России П.А. Столыпина, специальным указом Николая II с абхазов была снята «виновность». С этого момента отношения с Россией стали еще ближе. В лице Абхазии Россия увидела надежного

¹ Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сб. – Тифлис, 1877. – Т. II. – С. 169.

² Тифлисский вестник, 1877 г.

партнера и союзника. И не раз жители Абхазии доказывали России свою преданность, оказывали помощь в самые трудные времена, о чем свидетельствует и участие абхазских ополченцев в Первой мировой войне, с храбростью и рвением бросившихся защищать от врага дружественные ей народы. По свидетельству источников, во время Первой мировой войны в кавказской конной дивизии абхазских добровольцев воевало 500 человек. Абхазскую сотню (условное название боевой части) называли сотней крестоносцев, так как все всадники были удостоены боевых наград. Сила духа и смелость отважных горцев впечатляли как русских исследователей, так и самих военных. Российские исследователи отмечали, что среди тех, кто воевал за российскую армию, много было сыновей врагов России, отстаивающих честь Российского государства как свою собственную.

Граф Палецкий, в частности, отмечал: «...дивизия побывала на фронтах германском, галицийском и румынском и везде проявляла чудеса храбрости ... дивизия понесла за время своей боевой деятельности много потерь... Но кавказские горцы держались и держатся до сих пор с огромным мужеством и непоколебимой твердостью. Это одна из самых надежных войсковых частей – гордость русской армии. Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны. И вот вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать... Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу»¹.

После распада Российской империи Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа и Юго-Восточный Союз. 8 ноября 1917 г. на съезде в Сухуми был избран парламент – Абхазский Народный Совет, который принял Конституцию и Декларацию абхазского народа. 11 мая 1918 г. на Батумской международной мирной конференции была провозглашена «Горская республика» (Северо-Кавказская республика). Вместе с Дагестаном, Чечней, Осетией, Кабардой в эту федерацию вошла и Абхазия. Тем самым была восстановлена Абхазская государственность, утерянная в июне 1864 г.

Однако в июне 1918 г., в нарушение всех договоренностей, войска только что (26 мая 1918 г.) провозглашенной Демократической республики Грузия при прямой военной поддержке императорской Германии оккупировали территорию Абхазии. Правительство Горской республики выразило Германскому правительству и Грузии резкий протест и расценило эти действия как акт агрессии против Абхазии и всего Северо-Кавказского государства. Политика меньшевистского правительства Грузии вызывала крайнее недовольство многонациональной Абхазии, что и облегчило установление здесь советской власти 4 марта 1921 г. Новый режим воспринимался как избавление от репрессий и вооруженного вмешательства Грузинской республики.

Абхазия в составе Советского государства – XX век

31 марта 1921 года Ревком Абхазии принял Декларацию об образовании Социалистической Советской Республики Абхазия (ССР Абхазия), были разработаны и утверждены флаг, герб, Конституция республики. Однако в 1931 году статус Абхазии как ССР, находившейся в договорных отношениях с Грузинской ССР, был по воле Сталина снижен до уровня автономной республики, и она была введена в состав Грузинской ССР. Реакцией на это решение был массовый 20-тысячный народный сход в с. Дурипш. Кстати, абхазы стали единственным народом в СССР, который осмеливался на массовые народные выступления по политическим мотивам в 1931, 1947, 1956,

¹ Агуажба Р. Абхазы в Первой мировой войне // Журнал Абаза. – 2006. – №26. – С. 30-32.

1967, 1978, 1980, 1989, 1991 гг., требуя восстановления статуса союзной республики. Акт инкорпорации Абхазии в Грузию ознаменовал собой начало целой серии мероприятий по насильственной ассимиляции абхазов, о последствиях которой всем хорошо известно.

К концу 40-х гг. от абхазской политической и культурной автономии мало что осталось. В такой обстановке Абхазия встретила начало Великой Отечественной войны, в которой население Абхазии приняло самое активное участие. Более 55 тыс. жителей Абхазии, из них 18 тыс. абхазов, самоотверженно сражались на фронтах. 22 воина Абхазии были награждены званием «Героя Советского Союза».

В последующий период государственность Абхазской АССР носила по существу формальный характер, и это при том, что согласно Конституции СССР автономные республики обладали исключительным суверенитетом на свою территорию. Кроме того, автономные республики, согласно Конституции Союза ССР, участвовали в решении вопросов, отнесенных к компетенции Союза ССР через высшие органы государственной власти и управления Союза ССР, из чего следует, что они одновременно являлись субъектами СССР. В Законе СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» от 26 апреля 1990 г. прямо говорится, что «Автономные республики – советские социалистические государства, являющиеся субъектами Федерации – Союза ССР». Таким образом, несмотря на то, что Абхазия являлась автономной республикой в составе ГССР, отношения между Грузией и Абхазией носили характер взаимоотношений между государствами – субъектами СССР.

В последние годы существования СССР власти Грузии начали процесс, направленный на выход Грузии из состава СССР. Этот процесс сопровождался крайне националистической пропагандой. Лидеры национальных движений Грузии выступали с публичными призывами к ликвидации автономной государственности Абхазии. Это обстоятельство вызывало серьезную обеспокоенность не только у абхазов, но и у всего негрузинского населения Абхазии.

В период с 1989 по 1991 гг. Верховный Совет Грузии в одностороннем порядке принял ряд решений, согласно которым органы государственной власти ГССР, а, следовательно, и государственно-правовые акты, принятые ими, провозглашались нелегитимными и не имеющими юридической силы. В свою очередь, Верховный Совет Абхазской АССР, осознавая, что такие действия ставят под угрозу государственность Абхазии, 25 августа 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазии и Постановление о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии, что и послужило поводом к развязыванию войны, которая стала еще одной трагедией для нашего народа.

По окончании боевых действий Абхазия и Грузия начали при посредничестве Российской Федерации, ООН и при участии СБСЕ переговоры, одним из главнейших вопросов которых был вопрос об их дальнейших взаимоотношениях. В дальнейшем, вплоть до событий августа 2008 года, Россия оставалась посредником в конфликте, миротворческие силы Российской Федерации выполняли возложенную на нее руководством страны миссию по линии разведения и долгое время являлись гарантом невозобновления войны. Регулярно в течение послевоенных лет Грузия под разными предлогами предпринимала попытки замены миротворческих сил России на войска НАТО. В Тбилиси постоянно говорили о необходимости интернационализации урегулирования конфликтов, правящая верхушка Грузии для сохранения событий в своей стране в фокусе постоянного международного внимания предпринимала различные

меры и делала все, чтобы изменить формат присутствия России на Кавказе. Грузия полностью консолидировалась с силами, которые задались целью создания на Кавказе агрессивно-враждебного России государства (в том числе шел прямой шантаж России усилением Чечни в расчете на уступки в Абхазии). Однако власти Абхазии принципиально стояли на своих позициях и не допустили внедрения НАТОвских сил в регион.

XXI век – политика России в отношении Абхазии и Южной Осетии – новый расклад сил в регионе

Переломным моментом в истории наших взаимоотношений стало признание Российской Федерацией независимости Республики Абхазия в августе 2008 года. Это событие повлияло не только на внутреннюю ситуацию в нашей стране, но также оказало особое влияние на процессы, происходящие в мировой политике. Если в начале XXI века более четко в регионе определялись интересы США, то сегодня расклад сил изменился.

Не случайно российские эксперты и политологи называют решение России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии отвечающим целям защиты национально-государственных интересов России, считают, что данный шаг укрепит права России на контроль над всей территорией Кавказа. Россия приступила к выработке и применению комплексной всеобъемлющей и долгосрочной геостратегии в регионе, и Абхазия может стать связующим, объединительным звеном на пути к укреплению Россией своих позиций в регионе в целом.

Что же касается интересов Запада здесь, то известный американский политолог Ариэль Коэн довольно четко выразил американские подходы к урегулированию конфликтов на Кавказе. Их определяют, прежде всего, заинтересованность в энергоресурсах Каспийского бассейна, желание изолировать Закавказье от влияния России, поддержание интересов основных своих партнеров – Турции и Израиля. В этом контексте рассматриваются и стратегические интересы США, направленные на обеспечение гарантий независимости и территориальной целостности Грузии, Азербайджана и Армении.

Если Грузия станет членом НАТО, Абхазия и Южная Осетия приобретут для России в дальнейшем большую важность в качестве буферных зон. Мы стоим на пороге возникновения новых политических реалий в международных отношениях. США продолжают считать себя единственной сверхдержавой, а Европа остается основной ареной международных интересов Америки. Именно изменение соотношения сил на европейском континенте, в конечном итоге, и будет иметь решающее значение в том, кто будет главенствовать в мире, – такого общее представление о расположении сил.

Политика Турции на современном этапе

Турция исторически и демографически всегда была вовлечена в события на Кавказе. Что касается современного этапа, то с 1991 года Турция считала Грузию ценным стратегическим партнером. Связано было подобное тесное партнерство с тем, что Грузия рассматривалась в качестве экономически важного союзника, т.к. она представляла канал для транспортировки каспийских энергоресурсов на международные рынки через Турцию, минуя Россию и Иран. Напомню, что США и Великобритания, лоббировавшие и финансировавшие проект, в качестве его обоснования выдвинули идею о необходимости диверсификации маршрутов экспорта энергоносителей и стабилизации мирового энергетического рынка. Делалось это в расчете на то, что транспортировка значительных объемов нефти, которая могла бы осуществляться через территорию России по существующему нефтепроводу «Баку – Новороссийск», теперь

будет производиться в обход России, что позволило бы снизить ее влияние в регионе. Американцы же не только получали альтернативный Персидскому заливу источник нефти, но и расширяли зону своего влияния. (Существует даже мнение о том, что поощрение и подпитка зарубежными финансовыми вливаниями сепаратистских сил в Чечне имели в качестве одной из своих целей именно сохранение напряженности на одном из участков нефтепровода «Баку – Новороссийск», что обеспечивало поддержание заинтересованности Азербайджана в создании альтернативного маршрута для экспорта нефти.)

Проекты нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан», газопровода «Баку Тбилиси – Эрзурум» и железнодорожного сообщения «Баку – Тбилиси – Карс» имели целью укрепить связи Турции с Кавказом и Каспийским бассейном. Таким образом, в условиях, когда Грузия была включена в эти проекты в качестве ключевого игрока, необходимость поддержки политики Грузии не подлежала обсуждению, даже во время гражданской войны в Грузии и войны с Абхазией и Южной Осетией. По той же причине турецкие военные содействовали грузинским партнерам в их стремлении соответствовать стандартам НАТО в военной и оборонной областях, что являлось обязательным требованием для вступления в альянс.

Однако все это могло поставить на карту отношения Турции с Россией – важнейшим мировым экономическим и энергетическим партнером. Наблюдаемая в последнее время прагматичная, взвешенная политика Турции, особенно в отношении с Россией, не может не вызывать оптимизма. Многие аналитики и дипломаты отмечают, что Турция начинает занимать самостоятельную позицию, особенно в отстаивании собственных интересов. В июле 2008 года состоялся официальный визит в Турцию министра иностранных дел России Сергея Лаврова. Российско-турецким переговорам в политических и государственных кругах обеих стран придавалось особое значение. Глава Турецкой Республики особо выделил важность укрепления регионального сотрудничества Москвы и Анкары, которое, по словам Абдуллах Гюля, является сегодня важным фактором сохранения стабильности в Евразии и мире в целом.

В мае сего года премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган встретился в Сочи со своим российским коллегой Владимиром Путиным. Экс-министр иностранных дел Турции Хикмет Четин связывал сочинский визит главы правительства в основном с проблематикой общекавказского урегулирования, в котором обозначилась активизация деятельности США, ОБСЕ, НАТО, однако аналитики небезосновательно связывали причины встречи с желанием Турции, с одной стороны, сохранить российский проект «Голубой поток», а с другой – со стремлением не утратить NABUCCO. Анкаре необходимо взвешенно реагировать и оперативно подстраиваться к быстроменяющейся ситуации как на Кавказе, так и в Европе, чтобы грамотно, а главное вовремя, принимать необходимые решения.

Власти Турции разобрались и адекватно отреагировали на события августа 2008 года, когда в акватории Черного моря возникло противостояние Российского и НАТОвского флотов. По сути, Турция оказалась в эпицентре североатлантических и российских противоречий, однако, проявив принципиальность и несмотря на свое членство в Североатлантическом альянсе, не позволила нарушить положения так называемой «конвенции Монтре», согласно которой существуют определенные ограничения для входа в акваторию Черного моря флотов нечерноморских стран. Тем самым Турция дала миру сигнал о том, что она готова вмешиваться в экономические и политические процессы на Кавказе, если того требуют интересы страны, даже если это идет вразрез с продвижением евро-атлантических интересов в регионе.

В Турции продолжает активно функционировать Кавказский Комитет солидарности Абхазии, который занимается проблемами наших соотечественников, защищает интересы Республики Абхазия в высших эшелонах власти Турецкой Республики. Турецкое правительство благодаря лоббированию диаспоры даже в условиях жесточайшей блокады послевоенных лет закрывало глаза на доставку морем в Абхазию самых необходимых грузов. Власти понимают, что в Турции проживает многочисленная абхазо-адыгская диаспора, немалое количество граждан Турции вложили деньги в Абхазию и участвуют в коммерческой деятельности, поэтому она не может оставаться в стороне от тех процессов, которые происходят сейчас в Абхазии. Кроме того, существует значительный потенциал для развития экономических связей между Абхазией и Турцией, особенно в тех областях, где Турция занимает сильную конкурентоспособную позицию – туризм, строительство, логистика, розничная торговля, коммуникации, пищевая промышленность. Абхазия также может предоставить плацдарм для выхода на процветающие и быстрорастущие рынки РФ и других стран региона. Осознавая это, премьер-министр Турции Т.Эрдоган обозначил новый внешнеполитический подход страны, представив инициативу создания Кавказской платформы стабильности и сотрудничества, которую приветствовали практически все страны региона. Данный союз должен включать представительство всех народов, этнических групп и регионов.

Турция имеет близкие исторические, стратегические, экономические и этнические связи со всеми странами Кавказа, и ей необходимо принимать это во внимание. Уже сегодня Турция могла бы оказывать Абхазии различную помощь и инвестировать в экономику. Гуманитарная поддержка не получит какого-либо нарекания ни со стороны внутренних лоббистских групп, ни со стороны России, ни даже со стороны Евросоюза. Турция может установить прямые экономические отношения с Абхазией, дать возможность студентам из Абхазии получать высшее образование в Турции, наладить прямое морское и воздушное сообщение с Сухумом, что будет служить, в первую очередь, интересам самой Турции. Нам предначертано быть соседями, и мы верим, что Турцию интересует не только стратегическое партнерство с Россией, но также установление цивилизованных, в том числе и политических, отношений с Абхазией, тем самым исправить исторические ошибки прошлого.

Россия и Абхазия – на пути более тесного сотрудничества

Признание Россией независимости Абхазии обозначило переход на новый, совершенно иной, уровень отношений, отношений на уровне независимых равноправных государств. На данном этапе мы занимаемся выработкой новых механизмов взаимодействия на межгосударственном уровне. Встала необходимость формирования институтов межгосударственных отношений.

Абхазия стремится к тесному сотрудничеству с Российской Федерацией, нашим ближайшим соседом и стратегическим партнером. Наша политика направлена на сотрудничество, в первую очередь, в области безопасности, экономики, образования. Россия является для Абхазии гарантом безопасности.

Россия также является нашим главным торгово-экономическим партнером. Мы продолжаем работу в направлении углубления взаимодействия с Российской Федерацией и одновременно стараемся установить партнерские отношения с остальным миром.

В ходе национальной освободительной войны 1992-1993 гг. Абхазия устремляла свой взор на Россию и несмотря на сложные, порой противоречивые, действия прежнего российского руководства, твердо стояла на своих позициях. Абхазская сторо-

на давала четкий сигнал, что ни при каких обстоятельствах не отступит от принятых решений, как если бы речь шла о защите собственного Отечества. Даже в условиях тяжелой блокады Абхазия продолжала демонстрировать стойкость в отстаивании своих позиций и демонстрировала свой неиссякаемый потенциал. Думаю, Абхазия за эти годы доказала свою состоятельность, и в первую очередь в качестве надежного партнера.

Абхазское царство достигло своего расцвета под крылом двуглавого орла Византийской Империи. Сегодня у нас есть шанс обрести возрождение под крылом двуглавого Российского орла. Наша политика направлена на сближение с нашими соседями, со странами, где проживает наша многочисленная диаспора. Абхазия может послужить мостом для сближения Турции и России.

Россия уже сделала свой выбор и заявила на весь мир о признании суверенитета и независимости Абхазии, выполнив исторически возложенную на нее ответственность, теперь очередь за Турцией, которая в равной степени разделяет ответственность за трагические события времен Русско-Турецкой войны.

Вопросы международно-правового признания Абхазии и Южной Осетии

Хутаба Д.В.¹

Вот уже более 15 лет мировое общественное мнение привлекают к себе небольшие республики на территории Южного Кавказа, многонациональное население которых категорически не желает жить и развиваться в составе Грузии (Абхазия и Южная Осетия). Эти республики продолжают существовать с начала 90-х годов XX века в качестве самостоятельных демократических образований, каждое из которых имеет все необходимые атрибуты самостоятельного государства: собственную обособленную территорию; собственное сплоченное многонациональное население, среди которого нет никаких распрей и религиозной нетерпимости; высшие органы государственной власти (главу государства, правительство, парламент, правоохранительные, судебные и другие государственные органы), образованные демократическим путем, как и в любом другом свободном государстве, которые эффективно контролируют территорию и общественный порядок, поддерживают экономическую и политическую стабильность и пользуются поддержкой всего многонационального населения; небольшие вооруженные силы, вполне достаточные для обороны². На мой взгляд, эти государства уже давно наглядно показали мировому сообществу свое право на обретение независимости.

После прихода к власти З.Гамсахурдия в конце 1990 г. Верховным Советом Республики Грузия был объявлен переходный период по восстановлению государственной независимости Грузии, а 28 февраля 1991 г. был назначен референдум по вопросу восстановления государственной независимости Грузии на основании Акта о независимости от 26 мая 1918 г., что фактически являлось решением о выходе из СССР.

В конце 1980-х годов в Абхазии и Южной Осетии был самым грубым образом осуществлен переход к унитаризму. Такой недальновидный подход усилил напряжен-

¹ Аспирант кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета.

² Мелков Г.М. Ложь и правда о признании Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья // Новый взгляд. 2007. – № 2. – С. 64.

ность. То есть – и это важно подчеркнуть в связи с аргументами о территориальной целостности Грузии – отпадение этих двух территорий началось в период, когда она не была независимым государством¹.

Все документы, которые были приняты в то время Южной Осетией и Абхазией, были приняты на основе нормы действующего тогда Закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., принятого еще в период нахождения Грузии в составе СССР. В соответствии с этим Законом автономные республики в случае выхода Союзной республики из СССР обладали правом самостоятельно решать вопрос о пребывании в Союзе ССР и своем государственно-правовом статусе. Согласно ст. 3, «в союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе»².

В этом Законе предусматривались все условия, необходимые для получения суверенитета каждой союзной или автономной республикой СССР. Отделяющиеся союзные республики можно было считать конституированными в государства только в консенсусе либо учете интересов всех входящих в них народов и после процедур, обеспечивавших каждому народу на территории союзной республики, заявившей о желании независимости, возможность выбора государственной принадлежности³.

Восстановление государственной независимости Грузией, оформленное Актом независимости от 9 апреля 1991 г., фактически объявляло о выходе из СССР и преемстве Конституции от 26 мая 1918 г. Исторически сложилось так, что Советский Союз являлся преемником царской России, поэтому при выходе Грузии из СССР Грузия аннулировала Георгиевский договор 1783 г. и Манифест 1800 г. об упразднении Картли–Кахетинского царства. В соответствии с международным правом Грузия могла выйти в самостоятельное государственное образование только с той территорией, с которой она входила когда-то в царскую Россию.

В то же время Южная Осетия и Абхазия, оставаясь в правовом поле СССР, приняли участие в референдуме 17 марта 1991 г., в котором Грузия участия не принимала, высказались за сохранение СССР, что подтверждено Центральной Комиссией референдума СССР. Таким образом, возникли три государства: Грузия, объявившая о независимости, Абхазия и Южная Осетия, оставшиеся в составе СССР. Абхазия участвовала во всех переговорах касательно реформирования СССР. Понятно, что она не могла при этом быть одновременно и составной частью Грузии. В связи с этим признание ООН Грузии в пределах бывшей Грузинской ССР по состоянию на 21 декабря 1991 г. лишено правовых оснований.

До момента распада (21 декабря 1991 г.) СССР Абхазия оставалась его субъектом, в этом качестве она участвовала в переговорах, на которых решался вопрос реформирования СССР. Председатель Верховного Совета Абхазии до момента распада СССР по должности являлся членом Совета Федерации СССР и членом Президиума Верховного Совета СССР. В то же время Абхазия не принимала участия в выборах Президента Грузии и в работе ее органов власти. Совершенно очевидно, что Абхазия не могла

¹ Аксененок А. Самоопределение: между правом и реальной политикой // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 5.

² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. – 1990. – № 15. – С. 303.

³ Зпхаров В.А., Аршев А.Г. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии. История, политика, право. – М.: МГИМО, 2008. – С. 102.

одновременно являться субъектом и СССР, и независимой Грузии. Из этого следует, что к моменту принятия Грузии в ООН она не имела никакого отношения к Абхазии и признание ООН территориальной целостности Грузии в пределах границ бывшей ГССР на 21 декабря 1991 г. лишено правовых оснований. Накануне принятия Грузии в ООН Председатель Верховного Совета Республики Абхазия В.Ардзинба в своем письме на имя Генерального секретаря ООН информировал его о том, что между Абхазией и Грузией не существует государственно-правовых отношений и, что принятие Грузии в ООН в границах бывшей ГССР не правомерно. Однако это обращение было проигнорировано. Грузия была принята в ООН в этих границах, даже несмотря на то, что она уже совершила военную агрессию против Южной Осетии¹. После развала СССР в феврале 1992 г. Временный военный совет Грузии принял решение о переходе к Конституции Грузинской демократической республики 1921 г., в которой отношения с Абхазией не были определены. Вместе с тем, властями Грузии было заявлено, что отношения с Абхазией временно, до выработки новой модели, будут строиться на прежних принципах. Однако на момент принятия этого решения, как уже указывалось выше, государственно-правовые отношения между Абхазией и Грузией были разорваны, следовательно, это решение не могло распространяться на Абхазию.

Руководство Абхазии, учитывая тогдашние политические реалии, стремясь избежать вооруженной конфронтации, предложило Грузии восстановить прерванные государственно-правовые отношения на новой равноправной основе. 23 июля 1992 г. Верховный Совет Абхазии принял решение об отмене Конституции 1978 г. и переходе к Конституции 1925 г., согласно Главе II которой Абхазия являлась суверенным государством, субъектом международного права. Одновременно Парламент Абхазии обратился к руководству Грузии с предложением начать переговоры об установлении равносубъектных отношений на основе федеративного договора. Однако 14 августа 1992 г. войска Госсвета Грузии были введены в Абхазию, что и послужило началом войны.

В обоих конфликтах Грузия потерпела поражение.

После окончания боевых действий в Абхазии начались переговоры между сторонами. Посредниками в процессе урегулирования выступили ООН, Российская Федерация, СБСЕ. Организация Объединенных Наций взяла на себя обязательство по контролю над ситуацией в Абхазии. Она же, взяв на себя роль основного посредника в переговорном процессе с Грузией, выступала и главным гарантом выполнения конфликтующими сторонами принятых ими договорных обязательств.

Важнейшей задачей миротворчества было решение вопроса о дальнейших правовых взаимоотношениях сторон. В результате этих переговоров 4 апреля 1994 г. было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», которое зафиксировало отсутствие государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией².

В «Предложениях относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта» говорится: «Абхазия будет являться субъектом с суверенными правами в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного государства будет определено сторонами в ходе дальнейших пере-

¹ Камкия Б. Еще раз к историко-правовым обоснованиям независимости Абхазии // Эхо Абхазии. – 2006. – 19 дек. – № 50.

² Именно такая правовая оценка дана упомянутому Заявлению в Докладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1994 г. (S/1994/529) и «Предложениях относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта».

говоров. Стороны признают территориальную целостность государства, созданного в пределах границ бывшей Грузинской Советской Социалистической Республики по состоянию на 21 декабря 1991 г.». Тем самым ООН предложило Абхазии и Грузии создать новое союзное государство, а затем согласовать его название. Однако грузинская сторона начала отказываться от базового документа о создании равноправного общего государства. По инициативе руководства Абхазии Международной неправительственной организацией «Содружество юристов за сотрудничество в АТР» была проведена независимая правовая экспертиза Заявления от 4 апреля. В Заключении о правовой оценке и сущности «Заявления о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», подготовленного этой организацией, отмечается, что Заявление констатирует отсутствие государственно-правовых отношений между сторонами. Также говорится: «Как видно из текста Заявления, Сторонами достигнуто понимание о совместной деятельности в сферах внешней политики, пограничной и таможенной службы, энергетики, транспорта, связи, экологии, обеспечения прав человека. Эти сферы государственной деятельности свойственны только суверенному государству. Тем самым стороны в конфликте признали наличие таковых у каждой из них...». То есть грузинской стороной, ООН, Россией и ОБСЕ, подписавшими Заявление от 4 апреля, было признано наличие у Абхазии полномочий, присущих суверенному государству. Исходя из этого, экспертиза пришла к выводу, что Заявление от 4 апреля является международным (межгосударственным) договором. К аналогичным выводам пришел и доктор международного права из Брюсселя Б.Дриссен. В его «Правовой оценке действительности и интерпретации соглашений, подписанных в 1994 г.» также говорится, что Заявление от 4 апреля является международно-правовым договором, подписанным двумя государствами¹. Аналогичного мнения придерживается Р.Тузмухамедов. По его мнению, он является международным документом:

Во-первых, потому что после того как, в Грузии была отменена советская конституция, Абхазия была поставлена в положение государственно-правового вакуума (Абхазия не входила в состав Грузии и, естественно, не могла быть механически включена в конституцию сопредельного государства). В этой ситуации Абхазия, в свою очередь, временно и вынужденно восстановила свою Конституцию 1925 года;

Во-вторых, новые условия привели к тому, что обе стороны стали искать различные поддержки вовне как в рамках СНГ, так и в ОБСЕ и ООН. Такое развитие ознаменовалось прямым участием внешних сил в примирении конфликтующих сторон и в их переговорном процессе. Протоколно это выразилось в том, что под Заявлением в качестве «присутствующих» стоят подписи официальных представителей ООН (Э.Бруннер), ОБСЕ (В.Манно) и Российской Федерации (Б.Пастухов), а под Соглашением, но уже в качестве равноправных участников, наряду с Грузией и Абхазией – Российской Федерации и Верховного Комиссара по делам беженцев. Проблема, таким образом, интернационализировалась, обрела международные измерения.

В-третьих, в условиях продолжавшегося отсутствия конституции Грузии, а также в итоге полномасштабной абхазо-грузинской войны и в ходе переговорного процесса Абхазия 26 ноября 1994 года объявила себя независимым государством, приняв новую конституцию².

Благодаря участию международного сообщества вооруженные конфликты на территории бывшей ГССР на протяжении ряда лет были заморожены. Такое состояние давало возможность людям налаживать взаимоотношения, устраивать собственную

¹ Тужба В. Правовые аспекты грузино-абхазского конфликта: www.apsny.ru

² Цит. По: Цушба И. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. – Сухум, 2003.

жизнь. Однако конфликты так и не были урегулированы. Главным камнем преткновения на пути к их окончательному разрешению являлся правовой статус непризнанных (самопровозглашенных) государств. Абхазия и Южная Осетия требовали признания своей независимости.

Однако несмотря на годы относительной стабильности, в августе 2008 года конфликты в Южной Осетии и Абхазии разгорелись с новой силой. Новый конфликт привел к многочисленным жертвам среди мирного населения. Российская Федерация была вынуждена вмешаться в конфликт, защищая своих граждан в Южной Осетии и Абхазии.

После окончания активной фазы конфликта, 26 августа, Российская Федерация объявила о признании республик Южная Осетия и Абхазия независимыми государствами. Вслед за Россией о признании этих государств независимыми объявила Никарагуа.

Сегодня Южная Осетия и Абхазия признаны лишь тремя странами мира. Совсем недавно о признании Абхазии и Южной Осетии объявила Венесуэла. Однако заслуживает внимания еще один правовой момент. Также эти государства официально признают друг друга. В ноябре 2006 года, эти республики с участием ПМР в рамках созданной ими организации – Сообщества за демократию и права народов – взаимно признали независимость стран участниц.

По моему мнению, неоднократные факты вооруженной агрессии Грузии против народов Абхазии и Южной Осетии выводят Республику Грузия за рамки государств, имеющих право апеллировать в этих случаях к международному сообществу о защите их территориальной целостности. Данная апелляция невозможна как раз в силу того, что Грузия грубо нарушила ряд международно-правовых принципов:

- 1) принцип отказа от применения силы и угрозы силой;
- 2) принцип соблюдения прав человека и основных свобод;
- 3) принцип самоопределения народов.

Остальные государства и организации не признают эти республики независимыми и рассматривают в качестве административно-территориальных единиц Грузии.

Так, главы МИД семи членов «Большой восьмерки» (Франции, Германии, Италии, Японии, Великобритании, Канады и США) заявили, что «решение России заставляет сомневаться в ее приверженности миру и безопасности на Кавказе. Мы глубоко сожалеем о чрезмерном использовании Россией военной силы в Грузии и продолжающейся оккупации ряда ее регионов».

Также негативно к признанию Абхазии и Южной Осетии отнеслись страны Евросоюза. 1 сентября 2008 года на встрече глав государств и правительств государств – членов ЕС было принято заявление, которое, в частности, гласило: «Саммит ЕС жестко осудил одностороннее признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Данное решение неприемлемо, мы призываем остальные страны не признавать эту самопровозглашенную независимость и поручаем Еврокомиссии изучить практические последствия».

Председатель ОБСЕ, финский министр иностранных дел Александр Стубб заявил: «Признание независимости Южной Осетии и Абхазии нарушает основные принципы ОБСЕ. Как и все другие участники ОБСЕ Россия должна уважать суверенитет и территориальную целостность других стран».

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «признание независимости государства является личным делом каждой суверенной страны».

Терри Дэвис, Генеральный секретарь Совета Европы: «Одностороннее признание независимости Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией нарушает террито-

риальную целостность страны – члена Совета Европы. Оно ставит под вопрос перспективы договорного урегулирования вопроса о будущем статусе этих двух регионов. Россия не может противоречить сама себе. Ранее она активно поддерживала принцип территориальной целостности».

Ни одна страна – член СНГ до сих пор не признала независимости Абхазии и Южной Осетии.

Представитель МИД Азербайджана Хазар Ибрагим заявил, что «позиция Азербайджана остается неизменной. Мы признаем территориальную целостность Грузии».

4 сентября 2008 года Президент Армении Серж Саркисян заявил, что может признать независимость Абхазии и Южной Осетии только в случае признания Нагорного Карабаха: «Сегодня периодически звучит вопрос о том, почему Армения не признает независимость Абхазии и Южной Осетии. Ответ четок — по той самой причине, по которой в свое время Армения не признала независимость Косово. При наличии нагорно-карабахского конфликта Армения не может признать находящееся в аналогичной ситуации иное образование, пока не признала Нагорно-Карабахскую Республику».

19 сентября 2008 года позиция Армении была подтверждена в Минске послом Армении в Белоруссии Олегом Есаяном: «Признание независимости других государств без признания независимости Нагорного Карабаха — это нонсенс».

Министр иностранных дел Казахстана Марат Тажин заявил, что РК не поддерживает действия Грузии, однако не признает независимости Абхазии и Южной Осетии.

Правительство Молдовы заявило, что оно не думает, что в настоящее время международное признание Абхазии и Южной Осетии будет фактором, стабилизирующим ситуацию.

26 августа МИД Украины заявил, что подписанные Президентом России указы о признании независимости Южной Осетии и Абхазии являются грубым нарушением целого ряда норм и принципов международного права. «Это решение свидетельствует о том, что РФ открыто игнорирует свои обязательства не только как члена ООН, но и как постоянного члена СБ ООН. Фактическая аннексия части грузинской территории через создание и поддержание марионеточных режимов свидетельствует о реанимации в РФ доктрины «права силы» при решении международных проблем».

8 сентября Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко заявил: «Придет время, и мы, наверное, так же, как и в России, рассмотрим вопрос о признании Южной Осетии. У нас сейчас будут парламентские выборы, придет парламент, и они обратятся по вопросу Южной Осетии и Абхазии. Промолчать мы не сможем».

Депутаты белорусского парламента сообщили, что вопрос о признании будет рассмотрен, предположительно, весной 2009 года. Однако до сих пор вопрос с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии не решен.

Ряд де-факто государств (некоторые из них частично признаны), независимых правительств отдельных регионов выступили с собственными заявлениями с поддержкой признания Россией Абхазии и Южной Осетии.

В 2008 году Нагорно-Карабахская республика поддержала признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии.

28 августа власти Турецкой Республики Северного Кипра выступили с заявлением, в котором приветствуют независимость Абхазии и Южной Осетии и уважают волю к независимости народов этих республик.

Фронт Палисарио (Сахарская Арабская Демократическая Республика) поздравил народы Абхазии и Южной Осетии с признанием их независимости Россией.

В современном международном праве отсутствует какой-либо четкий ответ на вопрос: «Какое количество признаний необходимо для того, чтобы то или иное суверенное государство получило полный объем своей международной правосубъектности?», то есть определение перехода количества признаний в некое «качество признанности». Как известно, Тайвань признали более чем два десятка государств, Абхазия и Южная Осетия теперь уже признаны Россией, Венесуэлой и Никарагуа, при этом обе республики признали друг друга, однако Турецкую республику Северный Кипр официально признала одна только Турция. Все эти государства с точки зрения международного права являются частично признанными, однако ни одно из них не представлено в ООН.

Со стороны подавляющего большинства государств, а также международных организаций принято считать, что на территории бывшей Грузинской ССР существуют два непризнанных государства (Абхазия и Южная Осетия), но это не значит, что на указанных территориях вышеозначенные государства не осуществляют верховную государственную власть.

Процесс признания суверенитета может распространяться как на правосубъектность государства вообще, так и на признание обоснованности нахождения в его составе той или иной территории. Вопрос о том, что же первично – фактическая реализация суверенной государственной власти над определенной территорией или же международное признание некоего образования суверенным государством – не имеет однозначного ответа. Исторические примеры, в том числе из новейшей истории, показывают, что процесс образования независимого государства может идти как от фактического достижения способности осуществлять независимую власть на своей территории, так и от факта признания суверенитета государства, которое на момент этого признания всей совокупностью суверенных прав не обладает (бывшие республики СССР на момент прекращения существования страны, Македония, Босния, Герцеговина в Югославии, Палестина и т.д.)¹.

На протяжении истории меняется и значение обеих формул суверенитета: суверенитета, обретенного на основе фактического состояния, и суверенитета, обретенного в ходе процедуры признания. Обретение суверенитета через фактическое его достижение представляет собой в определенной мере силовой вариант, при котором политические структуры подобного государства, доказав свою жизнеспособность и возможность управления территорией и населением, как бы вынуждают международные организации, соседние государства принимать себя в качестве субъекта международного права².

Международное право не содержит норм, которые ограничивали бы суверенное право любого государства признавать другое государство, возникшее в результате самоопределения. Не содержит оно и норм, препятствующих признанию нового государственного образования в случае, если последнее отделяется от другого государства, невзирая на его несогласие. Но любое вмешательство одного государства в процесс самоопределения в другой стране, тем более оккупация или приобретение (полностью либо частично) самоопределяющейся территории, является, как уже говорилось выше, несомненным нарушением международного права.

Например, Турция признала так называемую Турецкую республику Северного Кипра, отколовшуюся от единой Республики Кипр. Само по себе признание являлось

¹ Цушба И. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. – Сухум, 2003.

² Барциц И.Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики. – М., 2000. – С. 140.

бы законным, но с точки зрения международного права противоправным было введение на Кипр турецких войск, обеспечивших возникновение в 1983 году сепаратистского государственного новообразования, что подрывало и правомерность самого самоопределения как такового. Другой схожий пример – признание де-факто Тайваня Вашингтоном, увязываемое с его активной военной поддержкой этого образования. Также и отделение Косово от Сербии – это не самостоятельная акция, поскольку сопровождается военным вмешательством извне, в том числе прямой агрессией. В таком же ключе многими странами воспринимается и результат последнего конфликта в Южной Осетии, однако в данном случае этими государствами не учитывается, что именно Россия выполняла миротворческую функцию.

Когда самоопределение фактически свершилось в рамках какого-либо иного государства, другие страны вольны определять для себя, признают ли они (в том числе, возможно, дипломатическим путем) новое возникшее государство. Признание имеет свои градации: различаются признание де-юре или де-факто, признание с оговорками, признание нации, борющейся за свою независимость, признание воюющей стороны и т.д. При этом признание де-факто может быть не только формальным, но и подразумеваемым – в частности, выражаться в заключении крупного двустороннего договора, например, о торгово-экономических связях, всесторонне определяющего отношения между двумя государствами. На мой взгляд, процесс дальнейшего признания Абхазии и Южной Осетии в большинстве случаев будет происходить именно в таких формах.

БЕСЕДА С АВТОРОМ КНИГИ «ПРИЗНАНИЕ РОССИЕЙ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И АБХАЗИИ»

Практически через несколько недель после признания Российской Федерацией двух новых государств вышла в свет книга А.Г. Арешева и В.Г. Захарова «Признание независимости Южной Осетии и Абхазии: история, политика, право» (М.: МГИМО МИД РФ, Центр кавказских исследований, 2008. – 359 с. ISBN:978-5-9228-0436-3.)

В данной книге, написанной историком и юристом, подробно рассматриваются исторический и политико-правовые аспекты грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Для читателей нашего журнала будет особенно интересен международно-правовой анализ ситуации. Ниже публикуются выдержки из книги и беседа зам. главного редактора КЖМП А.Мезяева с автором книги, научным сотрудником Института государства и права РАН А.Г. Аршевым.

Правовые аспекты грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов

С момента возникновения грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов вовлеченные в них стороны активно использовали правовые аргументы для подтверждения своей правоты. Характер конфликтов, в которых огромное значение имели вопросы правового статуса той или иной территории, народа или административно-территориальной единицы, обусловил подчеркнутое внимание сторон к правовой проблематике. В то же время низкий уровень правосознания, характерный для советской политической элиты, распространенность разнообразных этнократических мифов в грузинской, абхазской и осетинской среде, злоупотребление юридическими инструментами для обоснования своей точки зрения на ранних стадиях конфликтов

(так называемая «война законов») привели к «размыванию» той правовой базы, на которой можно было достичь урегулирования конфликтов. Кроме того, логику шагов, принимаемых той или иной стороной в правовом поле, нельзя не рассматривать в контексте бурных политических событий рубежа 1980-1990-х годов, которыми сопровождался распад единого государства – Российской империи в начале XX в. и Советского Союза в конце XX в.

В целом с правовой точки зрения можно выделить три периода в развитии конфликтов. Первый – стороны состязались на советском правовом поле. Вторым – использовались аргументы, почерпнутые из исторического наследия самостоятельного существования Грузии в 1918-1921 гг. Третьим – определяющую роль стали играть международно-правовые документы, выработанные в ходе попыток урегулирования конфликтов. К настоящему моменту в системах аргументов вовлеченных в конфликты сторон переплетаются доводы, использовавшиеся на всех трех этапах. Аргументация оказывается «многослойной». При этом она усложняется внеправовыми содержаниями и представлениями – вроде подспудно присутствующего в логике всех сторон концепта «этнической собственности на землю». Абхазская и югоосетинская стороны также нередко апеллируют к законодательному наследию Российской империи. По справедливому замечанию владикавказского исследователя Артура Цуциева, «этнополитические противоречия рубежа 1980-1990-х гг. формируют повышенный идеологический спрос на реконструкции «исконных границ», на обоснование приоритетных «исторических прав» на оспариваемые территории и/или групповые статусные позиции».

В то же время имеется ряд спорных и крайне запутанных вопросов, связанных с юридическим правопреемством. Так, в ряде работ можно заметить тенденцию рассмотрения современной Грузии, Грузинской ССР, Абхазской АССР, Юго-Осетинской АО, республик Абхазия и Южная Осетия в качестве прямых юридических правопреемников по отношению к царствам Картли и Кахетии, абхазскому княжеству, осетинским сельским обществам, существовавшим на южных склонах Главного Кавказского хребта в XIX в. На это можно заметить, что юридическую правопреемственность вряд ли целесообразно смешивать с научными или идеологическими концепциями преемственности исторической.

Обратим внимание на то, что уже с июня 1990 г. Грузия не считала себя связанной советским законодательством. Признание незаконными всех законодательных актов, принятых после февраля 1921 г., в глазах грузинского руководства вернуло ситуацию к периоду существования Демократической Республики Грузия (ДРГ). Отстаивая весьма спорный тезис о пребывании Абхазии и Южной Осетии в составе грузинской меньшевистской республики, в Тбилиси ориентировались на договор ДРГ с РСФСР от 7 мая 1920 г., а также на некоторые документы ДРГ, связанные с вопросом о статусе Абхазии.

Из договора от 7 мая 1920 г. недвусмысленно следовало, что Абхазия и Южная Осетия входят в состав Грузии. Россия безоговорочно признавала независимость и самостоятельность грузинского государства и отказывалась от всех суверенных прав, «кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу и земле» (ст. I). В статье III устанавливалось направление линии границы между РСФСР и Грузией: «Государственная граница между Грузией и Россией проходит от Черного моря по реке Псоу до горы Ахача, через гору Ахача и гору Агапет и по северной границе бывших губерний Черноморской, Кутаисской и Тифлисской до Закатальского округа и по восточной границе этого округа до границы с Арменией». В той же статье содержался пункт о нейтралитете пограничных перевалов, который должен был соблюдаться до 1 января

1922 г. Юго-осетинская сторона, ссылаясь на этот пункт, ошибочно полагает, что нейтралитет перевалов означал их принадлежность осетинам. В действительности речь шла о военном нейтралитете. Еще один аргумент осетинской стороны заключается в том, что в состав Тифлисской губернии к 7 мая 1920 г. входила небольшая территория на северном склоне Главного Кавказского хребта, позднее отошедшая к РСФСР, и, следовательно, грузинские власти, признавая этот договор действующим, фактически выдвигали территориальные претензии к России. На это следует возразить, что пункт 4 статьи III договора предусматривал уточнение линии границы после заключения договора.

Советская Россия не просто признавала северную границу ДРГ. В договоре также указывалось, какие именно территории входят в состав независимой Грузии. Этому был посвящен пункт 1 статьи IV: «Россия обязуется признать безусловно входящими в состав грузинского государства, кроме отходящих к Грузии в силу пункта 1 статьи III настоящего договора (пункт, в котором фиксировалось направление границы. – Авт.) частей Черноморской губернии (северная часть современной Абхазии. – Авт.), нижеследующие губернии и области бывшей Российской империи: Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими означенные губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский».

Подписывая такой договор, большевики главным образом преследовали конъюнктурные политические цели. Так, Грузия брала на себя обязательства не только не допускать на своей территории никакой деятельности, направленной против Советской России, и выдать Москве причастных к такой деятельности (ст. V), но и «освободить от наказания и дальнейшего преследования судебного или административного всех лиц, подвергшихся на территории Грузии таковому преследованию за деяния, совершенные в пользу Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или в пользу Коммунистической партии» (ст. X).

Та же статья X предусматривала немедленное освобождение грузинскими властями «лиц, находящихся в тюремном заключении за деяния указанного выше рода». Иными словами, меньшевистское правительство Грузии обязывалось отказаться от преследования тех, кто планировал это правительство свергнуть. Фактически договор создавал условия для ввода войск Красной Армии в Грузию и установления там Советской власти. Очевидно, в планы большевиков изначально не входило соблюдение договора, и они не слишком скрывали это.

Легитимность данного договора также ослабляется тем, что в момент его подписания Советская власть еще не получила международного признания. Кроме того, остается открытым вопрос, насколько правомочной была апелляция к этому договору со стороны Верховного Совета Грузинской ССР, органа, созданного в результате свержения правительства Демократической Республики Грузия, и в какой степени Грузинская ССР могла быть объявлена правопреемником ДРГ. Тем более в 1990 г. продолжала действовать Конституция Грузинской ССР.

Немаловажно также и то, что безотносительно признания границ ДРГ со стороны РСФСР в 1920 г. правовые основания для вхождения Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии были небезупречными. В частности, абхазская сторона указывает на тот факт, что Абхазия под официальным названием Сухумского края 1 мая 1917 г. вошла в состав Горской республики, а с 20 октября 1917 г. присоединилась к «Юго-Восточному Союзу казачьих войск, Горцев Кавказа и Вольных народов степей». 8 ноября 1917 г. на съезде абхазского народа была принята Конституция Абхазского Народного Совета. Согласно конституции, Абхазский Народный Совет (АНС) становился верховным органом власти на территории Абхазии. В конституции не содержалось указаний

на юрисдикцию Грузии над территорией Абхазии. Вместе с тем, в ней указывалось, что одной из задач АНС являлось «поддержание и укрепление связи Абхазского народа с Союзом Горцев Кавказа и проведение в жизнь политических лозунгов, постановлений и мероприятий Центрального Комитета Союза». Косвенно это указывало на то, что Абхазия продолжает считать себя частью «Союза Горцев». На Батумской мирной конференции 11 мая 1918 г. была провозглашена независимость Горской республики в пределах территории от Каспия до Черного моря. Этот акт был представлен «Декларацией об объявлении независимости Республики Союза горцев – Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики)». Новое государство получило международное признание со стороны Турции и Германии. Вопрос о его границах обсуждался в «Договоре об установлении дружественных отношений Императорским Германским правительством и правительством Горской республики», в котором южная граница на причерноморском участке определялась по р. Ингур и водоразделу Кавказского хребта. Таким образом, Абхазия оставалась вне юрисдикции Грузии. Подчеркнем, что сама Грузия приняла декларацию о независимости только 26 мая 1918 г.

Уже с начала 1918 г. в самой Абхазии существовали разные подходы к путям дальнейшего государственного строительства. Формально находясь в составе «Союза Горцев», она одновременно начала переговоры с Национальным Советом Грузии.

9 февраля совещание представителей НСГ и АНС было проведено, причем в ходе него было зафиксировано, что Абхазия стремится к политической независимости, «имея с Грузией лишь добрососедские взаимоотношения как с равным соседом». Представители НСГ, в свою очередь, выразили пожелание о вхождении Абхазии в состав Грузии с оставлением ей полной внутренней автономии. По итогам совещания было заключено соглашение, формулировки которого оставляли возможность обеим сторонам трактовать их в свою пользу. В частности, грузинская сторона истолковала как свидетельство вхождения Абхазии в состав Закавказской Федерации. При этом Абхазия формально не выходила из состава Горской республики.

16 февраля 1918 г. в Сухуме началось большевистское восстание. Через 5 дней оно было подавлено. Однако 11 апреля восстание повторилось, причем Советская власть была установлена на всей территории Абхазии. По решению Закавказского сейма в Абхазию были направлены грузинские войска под командованием генерала В.Джугели, которые 17 мая 1918 г. взяли Сухум. В июне правительство Горской республики направило протест правительству Грузинской республики по поводу «нахождения грузинских банд в Абхазии и характера действий агентов правительства Грузии в этом округе». Поскольку в операции грузинских войск в Абхазии участвовал германский отряд, аналогичный протест был направлен в адрес германского правительства, причем в нем правительство Горской республики ссылалось на то, что Абхазия входит в ее состав. По меньшей мере, до августа 1918 г. в правительство Горской республики входил представитель от Абхазии Симон Басария, который сообщал представителю турецкой армии в Дагестане Гайдарбею о «противоправных действиях грузинского правительства по отношению к абхазскому народу».

В конце мая 1918 г. Закавказская Федерация распалась и была образована Демократическая Республика Грузия. Акт независимости Грузии 26 мая 1918 г. не конкретизировал, какие территории входят в состав нового государства.

Для урегулирования вопросов взаимоотношений Абхазии с новым грузинским государством в Тифлис направились делегация АНС. По итогам переговоров 8 июня 1918 г. было заключено соглашение, которое фактически предусматривало вхождение Абхазии в состав Грузии с широкой автономией. В частности, предполагалось создать в правительстве Грузии пост министра по делам Абхазии, передать «внутреннее уп-

равление и самоуправление» АНС, выделить средства, необходимые для осуществления управления Абхазией, из бюджета Грузии, направить в распоряжение АНС отряд Красной гвардии. Для окончательного решения вопросов, связанных с устройством Абхазии, предполагалось созвать съезд абхазского народа; срок созыва съезда не уточнялся.

Вопрос о том, располагала ли делегация АНС полномочиями, необходимыми для подписания такого соглашения, является весьма спорным. Если судить по приводимым грузинскими авторами архивным материалам, делегаты могли действовать и по личной инициативе, пытаясь использовать поддержку со стороны тифлисских властей как ресурс во внутривластном противостоянии в Абхазии. Протокол заседания правительства Грузии с участием делегатов АНС от 6 июня 1918 г. сохранил следующее заявление одного из делегатов: «В данный момент в Абхазии существует несколько политических течений, характеризующих ту или иную ориентацию: так, состоятельный помещичий класс явно придерживается турецкой ориентации, ожидая от Турции восстановления своих утраченных прав, есть и небольшое течение с большевистской ориентацией. Часть населения симпатизирует горцам Северного Кавказа. Для борьбы со всеми этими течениями Абхазский народный совет ждет помощи от грузинского правительства...». Иными словами, в самой Абхазии не было не только единства мнений по вопросу отношений с Грузией, но и не существовало условий для принятия в полном смысле слова легитимного решения на этот счет.

Грузинские войска находились в Абхазии вплоть до февраля 1921 г., причем им так и не удалось установить свой контроль над всей ее территорией. В таких условиях выборы в Народный Совет Абхазии (НСА), которые состоялись весной 1919 г., не могли не вызывать вопрос об их легитимности. Между тем, 20 марта 1919 г. этот Народный Совет принял постановление, по которому Абхазия входила в состав Демократической Республики Грузия «как автономная единица». В постановлении также оговаривалось, что «для составления конституции автономной Абхазии и определения взаимоотношений между центральной и автономной властями избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного собрания Грузии и Народного Совета Абхазии, и выработанные ею положения, по принятии их Учредительным собранием Грузии и Народным Советом Абхазии, должны быть внесены в Конституцию Демократической Республики Грузия». Однако проект конституции автономной Абхазии НСА принять не сумел, поскольку его заблокировали депутаты – сторонники независимости Абхазии. В свою очередь грузинская сторона отказалась согласовывать проект абхазской конституции и Конституции ДРГ с представителями НСА, настаивая, чтобы этот вопрос находился в исключительном ведении Учредительного собрания Грузии. Позднее конституционная делегация НСА выразила свой протест президиуму Учредительного собрания Грузии, но, несмотря на это, малая конституционная комиссия Учредительного собрания Грузии в одностороннем порядке 29 декабря 1920 г. разработала в Тифлисе окончательный проект «Положения об автономном управлении Абхазией». 21 февраля 1921 г. также в одностороннем порядке, без участия представителей Народного Совета Абхазии, Учредительным Собранием Демократической Республики Грузия, наряду с Конституцией Грузии, был утвержден проект «Положения об автономном управлении Абхазией». 25 февраля 1921 г. в Грузии была установлена Советская власть, и Демократическая Республика Грузия прекратила свое существование.

Таким образом, на протяжении почти трехлетнего периода независимого существования ДРГ ее взаимоотношения с Абхазией так и не получили юридического оформления, которое не оставляло бы сомнений относительно принадлежности данной тер-

ритории Грузии. С учетом этого ссылки руководства современной Грузии на наследие 1918-1921 гг. для аргументации тезиса о принадлежности грузинскому государству территории Абхазии нельзя признать в достаточной мере убедительными.

Немаловажным является и вопрос гражданства. Известно, что Абхазия в качестве самостоятельного княжества, округа и отдела входила в состав владений Российской империи на Кавказе. Выше уже отмечалось, что жители этих владений являлись подданными России, и никакой речи о подданстве другим государствам (в частности, Грузии) или о двойном подданстве не шло и идти не могло.

Вопросы о правовом статусе Абхазской ССР, а затем Абхазской АССР в составе СССР и Грузинской ССР были рассмотрены ранее. Можно утверждать, что при их решении приоритет отдавался политическим пристрастиям и отчасти удобству хозяйственного управления.

Обращение абхазской общественности к союзным властям 18 марта 1989 г. с просьбой повысить статус республики не содержало в себе ничего противозаконного. Юридической силы оно не имело, поскольку на этот счет не было подкреплено соответствующим решением государственных органов республики. Кроме того, несмотря на то, что сход в Лыхны вполне адекватно выражал настроения и взгляды абхазского населения республики, он едва ли мог представить точку зрения всего населения республики. В связи с тем, что абхазы составляли меньшинство в республике и не обладали полным контролем над ее государственными структурами, им едва ли приходилось в тот момент рассчитывать на то, что решение схода будет поддержано официальными органами автономной республики.

В то же время преимущество абхазской стороны заключалось в том, что своих целей она добивалась, придерживаясь правовых рамок, обозначенных советским законодательством. Бойкот республикой референдума о независимости Грузии 31 марта 1991 г. и ее участие в референдуме о сохранении Советского Союза отвечали требованиям Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.

Как известно, право выхода союзной республики из состава СССР было установлено ст. 72 Конституции СССР. В соответствии со ст.ст. 85, 87 Конституции СССР в Грузинской ССР состояли Абхазская и Аджарская автономные советские социалистические республики и Юго-Осетинская автономная область.

Правовые аспекты и процедуры выхода из состава союзного государства регулировались Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Приведем основные положения этого Закона:

«Статья 3. В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. <...>

Статья 6. ...В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области, автономные округа или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, итоги референдума рассматриваются Верховным Советом союзной республики совместно с Верховным Советом автономной республики и соответствующими Советами народных депутатов.

Статья 7. Верховный Совет союзной республики представляет Верховному Совету СССР итоги референдума. Верховный Совет союзной республики, имеющей в своем составе автономные республики, автономные образования или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, представляет в Верховный Совет СССР итоги референдума по каждой автономной республике, по каждому автономному образованию или месту компактного проживания национальных групп с выводами и предложениями соответствующих органов государственной власти.

Если будет установлено, что референдум проведен в соответствии с Законом, Верховный Совет СССР выносит вопрос на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР <...>.

Статья 9. Итоги референдума в союзной республике по вопросу о выходе из СССР, а также мнения высших органов государственной власти союзных, автономных республик, органов государственной власти автономных областей и округов по этому поводу рассматривает Съезд народных депутатов СССР по представлению Верховного Совета СССР, согласованному с Верховным Советом выходящей республики. Съезд народных депутатов СССР устанавливает переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР. <...>

Статья 13. Выходящая республика обязана соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также права и свободы человека, закрепленные в международных договорах, участником которых является СССР. Вопрос об участии выходящей республики в открытых для присоединения многосторонних договорах, заключенных СССР, решается согласно правилам, установленным соответствующим договором. Многосторонние и двусторонние договоры, заключенные СССР и находящиеся в силе на момент выхода союзной республики из СССР, продолжают действовать в отношении вышедшей республики, если не будет достигнута договоренность об ином <...>.

Статья 14. В переходный период Совет министров СССР, органы государственного управления союзных и автономных республик, автономных образований совместно с правительством выходящей республики рассматривают и разрешают вопросы собственности и материально-финансовых расчетов.

Во взаимоотношениях между выходящей республикой, с одной стороны, и Союзом ССР, а также иными союзными республиками, автономными республиками, автономными образованиями и национальными группами, упомянутыми в части второй статьи 3 настоящего Закона, – с другой, в течение переходного периода должны быть решены следующие вопросы:

- определена судьба находящихся на территории республики объектов общесоюзной собственности (предприятий и комплексов базовых отраслей промышленности, космических исследований, энергетики, связи, морского, железнодорожного и воздушного транспорта, линий связи, магистральных трубопроводов, имущества Вооруженных Сил СССР, оборонных и других объектов), а также собственности общесоюзных общественных организаций;

- урегулированы финансово-кредитные расчеты выходящей республики с Союзом ССР, взаимоотношения банков;

- урегулированы имущественные и финансово-кредитные отношения данной республики с другими союзными республиками, а также с автономными республиками, автономными образованиями;

– определен порядок выполнения предприятиями и организациями выходящей республики ранее взятых на себя договорных обязательств по отношению к предприятиям и организациям, расположенным на территории других союзных республик, а также автономных республик и автономных образований;

– определен правовой статус и формы расчетов совместных предприятий или филиалов предприятий, организованных на базе общесоюзной собственности или собственности других союзных республик, а также автономных республик и автономных образований;

– согласован порядок расчетов с другими государствами и международными организациями по кредитам и займам, полученным для сооружения объектов на территории выходящей республики или для удовлетворения потребностей этой республики и ее населения, а также по соответствующей части кредитов и займов, израсходованных на осуществление общесоюзных закупок и программ, которыми пользовалась выходящая республика;

– согласован статус территорий, не принадлежавших выходящей республике на момент ее вступления в состав СССР;

– согласован статус территорий, на которых компактно проживают национальные группы, упомянутые в части второй статьи 3 настоящего Закона, с учетом результатов их волеизъявления на референдуме;

– обеспечены гарантии содержания исторических и культурных памятников и мест захоронений на территории выходящей республики;

– разрешены иные вопросы, требующие взаимного урегулирования <...>.

Статья 20. По окончании переходного периода или при досрочном урегулировании вопросов, предусмотренных настоящим Законом, Верховный Совет СССР созывает Съезд народных депутатов СССР для принятия решения, подтверждающего завершение процесса по согласованию интересов и удовлетворению претензий выходящей республики, с одной стороны, и Союза ССР, союзных республик, а также автономных республик, автономных образований и национальных групп, упомянутых в части второй статьи 3 настоящего Закона, – с другой.

С момента принятия такого нормативно-правового акта съездом народных депутатов СССР выход союзной республики из СССР считается состоявшимся, а народные депутаты СССР от вышедшей республики утрачивают свои полномочия. Съезд народных депутатов СССР вносит соответствующие изменения в Конституцию СССР».

Было также принято Постановление Верховного Совета СССР от 3 апреля 1990 г. «О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Таким образом, в этом законе предусматривались все условия, необходимые для получения суверенитета каждой союзной или автономной республикой СССР. Отделяющиеся союзные республики можно было считать конституированными в государства только при консенсусе либо учете интересов всех входящих в них народов и после процедур, обеспечивавших каждому народу на территории союзной республики, заявившей о желании независимости, возможность выбора государственной принадлежности.

26 февраля 1991 г. парламентом Грузии было принято решение о бойкоте референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Однако у грузинской стороны не было правовых оснований игнорировать действующее союзное законодательство.

В соответствии со ст. 3 Закона «О порядке выхода из состава СССР» в Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО было принято решение остаться в составе Союза. Согласно ст. 2 было принято решение об участии в референдуме 17 марта 1991 г.

по необходимости сохранения СССР как обновленной федерации. Абхазская АССР участвовала в этом референдуме, в котором из 318 тыс. чел., имеющих право голоса, приняли участие более чем 166 тыс. чел. (52,3% населения), за сохранение СССР проголосовали 164 231 чел., т.е. 98,6%.

В соответствии со ст. 24 Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме) в СССР» Центральная комиссия референдума СССР установила, что Республика Абхазия большинством голосов своего населения проголосовала за сохранение Союза ССР и, соответственно, за свое пребывание в его составе. Хотя грузинское население Абхазии в референдуме участия не принимало, 98,6% всех граждан, имеющих право голоса, высказались за сохранение Союза.

Порядок выхода Абхазии из состава СССР или из состава союзных республик (применительно к автономным республикам) был возможен и до ввода в действие указанного закона, но только в случае, если при этом не нарушались интересы заинтересованных сторон – СССР, союзных или автономных республик. Если же имело место нарушение прав и свобод одной из заинтересованных сторон или фиксировалось нарушение порядка выхода страны из договорных отношений одним из субъектов международного права, то правовые акты, на основании которых совершались противоправные действия, считались нелегитимными и недействительными с самого начала. Грузинское «правотворчество» относилось именно к таким случаям.

Грузия, нарушив Закон от 3 апреля 1990 г. и приняв одностороннее решение, в том числе и за входящие в ее состав автономные образования, вышла из состава Союза. До распада СССР, как известно, Абхазия ставила вопрос о восстановлении утраченного ею по воле Сталина статуса союзной республики и не только не собиралась отделяться, но и проголосовала за сохранение Союза.

Верховный Совет Абхазской ССР, исходя из неправомерности действий Грузии, принял 25 августа 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Абхазии и Постановление о правовых гарантиях защиты безопасности Абхазии:

«Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики. Принята X сессией Верховного Совета Абхазской АССР XI созыва 25 августа 1990 г.

...Абхазская Советская Социалистическая Республика – суверенное социалистическое государство, созданное на основе осуществления абхазской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, верховенства народа в определении своей судьбы. Суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики распространяется на всю территорию Абхазской ССР.

Абхазская Советская Социалистическая Республика обладает всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основании заключенных с ними договоров».

В Постановлении Верховного Совета приводятся аргументы, подтверждающие неправомерность претензий Грузии по отношению к территории и государственности независимой Абхазии, основанные на историческом процессе развития взаимоотношений между этими странами. Далее был принят ряд решений:

«1. Признать, что Демократическая Республика Грузия, нарушив Договор от 11 июня 1918 г., а также заключенное ранее соглашение между Абхазским Народным Советом и Национальным Советом Грузии от 9 февраля 1918 г., осуществила во второй половине июня 1918 г. военное вмешательство с целью насильственного присоединения территории Абхазии и ликвидации независимости абхазского народа.

Эта акция, нарушившая международно-правовой принцип, запрещающий присоединение чужой территории путем силы, являлась незаконной.

Признать противоправным и недействительным в части, касающейся территории Абхазии, договор между Грузией и РСФСР, заключенный 7 мая 1920 г. в условиях военной оккупации независимой Абхазии.

Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры, существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны незаконными и недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в состав Грузинской Советской Социалистической Республики лишено правовых оснований, и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является Советская Социалистическая Республика Абхазия, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 21 марта 1921 г. ...».

Таким образом, можно констатировать, что связи Советской Грузии и Советской Абхазии возникли в определенной исторической ситуации и естественным образом потеряли свою силу вместе с исчезновением с исторической арены Советского государства.

Абхазия вошла в состав Грузии только в советский период, и, признавая все акты советского периода нелегитимными, а, следовательно, ничтожными (т.е. не действующими с момента принятия), Грузия сама прекратила все государственно-правовые отношения с Абхазией.

В 1995 г. была принята Конституция Грузии, согласно которой «территория грузинского государства определена по состоянию на 21 декабря 1991 г.» (ч. 1 ст. 2) (на эту же дату определяется территория Грузии в некоторых документах Содружества Независимых Государств). В части 1 статьи 1 Конституции говорится: «Грузия – независимое, единое и неделимое государство, что подтверждено референдумом, проведенным 31 марта 1991 года на всей территории страны, включая Абхазскую АССР и бывшую Юго-Осетинскую автономную область, и Актом о восстановлении государственной независимости Грузии от 9 апреля 1991 года». Однако в свете вышеизложенного представляется, что подобная формулировка не только противоречит реальным фактам истории как самой Грузии, так и ее бывших автономий, но также не имеет под собой никаких правовых оснований.

Правовая аргументация юго-осетинской стороны во многих аспектах совпадает с той, к которой может обратиться абхазская сторона. С одной стороны, ссылки на формирование на территории Южной Осетии органов Советской власти, не признававших меньшевистское правительство Грузии в 1920 г., носят не только исторический, но и правовой характер. Несмотря на то, что в 1918-1921 гг. статус Южной Осетии не стал предметом каких-либо международно-правовых актов, резко конфликтный характер взаимоотношений между тифлисскими властями и осетинским национальным меньшинством дает повод поставить вопрос о дискриминационном характере политики властей Грузии по отношению к осетинам. Подобная тенденция, как было показано ранее, сохранялась и в советский период.

В 1989 г. в условиях резкой активизации грузинских националистических организаций, усиливающихся ущемлений прав автономной области и призывов к ее ликвидации и в целях подкрепления статуса автономии конституцией чрезвычайная XII сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области в автономную республику в составе ГССР и обратилась к Верховному Совету ГССР рассмотреть это решение. Хотя в распоряжении осетинской стороны не имелось формально-юридических свидетельств угрозы осетинской автономии и в целом национальному развитию, однако динамика политических событий в Грузии явно свидетельствовала о над-

вигающейся опасности. Напомним хотя бы о проектах дискриминационных поправок в законы Грузинской ССР, опубликованных 20 сентября 1989 г. Следовательно, довод о том, что руководство Юго-Осетинской АО не подготовило достаточных аргументов в пользу повышения ее статуса до автономной республики в 1989 г. и явилось, таким образом, зачинщиком так называемой «войны законов» если и справедливо, то исключительно с формально-юридической точки зрения и никак не отражает сути происшедшего.

Верховный Совет Грузинской ССР, ссылаясь на процедурные нарушения, допущенные осетинской стороной в ходе созыва сессии, объявил это решение незаконным. Грузинская сторона также утверждала, что постановление сессии народных депутатов Юго-Осетинской АО, предусматривающее повышение ее статуса до автономной республики, было принято под давлением осетинского националистического движения «Адамон ныхас». В свою очередь, лидеры грузинских неформальных организаций 23 ноября 1989 г. попытались провести в Цхинвали митинг в поддержку грузинского населения Южной Осетии, однако на подступах к городу путь многотысячному шествию преградили несколько сот осетин. Широкомасштабного столкновения удалось избежать благодаря действиям милиции и внутренних войск, однако с обеих сторон появились первые жертвы.

В июне 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР признал незаконными все правовые акты и договоры, принятые и заключенные после февраля 1921 г. (т.е. после вхождения Красной Армии на территорию меньшевистской Демократической Республики Грузия). Тем самым фактически был отменен и декрет Всегрузинского Центрального исполнительного комитета Советов и Совета народных комиссаров ССР Грузии от 20 апреля 1922 г. об образовании Автономной области Юго-Осетии. Хотя Верховный Совет Грузии временно сохранил в силе Конституцию Грузинской ССР, предусматривающую существование автономной области, вокруг вопроса о статусе АО была создана правовая коллизия.

10 августа 1990 г. сессия народных депутатов Юго-Осетинской АО приняла в первом чтении Декларацию о суверенитете.

20 сентября 1990 г. в Южной Осетии была принята Декларация о суверенитете, отмечаемая сегодня как официальная дата юго-осетинской независимости. Провозглашалось образование Юго-Осетинской Советской Демократической Республики и принято обращение в адрес ВС СССР о ее признании в качестве субъекта Советской Федерации. 28 ноября 1990 г. ЮОСДР была переименована в Юго-Осетинскую Советскую Республику (ЮОСР). Одновременно был создан временный исполнительный орган новой республики – Временный Исполком ЮОСР, осуществляющий исполнительную власть до проведения всеобщих выборов в высшие органы республики. 9 декабря 1990 г. были проведены выборы в ее высший орган – Верховный Совет, легитимировавшие новую республику. Эти мероприятия, предпринятые в Южной Осетии во второй половине 1990 г., означали повторное повышение ее политического статуса и привели к осуществлению фактического разрыва с Грузинской ССР и выходу из ее состава.

В ответ 11 декабря председатель Верховного Совета Грузии Звиад Гамсахурдия добился принятия грузинским парламентом закона об упразднении Юго-Осетинской автономной области. По решению руководства СССР 12 декабря 1990 г. в Цхинвальском и Джавском районах Юго-Осетинской АО был введен режим чрезвычайного положения, а 6 января 1991 г. на территорию автономии вошли части грузинской милиции, сильно «разбавленные» выпущенными из тюрем уголовниками. Это стало началом «горячей» фазы грузино-осетинского конфликта.

Правовые аспекты конфликта усложнились после проведения референдумов о сохранении СССР 17 марта 1991 г. и о независимости Грузии 31 марта 1991 г. Первый из этих референдумов бойкотировала грузинская сторона, причем он был проведен на территории Южной Осетии (большинство его участников высказалось за сохранение Советского Союза). Участвовать во втором отказались власти юго-осетинской автономии, однако часть грузинского населения АО высказалась в поддержку независимости Грузии, что дало Тбилиси повод утверждать, что референдум 31 марта состоялся, в том числе и на территории Южной Осетии.

После распада Советского Союза в декабре 1991 г. руководство Южной Осетии в январе 1992 г. провело референдум о выходе из состава Грузии и присоединении к России. Важную роль в этом решении сыграла идея объединения осетинского народа, территории проживания которого, вследствие распада СССР, оказались в составе разных государств. В ходе референдума большинство его участников поддержали выход из состава Грузии и присоединение к России.

Грузинское население Южной Осетии в референдуме не участвовало. Тем не менее, 29 мая 1992 г. Верховный Совет Южной Осетии провозгласил независимость республики Южная Осетия.

Необходимо отметить, что Южная Осетия не сумела в полной мере использовать те возможности, которые представлял ей Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., в частности, его статья 3. Руководство Южной Осетии не ссылалось на положение этого Закона, несмотря даже на то, что на территории автономии официально был проведен референдум о сохранении Советского Союза и бойкотировался референдум о независимости Грузии. Ссылка на этот Закон также могла быть применена в ситуации, когда ВС Грузии в декабре 1990 г. отменил осетинскую автономию: по меньшей мере, такое решение Тбилиси создавало коллизию в применении Закона СССР от 3 апреля 1990 г., поскольку республика, официально взявшая курс на выход из Советского Союза (напомним, что к этому моменту ВС Грузии уже признал незаконными все правовые акты, принятые после февраля 1921 г.), в одностороннем порядке лишала существовавшую на момент принятия Закона СССР от 3 апреля 1990 г. автономию права высказать ее мнение по этому вопросу. Тот факт, что руководство Юго-Осетинской АО не сумело использовать эту аргументацию, ни в коей мере не отрицает ее существования.

Необходимо подчеркнуть, что Верховный Совет Грузии, признав незаконными все законодательные акты, принятые после февраля 1921 г., в значительной степени разрушил четкую правовую базу тезиса о территориальной целостности Грузии, в том числе и в части, касающейся Южной Осетии.

Переход грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов в силовую фазу создал новый правовой контекст для урегулирования обоих конфликтов. Отметим, что вопросы статуса обеих автономий для международного сообщества, которое было вовлечено в урегулирование после распада СССР, имели подчиненное значение, несмотря на то, что именно они послужили непосредственной причиной конфликтов. Первостепенной выступала задача скорейшего прекращения кровопролития, а правовые вопросы были оставлены «на потом». Однако ряд положений международно-правовых актов, связанных с урегулированием конфликтов, все это время позволял считать, что вопрос о правовом статусе Абхазии и Южной Осетии, по меньшей мере, не закрыт, хотя на таком «закрытии» постоянно настаивало действующее грузинское руководство.

Применительно к конфликтам на постсоветском пространстве различными авторами неоднократно отмечалась, хотя бы и в косвенной форме, равная правосубъек-

тность «отколовшихся территорий» с их бывшими метрополиями. «С исторической точки зрения Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах – это такие же продукты распада СССР, как Грузия, Молдавия и Азербайджан, – подчеркивает заместитель директора Московского центра Карнеги Д.Тренин. – Надо учитывать, что, например, Приднестровье отделилось от Молдавии еще до того, как последняя провозгласила свой суверенитет. Иными словами, приднестровцы жили в СССР (и МССР как его административной единице), но их территория никогда не была частью Республики Молдова». Нельзя не согласиться с В.Казимировым, когда он обращает внимание на то, что «в каждом конфликте крайне важны причинно-следственные связи, четкое различение причин и следствий, его предыстория, его юридическая специфика. Не последнее значение имеют форма выхода республики или автономного образования из союза или республики, правопреемственность суверенного государства от прежнего субъекта, четко ли она оформлена». И Абхазия, и Южная Осетия являлись полноправными участниками соответствующих соглашений о прекращении огня, получив де-факто признание во многих других сферах (поддержание режима прекращения огня, гуманитарные контакты, экономическое сотрудничество).

Весьма популярный на постсоветском пространстве научно-аналитический фонд «Нарованк», существующий в Республике Армения, сделал интереснейший анализ американского издания «Washington ProFile», которое посвятило немало места на своих страницах важнейшей проблеме создания новых государств. Трудно заподозрить американских авторов в предвзятости, тем более интересно привести их наблюдения, опубликованные на сайте «Нарованка» (к анализу некоторых из них мы еще вернемся ниже).

Сложности с образованием новых государств связаны с тем, что до сих пор неясно: какой из двух фундаментальных принципов международного права – нерушимость границ или право наций на самоопределение – более важен. Обычно международное сообщество более ценит первый принцип, поскольку опасается неуправляемой цепной реакции распада многонациональных государств.

Принцип территориальной целостности государств впервые был установлен в 1648 г. Тогда был заключен Вестфальский мир, который положил конец серии войн, бушевавших на Европейском континенте. Переговоры в Вестфалии положили конец Тридцатилетней войне – фактически конфликту между католиками и протестантами, где на одной стороне воевали Швеция, Богемия, Дания, Нидерланды, Шотландия, Англия и Саксония, а на другой – Испания и Священная Римская империя и пр. «Восьмидесятилетней войной» обычно называют борьбу Нидерландов за независимость от Испании. Одним из положений Вестфальского мира, который перекроил государственные границы в Европе, стал принцип, согласно которому незаконным было признано внешнее вмешательство во внутренние дела государства, т.е. принцип территориальной целостности государства. Этот постулат ныне общепринят и входит во все фундаментальные международные соглашения.

Однако одновременно Вестфальский мир фактически утвердил принцип права наций на самоопределение. Дело в том, что до восстания голландцев против Испании не подвергалось сомнению право монархов решать судьбы своих подданных. Однако в случае с Нидерландами недовольство подданных привело к тому, что монарх утратил это право. При подписании Вестфальского мира европейские державы фактически признали это и согласились признать границы независимых Нидерландов. В долгосрочной перспективе это решение привело к уничтожению большинства европейских монархий, появлению многих независимых государств и серьезной перекройке государственных границ. Известный ученый-политолог Джон Рагги (John Ruggie) назвал

Вестфальский мир «наиболее важным изменением в международной политике за тысячелетие».

Американский историк Дэвид Эрмитадж (David Armitage), автор книги «Декларация независимости: глобальная история» (The Declaration of Independence: A Global History), утверждает, что следующим документом международного значения, который подтвердил право наций на самоопределение, стала Декларация независимости США, принятая в 1776 г. Показательно, что попытка 13-ти североамериканских колоний получить независимость от Британской империи была крайне негативно воспринята многими современниками. По мнению Эрмитаджа, Декларация независимости США кардинально изменила мир, превратив его из «мира империй» в «мир суверенных государств». По образу и подобию американской Декларации были написаны декларации независимости более ста государств.

В 1945 г. была принята Хартия (Устав) ООН, которая базируется на принципе территориальной целостности государств: этот принцип запрещает использование силы для разрешения международных диспутов. Так, статья 2 (п. 4) гласит: «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

В 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», в которой, с одной стороны, указывается, что «территориальная целостность и политическая независимость государств неприкосновенны». С другой стороны, в том же документе указано, что «создание суверенного и независимого государства (...) или установление любого другого статуса, свободно определенного народом, являются формой осуществления этим народом права на самоопределение» и что «каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорилось выше (...), их права на самоопределение, свободу и независимость».

В 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В ней также присутствуют взаимоисключающие положения. Так, пункт 1 гласит, что «подчинение народов иностранному игу и господству (...) является отрицанием основных прав человека, противореча Уставу ООН», а пункт 6 – что «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН». В то же время пункт 2 указывает, что «все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

В 1966 г. в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах это положение («все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие») вошло полностью (ч. 1, гл. 1), а право государств на территориальную целостность в этом документе упомянуто не было.

В 1975 г. был подписан Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Он также подтвердил принцип нерушимости государственных границ, образовавшихся в Европе после окончания Второй мировой войны. В тексте соглашения, в частности, указано, что «государства-участники будут

уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость» (ст. 2), и «государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы» (ст. 3).

Одновременно статья 8 этого же документа гласит: «Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств. (...) Все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

Взаимоисключающие положения Хартии ООН и Хельсинкского акта неоднократно подтверждались в рамках других международных договоров и конвенций, в том числе и на европейском уровне. Известный специалист по международному праву Марк Веллер (Marc Weller), сотрудник Кембриджского университета, называет этот парадокс «ловушкой самоопределения».

Карен Паркер (Karen Parker), автор книги «Случай самоопределения» (The Case for Self-Determination), отмечает, что современное международное право не может однозначно ответить на вопрос: что необходимо сделать, чтобы создать новое государство? В XX в. в результате краха колониальных империй появился так называемый «декларативный» способ, т.е. некая территория просто объявляет о том, что она представляет собой независимое государство. Традиционный путь – так называемый «конституционный» – сложнее. Он декларирует, что для приобретения полноценного статуса самопровозглашенным государствам необходимо международное признание. Формальный акт дипломатического признания означает, что одно государство признает независимый статус другого и полномочия его правительства (в международной практике всегда признается правительство той или иной страны, а не сама страна). Существует два типа официального признания – де-факто и де-юре. Признание де-факто (т.е. на основе факта существования данной структуры) имеет «неофициальный» характер, однако этого достаточно, чтобы оба государства могли установить дипломатические отношения, взаимно признавали паспорта и визы и пр. Признание де-юре (т.е. на основе существующих международных норм) предусматривает установление межгосударственных отношений в полном объеме. Иногда признание де-факто предшествует признанию де-юре. К примеру, Великобритания де-факто признала правительство большевиков легитимной властью России в 1921 г., а де-юре – лишь 3 года спустя.

Признание также необходимо, если власть в стране меняется необычным путем – например, в результате переворота, революции или внешнего вторжения. Правительство «Талибана», которое де-факто управляло большей частью территории Афганистана в 1996-2001 гг., было признано лишь тремя государствами мира, в то время как свергнутое им правительство, которое контролировало не более 12% территории страны, признавалось легитимным более чем 70 государствами. В июне 1940 г. советскими войсками были заняты Латвия, Литва и Эстония. Эти страны утратили свою государственность и были инкорпорированы в состав СССР в статусе союзных республик. СИТА не признавали легитимность этих действий СССР и считали страны Бал-

тии независимыми, но оккупированными государствами. Посольства этих республик продолжали действовать в Вашингтоне, несмотря на протесты Москвы.

Применительно к Южной Осетии следует обратить внимание на важные положения Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте, подписанного 22 мая 1996 г. грузинской и юго-осетинской сторонами при посредничестве Республики Северная Осетия, Российской Федерации и ОБСЕ. Преамбула этого документа содержит ссылку не только на принцип территориальной целостности государств, но и на право наций на самоопределение. Эта ссылка позволяет Южной Осетии использовать результаты референдума по вопросу о независимости от Грузии, проведенного в январе 1992 г. Кроме того, Меморандум позволяет поставить под сомнение позицию грузинских властей, настаивающих на абсолютном приоритете специфически понимаемого ими принципа территориальной целостности (Республики Грузия в административных границах Грузинской ССР). Во всяком случае следует признать, что правовой статус Южной Осетии оставался в 1992-2008 гг. неурегулированным.

Среди документов, выработанных в ходе переговорного процесса по урегулированию грузино-абхазского конфликта, особое значение имеет подписанное сторонами 4 апреля 1994 г. в Москве Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. В пункте 7 стороны оговаривали, что «достигли общего понимания относительно полномочий по совместной деятельности» в ряде областей, в том числе во внешней политике и внешнеэкономических связях, пограничной и таможенной службе и др. В пункте 8 фактически констатировалось прекращение государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией на момент подписания Заявления: «будет разработана поэтапная программа действий, выработаны предложения по воссозданию государственно-правовых отношений».

В «Докладе Генерального секретаря ООН о положении в Абхазии, Грузия» от 3 мая 1994 г. (S/1994/529), в котором позитивно оценивались договоренности, достигнутые 4 апреля в Москве, и содержались «Предложения относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта», в пункте 1 «Предложений» указывалось: «Абхазия будет являться субъектом, обладающим суверенными правами в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного государства будет определено сторонами в ходе дальнейших переговоров. Стороны признают территориальную целостность союзного государства, созданного, как указано выше, в пределах границ бывшей Грузинской Советской Социалистической Республики по состоянию на 21 декабря 1991 г.». Таким образом, вопрос о территориальной целостности Грузии увязывался с устройством союзного государства, а тезис о новом названии государства, в сущности, намекал на «переучреждение» Грузии на новых основах. Долгое время этот документ являлся единственным принятым после завершения силовой стадии конфликта, который отчасти прояснял вопрос о правовом статусе Абхазии.

Шанс на «переучреждение» государственных институтов Грузии на новой, федеративной, основе могло дать принятие новой Конституции Грузии. Однако не имея реальной возможности восстановить контроль над отпавшими автономиями, грузинский законодатель решил тогда юридически «подморозить» нормативное регулирование проблемы государственного устройства, административно-территориального устройства, а также вопросов местного управления и самоуправления таким образом, чтобы отложить этот вопрос «в долгий ящик».

В частности, в соответствии с частью 3 статьи 2 государственно-территориальное устройство Грузии должно быть определено конституционным законом на основе принципа разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны. Эта формулировка примечательна сразу в нескольких отношениях. Грузинский законодатель достаточно ловко ушел от четкой фиксации в тексте Конституции того, что будет собой представлять в будущем Грузия: унитарное государство, федерацию (в различных ее видах) или конфедерацию¹⁷³.

Отсутствие четких положений о национально-государственном устройстве страны законодатель постарался «компенсировать» высоким приоритетом прав человека. В статье 7 говорится: «Грузия признает и соблюдает общепризнанные права и свободы человека как непреходящие и высшие человеческие ценности. При осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующим правом».

Таким образом, действия тбилисского руководства в Южной Осетии явились не только агрессией против Российской Федерации, но и грубейшим нарушением Конституции Грузии.

Анализ правовых аспектов грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов позволяет сделать вывод о том, что требования грузинской стороны о безоговорочном возвращении под ее юрисдикцию Абхазии и Южной Осетии изначально не были подкреплены достаточной правовой базой.

Российская Федерация, являясь государством – правопреемником Союза Советских Социалистических Республик, до определенного момента не выражала своей позиции по вопросу о статусе автономий союзных республик бывшего СССР, принявших решение по итогам референдума, проводимого в данных автономиях в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР № 1910-1 от 16 января 1991 г. «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик», о сохранении Союза Советских Социалистических Республик. В целом ситуация характеризовалась правовым вакуумом и неопределенностью. Исчерпывающая политическая оценка этому периоду была дана Президентом РФ Д.Медведевым: «Семнадцать лет шла борьба за независимость этих непризнанных народов – и в течение этого времени, несмотря на попытки международного сообщества, ничего не удалось склеить. Мы практически до последнего периода старались помочь восстановить государственное единство, но этого не получилось. Последний гвоздь был вбит после принятия решения об агрессии». До этого попытки грузинской стороны пересмотреть международно-правовые документы, принятые в ходе урегулирования конфликтов (в частности, изменить мандат и статус миротворческих сил в зоне грузино-осетинского конфликта), последовательно усугубляли сложившееся положение.

Новая ситуация, сложившаяся в августе 2008 г. (в частности, отражение Российской Федерацией в соответствии со статьей 51 Устава ООН агрессии Республики Грузия, сопровождавшейся убийствами российских миротворцев и этническими чистками осетинского населения), позволила российской стороне обратиться к международно-правовой аргументации независимого статуса Южной Осетии и Абхазии. В выступлении Д.Медведева 26 августа об официальном признании Южной Осетии и Абхазии содержались ссылки на свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, на Устав ООН, декларацию 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ 1975 г. и другие основополагающие международные документы.

Согласно статье 2 (4) Устава ООН, «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» (выделено нами. – Авт.). Этот пункт, как будет показано ниже, был грубо нарушен грузинскими властями, вынудив Российскую Федерацию применить предусмотренное статьей 51 Устава ООН право на самооборону. Понятие права на самооборону трактуется в юридической науке достаточно широко, однако действия России, предпринятые в ответ на столь явное вооруженное нападение, в отличие от США, не нуждаются в дополнительных разъяснениях посредством «расширительных» трактовок 51-й статьи.

Устав ООН разрешает государствам применять только самооборонные меры в ответ на вооруженное нападение, а превентивные меры относит к исключительной компетенции СБ ООН.

В своих Резолюциях 1368 (2001) и 1373 (2001) СБ ООН подтвердил, что любой акт международного терроризма представляет собой угрозу для международного мира и безопасности, а также неотъемлемое право государств на индивидуальную или коллективную самооборону, признанное в Уставе ООН. Следовательно, СБ ООН приравнивал международный террористический акт к вооруженному нападению на государство в смысле статьи 51 Устава ООН, подтвердив тем самым право на самооборону при нападении негосударственного субъекта. Резолюция ES-10/15 ГА ООН от 20 июля 2004 г. идет несколько дальше. В ней указывается, что все государства имеют право и обязанность принимать согласно международному праву и международному гуманитарному праву меры по борьбе со смертоносными актами насилия, направленными против их гражданского населения и в целях защиты жизни их граждан.

Государство, являющееся объектом угрозы, в соответствии с давно установившейся нормой международного права может предпринять военные действия, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны угрозе.

В случае вооруженного нападения государство, подвергшееся агрессии, вправе применить силу как законную самооборону (как индивидуальную, так и коллективную). Формулировка «неотъемлемое право» указывает на то, что право на самооборону является нормой обычного права и, таким образом, применяется ко всем государствам (независимо от «степени» их признанности на момент начала агрессии).

Отдельные авторы полагают, что право на самооборону является императивной нормой, поскольку соответствует «существующим правилам поведения, запрещающим то, что признано недопустимым и связи с угрозой ... выживанию государств и их народов и наиболее основным правам человека». Однако здесь важно учитывать практическую обоснованность претензий государства, заявляющего о своем праве на самооборону. К сожалению, этого зачастую не происходит. Нынешняя неоднозначная интерпретация международных норм в сфере права на самооборону характеризуется неопределенностью и явными политическими предпочтениями. За последние годы право на самооборону было легализовано Советом Безопасности ООН в ряде случаев, которые представляются, как минимум, спорными (с. 92-116).

На вопросы редакции «Казанского журнала международного права» ответил автор книги А.Г. Арешев

А.Мезяев: Андрей Григорьевич, какова, на Ваш взгляд, правовая роль в признании Россией Абхазии того факта, что Абхазия дважды входила в состав России в качестве независимого государства?

А.Г. Арешев: Признание Российской Федерации независимости Республики Абхазия основывалось на комплексе международно-правовых факторов, в том числе и вхождение Абхазского княжества в состав Российской империи, 200-летие которого отмечается в этом году. После распада Российской империи Абхазия вновь пыталась обрести себя как независимое государство, а затем – как самостоятельная союзная республика. Однако в конце концов ее статус был понижен до автономии в составе Грузинской ССР. Разорвав 1989-1990 гг. без соблюдения предусмотренных действующим законодательством процедур все политико-правовые связи с Советским Союзом, а затем развязав ряд войн, грузинские власти утратили какие-либо легитимные доводы претендовать и на Абхазию, и на Южную Осетию.

А.Мезяев: В своей книге Вы утверждаете, что признание Абхазии и Южной Осетии было не просто возможностью, но и необходимостью. Каково Ваше объяснение этого?

А.Г. Арешев: Решение об официальном признании двух бывших грузинских автономий в качестве независимых государств было для политического руководства России очень непростым, впрочем, как и решение о начале военной операции по принуждению Грузии к миру. Нападение грузинской армии на Цхинвал ни в коей мере не было самодеятельностью или же проявлением так называемой кавказской несдержанности – это был тщательный расчет. После окончания активной фазы боевых действий ситуация претерпела качественные изменения, и сохранение военного присутствия без международно-правовой легитимации Абхазии и Южной Осетии с точки зрения формального международного права означало бы оккупацию грузинской территории.

Можно говорить об ошибках и шараханьях в российской кавказской политике начиная с 1991 года, однако тогда, в августе 2008-го, иного выбора уже не было, в том числе в связи с событиями, разворачивавшимися на Северном Кавказе. В сложившихся непростых условиях радикализация традиционных форм протеста местного населения против творящейся несправедливости, включая захваты зданий глав местных администраций, могла привести к «эффекту домино», к выходу активности широких масс населения из-под контроля официальных властей. Возобновились бы с таким трудом погашенные конфликты, более того, неминуемо вспыхнули бы новые. Об этом неоднократно говорилось на самом высоком государственном уровне. К этому следует добавить, что на Кавказе никогда не будут считаться с государством, демонстрирующим слабость и бросающим «своих» на произвол судьбы.

А.Мезяев: Вы весьма критически оцениваете посредничество Президента Франции Саркози в августовском конфликте 2008 года и даже называете его «троянским». Не могли бы Вы разъяснить Вашу позицию?

А.Г. Арешев: Мне представляется, что объективно интересы России и Европейского Союза на Южном Кавказе во многом совпадают. Однако интересы ЕС как самостоятельного субъекта внешнеполитической деятельности зачастую являются заложниками так называемого «евроатлантического партнерства», осуществляемого под патронажем США. Думается, что неангажированные и трезво оценивающие ситуа-

цию представители европейского экспертного сообщества не могут этого не признавать. Кстати говоря, августовская авантюра Саакашвили 2008 года началась аккурат после посреднической миссии тогдашнего министра иностранных дел ФРГ, посетившего с визитом Сухум. Следование в фарватере политики США слабо коррелирует с подлинными интересами Европы (в том числе и в сфере обеспечения энергетической безопасности), удовлетворяя лишь антироссийские фобии отдельных политиков.

А.Мезяев: В Вашей книге достаточно убедительно доказывается, что ряд международных организаций играет не миротворческую, а деструктивную роль в урегулировании кризисных ситуаций, в том числе на Кавказе. Каковы, на Ваш взгляд, возможные перспективы участия ОБСЕ, ЕС и ООН в урегулировании ситуации с Абхазией и Южной Осетией?

А.Г. Арешев: Как мне представляется, перспективы для взаимодействия официальных Сухума и Цхинвала с международными организациями, такими как ООН и ОБСЕ, все же сохраняются. Однако осуществляться они должны на принципиально новых условиях, с учетом новых реалий. Соответствующие соглашения должны заключаться Абхазией и Южной Осетией с учетом всех тех соглашений, которые ими были заключены ранее, в частности – больших договоров о сотрудничестве с Россией, о помощи со стороны России в охране их государственных границ и т.д. Для меня совершенно очевидно, что полномочия сотрудников международных организаций должны быть существенным образом упорядочены – к слову, сейчас наблюдатели ООН остаются на территории Абхазии и пытаются действовать, как и прежде, весьма активно, однако их правовой статус до сих пор не урегулирован.

Правовое поле глобальной политики

Ивонина О.И.¹

Обсуждение современной политологией проблем нового миропорядка и природы современного международного права, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после событий 11 сентября 2001 г. Вызов мирового терроризма международному сообществу в условиях деструкции прежнего миропорядка, главными акторами которого выступали суверенные государства, поставил под вопрос институциональные и концептуальные основы международного права, созданного ООН, актуализировал проблемы соотношения национального и международного права, односторонних и многосторонних действий государств, стремящихся к обеспечению мира и безопасности.

В свою очередь, доктринальное обоснование приоритета международно-правовых, а не национально-государственных средств нормативного регулирования в области прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности стало отражением различных и противоречивых тенденций развития международного права второй половины XX века. Кодификация норм гуманитарного права свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели праворазвития. Сбылась мечта представителей классического правового натурализма – от И.Канта до В.С. Соловьева – о превращении естественно-правовой доктрины в конститутивную норму позитивного права.

Современная система международного права, закреплённая нормативно Уставом ООН, в частности, больше не признает права государств на ведение войны (*jus ad bellum*), запрещает применение государствами насилия по отношению друг к другу в принципе. Тем самым международное право ограничило государство в использовании его суверенного, а в недавнем прошлом – и монопольного права – легитимного использования силы. Это послужило основанием для разработки концепции верховенства международного права относительно национально-правовых систем, получившей широкое распространение в европейской науке международного права усилиями К.Кельзена, Й.Гальтунга, А.Сселя, Ж.М. Дюпона, Ю.Хабермаса, Дж. Ролза и других создателей доктринальных источников права мира.

Наряду с криминализацией войны как негативным способом нормативного регулирования международных отношений современное международное право сформировало систему позитивных норм межгосударственной коммуникации, ведущее место в которой принадлежит международному гуманитарному праву. Хотя в Уставе ООН требование к всемирной организации «поддерживать и укреплять уважение прав человека и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка или религии» (ст. 1) носит характер рекомендации, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и других конвенциях о защите прав человека – Конвенции предупреждения преступления геноцида и наказании за него 1948 г. и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания за них 1984 г. – права человека были закреплёны столь же прочно, как и международное право мира.

С другой стороны, динамичное развитие новых отраслей и институтов международного права закрепляло торжество либеральной интерпретации природы права

¹ Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений НГУЭУ.

вообще как результата общественного договора – добровольного соглашения правоспособных субъектов. Конвенциональный характер права, по мнению современных юристов-международников, находит наглядное подтверждение в лавинообразном росте числа международных организаций на межправительственном и неправительственном уровне. Будучи носителями так называемой производной международной правоспособности (свои права и обязанности в определенной сфере международных отношений данным организациям делегируют на основе добровольного соглашения вступившие в них государства), эти акторы мировой политики более эффективно содействуют многостороннему сотрудничеству в решении глобальных проблем, чем отдельные государства, руководствующиеся принципом «помоги себе сам».

Многочисленные экономические, социальные, экологические кризисы и политические конфликты конца XX века самым наглядным образом продемонстрировали, что такие формы решения международных проблем, как использование механизмов саморегуляции мировой экономики или практиковавшиеся до сих пор различные виды международной кооперации на основе двусторонних и локальных договоров, явно недостаточны в условиях нынешних глобальных вызовов: борьба с развалом государств, геноцидом, массовой неконтролируемой миграцией, валютными и биржевыми спекуляциями, изменением климата не будет эффективной, если государства не проявят готовность передать часть своих суверенных прав международным организациям, принимающим юридически обязывающие для всех государств-членов международно-правовые решения. Таким образом, центральным звеном современного миропорядка должны стать наднациональные структуры мировой системы, базирующиеся на международном праве.

Антропоцентризм современного либерального правосознания допускает наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом *per se* участников трансграничного взаимодействия. Современное международное право содержит зачатки норм, регулирующих правоотношения между государствами и индивидами таким образом, что последние могут ссылаться в суде – по крайней мере отчасти – на нормы международного права, требуя защиты от преступных посягательств на их права со стороны государственных органов и государственных должностных лиц. В различных органах ООН, защищающих права человека, введены процедуры индивидуальных исков. Международный трибунал по бывшей Югославии и по Руанде, а также Международный уголовный суд, статут которого был подписан в Риме в 1998 г., уполномочены рассматривать иски против представителей государств и привлекать их к ответственности за международные преступления как индивидов. Таким образом, современную интерпретацию ключевых понятий международного публичного права можно считать легитимацией превосходства западной (по своей цивилизационной природе) традиции правопонимания всем мировым сообществом на рубеже XX-XXI веков.

Представление об универсализме либерально-демократических принципов межгосударственного взаимодействия получило широкое распространение в американской и европейской науке международного права. Ф.Фукуяма, А.М. Слэйтер, Ф.Тейзен, Л.Фейнштейн и другие представители «либерального миллениаризма» убеждены в том, что победа Запада в «холодной войне» не только завершила эпоху борьбы различных общественно-политических систем и мировоззрений, но и сформировала международный консенсус в пользу либеральной демократии как единственно легитимной системы правления, у которой нет и в ближайшем будущем не появится сколько-нибудь серьезных идейно-политических конкурентов¹.

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – Cambridge, Mass, 1992. – P. 12.

Отталкиваясь от кантовской интуиции «вечного мира», достигаемого посредством объединения либеральных государств во всемирную федерацию народов, неолибералы усматривают в таких международных организациях, как НАТО, ЕС, G-7 («большая семерка»), ГАТТ, реальные контуры «всемирного гражданского состояния», т.е. миролюбивого сообщества наций, связанных единством целей и ценностей. Исходя из «идеалистической» концепции мировой политики, согласно которой нарастает стремление цивилизованных государств к созданию единой мировой системы, базирующейся на добровольном отказе государств от значительной части своих суверенных прав, неокантианцы утверждают, что наднациональные инструменты урегулирования конфликтов современного мира оттесняют на второй план традиционные формы отстаивания государствами своих интересов на мировой арене, что несомненно идет на пользу ориентированному на глобальные интересы «международному сообществу народов». Такой проект нормативного регулирования международных отношений, базирующийся на системе норм международного права, которые признаются всеми адресатами, а также на системе правоприменения, которая гарантирует равные права для всех на основе документально закрепленных и прозрачных процедур, получил название политики обеспечения миропорядка (global governance).

Специалисты придерживаются различных мнений по вопросу о том, какой должна быть институциональная база современного миропорядка. Неолибералы считают целесообразным создание некоего аналога всемирного правительства, способного отражать общие проблемы и опасности, регулировать решение общих вопросов на основе универсальных и общеобязательных норм международного права. Центральную роль в формировании такого властного органа в мировом масштабе американские глобалисты отводят группе семи наиболее развитых и демократичных государств мира. Показательно, что в документах Комиссии по глобальному управлению (Comission on Global Governance) ее задача – проверить возможность перехода к единому правительству мирового сообщества – прямо увязывалась с созданием после окончания «холодной войны» нового миропорядка, в котором было бы «больше мира, свободы и благосостояния»¹.

Провозглашение концепции нового миропорядка способствовало обострению дискуссий по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в мировой политике. По мнению ряда исследователей, за время, прошедшее после создания в 1945 году Организации Объединенных Наций, она не претерпела радикальных изменений и по-прежнему отражает исторические обстоятельства своего возникновения, а именно – безусловное доминирование стран антигитлеровской коалиции к моменту окончания Второй мировой войны. Прошедшие за полвека изменения политической карты мира различным образом сказались на членстве в ООН. По-прежнему все до единой страны – участницы Организации Объединенных Наций являются национальными государствами, чьи суверенные и равные права закреплены Уставом ООН. Рост численности ООН – с 51-го государства на момент ее создания до 192-х в настоящий момент – сопровождался и качественными изменениями состава участников: по разным подсчетам от 120-ти до 129-ти стран могут быть причислены к демократическим государствам. Таким образом, ООН демонстрирует существенный прогресс на пути к обретению универсальности и цельности, становясь сообществом либеральных демократий.

С другой стороны, продолжавшийся в течение всей послевоенной истории процесс возвышения и упадка наций не получил адекватного отражения в структуре и принципах деятельности Совета Безопасности как высшей инстанции по проведению политики обеспечения миропорядка. Единственное признание изменений политической карты мира произошло в 1965 году, когда число членов СБ было увеличено с 11-ти

¹ См.: Our Global Neighbourhood // The Comission on Global Governance. – London, 1995.

до 15-ти, причем новые места были представлены странам из категории «непостоянных членов», которые входят в состав Совета Безопасности более 2-х лет.

Несоответствие СБ потенциальной роли инструмента управления мировым сообществом в решающих вопросах войны и мира связано с полномочиями внутреннего круга постоянных членов. Постоянная оккупация этих мест в течение неограниченного времени свидетельствует, по мнению экспертов, как о неосновательном приписывании себе некоторыми обладателями права вето неизменно сохраняющихся способностей и силы воздействия на мировые процессы, так и о пренебрежении демократическими принципами и мнением остального мира. Государства, давно утратившие статус великой державы, который только и оправдывал их постоянное место в СБ, сегодня изо всех сил цепляются за свои привилегии в ООН, будучи не в силах смириться с трагическим изменением своего ранга в структурах глобальной политики.

Перечисленные обстоятельства стали одним из побудительных мотивов выдвижения различных планов реформирования ООН, обсуждавшихся как в рамках самой Организации Объединенных Наций, так и за ее пределами – в государствах-членах этой организации. В ходе обсуждения проблем реформирования ООН мнения американских международных разделились в соответствии с традиционными расхождениями позиций «идеалистов» и «реалистов». Отвечая на вопрос о том, нужны ли вообще структурные реформы ООН, сторонники функциональной концепции международных отношений полагают, что Организация Объединенных Наций в целом справляется с задачами, заложенными в ее Уставе, – обеспечение мира, защита прав человека, решение международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. В рамках своей ограниченной компетенции ООН даже в изменившихся условиях передела от Ялтинско-Потсдамской к новой постбиполярной международной системе проделала значительную работу по анализу проблем, разработке концептуальных решений и их практической реализации.

Однако если исходить из «идеалистической» концепции «всемирно-гражданского состояния» и обусловленной им «мировой политики согласия», деятельность Организации Объединенных Наций следует признать неудовлетворительной: ее компетенция слишком ограничена для проведения политики мирового правления. На протяжении многих десятилетий «холодной войны» усилия ООН в области обеспечения мира ограничивались классическим «Peacekeeping», т.е. размещением легковоруженных миротворческих сил Организации Объединенных Наций – в согласии со всеми участниками конфликта – в качестве буфера для обеспечения гарантированных демаркационных линий между враждующими сторонами без непосредственного участия «голубых касок» в вооруженных операциях.

Начиная с 90-х гг. XX в. ООН стала прибегать к использованию гуманитарных интервенций: вмешиваясь во внутренние межэтнические и гражданские конфликты, она ставила перед собой по существу не свойственные ранее никакой международной организации амбициозные задачи полного восстановления политических, экономических и социальных структур, т.е. выступала в роли оккупационной силы. По мнению специалистов, эти новые цели ООН не всегда подкреплялись необходимыми для их выполнения ресурсами и легитимным мандатом. Так, миротворческие силы ООН, размещенные в зоне гуманитарной интервенции, зачастую не имели соответствующего военно-политической ситуации оснащения и вооружения, их численность была недостаточной, не решалась проблема передачи национальных военных соединений под командование ООН. С другой стороны, из-за отсутствия согласия в Совете Безопасности мандат миротворческих сил формулировался нечетко, что объясняется переходным статусом современных миротворческих операций, проводимых под эгидой ООН, между классически-нейтральной «буферной» ролью и легитимированным меж-

дународным правом применением военной силы для защиты гражданского населения в районах вооруженных конфликтов от военных преступлений враждующих сторон, нарушающих нормы международного гуманитарного права.

В 1994 и 1999 гг. ООН опубликовала под заголовком «выученные уроки» исследования о развитии ситуации в Руанде и Сребренице. В 2000 г. было подготовлено фундаментальное исследование о реформе миротворчества, названное «докладом Брахими»¹. Содержащиеся в докладе предложения сводились к улучшению кадрового состава Секретариата ООН, отвечающего за разработку и руководство миротворческими операциями, а также к необходимости увеличения финансирования и оснащения миротворцев за счет более эффективного использования средств ООН. Было указано на целесообразность более четких формулировок в соглашениях членов ООН о размещении войск, касающихся правил применения силы миротворцами. В докладе Брахими впервые прозвучала мысль о необходимости определения приоритетов миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций и согласовании индивидуальных инициатив государств – участников миротворческих операций с ведущими органами ООН.

Проблема реформирования ООН стала ключевой в процессе обсуждения международниками вопросов соотношения национального и международного права, способов преодоления коллизии норм внутреннего, регионального и универсального законодательства, противоречий международной и национальной юрисдикции.

Профессор университета им. Дж. Вашингтона Джеймс Розенау предпринял сравнительное исследование подходов юристов-международников к роли ООН и пришел к выводу о наличии двух десятков функциональных определений этого института многосторонней дипломатии. Подавляющее большинство американских юристов считают ООН в первую очередь устоявшейся рутинной организацией, раздираемой противоречиями национальных интересов и ценностей ее членов-государств настолько, что в целом она не в состоянии предпринимать решительных действий, не соответствующих букве Устава. Важным мотивом критики ООН является ее зачисление в разряд недемократичных структур, т.к. входящие в ее состав крупные и сильные государства – державы глобального и/или регионального масштаба – обладают большей властью, чем малые и слабые для защиты собственных национальных интересов и повышения международного престижа².

Существенные разногласия обнаруживаются в среде экспертов-международников по проблеме традиционности («историчности») ООН. Признавая факт создания ООН в качестве очередной попытки западных демократий обеспечить мир международному сообществу, многие авторы признают ее неудачной. ООН не спасла мир от продолжительной «холодной войны» и многочисленных «горячих» конфликтов подобно тому, как образование Лиги Наций не смогло предотвратить Второй мировой войны. Предпринятые «голубыми касками» операции в Корее (1950-1953), Персидском заливе (1990-1991), Косово (1999), хотя и сыграли важную роль в деле силового обеспечения мира, были осуществлены по следам событий, *post factum*, т.е. тогда, когда агрессия уже состоялась. Таким образом, основная задача ООН по предотвращению агрессии и недопущению применения силы или угрозы силой не была реализована.

Причиной низкой адаптации Организации Объединенных Наций к вызовам современности профессор Техасского университета У.Ростоу (в прошлом – глава Коми-

¹ Report of the Independent Inquiry into the Actions of the United Nations During the 1994 Genocide in Rwanda, UN Doc.S/1999/1257, 15.12.1994; Report of the Secretary General pursuant to General Assembly Resolution 53/35, The Fall of Srebrenica, UN Doc.A/54/549, 15.11.1999; Report of the Panel on United Nations Peace Operations, UN Doc. A/55/305-S/2000/809, 21.8.2000.

² Between sovereignty and global governance: the UN, the state and civil society. – N-Y, 1998. – P. 11.

тета политического планирования госдепартамента) считает инерцию следования историческим образцам международного права. Созданная в результате послевоенного баланса между державами-победительницами во Второй мировой войне, ООН по-прежнему исходит из доктрины национально-государственного суверенитета и равновесия сил между основными акторами мировой политики. В условиях растущей глобальной взаимозависимости роль ООН как единственного (по существу монопольного) международного института легального разрешения межгосударственных конфликтов, по мнению Ростоу, уже не так эффективна, как во времена Ялтинско-Потсдамской системы¹.

Кроме того, за последнее время существенно изменился сам характер угроз миру и безопасности: многочисленные конфликты происходят сегодня уже не между суверенными государствами на почве пограничных и территориальных разногласий, а разворачиваются внутри государств, принимая форму гражданских войн, межконфессиональных и межэтнических столкновений. Прежняя задача Совета Безопасности ООН заключалась в том, чтобы обезопасить мир от войны и вооруженного насилия, поэтому авангардная роль СБ как органа, занимающегося вопросами возникновения риска войны между отдельными государствами, была вполне оправдана и соответствовала нормам Устава ООН. Сегодня, когда происходит формирование нового понятия политики безопасности как действий по защите в первую очередь людей, а не только государств и территорий, от агрессии, геноцида, бедности, экологической опасности и экономических рисков, роль Совета Безопасности должна измениться.

Устав ООН, в котором сохраняется принцип государственного суверенитета, санкционирует вооруженную интервенцию внутри какого-то государства лишь в том случае, если возникшая в нем ситуация представляет угрозу миру. Поэтому до тех пор, пока ситуация в какой-либо стране не начнет оказывать трансграничного воздействия, никто не вправе вынуждать Совет Безопасности прибегать к вооруженному вмешательству в интересах людей, даже если их права нарушены, а действия правонарушителей (правительств, политических и этнических групп) могут квалифицироваться как международные преступления. По мнению авторитетных американских международных экспертов, интересам мирового сообщества в целом и принципу верховенства права пошло бы на пользу, если бы Устав ООН был дополнен за счет формального указания на необходимость интервенций силами ООН с целью защиты людей от грубого нарушения их безопасности даже в том случае, когда это нарушение не имеет никаких международных последствий. Определение тех обстоятельств, которые оправдывают гуманитарную интервенцию (т.е. такое легальное вмешательство мирового сообщества во внутреннюю компетенцию государства, которое призвано пресечь нарушение прав человека), могло бы содействовать формированию универсальных общеобязательных и общепринятых критериев, а не произвольных и не выбранных по случаю (*ad hoc*) участниками процесса принятия решений в Совете Безопасности.

То обстоятельство, что СБ, принимая решения о необходимости либо, напротив, нецелесообразности осуществления гуманитарной интервенции, демонстрирует неодинаковый подход к аналогичным случаям, объясняется сочетанием в Совете Безопасности двух компетенций правосудия. Поскольку лишь Совет Безопасности выносит суждение по вопросу факта – имело ли место нарушение права, которое делает оправданным применение санкций, постольку этот орган ООН выполняет роль всемирного интервенционного суда. С другой стороны, признав факт правонарушения, Совет Безопасности принимает решение о применении силы и осуществляет миротворческие операции, т.е. выступает в роли мирового полицейского. Функционируя одновременно

¹ From globalism to regionalism: new perspectives on the U.S. foreign and defense policies. – Wash., 1993. – P. 140.

и как всемирный суд, и как мировая полиция, Совет Безопасности ООН подчиняется политической логике. Применение же норм права, при котором аналогичные случаи рассматриваются на основе равного подхода, предполагает юридическую логику. Для того чтобы СБ направлял урегулирование конфликтов в цивилизованное русло, т.е. чтобы при применении норм права аналогичные случаи рассматривались на базе равного подхода, необходим орган, способный принимать решения не из политических, а из чисто юридических соображений. Это значит, что вопрос должен рассматриваться не на основе определенных политических интересов и политических оценок, что в силу различий между участниками Совета приведет к взаимному блокированию позиций и сделает невозможным принятие общего решения, а на основе заранее согласованных правовых норм, чтобы любой конкретный случай можно было квалифицировать юридически. Одним словом, в правоприменительной практике ООН должен возобладать принцип «law by reason» над логикой «law by power»¹.

Этот тезис можно считать манифестацией нового подхода к международному праву со стороны молодого поколения американских международников в лице А.М. Слэйтер и Дж. Айкенберри. По их мнению, неоднократно повторявшийся постулат о взаимосвязи между действенностью права и стоящей над ним силы является эмпирическим преувеличением. Монополия силы – лишь один из факторов, определяющих эффективность правоприменения. Соблюдение правовых норм должно обеспечиваться, в первую очередь, легитимностью правовых норм и легитимностью их применения. Легитимность, в свою очередь, зависит от системности и универсальности международного права, признаваемого всеми его адресатами, а также от характера правоприменения, гарантирующего равное право для всех².

Институциональные реформы ООН должны затронуть не только Совет Безопасности как политический орган, но и привести к созданию международного суда по проблемам безопасности, способного принимать решения независимо, исходя из юридических аргументов. По существу, в проектах реформирования ООН, выдвигаемых неоллибералами, речь идет о создании своеобразного тандема из военно-политических и юридических аспектов политики обеспечения международной безопасности, в котором силовая компонента Совета Безопасности сочеталась бы с юрисдикцией Международного суда безопасности. По мнению американских юристов-международников, подобный проект не является утопией, т.к. в сфере международного уголовного права такой тандем уже создан на базе соединения усилий СБ и Международного уголовного суда. Компетенция Международного суда безопасности (или Всемирного интервенционного суда) могла бы обеспечить решение следующих задач:

1. Квалифицировать преступления геноцида, агрессии, терроризма и т.д., исходя из чисто юридических, а не политических соображений. В этом случае подобный орган выполнял бы функцию независимого суда в международном масштабе: устанавливая факт преступления, он принуждал бы Совет Безопасности к легальным действиям и/или к обоснованию легитимности своих действий, если тот решил бы вмешаться самостоятельно.

2. Всемирный интервенционный суд мог бы проверить, насколько обоснованы аргументы, приводимые членами Совета Безопасности против вмешательства, если факт преступления установлен. Тем самым был бы существенно повышен уровень обоснования позиций сторон и уровень ответственности государств -членов ООН при блокировании ими решения Совета Безопасности. Благодаря этому вмешательство по собственному усмотрению было бы затруднено.

¹ Gray Chr. International Law and the Use of Force. Oxford, 2000. – P. 243.

² International Rules: Approaches from International Law and International Relations. Oxford, 1996. – P. 30-33.

3. Наделение такого органа правом судебного контроля позволило бы ему осуществлять проверку обоснованности вмешательства Совета Безопасности в случае признания фактов преступления и оценивать адекватность применяемых при этом средств в отношении субъектов международного преступления. Тем самым он осуществлял бы контроль над тем, чтобы Совет Безопасности не действовал произвольно и не злоупотреблял данными ему правами в соответствии с нормами Устава ООН.

Таким образом, в идеале выполнение Организацией Объединенных Наций роли «мирового полицейского» в рамках создаваемого всемирного правового государства возможно при наличии двух условий: во-первых, ООН должна руководствоваться системой норм международного права, которые признаются всеми участниками мирового правопорядка и адресованы всем акторам мирового политического процесса, и, во-вторых, системой правоприменения, основанной на существовании процессуальных и материальных норм международного правосудия. Однако по общему признанию юристов-международников именно последняя до сих пор слабо разработана, что лишний раз подтвердилось применением силы со стороны НАТО против Югославии, мотивированным нарушением прав человека в Косово, а также операцией США против Ирака, мотивированной тем, что в нарушение резолюции ООН эта страна продолжала разработку и накопление оружия массового уничтожения. В первом случае был создан опасный для мирового сообщества прецедент несанкционированного ООН вмешательства региональной организации во внутреннюю компетенцию суверенного государства, во втором – был осуществлен возврат к политике и логике «сила против права».

Наряду с преодолением коллизий между нормами национального права входящих в ООН государств и общепризнанными принципами международного права главной проблемой будущего правопорядка станет создание оперативного механизма миротворчества, позволяющего не только восстанавливать нарушенные права, но и предотвращать международные конфликты. По мнению большинства юристов-международников, в прошлом ни Лига Наций, ни ООН, ни НАТО и другие региональные организации не выполняли возложенной на них учредительными документами функции превенции международных правонарушений. Лига Наций не сумела предотвратить Второй мировой войны, по окончании которой мир почти сразу же столкнулся с противостоянием держав в «холодной войне».

Однако, по мнению У.Ростоу, у Организации Объединенных Наций сохраняется шанс на то, что третья попытка создания «мирового правительства» цивилизованных народов окажется более успешной. Свои надежды на адаптацию ООН к меняющимся глобальным обстоятельствам автор связывает с изменением повестки дня этого «международного форума», способной привлечь внимание к проблемам миграций, беженцев и вынужденных переселенцев; угрозе окружающей среде и здоровью людей, нуждам развития, политическим правам и свободам; вопросам борьбы с наркотрафиком и распространением оружия массового поражения. В этом случае ООН станет конкретным выражением той формирующейся цельности, которая именуется «международным сообществом» и выступает основным вкладчиком в эволюцию новых глобальных норм и инновационных решений¹.

Успех нового правопорядка зачастую связывают с превращением Организации Объединенных Наций в широкий политический форум, на котором конкурируют различные модели обеспечения национальной и коллективной безопасности, представляющие интересы различных стран, коалиций, альянсов и региональных союзов. Превращение ООН в «организацию-форум» позволит создать такую систему представи-

¹ From globalism to regionalism: new perspectives on U.S. foreign and defense policy. – Wash., 1999. – P. 143.

тельствa интересов ведущих акторов мировой политики, которая адекватно отражает самые разные и противоречивые тенденции современного развития. Реформа представительства в ООН должна учитывать как становление новых национальных центров мировой системы в лице Германии, Италии, Индии, Японии, Кореи, Индонезии, Бразилии, Мексики, Египта, Нигерии, ЮАР, так и возрастающее влияние региональных блюстителей миропорядка в лице ОБСЕ, ЕС, ЗС, НАТО. В идеале постоянные члены Совета Безопасности должны представлять в этой универсальной международной организации все «релевантные группы» интересов, а не горстку «богатых и сильных государств». Предоставление региональным союзам места постоянных членов в Совете Безопасности сделало бы ООН организацией, способной адекватно реагировать на вызовы глобализации: осуществлять борьбу с терроризмом, международной преступностью, предотвращать возникновение межнациональных и внутригосударственных конфликтов. В то же время встраивание в систему органов ООН региональных структур снизит риск того, что какая-то группа заинтересованных государств попытается этнически или политически вынудить ООН предпринять интервенцию от имени всего мирового сообщества.

В настоящее время ООН представляет собой организацию переходного типа. С одной стороны, Организация Объединенных Наций является структурообразующим элементом классической системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства входящих в нее государств; с другой – демонстрирует стремление адаптировать свою структуру и функции к вызовам глобализации. В итоге ООН служит двум хозяевам – исторически сложившейся мир-системе государств и становящейся системе глобального миропорядка. Развиваясь одновременно в двух мирах, ООН вплоть до настоящего времени является единственным глобальным механизмом поддержания как правопреемственности норм международного права, так и их новеллизации.

Различные оценки настоящего и будущего Организации Объединенных Наций зависят от того, что воспринимается в качестве ведущей тенденции мировой политики – преемственность или трансформация. Начиная со знаковой статьи Г.Киссинджера¹, обсуждение новой архитектуры миропорядка американскими экспертами основывалось на признании необратимого распада Вестфальской мир-системы, составлявшей основу традиционного международного права.

Отправным моментом обсуждения новой архитектуры международных отношений стало признание Г.Киссинджером факта необратимого распада Вестфальской системы, составлявшей основу прежнего миропорядка и международного права. Как известно, система мирных договоров 1648 г., завершивших 30-летнюю войну, стала точкой отсчета для существования современного «государства-территории» как главного участника международных отношений и основного актора международного права. Признанием суверенитета каждого государства в сфере внутренней и внешней политики было положено начало становлению основополагающих принципов международного права – невмешательства государств во внутреннюю компетенцию друг друга (*domain reserve*), уважения свободы и равноправия, мирного сосуществования народов независимо от конфессиональной принадлежности их суверенов. Вестфальский мир содержал специальную оговорку, направленную против возможных претензий со стороны универсальных политических сил – имперских правителей тогдашней Европы (Папы Римского и Императора Священной римской империи германской нации) по наведению порядка на территориях государств – участников договора. Тем самым он стал первым в истории западных государств соглашением антиимперского, антигегемонистского характера.

¹ Kissinger H. Preemption and the End of Westphalia // *New Perspectives Quarterly*. – Fall. – 2002. – № 4.

В современных условиях глобализации, динамичного расширения новых областей и участников транснациональных отношений неограниченный суверенитет государства превращается в фикцию, резко уменьшая его способность осуществлять контроль над населением, территорией и ресурсами средствами национальной политики и на основе норм национального права. Национальное правительство начинает делиться монополией на управление (как основой суверенности) с транснациональными корпорациями, традиционными межправительственными международными организациями (ООН, МВФ, ВТО), а в последнее время и с международными неправительственными организациями (о чем свидетельствует неуклонно возрастающий международный авторитет таких МНО, как «Гринпис», «Международная амнистия», «Врачи без границ», «Комиссия наблюдателей за соблюдением прав человека», суждения которых заслушиваются конференциями и специальными органами ООН). Межправительственные организации как обладатели делегированных им отдельными государствами полномочий оперируют нормами поведения государств: принимают на себя обязательства и несут ответственность за их недолжное исполнение или нарушение. Таким образом, сфера и характер деятельности МПО регулируются их учредительными документами. Деятельность МНО и ТНК, напротив, остается вне пределов досягаемости национального государства.

При оценке влияния отмеченных процессов и преобразований на деятельность ООН самая большая трудность возникает в определении роли, компетенции и суверенитета государств. Движущие силы глобализации делают границы более прозрачными, юрисдикции менее определенными, государственный суверенитет менее значимым, а национальное управление менее эффективным. Воспринимая подобные метаморфозы международной правосубъектности как временные аномалии, многие специалисты отказываются примириться с мыслью о том, что государство отныне не обладает монополией контроля за территорией, населением и ресурсами как главным атрибутом суверенности, а поэтому должно во все большей степени разделять власть с другими участниками на субнациональном, транснациональном и наднациональном уровнях. Они признают факт снижения суверенитета, предвидят разделение полномочий государств с МНО в будущем, однако настаивают на том, что государства и в новых условиях обладают исключительным правом принуждения и свободой действий по отношению к другим участникам мирового процесса, а потому по-прежнему выступают главными акторами мирового правопорядка¹.

Политическая культура ООН во многом продолжает ориентироваться на суверенитет и доминирующую роль государств в процессе международного общения, т.е. поддерживает исторически сложившиеся контуры мирового правопорядка. С другой стороны, вовлекаясь во внутригосударственные конфликты наряду с конфликтами международными, осуществляя миротворческую и гуманитарную деятельность, ООН демонстрирует способность откликаться на перемены. Признаком формирующейся новой политической культуры ООН американские аналитики считают все большую озабоченность большинства ее членов проблематикой прав человека и демократического правления. По этим вопросам государства все более склоняются к признанию того, что все, происходящее в данной сфере, легитимно становится общим делом. В итоге глобальная политическая культура основывается на понятии сопутствующих юрисдикций, когда первоочередные задачи по защите прав человека и демократии сохраняются за отдельными государствами, а Организация Объединенных Наций имеет право подключаться к их выполнению даже с использованием силы, если сами государства не выполняют своих обязательств в этой области.

¹ McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. № 112. April-May, 2002.

Подобному сдвигу в соотношении национальных юрисдикций и международного правосудия сопутствовали изменение политической и правовой культуры государств, новое понимание их суверенных прерогатив и компетенции ООН. Если в первые десятилетия существования ООН инициаторами применения санкций к нарушителям норм международного права выступали отдельные государства, то позднее государства стали сторонами, реагирующими на инициативы основных структур и органов ООН. Ментальность типа «суверенное государство дает согласие» постепенно заменилась новым принципом принятия решений по общезначимым для всего мирового сообщества вопросам – «все государства должны двигаться в заданном направлении». Понимание ограниченности возможностей решения глобальных проблем и противостояния глобальным угрозам вынуждает государства разрешать ООН в соответствии с новыми задачами и сознательно отказываться от части своих суверенных прав в пользу этого пока еще символа всемирного управления.

Подобный сдвиг в культуре ООН американские эксперты считают важным показателем большей, чем прежде, готовности государств к многостороннему сотрудничеству в решении глобальных проблем. ООН пока не стала и вряд ли когда-нибудь станет мировым правительством, но уже достигла такой стадии своего развития, когда государства ищут ее одобрения за те действия, которые еще недавно считались их суверенными прерогативами.

Необходимость коллективных действий и глобальной кооперации способствует исчезновению прежних барьеров восприятия государствами друг друга сквозь призму цивилизационных и статусных параметров. Не случаен акцент представителей современной международно-правовой доктрины на постепенно формирующемся ценностном единстве различных акторов мировой политики в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью¹.

Итак, несмотря на противоречивые последствия глобализации для формирования новой институциональной и нормативной базы мирового правопорядка, ООН, несмотря на рецидивы прежней политики, в которой решающая роль принадлежит государствам, настаивающим на своем суверенитете и национальном интересе, стала мостом через пролив, соединяющий два мира мировой политики. Этот мост обеспечивает доступ МНО и отдельным индивидам в мир-систему государств и доступ национальных государств в многополярный мир, способствуя созидательной конкуренции различных способов обеспечения мира и безопасности, прав и свобод человека.

Обсуждение проблем эффективности новых принципов международного права отразило наличие в среде экспертов-международников двух противоположных подходов к пониманию структуры мирового правопорядка в условиях глобализации. Адепты традиционной теории международной правосубъектности, основанной на общей способности субъекта иметь международные права и обязанности, придерживаются государственнической парадигмы, полагая, что дальнейшее развитие права коллективной безопасности, гуманитарного вмешательства и международного уголовного правосудия будет сосуществовать с принципами суверенного равенства и независимости государств, сохраняя превосходство «силы права» над «правом силы»².

Сторонники расширения структуры миропорядка за счет включения в него новых легитимных акторов, участвующих в механизмах создания, утверждения и пополнения права (ТНК, МНО, индивиды), полагают, что это приведет к расширению среды

¹ Carothers Th. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. Jan.-Febr. 2003.

² Dupont P. La guerre et le droit: quelle espoir pour le XXI siecle? // Defence national. – 2001. – № 1. – P. 65.

применения отдельных норм международного права, а главное – к изменению нормативных и институциональных структур мирового сообщества.

Главной движущей силой транзита мирового сообщества в направлении адаптации и приспособления к вызовам глобализации считаются МНО. Они не обременены инерцией истории и сложившихся образцов поведения на международной арене, а потому активно осваивают новые сферы международной коммуникации, содействуя становлению новых отраслей и институтов международного публичного и частного права. Наиболее существенен их вклад в дело «расширения и содействия демократии»: проведение мониторинга выборов, контроль за состоянием и соблюдением прав человека, подготовка проекта конституций, обучение менеджменту, содействие размещению беженцев и вынужденных переселенцев и т.д. Еще более значима роль МНО в качестве новой мировой полицейской силы.

Центральная роль МНО в мировом политическом процессе проявилась в их регулярном участии в конференциях ООН по вопросам состояния окружающей среды, проблемам устойчивого развития, по правам человека. Члены МНО официально представлены в МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ЭКОСОС.

Заслугой МНО можно считать поставленную ими проблему «дефицита демократии» в деятельности международных межправительственных организаций и на глобальном уровне принятия решений в целом. В условиях широкого распространения ценностей демократии и прав человека требование МНО сделать прозрачным процесс принятия решений за счет выработки четких процедур воспринимается как голос мировой общественности. Действительно, по многим ключевым проблемам мировой политики до сих пор нет четких ответов на вопрос о том, кто выносит суждение в споре двух или нескольких государств по различным проблемам (пограничного размежевания, определения размера ущерба, причиненного трансграничным загрязнением, и т.д.), кто формирует повестку дня ООН, выделяя приоритетные проблемы мирового развития, кто обеспечивает финансовые, материальные и кадровые ресурсы для решения глобальных проблем, наконец, кто применяет силу или порицание к предполагаемым или признанным нарушителям норм международного права. Решения, как правило, принимаются должностными лицами ООН и многочисленной бюрократией ее структурных подразделений, не считающих себя обязанными отвечать, чьи интересы они продвигают. Тем самым МНО выполняют не только функцию общественного контроля за принятием решений по глобальным вопросам, но и выступают в роли своеобразных сдержек и противовесов по отношению к государствам как главным акторам традиционного миропорядка.

Конструктивная роль МНО в переходе к новым принципам деятельности ООН проявляется в обнаружении ими альтернативных путей разрешения глобальных проблем на конференциях по вопросам экологии, прав человека, народонаселению, в обеспечении информацией, предложениях обсуждения новых направлений и путей международного сотрудничества. Таким образом, МНО как негосударственные участники мирового процесса не только заполняют пробелы в международном праве, которые национальные правительства и наднациональные структуры не могут осуществить сами, но во многом и корректируют повестку дня глобального сообщества.

Мезяев А.Б., О мемуарах бывшего прокурора Гаагского трибунала К.дель Понте
Мезяев А.Б., О мемуарах бывшего секретаря Международного суда ООН Х.Тирлуэя

О мемуарах главного прокурора Гаагского трибунала

(Карла дель Понте, Судетич Ч.,
«Охота. Я и военные преступники». – М.: Эксмо, 2008)

Мезяев А.

Книга Карлы дель Понте (далее – ДП) привлекла огромное внимание международной общественности осенью 2007 года, когда она вышла сначала на итальянском, а затем на сербском и английском языках. Тем не менее, многочисленные комментарии в прессе, в том числе российской, на мой взгляд, не смогли дать верную оценку этой книге¹. После выхода мемуаров на русском языке (М.: Эксмо, 2008) подробный комментарий содержащихся в них материалов и общая объективная оценка книги уже просто необходимы.

На самом деле «мемуарами» книгу ДП можно назвать весьма условно. Дело в том, что автор нарушил неписанные, но хорошо устоявшиеся мемуарные правила и выпустил свою книгу практически одновременно со своим уходом из трибунала. Кроме того, книга ДП должна быть оценена в контексте других «скорох мемуаров», выпущенных также одновременно с выходом в отставку ближайшей соратницы ДП, ее пресс-секретаря Ф.Хартманн. Анализ показывает, что эти книги писались с единой целью и потому должны рассматриваться как единое целое². В настоящее время Ф.Хартманн осуждена Гаагским трибуналом за раскрытие секретных сведений в своей книге как «оскорбление суда». Она подала апелляцию и заявила, что будет бороться до конца, вплоть до Европейского Суда по правам человека.

В книге самой дель Понте главными вопросами, которые привлекают особое внимание, являются процесс против Слободана Милошевича, охота на Р.Караджича

¹ Единственным исключением является статья профессора Е.Ю. Гуськовой, хотя ее материал касается анализа только одной части книги, посвященной торговле человеческими органами, организованной боевиками ОАК. (См.: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1432>)

² Анализ книги Ф.Хартманн был дан в статье А.Мезяева в рубрике «Международно-правовые мемуары» второго выпуска «КЖМП».

и Р.Младича, ответ МТБЮ на агрессию НАТО против Югославии и роль различных государств, в том числе России, в деятельности МТБЮ.

1. Процесс против президента Югославии С.Милошевича

**Как составлялись обвинительные заключения против С.Милошевича*

Подготовка обвинительного акта против С.Милошевича по Косово заняла у главного прокурора МТБЮ всего несколько недель – случай для международной юстиции беспрецедентный. Как такое могло произойти? Дель Понте не случайно отвечает на этот вопрос, хотя и не за себя, а за свою предшественницу Луизу Арбур, ибо объяснение действий Арбур необходимо для дальнейшего оправдания самой ДП.

«Арбур работала быстро. Она хотела продемонстрировать, что трибунал способен быстро исполнять свои обязанности. Кроме того, она хотела помешать какой-либо сделке между США и другими государствами – членами НАТО и режимом Милошевича. Л.Арбур понимала, что всем так хочется одержать победу и прекратить бомбардировки Сербии и Черногории, что подобная сделка, которая избавила бы Милошевича от преследования в обмен на вывод сербских войск из Косово, вполне возможна. Обвинения со стороны Арбур были смелым поступком. Теперь настала моя очередь продолжить ее дело» (с. 152).

Данные объяснения, однако, не объясняют главное – каким образом Арбур смогла собрать и проверить все свидетельства? В тех условиях и за имевшийся период времени подготовить действительно объективное и доказанное обвинение было невозможно. Это подтвердил последовавший ход процесса. После окончания обвинительной части процесса сама прокуратура признала, что по ряду пунктов обвинения она не смогла представить никаких доказательств (не просто «убедительных» доказательств, как того требует Статут МТБЮ, а вообще – никаких!). Что касается доказательств иных обвинений, то прокуратура была поймана за руку на их фальсификации. Именно поэтому ДП должна была объяснить невероятно быстрое выдвижение обвинения против С.Милошевича, но, как видим, настоящего объяснения не дается.

**Выдача С.Милошевича в Гаагу*

Зимой 2001 года премьер-министр Сербии Джинджич попросил ДП о личной встрече, которая состоялась в Швейцарии. Он заявил, что Милошевич «пытается вернуться в политику в качестве главы оппозиции. Джинджич отлично понимал, что его нужно нейтрализовать. Он объяснил, что ему необходима поддержка США. Очень важно было и то, чтобы к концу месяца в страну поступила обещанная экономическая помощь» (с. 173).

«Затем мы перешли к вопросу об аресте Слободана Милошевича. В стране должен был быть назначен новый генеральный прокурор, которому предстояло заняться расследованием действий высокопоставленных чиновников его администрации. ... Джинджич объяснил: «Все зависит от тех доказательств, которые мы сумеем собрать до 15 марта. Тогда мы потребуем ареста Милошевича. Конечно, он будет арестован не за те преступления, которые интересуют трибунал. Но нам будет трудно задерживать его долго. Я передам Милошевича Гааге, даже если для этого его придется похитить» (с. 175-176). «Джинджичу пришлось согласиться с требованием Милошевича не передавать его в руки МТБЮ. Но очень скоро он заверил меня, что это соглашение, которое помогло положить конец осаде виллы, не будет иметь никакого значения. Обман продолжался. Милошевич оказался в тюремной камере» (с. 185).

**Тайные подоплеки процесса против С.Милошевича*

Процесс С.Милошевича был проведен столь непрофессионально, что, безусловно, потребовалась дача объяснений. Это почувствовала даже сама дель Понте. Главными аргументами, объясняющими провал процесса, ДП называет: во-первых, невозможность представления «самых главных» доказательств и, во-вторых, «вредительство» со стороны сотрудников МТБЮ, в первую очередь, главного прокурора процесса Дж. Найса.

Одним из главных аргументов ДП, которые были положены в оправдание провала обвинительной части процесса, стало утверждение о том, что прокуратуре не было дано возможности использовать документы из архивов Верховного Совета обороны (ВСО) Югославии, которые, якобы, содержат полное и безусловное доказательство вины С.Милошевича в совершении военных преступлений. Для того чтобы оправдаться за отсутствие доказательств в деле С.Милошевича, еще во время самого процесса была запущена «деза» о том, что доказательства вины Милошевича находятся в архивах ВСО, однако являются недоступными. Конечно, любой нормальный человек задаст себе простой вопрос: если эти архивы недоступны, то откуда прокуратуре МТБЮ известно их содержание? Ответа на это Карла не дает. И не случайно. Ибо ответ на этот вопрос дается в первом томе ДП, написанном ее пресс-секретарем Ф.Хартманн, где «разглашается» якобы секретная информация о том, что судебная палата придала конфиденциальный характер полученным из Сербии документам. Как удобно придумано! Доказательства есть, но по просьбе Сербии (!) они засекречены, поэтому никто о них, кроме судей и сотрудников прокуратуры, не узнает! Уж не на этих ли «доказательствах» хотели основать свой обвинительный приговор в отношении С.Милошевича? Рассмотрим, однако, «неопровержимые доказательства вины Милошевича» в архивах ВСО подробнее.

«Я вспомнила о важности обвинений в геноциде ... [во время встречи с бывшим президентом Югославии] Зораном Лиличем. Он с энтузиазмом отнесся к идее дачи показаний [против Милошевича] и попросил обеспечить защиту ему и членам его семьи. ... Во время беседы Лилич подтвердил существование записей заседаний ВСО. ... Эти стенограммы стали бы ценнейшим доказательством причастности Белграда к событиям в Хорватии и Боснии. Но сначала их надо было получить. ... Мы должны были преодолеть сопротивление белградского правительства, усилившееся из-за того, что подобная информация могла быть использована [в Международном суде ООН], где против Югославии были выдвинуты иски» (с. 263-264). В декабре 2002 года «наши попытки получить стенограммы заседаний ВСО ни к чему не привели. 13 декабря терпению пришел конец. Дж. Найс направил в судебную палату запрос» по статье 54bis Правил процедуры трибунала, где содержалось требование заставить правительство Сербии предоставить данные документы. ДП даже подключила Совет Безопасности ООН, председатель которого сделал специальное заявление, где указал, что СРЮ должна сотрудничать с МТБЮ «в полном объеме» (с. 281-283). «Борьба за эти документы велась за закрытыми дверями. 5 июня 2003 года судебная палата гарантировала защиту документов и распорядилась об их выдаче. К сожалению, эти защитные меры, а также требования конфиденциальности не позволяют мне сейчас раскрыть детали юридических аргументов и правил, которыми судебная и апелляционная палаты руководствовались, обеспечивая защиту этим документам» (с. 335-336).

О том, что «архивы ВСО» как неопровержимое доказательство вины С.Милошевича являются блефом МТБЮ, говорит и другая история. Рассматривавший в 1993-2007 годах дело «Босния против Сербии» Международный Суд ООН так и не запросил

у Сербии эти документы, хотя имел на это все основания. Описывая свою реакцию на решение Международного Суда ООН, вынесенное в феврале 2007 года, в котором Сербия *не* была признана виновной в нарушении Международной конвенции о пресечении преступления геноцида и наказании за него, дель Понте пишет:

«Я была потрясена. С весны 2003 года прокуратура МТБЮ получила сотни секретных документов, в том числе стенограммы [ВСО]. Эти документы ясно доказывали роль Сербии в боснийской войне. Если бы судьи [Международного Суда ООН] имели доступ к этим стенограммам, они бы приняли иное решение» (с. 582). Интересно, как ДП объяснила решение Международного Суда ООН не запрашивать эти документы. «К числу ... причин следует отнести и страх создать впечатление необъективности суда и нарушения суверенитета государства. Кроме того, если бы Сербия отказалась предоставить документы, суд оказался бы в неловком положении» (с. 583).

Попытка ДП объяснить за судей МС ООН их мотивацию (да еще и столь смехотворную) весьма показательна. Говорить о «страхе» и «боязни попасть в неловкое положение» может только тот, кто не знаком с деятельностью этого суда (также находящегося в Гааге). Ведь не боялись же судьи и не чувствовали себя неловко, когда выносили решение об отказе вынести распоряжение о прекращении бомбардировок Югославии в апреле 1999 года. Также ничуть не смущался этот Суд отказать в принятии десяти жалоб Югославии против стран НАТО на том основании, что СРЮ, якобы, не была членом ООН, но отверг этот же самый аргумент в другом деле – когда рассматривался иск против самой Югославии¹. Однако очевидная глупость объяснения ДП для нас все-таки также ценна: это лишний раз подтверждает ложь дель Понте.

Одним из главных выводов, которые можно сделать из мемуаров ДП, является вывод о том, что у прокуратуры не было доказательств вины С.Милошевича не только на момент выдвижения против него обвинений, но даже во время самого процесса! Этот факт является в высшей степени поразительным, ибо книга в значительной своей части (около четверти ее объема) как будто бы посвящена доказательствам обратного.

«В то время [летом 2000 года] трибунал не имел ни одного заслуживающего полного доверия свидетеля против Милошевича» (с. 153). Таким образом, ДП признает, что дело С.Милошевича было не готово даже через год после утверждения обвинительного акта! Не появились эти доказательства и еще через полгода!

«Вечером 10 октября 2000 года я получила письмо от госсекретаря США М.Олбрайт. «Пожалуйста, – писала она, – продолжайте воздерживаться от публичных обвинений в адрес Милошевича и от требований выдачи его трибуналу». Я снова согласилась. В моем распоряжении еще не было того нового материала, на основании которого можно было бы выдвинуть обвинение в преступлениях, совершенных в Косово» (с. 154-155). Обратим внимание на дату: октябрь 2000 года. Обвинение против Милошевича и ордер на его арест подписаны почти полтора года назад!

«Многие из перехваченных переговоров так и оставались неизученными. ... Власти в Белграде по-прежнему отказывались предоставить нам документы ... и другие доказательства вины диктатора в военных преступлениях» (с. 153). «Самые убедительные доказательства трибунал получил от неизвестных [?!] свидетелей, чья беспристрастность была более чем сомнительна, а также из записей радио и телефонных переговоров между сербскими военными и полицией, сделанных боснийскими военными и разведкой во время войны» (с. 153). «Я не могла смириться с тем, что свидетельства связи Белграда с насилием в Хорватии и Боснии не существует. Со-

¹ Подробнее об этом решении Международного Суда ООН см.: Мезяев А.Б., Дело о геноциде // «Казанский журнал международного права». – 2007. – № 1.

общения журналистов явно показывали, что Милошевич несет ответственность за преступления в обеих республиках» (с. 154). «Со дня депортации Милошевича в Гаагу до начала судебного процесса прошло семь месяцев. Для такого сложного дела этот период крайне мал. Мы должны были найти свидетелей, а также заставить Белград предоставить нам важные документы и позволить следователям работать в Сербии. Нужно было внимательно допросить свидетелей и убедить их дать показания» (с. 234-235).

Итак, Карла прямо и без тени смущения признается: через семь месяцев после ареста С.Милошевича (и более чем через два с половиной года после подписания обвинительного акта) у прокуратуры не было ни свидетелей, ни документов для начала суда!

Объясняя свой запрос об ином порядке рассмотрения обвинений (Босния – Хорватия – Косово), нежели хронологический порядок их выдвижения (сначала было выдвинуто обвинение по Косово, а через два года – по Хорватии и Боснии), ДП объяснила это следующим образом: «...прокурорская служба хотела выиграть время: обвинение по Косово было подготовлено хуже всего...» (с.238). Итак, косовское обвинение было уже два с половиной года как утверждено, обвиняемый сидит в тюрьме по этому (именно по этому!) обвинению более семи месяцев, а ДП признается: оно подготовлено так, что нужно «выиграть время», и потому выдвигает новые обвинения, которые, якобы, подготовлены лучше и потому надо начинать судебный процесс именно с них! Интересно, что затем ДП отмечает, что назначив слушания по косовскому обвинению первыми, судьи «решили наказать прокуратуру» (с. 238). «Это имело очень серьезные последствия, – сокрушается Карла» (с. 238). Итак, первый виновник провала процесса назван – это был сам суд!

Особое место в мемуарах ДП отводится судьбе главного обвинения против С.Милошевича – «геноцид». Данное обвинение было включено в обвинительный акт по Боснии, но никаких реальных доказательств этого не было, о чем прямо говорили сами сотрудники прокуратуры. Однако дель Понте настаивала: если не будет «геноцида», она уйдет в отставку! «Только так трибунал может подтвердить свою значимость. Если следствие еще не собрало достаточных доказательств, то это проблема следствия, поскольку доказательства этих преступлений явно существуют (с. 261).

Дель Понте признает, что имелись серьезные проблемы доказательственной ценности показаний, которые были даны свидетелями обвинения в первые месяцы процесса. Однако делает это только для того, чтобы убедить читателя в том, что когда она взяла процесс в свои руки, все изменилось.

«Первыми свидетелями, которых вызвала прокуратура, были жертвы преступлений, совершенных в Косово сербской полицией и армией. Я предупреждала, что это тактическая ошибка, связанная со значительной тратой времени. Наш процесс был назван «процессом века», но он же стал и величайшим разочарованием. Во всем мире ... ожидали, что против Милошевича ... будут свидетельствовать люди его уровня: дипломаты, специалисты по международному праву, его собственные ставленники. Но вместо этого перед судом предстали жертвы военных преступлений. Многие из них были неграмотными крестьянами и рабочими, никогда не выезжавшими за пределы своих родных деревень и городков. Они не могли противостоять Милошевичу во время перекрестных допросов» (с. 243). «Я созвала совещание, на которое пригласила Найса, Райневельда, Грума, Эрц-Ретзлаф и других членов нашей команды, и сказала: «Это не тот процесс, который мы хотели показать миру». Я не хотела видеть, как Милошевич унижает наших свидетелей. Никогда не забуду один из устроенных им перекрестных допросов. Это было ужасно. Пожилая косовская албанка,

которая была не только жертвой преступления, но и политическим лидером своего региона, оказалась не в состоянии отвечать на вопросы Милошевича. Ему быстро удалось подорвать доверие к ней суда. Милошевич пытался представить албанцев террористами. Да, действительно, свидетельница наверняка участвовала в каких-то противоправительственных действиях и не хотела в этом признаваться. ... Нам нужно было обсудить изменение тактики. Мне были необходимы свидетели-инсайдеры. ... Мне были необходимы доказательства, которые связывали [курсив самой ДП] Милошевича с этими расстрелами, изнасилованиями и другими преступлениями» (с. 243-244).

Итак, процесс уже идет, а Карла только обсуждает необходимость изменения тактики и что нужны доказательства, которые бы связывали Милошевича с этими преступлениями. Да и кто же отвечал за процесс в первые месяцы? Не сама ли Карла открывала его? В общем, коренной перелом в процессе – чистейшая выдумка. Да и произошел ли перелом?

«Примерно в это же время [в апреле 2002 года]¹ прокуратура предложила сократить проект обвинительного заключения против Милошевича в части преступлений, совершенных в Боснии и Герцеговине. Сотрудники чувствовали себя неловко. Они искали доказательства причастности Милошевича к насилию в Боснии, но понимали, что хотя собранного материала и достаточно для возбуждения дела и составления обвинительного заключения, но добиться приговора по обвинению в геноциде на его основании не удастся» (с. 259).

Следует отметить, что, во-первых, на самом деле речь идет не о проекте, как пишет ДП, а об уже утвержденном судом обвинительном акте. Слово *проект* в то же время не является случайно слетевшим с ее уст. Оно введено умышленно, чтобы показать, что проблема отсутствия доказательств была, якобы, чисто технической. Во-вторых, следует отметить важное признание ДП о том, что имевшихся «доказательств» для осуждения по геноциду было недостаточно для осуждения – и это понимала сама прокуратура, составившая обвинение!

Итак, как видим, мемуары ДП просто насыщены свидетельствами того, что обвинение не имело убедительных доказательств вины С.Милошевича. Интересно, что имела в виду автор книги, утверждая, что процесс «против Слободана Милошевича в феврале 2002 года ознаменовал собой начало конца трибунала по бывшей Югославии» (с. 265).

Кто же был виноват в таком ходе процесса века? Оказывается, не только судьи. В своих мемуарах ДП утверждает, что она практически в одиночку боролась не только с военными преступниками, государствами бывшей Югославии, но даже с собственными сотрудниками, включая своего первого зама в МТБЮ!

«Мой заместитель Г.Блевитт и руководитель следствия Дж. Рэлстон не считали дело Милошевича основным. Не помогли даже мои приказы, отданные осенью 1999 года. По их мнению, прокуратура не располагала ни временем, ни силами для сбора доказательств против Милошевича, так как его появление в Гааге было маловероятным» (с. 154).

Кстати, интересно отметить, что серый кардинал МТБЮ² Блевитт не изменил своего мнения и после начала процесса против С.Милошевича. Мне вспоминается ответ Г.Блевитта, который он дал в ноябре 2003 года на мой вопрос: «Какие наиболее важные процессы идут в настоящее время в трибунале?». Несмотря на то, что в эти

¹ На третьем месяце процесса.

² Г.Блевитт занимал должность заместителя главного прокурора при трех главных прокурорах – Голдстоуне, Арбур и дель Понте.

самые минуты за стеной его кабинета шли слушания по делу С.Милошевича, Блевитт ответил, что, на его взгляд, первым является дело Благоевича и Йокича, а отнюдь не процесс С.Милошевича.

Что же касается главного прокурора процесса против С.Милошевича британца Дж. Найса, то автор книги описывает его просто-таки как пятую колонну.

«Осенью 2001 года мой заместитель Г.Блевитт и руководитель следствия американец Майкл Джонсон отправились в Лондон, чтобы пригласить британского барристера Джеффри Найса, который был старшим прокурором МТБЮ, подключиться к делу Милошевича. Вернувшись в Гаагу, они сообщили мне, что Найс принял предложение. Лишь позже я узнала, что по настоянию Найса они согласились назначить его руководителем, координирующим работу трех старших прокуроров, координирующих различные обвинения. Таким образом, Найс становился начальником Райневельда, Эрц-Ретзлаф и Грума. У Найса была прекрасная репутация, но он имел склонность окружать себя людьми, не оспаривавшими его точку зрения. Это делало конфликты с другими старшими прокурорами абсолютно неизбежными. Найс не терпел, когда вышестоящие руководители, которых он не уважал, оспаривали его мнение или отменяли принятые им решения. В трибунале таким руководителем, работавшим в другой стране и в другой правовой системе, оказалась я. Не знаю, могла ли я предвидеть конфликты, которые постоянно возникали между нами. Но даже если бы я это предвидела, то, думаю, не могла бы ничего сделать для их предотвращения» (с. 238-239). «Осенью 2002 года Джеффри Найс начал утверждать, что доказательства геноцида и преступлений в Сребренице и Сараево не позволят нам добиться осуждения Милошевича. Однажды после встречи со мной он совершенно вышел из себя. ... Найс и мой заместитель Г.Блевитт поставили под вопрос мою компетенцию. ... [Другие же сотрудники] требовали оставить события в Сребренице в обвинительном заключении против Милошевича. ... Когда меня не было в Гааге, Найс созвал совещание, и ... приказал покинуть зал руководителю следствия П.Лопес-Терресу» (с. 260-261).

Данная версия событий вызывает ряд важных вопросов. Первый: неужели в трибунале не было ни одного человека, который мог бы стать главным прокурором процесса против С.Милошевича? Второй: почему потребовалось ехать в Лондон? Обратим внимание на дату поездки – осень 2001 года. Это означает, что Милошевич уже находился в тюрьме несколько месяцев, а в трибунале не знали, кто будет прокурором. Третий: почему именно Найс? Кто он такой? Из мемуаров ДП мы узнаем о нем только то, что он «имел отличную репутацию». На самом деле это далеко не так. У себя на родине Дж. Найс являлся политиком-неудачником (не прошел на выборах в парламент), а затем стал весьма посредственным юристом. Никаких громких дел, никаких крупных побед. Так почему же все-таки Найс и никто другой? Наконец, если главным прокурором МТБЮ является именно дель Понте, почему главного прокурора процесса С.Милошевича выбирают Блевитт и Джонсон? Вероятно, эти естественные вопросы должны привести читателя к мысли о том, что Карла не была реальным главным прокурором и все главные вопросы там решали «англосаксоны»? Впрочем, ответ на вопрос, почему Найс и никто другой должен был стать главным прокурором процесса, есть: один из свидетелей дель Понте сообщил ей, что Дж. Найс в свое время был сотрудником британских спецслужб.

Представляет интерес описание дель Понте своих свидетелей против С.Милошевича, причем как представших перед судом, так и несостоявшихся. Описывая процесс С.Милошевича, ДП особо выделяет некоторых из них. По смыслу текста, именно эти свидетели внесли главный вклад в представление доказательств вины

С.Милошевича. Однако оценка дель Понте своих, якобы лучших, свидетелей является лживой.

«Наконец, 15 марта [2002 года]¹ против Милошевича выступил первый серьезный свидетель, лорд Пэдди Эшдаун, член британской палаты лордов. ... Лорд Эшдаун рассказал о том, как Ф.Туджман показывал ему карту Хорватии и Сербии, причем Босния и Герцеговина были практически поделены между ними» (с. 245).

Показания Эшдауна являются ярким примером не только лжи, но лжи прямо-таки фантазмагорической. Во-первых, карту ему показал Туджман, он же ее нарисовал, его бы и привлечь к ответственности трибуналу, а нет, привлекают Милошевича, который, якобы, со слов Туджмана, посмотрел на эту карту. Итак, «наконец-то первый важный свидетель» прокуратуры дает показания. Но насколько они убедительны?

«Лорд Эшдаун дал важнейшие показания о природе вооруженного конфликта в Косово в 1998 году, поскольку сам был свидетелем операции югославской армии, во время которой были сожжены албанские деревни [приводится цитата из показаний Эшдауна]. ... Наконец-то я могла вздохнуть с облегчением» (с. 245-246).

Однако ДП почему-то забывает сообщить в своих мемуарах, как позорно провалился Эшдаун во время перекрестного допроса самого С.Милошевича, а затем во время защитной части процесса, когда свидетели обвинения доказали, что лорд просто лгал. Чтобы доказать, что он лично видел все события, о которых давал показания, Эшдаун утверждал, что все видел своими глазами в бинокль. Свидетели защиты показали, что из того места, о котором говорил Эшдаун, ничего увидеть было нельзя: оттуда нет обзора! Не менее лжива и оценка дель Понте показаний свидетеля Зорана Лилича, бывшего президента Югославии в то время, когда С.Милошевич был президентом Сербии.

«16 июня в Гаагу прилетел Зоран Лилич. Он не был арестован и помещен в тюрьму трибунала с Милошевичем и другими обвиняемыми. Он должен был стать самым высокопоставленным сербским свидетелем против Милошевича. Впрочем, Лилич не подтвердил причастности С.Милошевича к геноциду ... однако его показания ... были весьма полезны для обвинения. ... Но самыми важными и губительными для Милошевича стали те стенограммы заседаний ВСО, которые представил в качестве доказательства Лилич» (с. 334-335).

Следует отметить описание ДП показаний свидетеля Милана Бабича (бывшего президента Республики Сербская Краина).

«Этот человек пытался вести себя достойно. Несмотря на угрозы лично ему и в адрес его семьи, он сдался добровольно. Вместо того, чтобы хранить молчание, ... Бабич признал себя виновным. ... Его показания в суде опровергли утверждения Милошевича ... он заявил, что ... сербское государство, созданное на территории Хорватии при участии Милошевича и Бабича, не смогло бы просуществовать и дня, не имея оно теснейшей связи с Белградом» (с. 540).

Впрочем, о Бабиче ДП вспомнила не столько для оценки значения его показаний, которые были больше скандально и даже демонстративно неправдоподобными², нежели ценными, сколько для того, чтобы дистанцироваться от причастности к его убийству. Несмотря на то, что формально трибунал вынес заключение о том, что 5 марта 2006 года Милан Бабич покончил с собой, даже официальное заключение об этом содержит достаточно информации для заключения о том, что самоубийства не было. Но при наличии повешенного трупа с мешком на голове это означает убийс-

¹ Через месяц после начала процесса.

² См. подробнее: Мезяев А.Б. Свидетель Милан Бабич. – В кн. «Процесс против С.Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда». – Казань, 2006.

тво. Таким образом, для ДП важно оставить след в истории о своей непричастности к этому убийству, а также забросить ложную версию. Согласно утверждениям ДП, после вынесения обвинительного приговора Бабиц «начал жаловаться на то, что другие заключенные ему угрожают, и просил перевести его в голландское крыло тюрьмы, подальше от сербов, хорватов и мусульман. Оказывается, не так уж глупа ДП: лучший способ защиты – нападение! Впрочем, кажется, это не ее изобретение... А опасаться ответственности за смерть Бабица ДП все-таки приходится, ведь он был убит в камере Гаагского трибунала, в которую его перевели из тюрьмы в одной из европейских стран, где он уже несколько лет отбывал свой срок, более того – в самый разгар своих показаний против другого президента Сербской Краины Милана Мартича! Немаловажный штрих к портрету Бабица рисует ДП: «Бабиц просил, чтобы его сыновьям позволили обучаться в голландских университетах и оплатили курс обучения» (с. 540). Очень интересный факт: свидетель обвинения просит у прокуратуры столь неожиданные для обвиняемого в совершении международных преступлений привилегии! Но далее еще интереснее: «Защитники Бабица обратились ко мне за поддержкой в деле решения его семейных проблем» и ДП заявляет, что ходатайствовала по ним! Жаль только, что она так и не успела помочь Бабицу: тот слишком рано покончил с собой, так и не дождавшись помощи мадам дель Понте.

Определенный исторический интерес представляет информация о несостоявшихся свидетелях против С.Милошевича. Оказывается, прокуратура пыталась уговорить дать показания против Милошевича весьма крупных лиц югославской политической сцены. Начальник Генштаба армии Сербии М.Перишич отказался давать показания против С.Милошевича, так как считал, что того надо судить в Сербии, а не в МТБЮ. Привлекает внимание, что встреча ДП с арестованным тогда в шпионаже в пользу США Перишичем проходила ... в кабинете у премьера Джинджича! (с. 256-257). Встреча с генералом Н.Павковичем у ДП состоялась также у Джинджича. Весьма ценны следующие строки мемуаров ДП:

«Павкович сказал, что окажется плохим свидетелем против Милошевича, поскольку «его слова будут, скорее, в его защиту». Сидя напротив генерала, я вспомнила ту роль, которую Павкович сыграл в изгнании этнических албанцев из Косово в 1999 году, и записала в своем блокноте: «Павкович – обвинен» (с. 257-258).

Не стала свидетелем против С.Милошевича и бывший президент Республики Сербской Биляна Плавшич. *«Прокурор Д.Грум настаивал на том, чтобы принудить Плавшич давать показания против Милошевича. Я отправила Грума ... в Швецию, где Плавшич отбывала наказание. Она заявила, что ничего не знает о преступлениях и стала жертвой обстоятельств». Дель Понте потребовала отмены того мягкого приговора, который Плавшич получила за признание вины без проведения судебного процесса, однако пишет, что «ожидает ответа до сих пор». «Моя главная ошибка заключалась в том, что я не заставила ее подписать обязательство свидетельствовать против других обвиняемых. Мы обо всем договорились на словах и были обмануты. Я думала, что мне удалось установить с Плавшич личный контакт» (с. 269). О том, как Карла устанавливала личные доверительные отношения с Б.Плавшич, она пишет, не смущаясь: «Я помню, как протянула ей пачку своих американских сигарет, полагая, что в голландской тюрьме ей нелегко достать настоящие «Мальборо». Такой жест мог внушить доверие» (с. 268).*

Президент Черногории М.Джуканович «выступить свидетелем на суде отказался. «Милошевич никому не позволял сблизиться с собой. Я не был посвящен в серьезные вопросы, – сказал он. – Милошевич никогда мне не доверял. О его реальных планах знали лишь несколько человек в Белграде. Джуканович опасался, что его выступле-

ние в суде может навредить его политической карьере в Черногории. Он объяснил, что хочет реформировать страну, но располагает весьма ограниченным временем и незначительным большинством в парламенте. Он просил меня войти в его положение...» (с. 285-286).

Отказались давать свои показания также вице-президент США А.Гор («он согласился дать показания, но ему не позволили этого сделать»; с.250), госсекретарь США М.Олбрайт («она отказалась от дачи показаний»; с. 250), заместитель государственного секретаря США Р.Холбрук («посол согласился приехать, но судьи его не вызвали»; с. 250). Вот только о чем могли рассказать все эти «отказники», ДП не говорит. Скорее всего, никаких свидетельств у них и не было. Все эти перечисления – обычное надувательство: дескать, у нас так много свидетелей и доказательств, да вот они сами не хотят давать показания. А раз показаний нет, то нечего о них и рассуждать. Надо оценивать то, что, действительно, было представлено во время процесса. Разве не было показаний высокопоставленных американцев? Были. Например, генерал У.Кларк. И что он рассказал? Да ничего. Генерал давал показания в течение двух дней, но ничего существенного для доказательства обвинения не сказал. Кстати, ДП забыла упомянуть еще об одном несостоявшемся свидетеле обвинения – бывшем премьер-министре Швеции Карле Бильдте. Тот уже прибыл в Гаагу в феврале 2004 года, но прокуратура решила досрочно завершить обвинительную часть процесса, и Бильдт вернулся домой. Кроме «я думаю» и «я уверен, что во всем виноват Милошевич», все эти «международные» свидетели больше ни о чем не говорили. Так что внушительный список «несостоявшихся» ДП приводит также только для того, чтобы создать впечатление «недопредставленности» доказательств, которые «уж если бы были представлены, так уж мы бы доказали!».

Давая оценку процесса против С.Милошевича в целом, ДП пытается исказить значение своих документов и принизить защиту Милошевича. Вот как описывает ДП представление во время процесса видеозаписи казни, совершенной группой неизвестных лиц:

«Слободан Милошевич сидел с каменным лицом. Я не знала, слышал ли он голос оператора ... Если бы я находилась на месте Милошевича, отчаяние парализовало бы мою душу. ... Милошевич должен был понимать, что никогда больше не будет свободным человеком» (с. 527-528).

Ай, да Карла! Как она одним махом расправилась с Милошевичем! Одна беда, данное видео ничего не доказывало. Не было представлено никаких доказательств связи между этими людьми и Милошевичем.

Привлекает внимание описание ДП своей «личной» встречи со Слободаном Милошевичем. *«Перед слушаниями я попросила ... дать мне возможность в течение нескольких минут побеседовать с Милошевичем наедине. ... По соображениям безопасности (!) разговор с Милошевичем состоялся в зале суда после того, как судьи и остальные участники заседания разошлись. ... Трое охранников привели Милошевича. Он смотрел в сторону, чтобы не встречаться со мной глазами. ... «Я готова провести допрос немедленно, – сказала я, – потому что вам есть что сказать». Милошевич посмотрел мне в глаза. Он пытался произвести на меня впечатление, перехватив инициативу в разговоре. .. На чистом английском языке он ответил: «Я прекрасно знаю процедуру и могу отказаться отвечать на ваши вопросы». Я выпрямилась и не стала отвечать. ... Милошевич сильно возбудился, его голос звенел от ярости. ... Более всего он напоминал мне избалованного ребенка, чьи капризы уже начинают раздражать...». ... «Уведите его», – сказала я охраннику» (с. 203-204).*

Как ни старалась ДП представить себя победителем Милошевича, это у нее не получилось. Впрочем, стиль описания этой «личной» встречи показывает, что комплекс Карлы не исчез даже после смерти С.Милошевича. Описание «личной» встречи показывает, что ДП чувствует необходимость показать свое превосходство над С.Милошевичем в приказе «вывести его», если уж ей не удалось доказать свои лживые обвинения в суде.

В целом, ложь дель Понте о процессе Слободана Милошевича столь явная и столь легкоустанавливаемая, что можно только поразиться уровню скудоумия главного международного прокурора начала XXI века.

* * * * *

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Охота на Р.Караджича

«Они сказали, что с ними только что ... связался Р.Караджич ... и выразил желание сдаться. Однако по непонятной мне причине он не желал тут же отправляться в Гаагу. Вместо этого он хотел, чтобы его отправили в Швейцарию, посадили под арест, а затем перевели в Гаагу под охраной, организованной швейцарскими властями. Караджич также передал, что готов заплатить большую сумму в немецких марках за свою безопасность. Это говорило о том, что он кого-то боится. Возможно, Слободана Милошевича, который уже давно не хочет отвечать за таких, как Караджич. Я ответила согласием: ведь я все еще была генеральным прокурором Швейцарии и имела право выдать ордер на его арест. Мне было нетрудно организовать его перевод в Нидерланды, а приехать в Гаагу и привезти с собой Караджича стало бы настоящим триумфом» (с. 59-60).

Агрессия НАТО

«Спустя несколько лет генерал У.Кларк, бывший верховный командующий войсками НАТО в Европе, давал показания по делу Милошевича. Во время перекрестного допроса Милошевич стал задавать генералу вопросы о натовских бомбардировках. Я слушала очень внимательно, надеясь, что слова Кларка позволят мне начать расследование. Но председательствовавший судья Мэй остановил Милошевича, не позволив ему задавать подобные вопросы. Я была глубоко разочарована. Это был единственный момент, когда я почувствовала симпатию к Милошевичу» (с. 110-111).

О роли государств

«Человек, который больше десяти лет проливал кровь ... смог предстать перед трибуналом только благодаря твердой позиции, занятой США и, в меньшей степени, Британией. К сожалению, ни одно из ведущих европейских государств, в частности, Германия и Франция, такой позиции не заняло. Нежелание континентальной Европы участвовать в процессе шокировало меня» (с. 196).

«Могут ли сотрудники прокурорской службы принять участие в работе по задержанию Младича», – спросила я. Живкович [премьер-министр Сербии] ответил, что лично он не возражает, но нужно получить согласие США» (с. 346).

«Перед этим я по собственной инициативе встретила с послом США [в Белграде. – А.М.] У.Монтгомери, рассказала ему о четырех обвинительных заключениях [против Джорджевича, Лукича, Лазаревича и Павковича. – А.М.] и спросила, должен ли, по его мнению, трибунал обнародовать их или пока оставить в тайне. «Обнародуйте», – однозначно ответил посол» (с. 349).

«США при поддержке стран НАТО оказали решительную военную поддержку Армии освобождения Косово» (с. 461).

«В Берлине я обратилась к канцлеру Шредеру с просьбой надавить на Коштуницу и вынудить его выдать Милошевича. Мои аргументы были просты. В конце концов Милошевич все равно будет выдан. США не уступят, и Джинджич сдастся. А когда это случится, европейцы окажутся в стороне, и все лавры, как всегда, достанутся США. ... Шредер вежливо слушал. По его лицу я видела, что аргумент «европейского престижа» затронул чувствительную струну в его душе. ... Мы любовались яркими огнями нового объединенного Берлина» (с. 197).

«25 июня [2001 года] я разговаривала по телефону с Жаком Шираком. ... Американцы не должны пожирать все лавры, – сказала я Шираку и добавила: «Немцы согласились вмешаться». ... Он согласился ... Впервые в истории Франция и Германия согласились объединить свои усилия ради того, чтобы глава государства не смог избежать справедливого суда. Новые власти Белграда подверглись беспрецедентному давлению с требованием выдачи Милошевича в МТБЮ». Кстати, ДП весьма злобно описывает Ширака и в другой ситуации, касавшейся сделки, якобы состоявшейся между Шираком и властями Республики Сербской, когда в обмен на захваченных французских летчиков Ширак обещал не арестовывать генерала Младича. ДП пишет, что ее вопрос о том, действительно ли существовала такая сделка, «явно возбудил Ширака» и «он словно пытался доказать мне, что никакой сделки не существовало» (с. 338).

«[Генерал У.Кларк] предупредил меня, что в свою бытность командующим силами НАТО получал сведения о том, что Младича и Караджича охраняют русские агенты: «Русские не хотят, чтобы вы добились успеха. Они поддерживают сербских националистов и ведут грязную игру: они читают всю вашу почту и прослушивают все ваши телефонные разговоры» (с. 191).

«Ширак упомянул имя Президента России Бориса Ельцина. По его словам, Ельцин заявил, что Россия не позволит трибуналу арестовать Караджича», которому «посоветовал покинуть Сербию и укрыться в Беларуси. «Я готов вывезти его из Боснии на вертолете», – сказал Ельцин» (с. 336).

«Информатор сообщил, что Младич готов сдать властям в Боснии, Сербии или Греции, но только при условии, что ... ему будет позволено отбывать срок в России. ... Мне нужно было посоветоваться с президентом трибунала и выяснить, готова ли Москва, у которой нет двустороннего соглашения с трибуналом и которая ... весьма неохотно отвечает на наши запросы о помощи, выполнить данное условие» (с. 514).

«А что с Косово? – спросила я [Генерального секретаря НАТО Х.Солану], намекая на то, что Младича могли оставить в покое в обмен на согласие Сербии предоставить независимость Косово. ... Мы должны отделить Косово от ареста Младича, – сказала я. – Да, – согласился Солана, но мы имеем дело с тем же правительством, и русские постоянно осложняют обстановку, чтобы выиграть время» (с. 565-567).

Личное

«Кличку «шлюха» мне дала еще в молодые годы мафия. «Возможно, это было данью уважения» (с. 40). Карла развивает эту тему на протяжении всей книги – кроме мафии ее стали так называть и жители Сербии (с. 158-159, 165, 455). Интересно, что «сукой» называли Карлу и свои сотрудники. Сама ДП пишет об этом столь часто, что закрадывается мысль о том, что ей это нравится. «Однажды после встречи со мной Найс совершенно вышел из себя и мне потом рассказывали, что Найс назвал меня «сукой» и добавил: «Она считает себя юристом, хотя ее представление о праве весьма ограничено» (с. 260).

О Косово

«Косово – «это богатый полезными ископаемыми район [который] сербские националисты считают колыбелью своей нации и утверждают над ним свой суверенитет, несмотря на то, что население края практически целиком состоит из албанцев» (с. 79-80).

О сербских предателях

«[Джинджич] сообщил о полученной им секретной информации о том, что сербская полиция, пытаясь уничтожить доказательства убийств гражданских лиц в Косово, вывозила тела жертв, в том числе женщин и детей, в Белград и тайно хоронила их на аэродроме югославской армии. ... Подобный приказ могли отдать только на самом высоком уровне» (с. 166).

«[Во время разговора с Джинджичем] я упомянула о том, что следователи трибунала выясняют судьбу 2 млрд. долларов, исчезнувших из Югославии. Нам была необходима поддержка правительства, иначе мы не смогли бы завершить расследование финансовых махинаций Милошевича». «Дайте мне миллиард, – рассмеялся Джинджич, и вы получите Милошевича» (с. 167).

«Около 7 часов вечера правительство сделало публичное заявление о том, что Милошевич передается в руки МТБЮ (с. 199-200)... Я получала поздравления со всех концов света. Приятнее всего было услышать голос Зорана Джинджича и других граждан Сербии. ... На конференции стран-доноров, которая началась в Брюсселе на следующий день после выдачи Милошевича, ... Югославия получила 1,3 млрд. долларов» (с. 200-201).

«Через несколько дней после убийства Джинджича Станишич и Симатович [руководители службы безопасности Югославии] были арестованы местной полицией. Но белградские власти так боялись этих людей, что министр иностранных дел Душан Михайлович и министр иностранных дел Горан Свиланович буквально умоляли меня составить обвинительное заключение против них, чтобы Белград мог передать их Гааге. Теперь прокурорам МТБЮ приходилось прикладывать массу усилий к тому, чтобы Станишич и Симатович остались за решеткой» (с. 505-506).

«[Во время встречи ДП с премьер-министром Сербии Джинджичем тот сказал ей о Воиславе Шешеле:] «Заберите его и никогда не возвращайте назад» (с. 289).

Об албанских террористах

«Врачи извлекали внутренние органы пленных ... среди которых были женщины из Косово, Албании, России и других славянских государств» (с. 455).

«Албанский прокурор ... сообщил, что его родственники сражались в ОАК, и заявил следователю, что «Никаких сербов здесь не хоронили. Но если их действительно ... убивали, то поступали совершенно правильно». В конце концов, юристы и следователи, занимавшиеся делами ОАК, решили, что достаточных доказательств для возбуждения дела найти не удастся» (с. 468)

«Следователи не смогли определить, были ли обнаруженные следы крови человеческими» (с. 468)

«Я прекратила работать в трибунале раньше, чем судебная палата вынесла решение по этому делу» (с. 498).

«Я возбудила дело против албанцев в Швейцарии, которые путем рэкета собирали деньги на приобретение оружия для ОАК. ... В Швейцарии у меня под арестом находилось несколько албанцев, связанных с торговлей оружием. ... Но я не могла продолжать следствие, так как никакой помощи от Косово или Сербии мы не полу-

чали и потому не могли выяснить, куда пойдет оружие из Швейцарии и как оно будет использовано» (с. 53).

«Я уверена в том, что некоторые сотрудники миссии ООН и даже миротворческого контингента НАТО опасались за свою жизнь и за жизнь своих коллег. Думаю, что некоторые судьи трибунала по Югославии боялись оказаться в руках албанцев. Даже в Швейцарии меня предупреждали о возможности кровной мести (некоторые официальные лица Швейцарии предупреждали меня, чтобы я не затрагивала албанские проблемы в этой книге, и я делаю это с максимальной осторожностью)» (с. 459).

О компетентности сотрудников МТБЮ

«Лишь немногие следователи имели образование выше среднего. ...Мало кто умел грамотно писать на английском или французском языках» (с. 214).

«То, что следователи не имели никакого представления о сути военного конфликта в Югославии, оказывало самое пагубное влияние на следствие» (с. 215).

«Постепенно до меня начали доходить слухи о том, насколько неумело некоторые следователи допрашивали важных свидетелей...» (с. 215).

О Миссии ООН и НАТО в Косово

«Три четверти похищенных [сербов. – А.М.] пропали уже после введения в Косово миротворцев НАТО и миссии ООН» (с. 454).

«Генерал Ф.Мини [командующий миротворческими силами НАТО в Косово с октября 2002 года], как и генерал Валентен [его предшественник], глубоко сомневался в том, что его миротворцы могут доверять сотрудникам миссии ООН. «К их помощи следует прибегать лишь в самую последнюю минуту», – сказал генерал Мини, а потом намекнул на тесные связи между некоторыми сотрудниками миссии ООН и бывшими лидерами АОК. Мини сказал, что как только будут произведены первые аресты, «мы тут же увидим, как многие местные лидеры отправятся в отпуск под американским эскортом» (с. 466-467).

«Обвинительное заключение [против тогдашнего «премьера» Косово Р.Харадиная] доставило больше неприятных минут руководителю миссии ООН С.Йессену-Петерсену, чем самому Харадинаю. [Далее приводится цитата из выступления Петерсена при проходах Харадина в Гаагу]: «Не могу скрывать тот факт, что после его отъезда образуется серьезная пропасть. Благодаря динамичному руководству Рамуша Харадиная, его самоотдаче и дальновидности, Косово сегодня, как никогда, близко к достижению своих целей по обретению нового статуса. Лично я очень огорчен тем, что не смогу больше работать с близким партнером и другом». ... Сладкие речи Йессена-Петерсена показали, что миссия ООН не просто слаба и полностью зависит от милости албанцев, которые во время беспорядков 2004 года совершенно запугали ее сотрудников» (с. 483-485).

«Я не понимала, почему международная администрация Косово, главную роль в которой играли США и Великобритания, с такой симпатией относится к Харадинаю. В декабре 2005 года у меня состоялась ... встреча в Вашингтоне. Я спросила, насколько Харадинай важен для США и объяснила, что миссия ООН изо всех сил старается убедить судей МТБЮ в том, что этот человек – единственный гарант стабильности в крае. Мне сказали, что США не имеют к Харадинаю никакого отношения» (с. 489).

Каковы же истинные цели этих мемуаров?

Официально главная цель книги называется уже на первых страницах: «Моя карьера началась с многократных столкновений с *mujo di gomma* (резиновая стена), за которыми следовало сопротивление в грубой форме, а также угрозы физической расправы. Такие столкновения ждали меня во время встреч с могущественными людьми. Я наталкивалась на *mujo di gomma* при встречах с финансистами мафии и швейцарскими банкирами и политиками, с руководителями государств, например, с Джорджем Бушем, с премьер-министрами, например, с Сильвио Берлускони. Мне устраивали *mujo di gomma* бюрократы в правительственных учреждениях и различных департаментах ООН. ... Мне известен только один способ пробить *mujo di gomma* и служения делу справедливости: упорно и последовательно проявлять свою волю» (с. 12-13). Итак, книга посвящена тому, как упорная и справедливая Карла разрушает препоны, которые ей чинит весь мир, и проявляет свою волю. Посмотрим, получилось ли у Карлы убедить читателя в поставленной автором цели?

Так достигла ли Карла поставленной цели убедить читателя в том, что она была главным борцом с военными преступниками мира? К сожалению, приходится признать, что да, удалось. Даже беглый просмотр Интернета показал наличие большого количества восхищенных возгласов. Вот один из них: *«Книга отличная! Ее просто необходимо прочитать всем, кто хочет хоть что-то понимать в Югославской, и не только Югославской, проблемах!»*. Такие отзывы оказались для меня большим сюрпризом. Все-таки книга специфическая, ее будут читать только те, кто интересуется событиями в Югославии, а значит, хотя бы кое-что о них знает. Этого «кое-чего», однако, недостаточно. Прочитав книгу дель Понте, мне показалось, что ложь и скудоумие Карлы столь очевидны, что подробного разбора и не потребуется. Ошибся, однако. И потому пришлось подробно рассматривать всю ту ложь, которая была вылита на мировую публику и которая являлась настоящей главной целью книги бывшего прокурора.

Реальными главными целями дель Понте являются утверждение прямой лжи, «освященное» именем главного прокурора международного трибунала, и попытки оправдаться в совершенных ею преступлениях.

Что касается прямой лжи, то стоит привести такие примеры. Дель Понте утверждает, что «в 1991 году Черногория вместе с Сербией участвовала в агрессии против Хорватии» (с. 97). В 1991 году еще не было государства Хорватия, и потому агрессии против нее юридически быть просто не могло (согласно «определению агрессии», принятому ГА ООН в 1974 году). Юрист ДП такие «тонкости» вообще-то знать обязана, раз уж она согласилась занять должность главного прокурора международного трибунала. Кто-то из читателей, возможно, может сказать, что ДП, возможно, имела в виду не юридическое определение агрессии, а как синоним вооруженного нападения. И это предположение окажется неверным: почитайте обвинительные заключения и увидите, что прокуратура МТБЮ выдвигает юридические обвинения в агрессии против Хорватии и Боснии еще до того, как те стали государствами. Кстати, при всем этом ДП почему то ни разу не назвала агрессию НАТО против Югославии в 1999 году «агрессией», но постоянно использует термин «воздушная кампания». Кроме манипуляций с термином «агрессия», имеющих отнюдь не только мемуарное значение, следует отметить и еще одну ложь в тезисе ДП: независимо от того, как называть вооруженные столкновения, Сербия в них не участвовала! Эта строчка на странице 97 – яркий

пример того, как самое маленькое предложение ее мемуаров прямо-таки «пропитано» ложью.

Другой пример. «Весной и летом 1999 года сербские солдаты и полицейские осуществили массовую этническую чистку Косово. Из края были изгнаны албанцы, составлявшие большинство населения. Сербские солдаты прочесывали деревню за деревней, город за городом, убивали и жгли» (с. 448-449). Глава 11 «Борьба в Косово: 1999-2007 годы» начинается версией новейшей истории Косово по дель Понте. Это одна из самых важных частей книги с точки зрения автора. Без этой версии истории дель Понте нельзя – без этой лживой версии все обвинение против Милошевича рухнет. Именно поэтому она вновь и вновь повторяет всю ту ложь, которая была представлена во время процесса. С одним только «но»: как будто бы и не было перекрестных допросов Милошевича, на которых «свидетели» сыпались один за другим, как будто бы не было свидетелей защиты, которые уличили во лжи всех этих «жертв сербского террора». Впрочем, такая «забывчивость» Карлы понятна: ведь и Милошевич, и свидетели его защиты показали лживость не только «свидетелей», но – и это главное – роль прокуратуры в подготовке этих свидетелей! Однако иногда ложь Карлы облекается в некие утонченные формы. Так, рассказывая о своей роли в выдвижении обвинения против боевиков «Освободительной армии Косово» (УЧК), она пишет: «обстоятельства исчезновения людей [сербов. – А.М.] были столь странными, что напрашивалось предположение, что это не просто проявления постконфликтной *мести*» (с. 453). Идея мести проводится ДП настойчиво и даже назойливо: «Многие албанские кланы не признают иного закона, кроме закона кровной *мести*, которая распространяется на всех родственников» (с. 458).

Что касается попыток оправдаться, то следует обратить внимание на то, как ДП пытается оправдаться в дискриминационной политике по выдвижению обвинений. В частности, ДП попыталась представить версию, оправдывающую невыдвижение обвинения против Ф.Туджмана. Оказывается, неквалифицированные следователи (которых набрал ее первый заместитель – Блевитт) так неумело допросили бывшего руководителя тайной полиции Хорватии Й.Манюлича, что тот обиделся. Убедить Манюлича дать показания смогли только профессионалы ДП и только в 2005 году. «Все остальное время было потеряно даром, – сокрушается ДП, – а ведь Манюлич был всего лишь одним из огромного множества важных свидетелей, с которыми обошлись подобным образом» (с. 216-217). Год 2005-й назван не случайно, ибо к этому времени Туджман уже умер. Так что Карла все умело списала на плохих следователей. ДП также утверждает, что ей помешал ... и сам Туджман. Обхитрил многоопытную прокуроршу. И как хитроумно он это сделал! Свою поездку в ноябре 1999 года в Загреб «я использовала ... для того, чтобы потребовать от хорватских властей сотрудничества с трибуналом в расследовании преступлений, совершенных во время операции «Штурм» и военной кампании, которую Туджман вел с 1992 по 1994 годы на территории Боснии». Однако «вместо того, чтобы расследовать преступления и привлечь виновных к суду, как нам и обещали», хитрый Туджман наоборот препятствовал работе МТБЮ! (с. 402). Да, ловко написано! Даже не знаешь, кто в этой ситуации оказался ловчее – Туджман или сама дель Понте. Все валит на плохих следователей Карла на страницах книги неоднократно (все верно, именно так и надо ввинчивать нужный тезис – постоянно и настойчиво). «Иногда старшие прокуроры игнорировали мои приказы и делали то, что считали нужным» (с. 221).

Немаловажным для ДП является необходимость оправдаться в невыдвижении обвинений против похищения сербов и торговле их органами. На страницах 452-459 она предпринимает эту попытку. И как всегда, делает это «изящно»: «Известные жертвы

данных преступлений предположительно были похищены после завершения бомбардировок НАТО. В то время в Косово находились множество иностранных миротворцев и целые легионы правозащитников и сотрудников гуманитарных организаций. Поэтому было неясно, подпадают ли преступления, совершенные в данный период, под мандат трибунала» (с. 456-457). Вот такое вот «объяснение»!

Конечно, главным оправданием для ДП является не только оправдание провала процесса против С.Милошевича, но и в его смерти. Попытки «пометить» в истории свою непричастность к убийству С.Милошевича также просматриваются даже в мелочах. Так, описывая начало дня 11 марта 2006 года, ДП пишет, что в тот день находилась в отпуске, тюремщики нашли С.Милошевича мертвым около 10 часов утра. «Через час зазвонил мой телефон. Сторонники Милошевича уже успели распространить по всему миру известие о его смерти» (с. 541). Итак, ДП хочет подчеркнуть – она и ведать ничего не ведала «и даже была в отпуску». Дескать, не она душила. Более того, ей вообще сообщают о смерти С.Милошевича чуть ли не последней – через час! И мы должны в это поверить? А для того чтобы мы не просто поверили в это, а даже, пожалуй, уверовали, она добавляет, что к этому времени о случившемся уже успели сообщить таинственные «сторонники Милошевича», а ей только что сообщили! Да и где же скрываются эти сторонники? Судя по характеру секретной информации, это могли быть только охранники тюрьмы и руководство трибунала. Уж не судья ли Бономи или Робинсон являлись тайными сторонниками Милошевича, раструбившими весть о смерти подсудимого раньше, чем об этом узнал главный прокурор? Уж не думает ли дель Понте, что читатели ее мемуаров должны проглотить подобное демонстративное вранье?

Реальные цели мемуаров ДП заключаются также и в том, что она пытается закрепить миф о вине самого Милошевича в его смерти: «Мы неоднократно жаловались на то, что Милошевич не принимает предписанных ему лекарственных препаратов для контроля над артериальным давлением. Мы не знали, что он принимал другие лекарства, снижавшие лечебный эффект прописанных препаратов» (с. 542). «Милошевич стал игнорировать советы врачей и начал манипулировать приемом лекарств. Давление у него подскакивало, что вынуждало врачей сообщать суду о том, что подсудимый временно не в состоянии выдержать нагрузки судебных слушаний. Прокурорская служба обратила внимание на то, что давление у Милошевича всегда поднималось перед появлением особенно опасных для него свидетелей» (с. 237).

Главный вывод из этой книги – Карла врет. К чему бы это? Зачем? Врет – значит боится. А раз боится, значит понимает, что за свои преступления она может быть когда-нибудь наказана. Хочется надеяться, что когда-нибудь сбудутся слова министра юстиции Югославии П.Йоич, направившего ответ дель Понте на ее требование выдать в трибунал высшее руководство страны согласно составленным ею обвинительным актам: «Рано или поздно вам придется ответить за свои действия. Ваши действия станут предметом расследования, и остаток своей презренной жизни вы проведете за тюремной решеткой». Но даже если дель Понте сумеет избежать суд земной, ей не избежать Высшего Суда, ибо, как говорится в Священном Писании: «Каким судом судите, таким будете судимы».

«Адвокат дьявола»

Мемуары бывшего секретаря Международного суда ООН Х.Тирлуэя

Hugh Thirlway

The Drafting of ICJ Decisions:

Some Personal Recollections and Observations

Abstract

This paper is a study of the process of drafting of decisions of the International Court of Justice from the standpoint of the Registry, showing on the basis of the author's personal recollections how the Registry contributes to the process. The question of the legal propriety of such contribution is examined, on the basis of a distinction between the task of decision, and that of expression of the decision. Some remarks are also offered on drafting techniques.

Мемуары бывшего секретаря Международного суда ООН Хью Тирлуэя не только увлекательное, но и весьма полезное занятие. Здесь есть все – и факты, и фантазии, и неумеренная гордыня, и замаскированная под неумеренную гордыню попытка объяснить очень многое, что вызывает вопросы в деятельности главного судебного органа ООН. Главный тезис его мемуаров: решения Международного суда, который он возглавлял в течение десятков лет (с 1968 по 1994 гг. и еще с 2003 по 2005 гг. – всего 30 лет!), писались ... им. Из скромности Тирлуэй, правда, признает, что речь идет не о всех решениях и не в полном объеме... Однако суть ясна.

«Когда в 1968 году я был приглашен на одну из должностей в Секретариат Международного суда ООН, я жил и работал в Кембридже. Один из друзей предложил познакомить меня с лордом Макнэйром, который жил там же с 1955 года, то есть с момента выхода в отставку с поста члена и Председателя Суда. ...Лорд Макнэйр сказал одну фразу, которая навсегда останется в моей памяти: «Не думаю», – сказал он, – «что вы сможете внести свой вклад в процесс принятия решения или его подготовки. Это полностью находится в компетенции самих судей». Я несколько не сомневаюсь, что такое положение вещей было на протяжении многих лет, в том числе в период членства в Суде лорда Макнэйра, и что оно оставалось таким и 1968 году...».

Однако с приходом Х.Тирлуэя все изменилось. Мемуары Тирлуэя посвящены описанию именно этого процесса его активного проникновения в процесс составления содержательной части судебных решений, который он называет «повышением роли секретариата в деятельности Суда».

Особый интерес представляет описание Тирлуэем процесса работы Редакционного Комитета (РК) Суда, который, как известно, готовит проект общего решения. Так, Тирлуэй отмечает, что формирование состава РК часто бывает весьма непростым. В состав комитета никогда не включается судья *ad hoc*. Также, как правило, не избирается судья, являющийся гражданином заинтересованного государства, хотя бывали и исключения.

Тирлуэй отмечает то слабое место, которое было им использовано для «повышения роли секретариата». Так, он говорит о том, что «некоторые судьи могут быть не очень заинтересованными в редакционной работе, например, в связи с перегруженностью в работе, да и вообще, иметь разный уровень способности к составлению проектов текстов».

Тирлуэй отмечает, что в годы, предшествующие его приходу в Суд, работа секретариата ограничивалась подготовкой обзора фактов и кратким изложением позиций сторон (если такая просьба вообще секретариату поступала). Существо же решения Суда всегда готовилось членами РК. Секретариат также мог готовить переводы этих текстов, особенно для тех судей, для которых рабочие языки Суда не являлись родными.

Тирлуэй далее пишет, что постепенно он приобрел такой опыт и авторитет, что «стал вводить практику, которая впоследствии внесла вклад в повышение авторитета секретариата и его значения в Суде». Когда член РК распространял среди других членов свой раздел проекта решения, он предлагал этому судье – исключительно на частной и приватной основе «как личный вопрос между мной и им» – набросать по его тексту замечания в стиле *advocatus diaboli*. Например, он привлекал внимание судьи к неясностям или нестыковкам между различными тезисами, неточностям фактов или тех заявлений, которые были сделаны спорящими сторонами. «Обычно я не подвергал сомнению вопросы права, высказанные судьей, но мог привлечь внимание к явным несоответствиям с предыдущими решениями Суда». Судьи могли либо принять предложения секретаря и включить их в пересмотренный вариант своего проекта, либо проигнорировать их: «В любом случае мое участие оставалось неназванным (если только сам судья не пожелал бы указать об этом, что иногда происходило)».

Интересно отметить, что, по утверждению Тирлуэя, все судьи, с которыми он работал, были очень довольны таким положением дел и принимали его помощь. Впрочем, были и «инциденты», в частности, с британским судьей Х. Уалдоком, который во время излишне категорической критики его проекта сказал: «Не забывайте, мальчик, что это мое решение, а не ваше». Другой достойный внимания случай касается неназванного «англоязычного члена Суда», который сначала согласился войти в состав РК для составления большей части проекта общего решения Суда, но затем стал сомневаться в правильности своего решения, так как был слишком загружен другой работой. И тут Тирлуэй «вызвался помочь» и предложил написать полностью тот текст, который должен был написать судья. Кончилось тем, что этот судья не только использовал текст Тирлуэя, но и передал его в РК вообще без своей правки. Так же, как и его «дьявольские» заметки, это оставалось конфиденциальной информацией, но недолго. Вероятно, Тирлуэй признался не во всех «инцидентах», которые произошли с ним в связи с его деятельностью. Наверняка были и другие, которые, пожалуй, и послужили основанием для совсем необычного признания. Наверяд ли основанием для столь необычных мемуаров стала только лишь гордыня (хотя без нее не обошлось). Скорее, это есть оправдание и попытка представить свою версию событий. Автор признает, что вскоре факт написания решения за судьей стал известен сначала в самом Суде, а затем и за его пределами. Конечно, это не могло не вызвать проблемы. «В одном политически значимом деле во время заседания РК я задал вопрос о том, существуют ли у Суда какие-либо свидетельства, которые подкрепляли бы конкретное утверждение, содержащееся в проекте. Судья, написавший соответствующую часть текста, «потерял терпение и обвинил меня перед лицом всех членов Комитета и сотрудников в умышленном саботировании принятия текста в интересах одной из сторон».

Весьма любопытную информацию представляют мемуары Тирлуэя касательно процесса составления особых и несогласных мнений судей, особенно в контексте подготовки общего решения Суда. Тирлуэй пишет, что целью статьи 7 Резолюции о внутренней судебной практике МС является возможность Редакционному комитету использовать те аргументы, которые высказаны в особых мнениях, в основном реше-

нии Суда, и либо опровергнуть эти аргументы, либо включить их в общее решение¹. В начале 1980-х годов особо ярко встала проблема так называемого «права последнего слова»: иными словами, какой проект должен быть закончен первым: проект общего решения или проекты особых или несогласных мнений. В этой связи Тирлуэй вспоминает очередной свой «триумф»: после того, как по его предложению в проект общего решения были включены добавления, опровергающие аргументы судей, приложивших особые мнения, «мой старый друг Шигеру Ода с поддельной горечью пожаловался: «Вы все время передвигаете те мишени, по которым бью!»».

Мемуары Тирлуэя ставят ряд весьма важных вопросов, касающихся соотношения общих решений Суда, с одной стороны, и особых и несогласных мнений отдельных судей – с другой, принятых в последние годы. Просто невозможно не обратить внимания на то, что в ряде случаев (особенно в деле *О морской и сухопутной границе (Камерун против Нигерии)*, деле *О применении Конвенции по геноциду (Босния и Герцеговина против Сербии)*, делах *Югославия против десяти стран НАТО*, деле *Касикили/Седуду (Намибия/Ботсвана)*) общее решение ни коим образом не отвечает на те аргументы, которые были выдвинуты несогласными судьями. Мемуары Тирлуэя дают основания для вполне определенного толкования таких фактов. Кстати, это особенно важно и для России, в частности, в связи с уникальным единым несогласным мнением по решению о введении временных мер защиты в деле *О применении Конвенции против расовой дискриминации (Грузия против России)*.

Таким образом, следует признать, что мемуары Х.Тирлуэя являются важным свидетельством, которое поможет понять многое из доселе находящихся в тени механизмов принятия решений главного судебного органа ООН.

Полностью с текстом мемуаров Хью Тирлуэя можно ознакомиться в «Китайском журнале международного права». – 2006. – № 2. – Т. 5. – С. 15-28.

¹ С текстом резолюции можно ознакомиться на официальном сайте Международного суда в Интернете: <http://www.icj-cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=5&p3=2> (Посещен 24 марта 2010 г.).

Сегодня мы публикуем интервью с уникальным человеком. Это Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР Дмитрий Федорович Сафонов, который был первым Послом Советского Союза в двух странах – Уганде и Либерии. В 2002 году вышли его мемуары «А дуги гнут с терпением».

Интервью проводилось заместителем главного редактора КЖМП А.Мезяевым в октябре 2009 года, в дни праздничных торжеств, посвященных столетнему юбилею Дмитрия Федоровича.

А.Мезяев: Дмитрий Федорович! Прежде всего, разрешите от имени редакции нашего журнала поздравить Вас с замечательным юбилеем – 100-летьем, пожелать Вам крепкого здоровья и надеяться на новые книги!

Д.Ф. Сафонов: Большое спасибо! А вот и рукопись моей новой книги, над которой я сейчас работаю.

А.Мезяев: Мой первый вопрос связан с подзаголовком ваших мемуаров: «Как я стал дипломатом-африканистом». Действительно, хорошо известно, что далеко не любой дипломат может стать дипломатом-африканистом. Я сам читал спецкурс африканистам МГИМО и видел, что далеко не все из них готовы к работе именно в Африке. Подтверждением этого является также моя беседа с бывшим заместителем министра иностранных дел СССР Юрием Владимировичем Дубининым.

Д.Ф. Сафонов: Я его очень хорошо знаю, люблю и уважаю!

А.Мезяев: Я однажды спросил у него, имел ли он когда-либо контакты с Африкой. Он ответил, что однажды ему было поручено провести зондаж в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН у дипломатов африканских государств, но особых успехов он не имел. Юрий Владимирович сказал такую фразу: «Я понял, что Африка – это большая специфика». И это сказал блестящий дипломат, успешно проводивший переговоры и с американцами, и с представителями других стран по самым сложным вопросам международной политики, включая ядерное разоружение! В этой связи у меня такой общий вопрос: «Какие качества необходимо иметь дипломату, чтобы успешно работать с Африкой и африканцами?».

Д.Ф. Сафонов: Да, интересный вопрос... Ну, прежде всего человек, который решил посвятить себя работе на африканском направлении, не должен обладать никакой предвзятостью. Он должен настроить себя на то, что перед ним откроется новый для него мир и что он должен принимать этот мир в таком виде, в каком он существует, в частности, относиться с уважением не только к людям, которые населяют этот континент, независимо от того, на каком уровне экономического развития находится то или иное государство, но и к тем традициям и обычаям, в которых они живут. Помнится мне, когда я оказался уже по-настоящему в Африке в качестве посла СССР в Уганде. А Уганда, не знаю как сейчас, но тогда состояла из пяти или шести королевств. Это феодальные образования, во главе которых были свои короли-феодалы. И от них зависело, как будут развиваться отношения Уганды с внешним миром, поэтому мне как послу Советского Союза надо было войти в контакт с этими королями-феодалами, узнать, в каком направлении работают их мысли, их настроения, и я посещал эти королевства. Конечно, приезжал туда с нашими традиционными подарками: икра, водка, картины, сувениры, которыми меня снабжали ССОД и Институт Африки Академии наук СССР. Мы обменивались подарками. И меня в этих королевствах принимали, как правило, на

очень высоком уровне. И не только потому, что я иностранный посол, а потому, что я посол такой великой державы, как Советский Союз. Нас тогда ставили на одном уровне с Америкой, а в некоторых отношениях и выше. Главным образом, в отношении нашего социального и политического развития. Так вот, принимали меня там очень хорошо, с большими почестями. И это проявлялось, когда за большим столом король-феодал собирал свою знать, для того чтобы принять гостя, и он сажал меня по правую руку от себя. На стол подавались всякие яства из растений и мяса, почему-то рыбой они не увлекаются. На вертелах запеченные большие бараны, а голову как самое вкусное отдавали королю-феодалу. Ели без всяких вилок конечно, и вот король, прерывая свое увлечение едой, брал с блюда перстами рис и толкал мне в рот. Это считалось большой честью! Конечно, другой мог выплюнуть, но я терпел. А потом, когда он уже немного съест мясо со своей части, – он передает ее мне. Это тоже честь! И советники, которые хорошо знали Африку, говорили мне: «Не вздумай выбросить! Старайся есть с таким же аппетитом, как ел король!». И я старался... Ну, и третье, пожалуй, самое важное. Тот человек, который хочет связать себя с Африкой, должен быть заряжен желанием помочь народу той страны, в которой он представляет свою страну, помочь этому народу в его экономическом развитии. Вот, собственно, основные необходимые качества...

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, мой второй вопрос связан с Вашей деятельностью первого посла Советского Союза в Уганде. В своих мемуарах Вы рассказываете о создании посольства СССР в Кампале. Не могли бы Вы подробнее рассказать о ходе переговоров об установлении дипломатических отношений с Угандой. Кто их проводил, с кем они проводились – с британцами или уже с правительством Уганды? Были ли какие-нибудь проблемы в установлении дипломатических отношений?

Д.Ф. Сафонов: Больших проблем не было. Устанавливали дипотношения в основном через Англию, через Лондон. Через наше представительство, которое обращалось к главе представительства соответствующей африканской страны, направляли туда послание и таким же путем получали ответ. Официально устанавливались дипломатические отношения. Когда я прибыл в Уганду, то там еще был в качестве главы государства английский губернатор. Мне пришлось вручать ему верительные грамоты. Прошло некоторое время, во главе государства оказался один из главных феодалов-королей Кабака Мутеса II. Он стал президентом. Пришлось мне перевручать верительные грамоты королю Мутесе II, но и этот продержался недолго. В результате переворота у власти оказался Милтон Оботе, пришлось этому перевручать. Так что я, будучи послом Советского Союза в течение пяти лет, трижды вручал верительные грамоты главе этого государства. Вот такие были, если и не сложности, но особенности...

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, хотелось бы спросить вас о той скорости, с которой были установлены дипломатические отношения с Угандой. Бывали случаи, когда на переговоры об установлении дипотношений уходили годы. А с Угандой на установление дипотношений ушло всего лишь пять дней. Как вы считаете, в чем причина этого?

Д.Ф. Сафонов: Советский Союз воспринимали в Африке как великую высокоразвитую державу, находящуюся на том же уровне, что и Америка, и надеялись на нашу помощь даже в большей степени, чем на Америку. В Советском Союзе девизом было: «Все в интересах трудящихся, простого народа», считалось, что мы можем и хотим помочь стать Африке на путь нового развития, поэтому когда появлялась наша воля к установлению отношений с той или иной страной, там никаких замедлений не было, вопрос решался с максимальной скоростью. Я не помню случая, за исключением одного, когда бы у нас процедура установления дипотношений затянулась, скажем, на

несколько лет. Это решалось в течение месяцев, а то и месяца. Единственным исключением была Либерия. Наше посольство в Либерии, которое тоже я открывал, было открыто в 1972 году, но до этого прошло 23 года, прежде чем нам удалось установить дипломатические отношения с Либерией. Там в течение этого же периода во главе государства был ставленник США Табмен, которого настраивали так, чтобы не пускать СССР в Африку, настраивали из Вашингтона, и он выполнял это поручение исправно, и под всяким предлогом установление официальных отношений с Либерией откладывалось. Лишь в 1972 году, когда Табмен умер, ему на смену пришел Толберт – более прогрессивный человек, девиз которого был: «Развивать отношения со всеми странами, какого бы политического направления они не придерживались» и который сразу решил этот вопрос. И тут же ваш покорный слуга был направлен в Либерию, чтобы открыть там посольство.

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, в своих мемуарах Вы пишете, что Уганда установила численный лимит на количество сотрудников посольства, и называется цифра в 17-18 человек. Ограничивал ли такой лимит потребности посольства или этого было достаточно?

Д.Ф. Сафонов: Этого было вполне достаточно, но дело в том, что под нашу крышу, крышу посольства, усилено проникали и другие организации, не МИДовские: Комитет госбезопасности, Главное разведывательное управление Советской армии, торговые организации. И все они хотели считаться дипломатами и заниматься своей работой, и из-за этого получался довольно большой, не по потребностям, аппарат. Сотрудников для практической работы было более чем достаточно. Я заставлял этих «хлопцев» работать на посольство.

А.Мезяев: В своей книге Вы пишете о том, что в то время, когда должность президента Уганды занимал Мутеса II, отношения с посольством Советского Союза не складывались, однако при этом Вы также упоминаете, что Москва дала распоряжение решать все вопросы с премьер-министром М.Оботе. Почему было такое указание Москвы обходить президента?

Д.Ф. Сафонов: Это диктовалось тем, что президент Уганды Мутеса II не проявил никакого интереса к развитию отношений с СССР, кроме какого-то познавательного. Москва была информирована об этом. В то время, как премьер-министр М.Оботе выражал большое желание развивать всесторонние отношения. Поэтому избрали самый короткий путь: не лезть к верхам, а прямо идти к премьер-министру. Согласовывать это с президентом или нет, было уже делом премьер-министра.

А.Мезяев: Уровня премьер-министра было достаточно, чтоб решать все наши проблемы?

Д.Ф. Сафонов: Нас никто не мог упрекнуть в этом. Ни Мутеса – можно было ему ответить на это, что мы не считаем себя вправе обращаться на столь высокий уровень. Вроде как занять японскую позицию: «ваши мысли настолько глубоки, что я своим скудным умишком не в состоянии постичь их».

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, Вы также упоминаете в своих мемуарах о том, что наиболее частым гостем правительства СССР из верхов правительства Уганды был тогдашний министр обороны Иди Амин, впоследствии совершивший государственный переворот и ставший президентом страны. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом человеке? Все-таки личность эта была очень яркая...

Д.Ф. Сафонов: Да, это так. Грандиозная фигура и очень колоритная! Во-первых, он сам огромных размеров. Любил посещать приемы в нашем посольстве, и когда он встречал меня на любом другом приеме в каком-нибудь посольстве, то тут же подходил ко мне и начинал обниматься. И вот когда приемы заканчивались и все гости

расходились, он все сидел, пуговицы крутил у хозяина, объяснялся ему в любви и все время пил. Он пил невероятно много и любил нашу водку, а мы его, конечно, ею снабжали. Не жалели. Но что интересно, он никогда очень уж не пьянел, здоров был. На приемы он обычно ездил на своем джипе. Шофер сидел рядом, но за рулем он был сам. И вот когда у нас прием заканчивался и он собирался садиться в машину, я всегда предлагал ему: «Господин министр, может Вас отвезет наш шофер, вы же все-таки выпили? – А он отвечал: «Don't worry!» и садился за руль сам. В Уганде резиденция посла, где проходил прием, находилась внизу, выезд со двора поднимался на горку, а потом как выедешь за ворота – сразу гора начиналась и поворот вокруг этой горы. Так он садился, заводил свою машину, вылетал на большой скорости вверх, поворачивал и мчался домой. Я говорил жене: «Слушай, он, наверное, разобьется где-нибудь». Но обязательно его просил: «Приедете домой, позвоните мне». Он приезжал и через несколько минут раздавался звонок: «Ambassador, I'm still alive». Но я беспокоился о нем. Или вот, скажем, такой пример. Мы тогда поставили Уганде несколько самолетов. Хорошо сотрудничал с ними в таком же примерно плане и Израиль. У нас с Израилем в те годы были неплохие отношения. И вот на какой-то национальный праздник Оботе решил устроить парад своих вооруженных сил с демонстрацией полетов наших самолетов, ну и пригласил на этот праздник только двух послов, остальной дипкорпус «не тронул», хотя там было около 15-ти послов, если не больше. Пригласили только меня и израильского посла, и сидели мы в президентской ложе. Вот закончился парад, и все начали разъезжаться. Мы решили поехать в национальный парк посмотреть зверей и поехали своей дорогой. Едем, не торопясь, обсуждаем парад, смотрим – позади нас большой клуб пыли и на всех парусах мчится машина. Догоняет нас Иди Амин. «Ambassador!! How are you? Я вас обгоняю, извините». Я ему говорю: «Подожди», а он мне: «Водка есть?» – «Конечно!». Открываем багажник, я в рюмку пытаюсь налить, а он увидел пол-литровую банку и говорит: «Давай сюда». Ну, наливаем ему, выпил. «Закусить надо?» – «Не надо, Don't worry», садится за руль обгоняет нас и уезжает. А когда я уже вернулся из Африки из Уганды и заведовал третьим Африканским отделом Министерства иностранных дел СССР, то в такие более ли менее спокойные периоды года я старался посещать пять-шесть африканских стран, которые курировал один. И вот, когда мне довелось приехать в Уганду, в это время во главе Уганды был уже Иди Амин. Посол позвонил в МИД и сказал, что приехал бывший посол, а теперь заведующий африканским отделом, хотел бы нанести визит президенту. «К сожалению, президент сейчас на севере страны», – ответили нам, – «но мы ему сообщим об этом». И через какое-то короткое время сообщают: «Президент вылетает и будет здесь через 40 минут, просит вас прибыть в его резиденцию». Мы с послом приехали туда, вскоре появляется вертолет, опускается во дворе президентского дворца, выходит оттуда весь измазанный усталый Иди Амин, подходит ко мне и обнимает как родного брата. Посол рядом и начальник управления кадрами МИД, с которым я ездил по странам, смотрят с интересом, и потом уже начальник управления кадрами говорит: «Слушай, ну и дружба же у тебя в Уганде!». Вот такой был Иди Амин.

А.Мезяев: Но вот на фоне Иди Амина, о котором мы хотя бы что-то знаем, личность Милтона Оботе остается в тени, ну, разве что имя только известно. Может быть, Вы нанесете несколько штрихов к портрету этого президента?

Д.Ф. Сафонов: Это был очень образованный и своеобразный человек. Например, когда наша делегация дружбы со странами Африки приехала туда, я устроил встречу руководителя этой делегации с президентом Милтоном Оботе. Он, беседуя с нами, сказал примерно такую фразу: «Я за социализм! Мне нравится социализм! И мы будем строить социализм, но необязательно такой, как в Советском Союзе, мы будем строить

свой африканский социализм, я не хочу копировать никого. Мне не хочется, чтобы Уганда, избавившись от одного колонизатора, попала под влияние другого. У нас будет свой африканский социализм». Когда мы возвращались из резиденции президента, где он нас принимал, то представитель делегации, который прилетел из Москвы, сказал: «Слушай, Дмитрий Федорович, твой Обо́те самый настоящий контрреволюционер!».

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, вы были очевидцем государственного переворота 1966 года, когда президент Мутеса II был вынужден бежать из страны. Не могли бы Вы рассказать о том, как действовало посольство Советского Союза в такие критические моменты?

Д.Ф. Сафонов: Во-первых, начался этот переворот глубокой ночью. Сотрудники посольства, и я в том числе, проснулись от невероятного и незнакомого гула, напоминающего гул большого стада буйволов, приближающегося, как гроза. Оказывается, это выстроились все сторонники Милтона Обо́те со своими тамтамами. Они могут на этих тамтамах воспроизводить такие звуки, которые наводят ужас, но могут и вызвать всплеск веселья. Такой вот это разнообразный инструмент... И вот когда сто тамтамов одновременно исполняют нечто на один мотив, это производит ужасное впечатление такой непреодолимой стихии, которая надвигается на тебя. Нам ничего не оставалось, как сидеть дома. Я велел всем оставаться на местах, и если к нам придут, то вести себя так, как подсказывают обстоятельства. К нам пришли, но пришли уже тогда, когда судьба кабаки Мутеса II была решена и по всей стране власть переходила к Милтону Обо́те. Пришли, поинтересовались, как мы относимся к этому. Я дал соответствующий ответ, и на этом дело закончилось. После этого мне не оставалось ничего, как только информировать Москву о том, что в стране произошел переворот, что в посольстве жертв нет и что я им дал такой ответ. Мне сказали: «Правильно поступили».

А.Мезяев: А какой ответ Вы им дали?

Д.Ф. Сафонов: Ответ мой был такой: «То, что происходит в вашей стране, – это дело вашего народа. Мы как посольство иностранного государства не намерены не только вмешиваться в этот процесс, но и не намерены высказывать свой пристрастия к той или иной стороне».

А.Мезяев: Разрешите теперь перейти к Либерии, к стране, в которой вы также были первым советским послом. Случай, который Вы описываете, связанный с президентом Толбертом, выглядит удивительным и, вероятно, уникальным, когда глава государства высказывает желание посетить Советский Союз, а в СССР ему отказывает. И вы даже описываете попытку президента Либерии Толберта приехать вообще без приглашения...

Д.Ф. Сафонов: Да! Он даже хотел, будучи проездом в Москве, встретиться с кем-нибудь в аэропорту. Он уже решил посетить Швецию или может быть его пригласили. Ему было ближе через Англию, но он решил через Советский Союз, решил встретиться в аэропорту, как это практиковалось у нас, но охотников не нашлось... Я до сих пор не могу понять, чем это объясняется. Сейчас-то понимаю, что, вероятно, у наших властей сложилось впечатление, что как только африканский лидер появляется в СССР, он сразу начинает просить: либо помогите нам строительством, либо займ дайте. Поэтому и уклонялись от данных встреч.

А.Мезяев: Я в этой связи хотел бы вспомнить о том, что очередной государственный переворот в Либерии и убийство президента Самуэля Доу произошли через несколько дней после объявления о его предстоящем визите в СССР. Как Вы считаете, это было простым совпадением или просматривается связь?

Д.Ф. Сафонов: Я не связываю это с визитом, хотя уже не был там послом. Но думаю, что одно с другим не связано.

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, в своей книге вы пишете, что либерийские службы госбезопасности, работавшие под прямым руководством соответствующих служб США, не только следили за работой посольства, но и организовывали некие провокации. Не могли бы вы подробнее рассказать, были ли случаи, когда США пытались осложнить отношения между СССР и Либерией, а может вообще советско-африканские отношения... И если такие случаи были, то какими методами пользовались американцы?

Д.Ф. Сафонов: Такие случаи были. Однажды пришел ко мне в посольство либериец, представился лидером прокоммунистической партии в Либерии и сообщил, что его организация не довольна существующим режимом в Либерии и намерена вести дело к свержению этого режима. Но сил пока мало. Нужна некоторая поддержка не только финансовая, чтобы собрать побольше людей со всех концов страны, но, может быть, даже и оружием, причем называет всякие системы оружия. Я уже тогда был поражен его осведомленностью в нашем оружейном арсенале. Сказал, что подумаю. Стал думать, как информировать МИД об этом случае. Боялся попасть впросак. А вдруг на самом деле такая организация существует? А как к этому отнесутся не только в МИДе, но и наши ближние соседи? А может им захочется получить опору, ведь это же американская сторона, и нашим организациям хотелось проникнуть в их нутро... В это время я получил письмо обычной почтой, где излагались примерно те же самые просьбы, но это меня уже окончательно насторожило. Я забрал письмо и напросился к министру иностранных дел Дэнису, чтобы рассказать ему обо всем. Рассказал, что расцениваю это как провокацию и просил оградить посольство от подобных случаев, показав ему письмо. Он страшно смутился, уверял, что никакого отношения к этому они не имеют, и стал благодарить за информацию, обещал найти этого проходимца. Потом я передал информацию в МИД, что вот такой случай был. Это лишь один из случаев. А мог бы получиться скандал... Оно так и вышло. Я уже привык к выходкам этих соседских ребят, которые так без разбора лезли, чтобы выудить информацию. Я их сдерживал и говорил их руководителю: «Я в вашу оперативную работу не вмешивался и не хочу вмешиваться, но о том, чего вы наметили сделать, чего вы добиваетесь, прошу меня информировать. Возможно, я этого же самого достиг бы самым обычным путем, поговорив с министром иностранных дел или с другим министром. И вам выложу это дело. Не лезьте и держите своих ребят на поводке!». Стоило мне уехать, приехал новый посол, они распоясались, начали действовать самостоятельно, их быстро за руку и поймали и выслали сначала 1/3 посольства, потом остальных, а под конец и самого посла. И на том закончились наши отношения.

А.Мезяев: Мой последний вопрос связан с вашим участием в установлении дипломатических отношений с Ганой. Вы встречались с одним из самых крупных фигур на африканской, да и мировой, политической сцене, президентом Ганы Кваме Нкрумой, столетие которого, кстати, тоже отмечалось в этом году в сентябре.

Д.Ф. Сафонов: Да, это было событием из событий, крупной вехой в моих отношениях с Африкой! Я работал в то время советником нашего посольства в Англии, и пришло указание нашему послу направить в Гану одного из советников посольства вместе с советником торгового представительства для переговоров об открытии там посольства и подыскания соответствующего помещения. Выбор пал на меня, и нас с советником торгпредства направили в Гану. И вот мы вылетели туда, нас там приняли как самых высоких посланцев, местные газеты на первых полосах так и писали. Мы в основном встречались с министром иностранных дел, потом с премьер-министром, и, наконец, нас принял Кваме Нкрума в своей резиденции за городом, беседовал с нами, высказывал очень разумные мысли о том, как им хотелось воспользоваться опытом

СССР в построении нового социалистического общества, и поэтому он положительно относится к решению Советского Союза открыть в Гане посольство. В честь нас был устроен большой прием, нам предоставили несколько вариантов домов на выбор, один из них мы облюбовали и договорились о примерной численности нашего посольства. Об открытии посольства Ганы в Москве Нкрума сказал, что этот вопрос упирается у них в финансовые затруднения. Когда они преодолеют их, то откроют у нас свое посольство. Мы отбили телеграмму в Москву клером. Вы знаете, что значит клером? Это значит, русские слова латинскими буквами. И не надо шифровать – никто не поймет ее. Это адский труд написать такую телеграмму подробной информации, но написали, затратив много времени, и с чистой совестью и легким сердцем отправились обратно в Лондон. А через пару недель через Лондон проследовала первая группа советских дипломатов во главе с послом Сытенко в Гану. Эта была первая ласточка в нашем освоении Тропической Африки. После Ганы не проходило и месяца, чтобы не открывалось посольство, а то и два, в странах Африки. Это был бурный расцвет наших отношений с Африкой!

А.Мезяев: Дмитрий Федорович, большое спасибо за Ваши ответы и за тот огромный вклад, который вы внесли в советскую дипломатию, в развитие отношений с Африкой!

Д.Ф. Сафонов: Я очень рад, если своим рассказом мог быть полезен читателям Вашего журнала. Желаю «Казанскому журналу международного права» успешного развития и не забывать африканскую тематику.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с судьей Международного трибунала по бывшей Югославии Я.Бономи

Ян Бономи (Британия) является судьей Международного трибунала по бывшей Югославии с мая 2004 года, когда он был назначен вместо умершего британского судьи Р.Мэя в состав палаты для рассмотрения дела против президента Югославии Слободана Милошевича. В 2008-2009 годах Бономи являлся судьей предварительного производства по делу против президента Республики Сербской Радована Караджича.

А.Мезяев: *Считаете ли Вы, что деятельность МТБЮ носит исключительно позитивный характер? Есть ли, по Вашему мнению, в его деятельности негативная сторона?*

Я.Бономи: Я не утверждаю, что любое решение МТБЮ было негативным, но я признаю, что в разных решениях одни и те же принципы были применены по-разному, что привело к неясности содержания данных норм и принципов. И хороший пример – это концепция «совместных преступных действий» (*joint criminal enterprise*), где требования *mens rea* были выражены в самой яркой форме. Тем не менее, важно, что в МТБЮ этот вопрос активно обсуждается.

А.Мезяев: *Как Вы относитесь к тому, что ряд специалистов, в частности, бывший президент Международного Суда ООН Ж.Гийом, рассматривают деятельность МТБЮ как угрозу целостности современного международного права?*

Бономи: Я понимаю. Но ведь это не только МТБЮ. Много разных институтов выражают свое мнение по вопросам международного права, которые могут различаться, и это проблема. Лично мое мнение, что должен быть один суд, который бы обладал правом последнего слова. Я предпочел бы, чтобы это был Международный Суд ООН и он мог бы давать окончательное заключение по сложным и противоречивым вопросам международного права прав человека и международного гуманитарного права, международного уголовного права. Но насколько я знаю, международное сообщество не считает, что существует угроза фрагментации международного права. Я надеюсь, что каждый суд будет уважать решения других судов и не будет существенной фрагментации в принципе.

А.Мезяев: *Итак, Вы за то, чтобы Международный Суд ООН решал все сложные вопросы?*

Я.Бономи: Да.

А.Мезяев: *Позвольте напомнить вам, что президент Слободан Милошевич просил трибунал сделать запрос в Международный Суд ООН о законности создания МТБЮ...*

Я.Бономи: Но насколько я знаю, судьи МС сами не хотят таких полномочий...

А.Мезяев: *В России особенно следили за судебным процессом против президента Слободана Милошевича, в том числе, насколько соблюдались его права согласно международному праву. Как судья той самой судебной палаты, которая рассматривала это дело, можете ли Вы утверждать, что права президента Милошевича были соблюдены в полной мере?*

Я.Бономи: Я стал членом судебной палаты в деле Милошевича только после завершения обвинительной части, таким образом, лично принимал участие только во время защитной части процесса. Моей главной целью было обеспечение того, чтобы его права как обвиняемого были обеспечены полностью. И я полностью удовлетворен нашей работой в период своего личного участия. Перед тем, как вступить в дело в качестве нового судьи, я изучил предыдущий период процесса, который проходил без

меня, и также удовлетворен тем, что его права тоже были обеспечены. Если у вас есть вопросы по конкретным правам, то я отвечу, а в целом, я дал вам мой ответ.

А.Мезяев: *Да, есть вопросы по конкретным правам. Во-первых, это право на достаточное время для представления своей защиты. Почему президенту Милошевичу было выделено в два раза меньше времени, чем имело обвинение?*

Я.Бономи: Это не так! Я постоянно подчеркивал, что ему должно быть выделено ровно столько же времени, сколько было у прокуратуры. И он получил ровно столько же времени!

А.Мезяев: *Теперь о праве на жизнь. Считаете ли Вы, что со стороны МТБЮ было обеспечено право президента Милошевича на жизнь?*

Я.Бономи: Абсолютно. Судебная палата собиралась неоднократно только для обсуждения вопросов, касающихся здоровья обвиняемого. У меня нет никаких сомнений в том, что его право на жизнь было нами обеспечено. Так, мы приняли решение о проведении заседаний только три раза в неделю, что соответствовало медицинским рекомендациям.

А.Мезяев: *У меня вопрос по последнему решению судебной палаты, где президенту Милошевичу было отказано в медицинской помощи, которую ему предлагала Россия. Я считаю неприемлемым то, что гарантии Российской Федерации, данные для целей временного освобождения обвиняемого, были отклонены Вами без объяснения причин. Почему Вы не признали гарантии, данные Россией как удовлетворительные?*

Я.Бономи: Вы задаете мне вопрос, который напрямую связан с ходом дела и судебными дебатами, и для меня было бы неприемлемо комментировать это.

А.Мезяев: *Попробую задать вопрос иначе: почему Вы вообще не рассматривали гарантии России, просто проигнорировали их?*

Я.Бономи: Это тот же самый вопрос. Я не могу отвечать на него.

А.Мезяев: *Что ж, у меня больше нет вопросов.*

P.S. К сожалению, отвечая на вопросы редакции «КЖМП», Я.Бономи говорил неправду. У меня не было цели вступать с Бономи в дискуссию. Целью было дать ему возможность ответить так, как он сможет.

Ответы Бономи создают впечатление, что он полагал, что достоверность его ответов нельзя проверить. Однако проверить их достаточно легко, и проверка приводит к выводу: судья лгал читателям «КЖМП». Так, его утверждение о том, что судьи Международного суда ООН «сами не хотят таких полномочий», выглядит странно на фоне выступления президента Международного суда с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН о том, что самым верным путем разрешения вопроса о законности создания МТБЮ является запрос в главный судебный орган ООН. Другая ложь, которая также устанавливается весьма легко. Бономи утверждает, что Слободану Милошевичу было предоставлено столько же времени, сколько имело обвинение. Для того чтобы увидеть ложь судьи, достаточно обратиться к решению судебной палаты от 25 февраля 2004 года¹ и к календарю судебных заседаний, который доступен на официальном сайте МТБЮ в Интернете². Простой подсчет показывает, что С.Милошевичу было выделено для предоставления защиты более чем в два раза меньше времени, чем имело обвинение. А на подготовку защиты – вообще в три раза меньше времени! Кстати, не соответствующая действительности информация (касающаяся фактически использованного прокуратурой времени) содержится и в самом решении суда от 25 февраля 2004 года. Впрочем, судья Бономи говорит неправду не в первый раз. Так, далеко не только у

¹ См.: Prosecutor v. Slobodan Milosevic, [Trial Chamber] Order rescheduling and setting the time available to present the defence case, 25 February 2004 // http://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/tord/en/040225.htm

² См.: http://www.icty.org/case/slobodan_milosevic/4

меня возникли сомнения в его клятве, которую он давал во время вхождения в дело С.Милошевича в 2004 году. Дело в том, что Я.Бономи вошел в состав судебной палаты после смерти судьи Р.Мэя уже после того, как полностью была завершена обвинительная часть процесса. В такой ситуации процесс должен начинаться с новым судьей заново либо может быть продолжен, но с условием, что новый судья заверит трибунал, что он полностью ознакомился с делом в части, проводившейся без него. К моменту смерти судьи Мэя только официальная стенограмма судебных заседаний составляла более 32-х тысяч страниц. И вот судья Бономи дает клятву, что за два месяца он «ознакомился с делом». По сколько страниц в день должен был читать Я.Бономи только для того, чтобы изучить одну стенограмму? По пять тысяч в день без праздников и выходных. Но, может быть, Бономи заранее знал, что его назначат судьей в дело Милошевича, и читал стенограммы ежедневно в течение двух с половиной лет? Тогда непонятно, как быть с сотнями тысяч страниц письменных документов, не доступных лицам, иным, кроме как судьям и прокурорам, а также с сотнями тысяч часов аудио- и видеодоказательств, которые представлялись все эти годы? В общем-то ложь Бономи достаточно очевидна и не требует особых доказательств.

Особенно циничным выглядит утверждение Бономи о том, что все права С.Милошевича соблюдались, да еще и «в полной мере». На самом деле он был лишен права на достаточное время для подготовки и представления защиты, права на личную защиту, наконец, права на жизнь. То, что право С.Милошевича на жизнь было защищено только тем, что судебные заседания проводились три раза в неделю и судебная палата «обсуждала» его здоровье, выглядит явно неубедительно. На самом деле, Милошевичу неоднократно отказывали в проведении независимого медицинского обследования, до самой смерти ему не проводили необходимых исследований даже для постановки диагноза. Что же касается ответа судьи Бономи на мой последний вопрос, то он не требует комментариев. Судья не может защитить принятое им решение. Это было более чем очевидно. Гарантии России нельзя было бы не принять, и судьи нашли выход в том, чтобы просто их не обсуждать. Как будто бы их просто не было. Текст гарантий России, данных Международному трибуналу по бывшей Югославии в российской печати, в том числе международно-правовой, до сих пор не публиковался. Мы впервые публикуем этот документ. Читатель сам увидит, почему МТБЮ проигнорировал их. И секрет судебной комнаты здесь не причем. Суд обязан аргументировать свое решение, как приняв, так и отклонив те или иные аргументы или факты¹.

И еще один очень важный момент. В последнее время все чаще у нас ссылаются на те или иные решения МТБЮ, просто так, без какого-либо анализа. Дескать, трибунал постановил то-то и то-то. Дескать, трибунал «развил международное право». В этой связи очень важно, чтобы российские юристы-международники и российские дипломаты знали, какова сила «юридической» аргументации в МТБЮ и какова цена всем этим «решениям», не имеющим ничего общего ни с правом, ни, тем более, с его развитием.

А.Мезяев.

¹ «...Российская Федерация предоставляет [Международному трибуналу по бывшей Югославии] следующие гарантии: 1) Принять г-на Слободана Милошевича в Российской Федерации с целью оказания медицинской помощи в «Центре Бакулева» в Москве на период продолжительности лечения и в соответствии с распоряжениями судебной палаты; 2) Обеспечить безопасность г-на Слободана Милошевича в период его временного пребывания в Российской Федерации в «Центре Бакулева» в Москве; 3) Выполнять все условия, предписанные судебной палатой по временному освобождению г-на Слободана Милошевича в отношении его транзита и пребывания в Российской Федерации с целью получения лечения; 4) Выполнять все условия, которые могут быть предписаны судебной палатой, касающиеся изменения условий временного освобождения; 5) В случае необходимости, регулярно предоставлять судебной палате письменные отчеты по выполнению г-ном Слободаном Милошевичем условий, предписанных судебной палатой; 6) Обеспечить возвращение г-на Слободана Милошевича в Международный трибунал по бывшей Югославии в день и время, предписанные судебной палатой...». (Оригинал текста на английском языке; перевод мой).

«К 30-летию независимости Республики Зимбабве»

***30 лет независимости Республики Зимбабве: борьба продолжается.....**

***Из истории борьбы за независимость народа Зимбабве:**

1. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Зимбабве в России господином Пелекезела Мпоко
2. Интервью с заместителем Директора Института Африки РАН профессором В.Г. Шубиным
3. Интервью с юридическим консультантом на Женевских и Лондонских переговорах по урегулированию родезийского кризиса профессором В.Е. Чиркиным

***Документы.....**

***30 лет независимости Республики Зимбабве: борьба продолжается**

18 апреля 2010 года исполняется 30 лет со дня завоевания независимости народом Республики Зимбабве. В нашей литературе иногда используется термин «получение» независимости. Частично это верно: не все страны Африки свою независимость завоевали, некоторые (хотя и меньшинство) ее действительно, скорее, «получили». Но в случае с Зимбабве – это была особая борьба, державшая в напряжении не только саму страну, но и все международное сообщество на протяжении нескольких десятков лет. Так что победа Зимбабве может и должна быть названа только завоеванной и знать историю этой замечательной победы полезно всем, и не только в Африке. Ведь после, казалось, окончательного краха колониализма в XXI веке государства сталкиваются с новыми формами зависимости, подчас не менее жестокими и противоправными, чем «классический» колониализм.

В борьбе Зимбабве за свободу и независимость принимали участие не только внутренние, но и внешние силы, включая расистский режим ЮАР, поддерживавших их Британию и США, другие европейские, американские, азиатские и африканские страны. Особую роль играл в этой борьбе Советский Союз.

Редакция «Казанского журнала международного права» открывает новую рубрику «Живая история» публикацией материалов, освещающих события международных отношений и международного права, связанных с урегулированием так называемого «родезийского кризиса», завершившихся победой народа Южной Родезии и созданием независимого государства Зимбабве. В то же время следует отметить, что народ Зимбабве все еще продолжает свою борьбу за независимость. Западные страны не смирились с потерей Южной Родезии и стараются вернуть эту страну под свой контроль. Благо, Зимбабве – это кладовая редких полезных ископаемых. В июле 2008 года состоялось одно из самых драматичных заседаний Совета Безопасности ООН, когда массированная атака Запада на независимость Зимбабве была отбита, в том числе, при активной позиции Российской Федерации. Россия была вынуждена применить вето.

Анализ ситуации в Зимбабве и искусственно нагнетаемый «кризис» вокруг этой страны со стороны Запада позволяют рассматривать ситуацию с Зимбабве как отражение всей сущности современных международных отношений. В связи с этим изучение ситуации в Зимбабве приобретает особое значение. В том числе опыт Зимбабве важен и потому, что отработанная технология Запада по свержению неугодных режимов в

Зимбабве дала сбой. Хотя бы поэтому она должна привлекать особое внимание специалистов.

Сегодня мы пытаемся восстановить некоторые малоизвестные страницы борьбы народов Зимбабве за освобождение с помощью тех, кто принимал в этом непосредственное участие. Именно в этом состоит смысл рубрики «Живая история» – об истории здесь будут говорить те, кто принимал в ней непосредственное участие.

Мы публикуем интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Зимбабве в России господина Пелекезела Мпоко. Он проходил военное обучение в Советском Союзе и возглавлял военные отряды в Зимбабве. Мы также публикуем интервью с заместителем Директора Института Африки Российской Академии наук профессором Владимиром Геннадьевичем Шубиным, который во время родезийского кризиса работал в Международном отделе ЦК КПСС и занимался там проблемами юга Африки, сам непосредственно работал в ЮАР. Наконец, мы публикуем беседу с известным российским юристом профессором Вениамином Евгеньевичем Чиркиным, который, как стало известно лишь несколько лет назад, являлся «тайным советником» делегации Зимбабве во время Женевских и Лондонских переговоров по урегулированию родезийского кризиса и который внес значительный вклад в разработку конституции независимой Зимбабве.

Итак, мы открываем новую рубрику нашего журнала «Живая история»...

А.Мезяев.

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Зимбабве в России господином Пелекезела Мпоко

А.Мезяев: *Благодарю Вас, Ваше Превосходительство, за любезное согласие дать интервью нашему журналу по случаю 30-летнего юбилея независимости Республики Зимбабве. Мой первый вопрос касается Ваших личных воспоминаний о вооруженной национально-освободительной борьбе народа Зимбабве, ведь Вы были ее непосредственным участником...*

Посол Пелекезела Мпоко: Прежде всего, я должен сказать, что прошел свою военную подготовку в Советском Союзе в 1964 году. После того, как было достигнуто соглашение между партией ЗАПУ и СССР об оказании военной помощи, моя группа была среди первых прибывших в Советский Союз по данному соглашению. В феврале 1965 года нами был создан первый военный комитет, который возглавляло политическое руководство партии. Затем мы готовили военные отряды также в Северной Корее, Китае и некоторых странах Африки. В июне-июле первый военный отряд был отправлен назад в тогдашнюю Родезию. Так начиналась вооруженная борьба. Когда было создано наше военное крыло, меня назначили начальником логистики, и я возглавлял это направление в течение 11-ти лет, пока не был направлен в Мозамбик, где также возглавил организацию логистики в вооруженных подразделениях ЗАНЛА и ЗИПРА. Причиной нашего перехода в Мозамбик был международный заговор, имевший целью подавить вооруженную борьбу в Зимбабве со стороны ЗАНУ. Все политическое руководство ЗАНУ было арестовано, а затем было создано фальшивое представительство Музорева для подавления вооруженной борьбы. Таким образом, ЗАПУ быстро отреагировала в этой ситуации. Но перед тем как действовать, мы посоветовались с лидерами ЗАНУ, находившимися в тюрьме, которые согласились с тем, что мы должны взять командование и спасти наши вооруженные силы в Мозамбике. Менее чем через год, после того, как поставленные цели были достигнуты, мы покинули Мозамбик. Я

же остался как представитель ЗАПУ в Мозамбике и занимал эту должность вплоть до завоевания независимости. У нашего военного отряда было много боевых операций. Я хорошо знал весь мозамбикский фронт, отлично знал также замбийский и бостванский фронты. Единственный фронт, на котором я не принимал участия в боевых операциях, – южноафриканский фронт.

А.Мезяев: *Ваш рассказ очень важен, особенно в связи с тем, что сейчас даже в российской печати можно встретить фразу «получение независимости». Как видим, народ Зимбабве не «получил», а «завоевал» свою независимость.*

Посол Пелекезела Мпоко: Совершенно верно. За успех нашей победы мы должны поблагодарить и наших друзей. Особо сильную поддержку мы получили от Советского Союза. Кроме того, нам очень помогали Куба и Чехословакия, в том числе в вопросах военной подготовки наших бойцов и в других областях.

А.Мезяев: *Как Вы расцениваете Женевские и Лондонские (Ланкастерхаусские) переговоры об урегулировании «родезийского кризиса»?*

Посол Пелекезела Мпоко: В Женевских переговорах я не участвовал. Однако нам было хорошо известно, что англичане использовали Женевские переговоры в качестве разведоперации. Целью этих переговоров был сбор информации. Дело в том, что мы вели свою борьбу, хотя и с помощью друзей, но самостоятельно. И англичане просто не владели информацией, что происходит в действительности. Особенно они были напуганы ситуацией в Мозамбике, где победил ФРЕЛИМО. Они понимали, что если допустят то же самое, что произошло в Мозамбике, их постигнет судьба португальцев. Таким образом, начиная с самих Женевских переговоров и все время вплоть до Ланкастер-хаусских переговоров англичане собирали информацию.

Что касается переговоров в Ланкастер-хаус, то я был членом делегации Зимбабве. Англичане пытались переложить свою ответственность на нас. Они пытались подорвать нашу военную силу через прифронтовые государства. Когда мы прибыли в Лондон, то их целью были наше разоружение и попытка навязать нам написанную ими конституцию. Как вы знаете, англичане и американцы пообещали выплатить один миллиард долларов в течение десяти лет взамен за сохранение всех основных плодородных земель за белыми фермерами, а также за сохранение написанной ими для нас конституции. Однако до сих пор, по прошествии тридцати лет, никаких денег выплачено так и не было.

Здесь важно напомнить, как развивалась история колониализма в Зимбабве. Англичане пришли к нам в 1890 году, и их стратегия была очень коварной. Они ввели свою философию и свою культуру и оторвали нас от нашей философии и культуры, и мы оказались «где-то посередине», видите, мы теперь все говорим по-английски! Но ведь мы не стали англичанами, но уже были оторваны и от своих исконных корней. Это разрушает нас, и это очень опасно. Посмотрите, русские все делают на своем родном языке, то же – китайцы, испанцы и все другие. Но не зимбабвийцы. Мы колонизованы уже более 130-ти лет. Колонизация шла не прямо из Англии, а из Южной Африки. Поэтому когда мы начали нашу борьбу за освобождение от расистского режима, власти ЮАР были очень озабочены отношениями между национально-освободительным движением Зимбабве и борцами за освобождение в ЮАР. Опасения были связаны также с тем, что Африканский Национальный Конгресс ЮАР был тесно связан с Советским Союзом. После победы ФРЕЛИМО в Мозамбике власти ЮАР считали, что «коммунизм стоит на пороге их дома». На фоне сдачи португальцев власти ЮАР заявили англичанам, что родезийская проблема должна решаться не в Лондоне, а в Южной Африке. Власти ЮАР заявили, что сами напишут проект конституции Зимбабве и передадут англичанам. После завоевания независимости главной проблемой

стала экономика. Как только мы забрали землю, британские компании прервали все отношения. Президент Мугабе стал проводить политику объединения усилий бывших стран социалистического блока, Китая, Дальнего Востока для спасения экономики. Но в этом процессе были и большие сложности. Мы пригласили эти страны – приходите к нам и инвестируйте, однако этот процесс занимает так много времени! Как вы знаете, Африка была колонизована решениями Берлинского конгресса. Но колонизация в новых формах продолжается. Сейчас Европейский Союз принял новые акты, в которых Британия, Португалия, Франция объявили себя «ответственными» за экономическое развитие «своих» бывших колоний. Англичане сказали: если вы хотите пойти в Зимбабве – делайте это через нас. Так что, как видите, война не закончена...

А.Мезяев: *Как бы Вы могли в целом охарактеризовать три десятилетия независимости Зимбабве?*

Посол Пелекезела Мпоко: Тридцать лет независимости Зимбабве можно сравнить с известным библейским сюжетом, когда Моисей сорок лет водил свой народ по Египту в ожидании обетованной земли.

А.Мезяев: *Почему Республика Зимбабве стала одной из главных мишеней Запада и его пропаганды в средствах массовой информации?*

Посол Пелекезела Мпоко: Зимбабве – очень богатая страна. У нас есть уран. Англичане знали об этом, но никогда не говорили нам. У нас есть алмазы. По оценкам, их запасы составляют до 20-ти млн. каратов. У нас есть золото – до 3-х млн. тонн. У нас есть хром, никель, платина, серебро, кобальт, цинк, фосфаты, уголь... Мы очень богаты полезными ископаемыми.

А.Мезяев: *Как Вы оцениваете современное состояние российско-зимбабвийских отношений?*

Посол Пелекезела Мпоко: Россия – очень важная страна для Зимбабве. Особенно для тех из нас, кто получил здесь образование или военную подготовку. Но, к сожалению, экономические связи оставляют желать лучшего. Так, за более чем десять лет сейчас в Зимбабве работает только одна российская компания. Только одна! Мы очень надеемся на то, что в Зимбабве придет больше российских компаний. И здесь уместно напомнить, что англичане не спят и делают все возможное, чтобы поставить наши ресурсы под свой контроль.

Одна из важнейших областей сотрудничества – область образования. Сейчас мы существенно увеличили число наших студентов, обучающихся в России. Две мои дочери учатся здесь на врачей. У нас есть туристические контакты, мы только что подписали с российской стороной меморандум о взаимопонимании по вопросам туризма.

А.Мезяев: *Господин Посол, разрешите мне высказать свое предложение об увеличении наших культурных связей. Культура народов Зимбабве чрезвычайно яркая и богатая. И было бы очень хорошо, если бы в России узнали о ней больше.*

Посол Пелекезела Мпоко: Да, мы можем сделать это. Я знаю, что культура в России – это очень важно.

А.Мезяев: *Позвольте поблагодарить Вас, Ваше Превосходительство, за ответы на наши вопросы. Несмотря на то, что, как Вы верно подметили, война еще не окончена, сам факт того, что Запад выбрал Вас в качестве одной из главных мишеней, убедительно доказывает, что Зимбабве действительно независимое государство. Уверен, что и в этой войне Зимбабве победит! Прошу передать народу Зимбабве самые искренние поздравления из России.*

Посол Пелекезела Мпоко: Благодарю Вас. Был очень рад нашей встрече.

Интервью с заместителем Директора Института Африки РАН профессором В.Г. Шубиным

А.Мезяев: *Владимир Геннадьевич! Не могли бы Вы поделиться Вашими личными воспоминаниями о борьбе Зимбабве за независимость, ведь Вы были непосредственным участником тех событий, работая в Международном отделе ЦК КПСС и в странах юга Африки.*

Профессор В.Г. Шубин: Зимбабве, как известно, была своеобразной – самоуправляющейся – колонией, где было значительное число белых поселенцев, захвативших лучшие земли страны. Поэтому напряженность в ходе борьбы за независимость была намного большей, чем в других странах Африки. Если практически все английские колонии в Африке достигли независимости мирным путем, то в Зимбабве ситуация была иной. Начиная с 1960-х годов, когда обрели независимость Малави и Замбия (тогда – Ньясаленд и Северная Родезия), правительство белого меньшинства Южной Родезии (ныне Зимбабве) категорически отказалось идти на предоставление независимости большинству населения. Кроме того, в 1965 году тогдашний режим Яна Смит объявил об одностороннем провозглашении независимости. Еще до этого начались, правда, ограниченные, первые вооруженные операции борцов за независимость. И вот во второй половине 60-х, и особенно в 70-е годы, развернулась настоящая национально-освободительная антиколониальная война. Сложность заключалась еще и в том, что основная националистическая – в хорошем смысле этого слова – организация Союз Африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) в 1963 году раскололась, и из нее вышла часть руководителей и активистов, которые создали свою организацию – Национальный Союз Зимбабве (ЗАНУ). Факт существования двух национально-освободительных движений создавал дополнительно много проблем, были и стычки между ними. В 1976 году был создан Патриотический Фронт, в который вошли обе эти организации и как раз в этот период боевые действия против войск расистов стали проводиться особенно активно. По существу, к концу 70-х годов национально-патриотические силы уже выиграли войну. Даже сами расисты признавали это. Но здесь началась дипломатическая деятельность, состоялась знаменитая Ланкастер-хаусская конференция в Лондоне. На этой конференции удалось навязать национально-освободительным силам массу ограничений, прежде всего касающихся конституции, в том числе резерв 25% мест для белых в парламенте. Особенно же проблема касалась земли. Были даны устные обещания, но никаких документов ни Англией, ни их союзниками, прежде всего США (которые устами Г.Киссинджера обещали аж 2 млрд. долларов на выкуп ферм), подписано не было. Было также навязано условие по запрещению изменения конституции.

А.Мезяев: *Первая попытка изменить конституцию состоялась лишь в 2000 году, когда был проведен референдум по новому проекту. Однако проект не прошел – он был отвергнут большинством населения. Не могли бы Вы объяснить, почему проект новой конституции провалился?*

Профессор В.Г. Шубин: Здесь, наверное, следует уточнить, что некоторые поправки к конституции были внесены еще в 1987 году. Тогда было изменено правовое положение президента и премьер-министра и Зимбабве стала президентской республикой. В 2000 году, как мне кажется, в провале (может быть, провал – слишком резкое слово, проект конституции не набрал всего несколько процентов)

сказалось два момента: с одной стороны, правительство было слишком уверено в своих силах, ведь правящая партия до того времени всегда набирала большинство. Однако был и другой фактор – была развернута сильная кампания против правительства, и люди, наверное, часто голосовали не столько по конституции, сколько за правление. А сам проект, кстати, вводил некоторые новые положения, касающиеся земельной реформы, передачи земель, то есть был направлен на обеспечение интересов большинства населения. Следует сказать несколько слов и о причинах недовольства населения. Еще со времен Яна Смита в Зимбабве была создана импортозамещающая промышленность. Но когда в середине 90-х годов международные финансовые организации навязали стране свои программы экономическо-структурной перестройки, когда были открыты границы, это нанесло сильный удар по промышленности, по городскому населению. Не случайно большинство городского населения стало выступать за оппозицию, но большинство сельского населения продолжало поддерживать правящую партию. Так что данная ситуация есть прямое отражение тех навязанных реформ, которые продвигали большинству африканских стран в 90-х годах. Пик недовольства населения как раз был в 2000 году.

А.Мезяев: *Каковы были внутренний и внешний факторы в национально-освободительной борьбе в Зимбабве? Какой из них стал решающим? Какие государства внесли главный вклад в поддержку этой борьбы?*

Профессор В.Г. Шубин: Отвечая на этот вопрос, вновь придется напомнить о расколе в национально-освободительном движении Зимбабве и о том, кто кого поддерживал. ЗАПУ из африканских стран поддерживали Замбия и Ботсвана, а Мозамбик и Танзания были базой для ЗАНУ. СССР и его союзники в Восточной Европе поддерживали ЗАПУ, а Китай – ЗАНУ. Хотя официальной позицией СССР была поддержка единства в рамках Патриотического Фронта. Может быть, было тактической ошибкой, что СССР не установил вовремя связей с ЗАНУ. Контакты некоторые были, но были и другие проблемы: когда мы предлагали ЗАНУ и ЗАПУ приехать к нам совместной делегацией, они отвечали: «Нет, вы только с нами общайтесь, с другими мы не поедем»...

А.Мезяев: *Почему, на Ваш взгляд, Зимбабве сегодня стало чуть ли не главной мишенью Запада? Есть ли для этого какие-либо объективные причины?*

Профессор В.Г. Шубин: Думаю, что Великобритания до сих пор не может простить, что принадлежащие британцам богатства были взяты под контроль народа Зимбабве. Многие силы на Западе, и прежде всего из британского истеблишмента, делали все возможное, чтобы сорвать переговоры об урегулировании родезийской проблемы. Создается впечатление, что также личный момент играл значительную роль: отношения между Президентом Р.Мугабе и премьером Великобритании Блэром были весьма напряженными. Можно сказать, что в каком-то смысле Мугабе «победил»: Блэр ушел, а Мугабе остается президентом (*смеется*). Но вот что принципиально важно иметь в виду. Несмотря на достигнутое соглашение между правительством и оппозицией, санкции ряда стран Запада против Зимбабве так и не сняты.

Интервью с юридическим консультантом на Женевских и Лондонских переговорах по урегулированию родезийского кризиса профессором В.Е. Чиркиным

А.Мезяев: *Вениамин Евгеньевич! Как стало недавно известно из Ваших мемуаров¹, Вы являлись невидимым участником знаменитых Женевских и Ланкастер-хаусских конференций по урегулированию так называемого «родезийского кризиса». Не могли бы Вы подробнее рассказать об этих конференциях и о своем участии в них.*

Профессор В.Е. Чиркин: В то время, когда Зимбабве, а тогда Южная Родезия, была британской колонией, у нее, конечно, не было никаких контактов с СССР. Но вот КПСС имела контакты с рядом зимбабвийских сил, которые вели вооруженную борьбу за независимость, – партии ЗАПУ и ЗАНУ под руководством, соответственно, Джошуа Нкомо и Роберта Мугабе, последний, кстати, считал себя марксистом. Перед началом Женевской конференции по просьбе лидеров этих партий Политбюро ЦК КПСС приняло решение об отправке двух советников, которые бы оказывали помощь Нкомо и Мугабе по вопросам дипломатии и конституционного права. В то время я был заведующим сектором государства и права развивающихся стран Института государства и права Академии наук СССР. Мне объяснили задачу, вручили паспорт и сказали: «Отправляйся!».

А.Мезяев: *Но Вы были направлены секретным образом...*

Профессор В.Е. Чиркин: Да, об этом никто не должен был знать. На работе знал только директор института. Ни до ни после поездки. Впрочем, должен сказать, что и в Женеве, и в Лондоне их разведка все знала про нас и даже писали о «двух тенях за спинами Нкомо и Мугабе». Хотя все встречи с лидерами Зимбабве проходили по всем правилам работы КГБ, то в одном месте, то в другом, в Женеве чаще – в нашем посольстве, в Лондоне – только в гостинице, но все равно о нас знали. Кстати, и мы их знали тоже. И даже во время нашего вылета домой через несколько месяцев они нам помахали рукой и сказали: «au revoir!».

Так вот, начнем с Женевы. Там мы встречались только с Дж. Нкомо. В то время мы поддерживали партийные контакты только с ним, но не с Р.Мугабе. Но когда приехали в Женеву, мы поняли, что Р.Мугабе более сильный: и отряды у него сильнее, и опора его в стране более сильная. Мы написали в ЦК наши соображения, что было бы неплохо установить контакты и с Р.Мугабе. Однако получили самый строгий ответ: «Это не ваше дело, занимайтесь теми вопросами, которые вам поручены». Поэтому мы и далее в официальные контакты с Мугабе на этой конференции не входили. Неофициальные контакты были, в частности, во время приемов были короткие беседы, а с его стороны даже и уколы. Сначала обстановка в Женеве была очень сложная, потом стало немного легче. Но в результате все равно ни до чего не договорились. Было принято решение собраться вновь через 2-3 месяца, а получилось только через 3 года.

А.Мезяев: *Посол Зимбабве в России дал мне такую оценку Женевских переговоров – «это была разведка англичан». Вы согласны с данной трактовкой?*

¹ Чиркин В.Е. С тайной миссией в Женеву и Лондон // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. Институт Африки РАН. – М.: Издат. дом «XXI век – Согласие», 2000. – С. 124-133.

Профессор В.Е. Чиркин: Пожалуй, он прав. Переговоров как таковых там не было. Были отдельные беседы вокруг да около. Я думаю, что англичане, действительно, оценивали своих противников...

А.Мезяев: *Через три года началась Ланкастер-хаусская конференция. В своих мемуарах Вы пишете, что это было сложно назвать реальными переговорами...*

Профессор В.Е. Чиркин: Да, с точки зрения равенства сторон это, действительно, было трудно назвать переговорами. Во-первых, англичане оплачивали все расходы зимбабвийских представителей и при каждом удобном случае говорили, что прекратят финансирование или вообще отправят их домой. Так что это было откровенное выкручивание рук. Министр иностранных дел лорд Каррингтон прямо угрожал в этом плане Нкомо и Мугабе, особенно по вопросам земли, представительства белых в парламенте и некоторым другим вопросам.

А.Мезяев: *Вы пишете, что был еще один закулисный участник переговоров в Лондоне – это США...*

Профессор В.Е. Чиркин: Это было. По нашим сведениям англичане постоянно консультировались с американцами. И, судя по всему, США рекомендовали занимать жесткую позицию. Хотя мне показалось, что позиция США в целом была за независимость Зимбабве. Вероятно, у них были свои виды на эту страну.

А.Мезяев: *Джошуа Нкомо и Роберт Мугабе были не только крупными политическими лидерами, но и яркими личностями...*

Профессор В.Е. Чиркин: Джошуа Нкомо был племенным вождем и ходил часто со своим жезлом. Вот когда на обедах нам разносили разные закуски, нам подавали, как обычно, а ему подавали, став на колени... Он вообще был либерал. И главный вопрос, который его волновал, – это получение большинства голосов на парламентских и президентских выборах. И вот с этих позиций он часто просил меня рассказать ему о различных избирательных системах мира – что даст одна, что даст другая. Он обычно апеллировал к менталитету африканцев. Он всегда просил, чтобы мы передали в Москву о том, что ему нужно тяжелое вооружение: «Вы не знаете наших – дайте мне танк, и они все пойдут за мной!». ...Что касается Роберта Мугабе, то, повторюсь, это были только частные беседы. Однажды на приеме я увидел Р.Мугабе с черным шарфом и сказал ему в шутку: «Да Вы, оказывается, анархист, господин Мугабе». На что он мне ответил: «Я не анархист, а марксист!». И добавил: «А вот вы, похоже, не совсем марксисты – не с тем ведете переговоры, с кем надо!». Мугабе был более активный и более решительный, чем Нкомо.

А.Мезяев: *Как Вы в целом оцениваете ту конституцию, которая была принята на Ланкастер-хаусской конференции, и каков был Ваш личный вклад в ее формулирование?*

Профессор В.Е. Чиркин: Зимбабвийская сторона пошла на многие уступки. Вероятно, это нельзя ставить им в вину, так как, как я уже сказал, председатель конференции Каррингтон просто обещал закрыть конференцию, если не будут приняты их условия. Так, Нкомо и Мугабе пошли на уступки в отношении представительства белых в парламенте, по земельному вопросу – то есть по главным принципиальным вопросам. Что касается конкретных формулировок, то мы обсуждали все формулировки, «от и до». Одной из важнейших я считаю формулировку, которую мы разработали и провели, о том, что земля является собственностью всего народа.

Документы

1. *Непризнание СССР независимости Южной Родезии*
2. *Заседание СБ ООН по Зимбабве 11 июля 2008 года*
3. *Проект Резолюции СБ ООН, на который Россия 11 июля 2008 года наложила вето*

1. *Непризнание СССР независимости Южной Родезии*

Колонизаторы совершили новое преступление против народов Африки. 11 ноября расистский режим Яна Смита провозгласил «независимость» Южной Родезии. Цель этих действий – увековечить в Южной Родезии колониальные порядки, основанные на бесчеловечном угнетении кучкой расистов четырехмиллионного народа Зимбабве и на беспощадном подавлении справедливой борьбы этого народа за подлинную независимость, свободу и социальную справедливость.

Советское правительство полностью разделяет мнение независимых африканских государств, выраженное в решениях Организации Африканского Единства о том, что правящие круги Англии никогда не смогут снять с себя ответственность за это преступление против африканских народов, за национальную трагедию народа Зимбабве, ведущего многолетнюю упорную борьбу за свои права.

Советское правительство, руководствуясь своей принципиальной позицией в вопросах ликвидации колониализма, решительно осуждает новое преступление против народов Африки и заявляет о том, что оно не признает расистский режим, узурпировавший власть в Южной Родезии.

Верное своей неизменной политике поддержки национально-освободительного движения народов, Советское правительство заявляет о своей полной солидарности с народом Зимбабве и вновь подтверждает свою готовность сотрудничать с африканскими странами в оказании всемерной его поддержки в справедливой борьбе за завоевание подлинной национальной независимости.

(Правда, 16 ноября 1965 года)

2. *Заседание СБ ООН по Зимбабве 11 июля 2008 года*

(Выступления ряда делегаций)

Г-н Чидьяусику (Зимбабве) *(говорит по-английски)*: Я хотел бы прежде всего подчеркнуть тот факт, что Зимбабве – страна, живущая в мире с собой и своими соседями, не представляет абсолютно никакой угрозы для международного мира и безопасности и, следовательно, не должна быть предметом внимания данного Совета. В силу этого положение в Зимбабве не дает законных оснований для принятия резолюции Совета Безопасности в соответствии с Главой VII Устава Организации Объединенных Наций.

Зимбабве стала жертвой постоянного вмешательства в ее дела посредством целого ряда мер, в том числе объявленных и не объявленных экономических санкций, только потому, что правительство начало процесс справедливого распределения земли после того, как лейбористское правительство бывшей колониальной державы отказалось от обязательств, предусмотренных Соглашением, подписанным в 1979 году в Ланкастер-Хаус.

К сожалению, из-за решения, которое мы приняли, британцы и их союзники развязали злобную кампанию в средствах массовой информации, изображая Зимбабве страной беззакония, хаоса и тирании. Нас преследуют на всех форумах, включая Содружество, Совет по правам человека, Третий комитет Генеральной Ассамблеи, а теперь и Совет Безопасности. Коренная причина этого кризиса – система землевладения – затерялась в истерике по поводу так называемых нарушений прав человека – на эту тему гораздо легче вести успешную пропагандистскую войну. Нам же беспощадный характер кампании против Зимбабве и сегодняшний проект резолюции говорят о том, что под угрозой наша независимость и наше будущее.

В средствах массовой информации появились сильно преувеличенные негативные сообщения о межпартийном насилии, имевшие целью оправдать отказ г-на Цвангираи от участия во втором туре президентских выборов. Совету также важно учитывать то, что лишь на 10 процентах территории страны, возможно, имели место какие-то формы насилия, тогда как остальных 90 процентов оно не коснулось. Те акты насилия, которые, к сожалению, имели место, не дают оснований для внесения сегодняшнего проекта резолюции на рассмотрение Совета. И пусть международное сообщество не будет столь легковерным в отношении происков оппозиции в Зимбабве. Мы хотим заверить Совет в том, что дела всех тех лиц, которые утверждают, что они стали жертвами политического насилия, будут расследованы правительством Зимбабве. Большинство виновных с обеих сторон, в том числе криминальные элементы, уже предстали перед судом, и законность будет восстановлена.

В то же время нас поражает стремление некоторых западных держав наложить на Зимбабве новые санкции после переизбрания президента Мугабе. Зимбабве уже является объектом санкций, закрепленных в американском так называемом Акте о демократии и экономическом восстановлении Зимбабве от 2001 года, который обязывает международные финансовые организации блокировать оказание помощи Зимбабве и отказывать ей в списании долгов. Санкции, введенные в 2002 году Европейским союзом, привели к ослаблению экономической активности в стране и стали причиной испытываемых народом Зимбабве многочисленных тягот.

На протяжении вот уже восьми лет блокируется финансирование кредитной линии для поддержания платежного баланса, но международному сообществу внушается, что экономические трудности вызваны экономической политикой президента Мугабе. А недавно британский премьер-министр Гордон Браун заявил, что его правительство готовит новый пакет санкций, направленный на удушение действующего правительства ЗАНУ-ПФ и создание правительства под руководством ДДП. Кроме того, нам известно, что Европейский союз и Соединенное Королевство обещали Зимбабве миллионы, если у власти будет правительство по их выбору, давая понять, что нынешнее правительство их не устраивает.

Мы еще раз заявляем, что санкции против Зимбабве перевели ее экономику на осадное положение и бьют по наиболее уязвимым группам ее населения и обществу в целом. В поисках лучшей жизни многие наши граждане перебираются в соседние и более отдаленные страны. Нас удивляет, что, как ожидается, такое перемещение наших людей в соседние страны в поисках экономических возможностей, вызванное воздействием санкций, может быть квалифицировано Советом как угроза международному миру и безопасности. Это стало бы первым случаем, когда перемещение людей в поисках экономических возможностей используется в качестве основания для принятия резолюции, предусматривающей введение санкций в соответствии с Главой VII Устава Организации Объединенных Наций.

Пытаясь силой санкций и изоляции заставить Зимбабве следовать определенной линии поведения, Запад в действительности получил оскорбленную нацию. Нынешние санкции против Зимбабве по существу являются проявлением империалистической агрессии, и никакая пропаганда, никакие отрицания не в состоянии изменить это впечатление.

Между противоборствующими сторонами в Зимбабве идет политический диалог. Более того, в своем инаугурационном заявлении президент Мугабе, обращаясь к оппозиции, сказал, что сегодня нации необходимо смотреть в будущее, руководствуясь стремлением к единству. Он призвал все политические партии Зимбабве как можно скорее начать всеобъемлющий межпартийный диалог, что бы укрепить единство и сотрудничество между зимбабвийцами. Он подчеркнул, что такой диалог важен для решения социально-экономических и политических проблем, существующих в настоящее время в Зимбабве. Президент подчеркнул, что страна должна двигаться вперед, сохраняя единство, несмотря на различные политические пристрастия, и ее должно объединять осознание единой концепции и судьбы в целях процветания Зимбабве.

Зимбабве полностью одобряет недавнюю резолюцию АС и хотела бы заверить членов Совета в том, что народ Зимбабве стремится к объединению в усилиях по разрешению своих проблем. Важно помнить о том, что примирение не является для Зимбабве новой концепцией. Когда Зимбабве обрела свою независимость в 1980 году, она столкнулась с ситуацией, когда ей нужно было сформировать государство на основе двух освободительных движений и сил режима Яна Смиты. Как хорошо известно Совету, она чрезвычайно успешно справилась со своей задачей и поставила в тупик многих из тех, кто предрекал ей поражение. С учетом этого мы уверены в том, что при поддержке наших соседей нам еще раз удастся примирить жителей Зимбабве.

В соответствии с полномочиями, которые возложило на него Сообщество по вопросам развития стран юга Африки (САДК), и при поддержке Африканского союза президент Мбеки посетил Зимбабве в конце недели для проведения консультаций с президентом Мугабе и политическими партиями, с тем чтобы наметить дальнейшие действия в связи с нынешней ситуацией в стране. Мы считаем, что любые другие отдельные инициативы, касающиеся этого вопроса, будут контрпродуктивными и приведут к подрыву роли САДК и президента Мбеки.

С учетом вышеизложенного сегодняшний проект резолюции явно нарушает Главу VII Устава, так как отражает стремление ввести санкции против Зимбабве под тем предлогом, что сейчас страна создает угрозу для международного мира и безопасности просто потому, что проведенные выборы не дали результата, устраивающего Соединенное Королевство и его союзников. Принятие данного проекта резолюции создаст опасный прецедент и будет способствовать лишь подрыву текущего диалога между политическими партиями, грозить ухудшением политической и социально-экономической ситуации в стране и затронет другие страны региона.

Кроме того, по нашему мнению, в задачи Совета Безопасности не входит удостоверение национальных выборов государств-членов, тем более если они не выявляют очевидного победителя. Жители Зимбабве имеют право самостоятельно избирать собственных руководителей.

Важно также отметить, что семь руководителей африканских государств, которые присутствовали на саммите Группы восьми, заявили, что санкции не обеспечат выхода из политического тупика в стране. Они выразили мнение о том, что Зимбабве не несет угрозы региональному миру и безопасности, и поэтому Совет Безопасности должен согласиться с посредническими усилиями как САДК, так и Африканского со-

юза. Из этого следует, что принятие данного проекта резолюции произойдет вопреки собственной позиции Африки.

Попытки навязать решение извне будут несправедливыми по отношению к населению Зимбабве, стран – членов САДК и Африканского союза. Проблемы Зимбабве можно решить совместными усилиями африканцев. Мы искренне надеемся на то, что члены Совета не поддержат этот проект резолюции, который отмечен стремлением вовлечь Совет Безопасности в исключительно двусторонний спор между Зимбабве и Соединенным Королевством.

Сэр Джон Соэрс (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Первый заместитель Генерального секретаря Мигиро заявила Совету Безопасности три дня назад (см. *S/PV.5929*), что ситуация в Зимбабве является вызовом всему миру и сегодня Совет Безопасности оказался не на высоте этого вызова. Г-жа Мигиро сказала, что это момент истины и испытания для демократии в Африке. Совет Безопасности не смог выполнить возложенную на него ответственность и сделать все, что в его силах, для предотвращения усугубления национальной трагедии и распространения ее последствий на юг Африки.

Я хотел бы внести ясность в связи с проектом резолюции, по которому мы только что проголосовали, – проектом резолюции, подготовленным рядом стран, включая африканские. Некоторые члены Совета его во многом неверно трактовали, как только что это делал представитель Зимбабве. Данный проект резолюции не представлял собой новой оценки Советом Безопасности недавних выборов в Зимбабве. Совет единогласно дал эту оценку 23 июня в своем заявлении Председателя (S/PRST/2008/23).

Наша коллективная оценка заключалась в том, что свободные и справедливые выборы были невозможны в существовавших условиях кампании насилия против политической оппозиции и отказа оппозиции в праве на проведение свободной кампании.

К сожалению, так и оказалось, когда президент Мугабе все равно пошел вперед. Местные и региональные наблюдатели и многие африканские лидеры дали ясно понять, что выборы не были свободными и справедливыми и не могут считаться легитимными, как и их итоги. Мы также пришли к согласию 23 июня относительно того, что результаты выборов 29 марта надлежит уважать.

Во-вторых, проект резолюции не был попыткой подорвать прилагаемые посреднические усилия, напротив, он содержал обращенное к правительству Зимбабве требование подключиться к этим усилиям и повлиял бы на правящий режим в плане сбалансирования огромного давления и запугивания, которые они продолжают осуществлять в отношении политической оппозиции. Мы поддержали посреднические усилия президента Мбеки, но должны быть реалистами: на сегодняшний день эти усилия принесли нулевой результат. На сегодняшний день от них выиграл лишь г-н Мугабе.

В-третьих, этот проект резолюции не был вмешательством во внутренние дела африканской страны. Совет Безопасности часто принимал решение, например, в Сьерра-Леоне, Судане и Сомали, о том, что политическая нестабильность и насилие в одной стране чреваты последствиями для мира и стабильности в более широком смысле, что требует действий Совета. Это остается верным сегодня в отношении Зимбабве. Африканский союз уже признал в своей резолюции от 1 июля наличие угрозы возможного распространения конфликта в Зимбабве на весь субрегион.

Нам следует подумать о возможностях, которые мы сегодня упустили. Мы упустили возможность возложить на правительство г-на Мугабе юридическое обязательство покончить с насилием и запугиванием, которые нанесли ущерб Зимбабве, сделали невозможной нормальную политику и дестабилизируют ситуацию в регионе. Милли-

оны беженцев – четверть населения Зимбабве – являются убедительным свидетельством этого.

Мы упустили возможность укрепить посреднические усилия, придать им полный вес, добавив посланника Организации Объединенных Наций. Мы надеемся, что Генеральный секретарь назначит такого посланника в любом случае на свое усмотрение.

Мы упустили возможность подкрепить посреднические усилия Южной Африки не только словами. Именно поэтому проект резолюции включал в себя тщательно продуманные санкции, направленные против тех, кто вызвал сегодняшний кризис, с четким сигналом о том, что они будут отменены, как только будет достигнуто всеобъемлющее политическое урегулирование.

И, наконец, мы потеряли возможность ввести эмбарго на поставки оружия. Последнее, что нужно сейчас Зимбабве, – это увеличение потоков оружия. Мы надеемся, что правительство и гражданское общество в Южной Африке будут и впредь обеспечивать, чтобы оружие не попадало в руки правительства Мугабе.

Этот проект резолюции потерпел неудачу лишь потому, что право вето применили Российская Федерация и Китай. Откровенно говоря, действия России не поддаются объяснению. Всего три дня назад на встрече «большой восьмерки», в которой, разумеется, принял участие президент России Медведев, было принято заявление по Зимбабве, в котором было рекомендовано назначить специального посланника Организации Объединенных Наций и в котором говорилось: «Мы предпримем дальнейшие шаги, включая введение финансовых и других мер, против тех лиц, которые несут ответственность за насилие».

Проект резолюции, на который Россия и Китай только что наложили вето, был призван содействовать осуществлению именно тех двух решений. Мы считаем, что их решение причиняет глубокий ущерб долговременным интересам народа Зимбабве. С нашей точки зрения, оно подорвало перспективы покончить скорейшим образом с насилием и угнетением в Зимбабве. Зимбабве сталкивается не только с политическим кризисом. Зимбабве также сталкивается с серьезным гуманитарным кризисом, за который правительство этой страны несет полную ответственность. Власти Зимбабве проигнорировали все призывы отменить ограничения на гуманитарные поставки. Вновь замечу, что сегодня Совет из-за применения права вето в отношении этого проекта резолюции не смог потребовать от правительства г-на Мугабе разрешения на доставку гуманитарной помощи.

Во время нашего обсуждения этого вопроса члены Совета неоднократно подчеркивали, что народу Зимбабве надо позволить самому выбрать свой путь. Разумеется, надо позволить ему это; и именно это он пытался сделать, проголосовав 29 марта. Мы должны уважать итоги выборов в этот день. Если мы действительно не хотим новой вспышки насилия, большего экономического хаоса, новых беженцев и усиления угрозы региональному миру и стабильности, тогда мы, международное сообщество, должны сделать все, что в наших силах, для создания условий, которые дадут хотя бы минимальный шанс на успех подлинного политического процесса.

В настоящее время такого процесса попросту не существует. После применения права вето в отношении этой резолюции нам нужно сейчас искать новый путь вперед. Мы будем обсуждать его с нашими партнерами в Европе, с нашими друзьями в Африканском союзе и во всем мире. Народ Зимбабве должен получить надежду, что конец его страданиям уже близок. Сегодня Совет Безопасности не смог дать им эту надежду.

Г-н Чуркин (Российская Федерация): Прежде всего хотел бы отреагировать на безответственное и фактически неточное заявление Постоянного представителя Великобритании, который позволил себе интерпретировать российскую позицию, да еще и со ссылкой на решение «большой восьмерки». Хотел бы напомнить то, что должны знать все, кто читал это решение: в нем не упомянута, и не упомянута далеко неслучайно, возможность действий в рамках Совета Безопасности. Именно исходя из этой позиции, сформулированной «большой восьмеркой», которую полезно было бы четко усвоить всем членам этого института, Российская Федерация и исходила, определяя свое отношение к проекту резолюции.

Теперь, что касается мотивов, которыми Российская Федерация руководствовалась при голосовании по проекту сегодняшней резолюции. Итоги сегодняшнего голосования по проекту резолюции по санкциям в отношении Зимбабве были во многом предсказуемы. Связано это с рядом обстоятельств. В последнее время в позициях некоторых государств – членов Совета Безопасности все очевиднее проступает стремление выводить Совет Безопасности за его уставные прерогативы, а именно: за рамки поддержания международного мира и безопасности. Считаем такие установки нелегитимными и опасными, ведущими к разбалансировке всей системы Организации Объединенных Наций.

Российская Федерация намерена и впредь противодействовать такого рода тенденциям в целях твердого соблюдения всеми государствами без исключения Устава всемирной организации.

Говоря о проблемах Зимбабве, мы твердо убеждены, что их не решить путем искусственного возведения в степень угрозы международному миру и безопасности. Применение Советом Безопасности в данном случае мер принудительного характера в соответствии с Главой VII Устава Организации Объединенных Наций. Более того, представленный проект есть не что иное как попытка вмешательства во внутренние дела государств, что идет вразрез с Уставом Организации Объединенных Наций.

Проект игнорирует важные реалии. Переговорный процесс в Зимбабве стартовал. Запущен диалог между представителями правительства и оппозицией, который идет полным ходом. В его рамках рассматривается комплекс проблем внутризимбабвийского урегулирования, в том числе формирование правительства национального единства.

Отмечаем в этой связи посреднические усилия президента ЮАР Мбеки и президента Анголы Душ Сантуша – они открывают окно реальных возможностей для преодоления внутреннего конфликта в Зимбабве.

Соавторы не учли позицию региональных государств, которые отторгают санкционную философию проекта и вступают за продолжение поиска политической развязки. По сути, проект игнорирует консенсусное решение Африканского союза, призывавшего воздержаться от любых действий, которые могут негативно сказаться на продвижении диалога между зимбабвийскими сторонами. Принятие резолюции могло бы привести к разбалансированию региональной обстановки и усугубило бы имеющиеся проблемы. Именно об этом предупреждали соавторов страны региона, вовлеченные в развязку внутризимбабвийского конфликта.

С учетом вышеупомянутых факторов Российская Федерация голосовала против данного проекта резолюции Совета Безопасности.

Не прислушавшись к голосам сомневающимся и несогласных, соавторы проекта, к сожалению, упустили возможность – а она была – согласовать такую реакцию Совет Безопасности на события в Зимбабве, которая действительно способствовала бы успе-

ху политического диалога в этой дружественной России стране, а затем и выходу ее из нынешнего глубокого кризиса.

Вместе с тем, тот факт, что резолюция не принята, отнюдь не означает, что острая ситуация в Зимбабве выходит из поля международного внимания. Российская Федерация призывает власти этой страны и оппозицию продолжать конструктивный диалог с целью выработки формулы политического урегулирования в максимально сжатый срок. В Хараре должны осознать безальтернативность такой развязки.

3. Проект Резолюции СБ ООН, на который Россия 11 июля 2008 года наложила вето

Австралия, Бельгия, Италия, Канада, Либерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Сьерра-Леоне, Франция и Хорватия: проект резолюции

Совет Безопасности, подтверждая свою приверженность независимости и территориальной целостности Зимбабве,

подтверждая заявление своего Председателя от 23 июня 2008 года по поводу ситуации в Зимбабве (S/PRST/2008/23),

подтверждая Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, в котором признается, что мир и безопасность, развитие и права человека являются устоями системы Организации Объединенных Наций и основами коллективной безопасности и благосостояния, и признавая, что развитие, мир и безопасность и права человека взаимосвязаны и взаимно укрепляют друг друга;

ссылаясь на резолюцию Африканского союза по Зимбабве от 1 июля 2008 года, в которой была выражена обеспокоенность по поводу гибели людей и насилия в Зимбабве, указано на необходимость недопущения ухудшения ситуации во избежание распространения конфликта на весь субрегион и на необходимость создания обстановки, благоприятствующей демократии, и прозвучал призыв к зимбабвийским руководителям начать диалог с целью содействия достижению мира, стабильности, демократии и примирения,

ссылаясь на заявления Сообщества по вопросам развития стран юга Африки, Панафриканского парламента и миссий наблюдателей Африканского союза в Зимбабве от 29 июня 2008 года, в которых сделан вывод о том, что выборы не отвечали принятым нормам Африканского союза, не были свободными, честными или внушающими доверие и не отражали волю зимбабвийского народа,

выражая серьезную обеспокоенность по поводу нарушений в ходе президентских выборов 27 июня, актов насилия и запугивания, которые совершались в преддверии выборов, что сделало невозможным проведение свободных и честных выборов, и по поводу создания обстановки, которая не позволила международным наблюдателям за выборами свободно работать до и во время голосования, проходившего 27 июня,

выражая серьезную обеспокоенность по поводу тяжелого гуманитарного положения в Зимбабве, которое усугубляется ненадлежащим использованием правительством Зимбабве продовольственной помощи как политического инструмента, и его приостановкой программ чрезвычайной гуманитарной помощи, которую оказывали международные и неправительственные организации, и тем, что эта приостановка программ лишает народ Зимбабве, в частности уязвимых лиц, в том числе насильственно перемещенных лиц и женщин, детей и сирот, самой необходимой гуманитарной помощи,

осуждая насилие и гибель людей, которые привели к перемещению тысяч зимбабвийцев, многие из которых вынуждены искать убежище в соседних странах,

осуждая также произвольные аресты, ограничения права на собрания, захват автотранспортных средств, угрозы, запугивание и насилие, обращенные против сторонников оппозиционной политической партии, а также многократные задержания ее руководителей,

принимая к сведению заявления и выражение обеспокоенности африканских региональных организаций и нынешних и бывших глав государств по поводу воздействия ситуации в Зимбабве на стабильность других стран региона, в которых они выражали свою серьезную обеспокоенность по поводу такого воздействия,

признавая, что отражением дестабилизирующего воздействия ситуации в Зимбабве на другие страны региона является то бремя, которое ложится на государства региона в связи с присутствием в них зимбабвийских экономических мигрантов и беженцев,

ссылаясь на свою резолюцию 1809 (2008) о мире и безопасности в Африке и вновь заявляя о своей поддержке усилий Сообщества по вопросам развития стран юга Африки и Африканского союза по урегулированию кризиса в Зимбабве таким образом, чтобы это отражало волю зимбабвийского народа, выраженную на выборах 29 марта, и обращаясь к правительству Зимбабве с призывом сотрудничать с ними в осуществлении этих усилий,

вновь заявляя о своей поддержке миссии добрых услуг Генерального секретаря, возглавляемой помощником Генерального секретаря Хайле Менкериосом, и выражая решительную поддержку Генеральному секретарю и его представителям в их продолжающихся усилиях,

настоятельно призывая все стороны незамедлительно принять необходимые меры с целью предотвращения и прекращения ущемления прав человека и

подчеркивая, что ответственные за такое ущемление прав будут привлечены к ответственности,

определяя, что ситуация в Зимбабве представляет угрозу международному миру и безопасности в регионе,

действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1) *осуждает* кампанию насилия правительства Зимбабве, направленную против политической оппозиции и гражданского населения, в результате которой имеются десятки убитых, тысячи раненых и тысячи перемещенных гражданских лиц, что сделало невозможным проведение свободных и честных выборов, и выражает серьезную обеспокоенность решением правительства Зимбабве провести выборы 27 июля;

2) *требует*, чтобы правительство Зимбабве:

а) немедленно прекратило нападения на членов и сторонников оппозиции и их запугивания, в том числе нападения и запугивания, совершаемые неправительственными элементами, связанными с партией ЗАНУ-ПФ, и в частности положило конец нарушениям прав человека, в том числе массовым избиениям, пыткам, убийствам, сексуальному насилию и перемещению населения, и освободило всех политических заключенных;

б) незамедлительно начало предметный и всеобъемлющий политический диалог между партиями с целью поиска мирного решения, которое бы отражало волю зимбабвийского народа и учитывало результаты выборов 29 марта;

с) приняло у себя миссии добрых услуг, которые предложили направить Африканский союз, Сообщество по вопросам развития стран юга Африки и Генеральный секретарь, обеспечив таким представителям полный доступ в страну, безопасность и все запрошенные полномочия в отношении переговорных процессов;

д) всесторонне сотрудничало в проведении расследований актов политического насилия, совершенных в стране с марта по июнь 2008 года, и привлечении к ответственности тех, кто ущемлял права человека;

е) немедленно отменило все ограничения на международную гуманитарную помощь и содействовало доступу международных организаций, оказывающих помощь, во все районы страны для раздачи продовольствия и оказания медицинской и других видов гуманитарной помощи;

3) *просит* Генерального секретаря как можно скорее назначить авторитетного международного эксперта своим Специальным представителем по вопросу о положении в Зимбабве, который будет:

а) обеспечивать поддержку процесса переговоров между политическими партиями в Зимбабве;

б) представлять Совету доклады о соблюдении политических и гуманитарных прав и прав человека и ситуации в области безопасности в Зимбабве;

4) *постановляет*, что все государства-члены должны принять необходимые меры к предотвращению прямых или не прямых поставок, продажи или передачи в Зимбабве через их территорию или их гражданами или с использованием судов или летательных аппаратов под их флагом и независимо от того, осуществляются ли они с их территории, вооружений и относящихся к ним материальных средств всех видов, включая оружие и боеприпасы, военнотранспортные средства и технику, снаряжение полувоенного назначения и запасные части ко всему вышеупомянутому;

5) *постановляет также*, что все государства-члены должны принять необходимые меры к недопущению любого предоставления Зимбабве их гражданами или с их территории технической помощи или услуг по технической подготовке, финансовой помощи, инвестиционных, брокерских или иных услуг и передачи финансовых ресурсов или оказания финансовых услуг, связанных с поставками, продажей, передачей, производством или эксплуатацией средств, перечисленных в пункте 4 выше;

6) *постановляет далее*, что меры, вводимые пунктами 4 и 5 выше, не применяются:

а) к поставкам несмертоносного военного имущества, предназначенного исключительно для гуманитарных целей или целей защиты, и к соответствующей технической помощи или обучению;

б) к защитной одежде, включая бронежилеты и военные каски, для личного пользования персонала Организации Объединенных Наций, представителей средств массовой информации, гуманитарных работников и работников, занимающихся вопросами развития, а также связанного с ними персонала;

7) *постановляет*, что все государства-члены должны принять следующие меры в отношении физических и юридических лиц, указанных в приложении к настоящей резолюции или признанных Комитетом, учрежденным в соответствии с пунктом 10 ниже («Комитет»), сторонами, предпринимавшими или поддерживавшими в период с мая 2005 года действия или политику с целью подрыва демократических процессов или институтов в Зимбабве, включая от дачу распоряжения о совершении политически мотивированных актов насилия, их планирование и непосредственное в них участие, или оказывающими поддержку физическим или юридическим лицам, признанным таковыми по смыслу настоящего пункта:

а) не допускать въезда на свою территорию или транзита через нее этих лиц с той оговоркой, что ничто в настоящем пункте не обязывает государство отказывать во въезде на свою территорию или выезде с нее своим собственным гражданам;

б) немедленно заморозить все денежные средства, другие финансовые активы и экономические ресурсы, которые на дату принятия настоящей резолюции или в любое другое время впоследствии находятся или будут находиться на их территории и которые принадлежат или контролируются, прямо или косвенно, этими физическими или юридическими лицами, или физическими и юридическими лицами, действующими от их имени или под их руководством, и обеспечить, чтобы никакие из этих денежных средств, других финансовых активов и экономических ресурсов не предоставлялись их гражданами или любыми лицами на их территории таким физическим или юридическим лицам или для использования в их интересах;

8) *постановляет*, что меры, вводимые пунктом 7(а) выше, не применяются в тех случаях, если Комитет, исходя из обстоятельств конкретного дела, придет к заключению, что такого рода поездка может быть разрешена из гуманитарных соображений, в том числе с учетом необходимости исполнения религиозного долга или если Комитет определит, что такое изъятие каким-либо иным образом способствовало бы достижению целей настоящей резолюции;

9) *постановляет*, что меры, вводимые пунктом 7(б) настоящей резолюции, не применяются в отношении денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов, которые, как было установлено соответствующими государствами:

а) необходимы для покрытия основных расходов, включая оплату продуктов питания, аренды жилья или ипотечного кредита, лекарств и медицинской помощи, налогов, страховых взносов или коммунальных услуг, или исключительно для оплаты в разумных пределах расходов на услуги специалистов и возмещения понесенных расходов, связанных с предоставлением юридических услуг, или же сборов или платы за услуги – в соответствии с внутригосударственными законами – по текущему хранению или обеспечению сохранности замороженных денежных средств, других финансовых активов и экономических ресурсов, после того как соответствующие государства уведомят Комитет о своем намерении разрешить в соответствующих случаях доступ к таким денежным средствам, другим финансовым активам или экономическим ресурсам и при отсутствии отрицательного решения Комитета в течение трех рабочих дней с момента такого уведомления;

б) необходимы для покрытия чрезвычайных расходов, при условии, что соответствующие государства уведомили Комитет о таком решении и оно было одобрено Комитетом; или

с) являются предметом судебного, административного или арбитражного постановления о залоговом удержании или решения, и в этом случае такие денежные средства или другие финансовые активы и экономические ресурсы могут использоваться для исполнения этого постановления о залоговом удержании или судебного решения при условии, что это постановление о залоговом удержании или судебное решение предшествует дате принятия настоящей резолюции, не используется в интересах физических или юридических лиц, указанных Комитетом в соответствии с пунктом 7 выше, и Комитет был уведомлен об этом соответствующими государствами;

10) *постановляет* учредить в соответствии с правилом 28 своих временных правил процедуры Комитет Совета Безопасности в составе всех членов Совета для выполнения следующих задач:

а) запрашивать у всех государств, в частности расположенных в этом регионе, информацию о предпринятых ими действиях по эффективному осуществлению _____ мер;

g) изучать доклады Группы экспертов, учрежденной на основании пункта 11 ниже, и государств-членов о конкретных шагах, которые они предпринимают для осуществления мер, вводимых подпунктами 4, 5 и 7 выше;

h) поощрять диалог между Комитетом и заинтересованными государствами-членами, в частности расположенными в этом регионе, в том числе путем приглашения представителей таких государств для встречи с Комитетом в целях обсуждения хода осуществления указанных мер;

11) *просит* Генерального секретаря в консультации с Комитетом назначить в течение 30 дней с даты принятия настоящей резолюции на период в 12 месяцев Группу экспертов в составе четырех членов, обладающих специальными знаниями в пределах, необходимых для осуществления мандата Группы, изложенного в настоящем пункте, которая будет действовать под руководством Комитета для выполнения следующих задач:

a) оказание Комитету содействия в контроле за выполнением мер, предусмотренных в пунктах 4, 5 и 7 настоящей резолюции, и вынесение Комитету рекомендаций о мерах, которые Совет может пожелать рассмотреть; и

b) проведение среднесрочного брифинга для ознакомления Комитета со своей работой и представление Совету через Комитет промежуточного доклада не позднее чем через 90 дней с даты принятия настоящей резолюции и заключительного доклада, содержащего ее выводы и рекомендации, не позднее чем за 30 дней до завершения своего мандата;

12) *выражает* готовность провести обзор мер, предусмотренных в пунктах 4, 5 и 7 настоящей резолюции, спустя 12 месяцев с даты принятия настоящей резолюции либо ранее, если до истечения этого срока будет достигнуто согласие в отношении всеобъемлющего политического урегулирования, обеспечивающего уважение воли народа Зимбабве, и результатов выборов, состоявшихся 29 марта 2008 года;

13) *просит* Генерального секретаря представить Совету доклад о положении в Зимбабве с указанием, выполнило ли правительство Зимбабве требования, изложенные в пункте 2 выше, и информацией о том, какие дополнительные меры могут содействовать улучшению ситуации в плане безопасности, в гуманитарной области и области прав человека в Зимбабве;

14) *постановляет*, что все государства должны представить Комитету, учрежденному Советом, в течение 90 дней со дня принятия настоящей резолюции доклад о шагах, предпринятых ими в целях эффективного выполнения мер, предусматриваемых в пунктах 4, 5 и 7 выше;

15) *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

Голосовали за:

Бельгия, Буркина-Фасо, Коста-Рика, Хорватия, Франция, Италия, Панама, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки.

Голосовали против:

Китай, Ливийская Арабская Джамахирия, Российская Федерация, Южная Африка, Вьетнам.

Воздержались:

Индонезия.

«Основные юридические дефекты Решения Международного суда ООН о временных мерах защиты в деле *Грузия против России* 2008 года»

Мезяев А.Б.

15 октября 2008 года Международный Суд ООН вынес свое решение по вопросу о временных мерах защиты в деле «Грузия против России». В параграфе 117 Суд постановил, что «на основании вышеизложенного считает, что он обладает *prima facie* юрисдикцией по статье 22 CERD» для рассмотрения вопроса о споре по толкованию или применению Конвенции. Данное решение имеет значительное количество юридических дефектов. Главными из них являются: неверные выводы; отсутствие аргументации либо дефективная аргументация; отказ от следования предыдущей практике Суда. Кроме того, следует отметить, что имеются основания полагать, что сделано это было не по ошибке, а умышленно. Все эти дефекты проявились при решении главного вопроса – установлении юрисдикции *prima facie*. Статья 22 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – CERD) устанавливает, что МС ООН обладает юрисдикцией «в отношении любого спора ... по толкованию и применению настоящей Конвенции». Однако, во-первых, данный спор не связан ни с применением, ни с толкованием CERD. И, во-вторых, даже если бы этот спор и был связан с CERD, то не выполнены предварительные условия обращения к МС ООН

Таким образом, получается, что МС ООН неверно решил вопрос о самом факте существования спора.

Для решения вопроса о наличии спора Суд должен установить, что факты подпадают под положения договора. И что же делает Суд? А Суд всего лишь устанавливает возможную связь между фактами и нормами CERD. Вот текст этого разрешения Суда: «принимая во внимание, что Стороны расходятся по вопросу о том, поставили ли события в Южной Осетии и Абхазии, в частности, произошедшие 8 августа 2008 года, вопросы, касающиеся юридических прав и обязанностей по CERD...» (Параграф 111). А в следующем параграфе – «по мнению Суда, ... представляется (*there appears*), что спор между сторонами по толкованию и применению CERD, существует». Интересно, откуда взялась эта подмена понятий? Если внимательно проанализировать динамику позиции Грузии (а она, как известно, развивалась от дня подачи жалобы до последнего дня устных слушаний), то можно увидеть, что данная формула была найдена в тот самый последний день устных слушаний, когда иностранный агент Грузии и предложил Суду следующий пассаж: «На данной стадии рассмотрения дела единственным вопросом является вопрос о том, если представленные факты достаточно достоверные, чтобы они могли бы поставить вопрос по Конвенции (*whether facts are credibly asserted which, if true, would raise an issue under the Convention*). И Суд, похоже, хватается за эту конструкцию, потому, как именно она и была использована практически в том же самом виде и в решении большинства Суда. Вот так – не только Грузия не удосужилась объяснить, В ЧЕМ этот спор состоит, но и Суд этого не объяснил! (Параграф 112). Можно ли считать такую аргументацию удовлетворительной?

МС в своем решении всего лишь установил, что CERD имеет некоторое отношение к фактам¹. Но это не доказывает наличия спора! Применяв такую куцую аргументацию, МС ООН, кроме всего, еще и показал, что он не следует собственной практике. Ведь еще в решении по делу *Амботиелос* (Греция против Британии, 1953) МС ООН постановил, что для заявителя недостаточно установить некоторую связь между фактами и договором. Отказ следовать своей же собственной предыдущей практике проявился и в отказе МС ООН последовать своему решению по делу Конго против Руанды. Суть того решения состояла в том, что тогда Суд должен был решить вопрос, были ли выполнены все предварительные условия обращения в МС по статье 29 CEDAW. ДРК не смогла доказать, что все ее попытки вступить в переговоры с Руандой касались статьи 29. В этой ситуации Суд постановил, что условия юрисдикции МС не были соблюдены, и постановил, что, таким образом, не обладает юрисдикцией в данном деле. Наконец, МС ООН отказался от своей позиции, сформулированной по делам Югославия против стран НАТО. В этих решениях Суд заявил, что должен сначала установить, что «предполагаемые нарушения ... являются допустимыми в рамках положений» соответствующей конвенции. Это – для НАТО. А теперь сравним с решением для России: «представляется являются допустимыми».

Теперь другая проблема: как были оценены аргументы России? Россия доказала, что спора по CERD между Грузией и РФ не существует, потому что: 1) не было переговоров по CERD; и 2) не было процедуры по CERD. Что же сделал МС с этими абсолютно верными аргументами? Он отклонил их самым произвольным образом.

Во-первых, в параграфе 114 Суд заявил: «фраза «любой спор ... который не урегулирован с помощью переговоров или с помощью процедуры, прямо предусмотренной настоящей Конвенцией», в своем прямом значении не означает, что *формальные* (выделено нами. – А.М.) переговоры в рамках Конвенции или по процедуре статьи 22 представляют собой предварительное условие, необходимое для обращения в МС». Обратите внимание: мы вновь сталкиваемся с манипуляцией со стороны Суда: к слову «переговоры» Суд прибавляет слово «формальные».

Во-вторых, в параграфе 115 Суд «установил», что существующие проблемы между РФ и Грузией не были решены на переговорах». Однако такой, с позволения сказать, «вывод» есть не только примитивизация самой сути юрисдикционной клаузулы CERD. Фактически, такой «вывод» есть не что иное, как вывод о том, что до передачи в МС спор должен быть нерешенным. Но это ясно и без умозаключений Суда. А раз все сводится к такой банальности, значит, условия, сформулированные в статье 22, вообще не имеют юридического смысла! Однако дело намного серьезнее: при отсутствии должного ответа на аргументы России такой «вывод» Суда есть сознательное искажение смысла нормы статьи 22.

Затем Суд признает, что все-таки статья 22 предполагает, что некоторые попытки повести *дискуссии* по вопросам, которые могут подпадать под CERD, иметь место должны. Эти два слова – *дискуссии* и множественное число для слова *вопрос*(Ы) показывают, что Суд сознательно строит конструкцию, которая бы все более и более отдаляла текст статьи 22 от ее реального смысла², а точнее – приближала бы его к аргументам Грузии. Однако обращение внимания на такие моменты хотя и не является открытием, но важно в каждом конкретном случае, ибо доказывает *mens rea* на созна-

¹ См.: Thienel T., Provisional Measures in the Case concerning Application of the CERD (Georgia v. Russian Federation) // Gottingen Journal of International Law, Vol. 1. 2009, #1. – P. 147.

² Во время устных слушаний Россия продемонстрировала, что *travaux preparatoires* Конвенции ясно показывают, что «передача дела Суду рассматривалась создателями Конвенции «как последнее средство, когда все другие возможности доказали свою неэффективность». В своем решении Суд упоминает этот аргумент РФ (параграф 101), однако никак не отвечает на него!

тельные действия с целью преодолеть аргументы России. (Не «переговоры», а всего лишь «дискуссии»; не конкретный вопрос, а некие абстрактные «вопросы»).

В истории международных судебных процессов вопрос о недобросовестности сторон, конечно, не нов. Поведение Грузии здесь является очередным этому примером. Если бы Грузия чуть повременила с обращением в МС и предварительно начала бы процесс по статье 22 CERD, то МС ООН можно было бы упрекнуть, ну разве что, во фривольной трактовке эффективности переговоров, но не в факте их существования! Решение МС в данной ситуации – *abuse of law*! То, что Грузия продолжала использовать недобросовестное поведение уже после подачи жалобы, можно привести такой пример. Во время слушаний 8 сентября 2008 года, приводя примеры, якобы, переговоров с Россией, Грузия (устаи ее иностранного агента Дж. Крауфорда), называя Россию участницей переговоров, «забывала» упомянуть, что РФ участвовала как посредник, а не как сторона! Таких примеров можно привести немало. Однако иногда недобросовестность может перерасти и в более серьезную ситуацию. Полагаем, что Российской Федерации можно выдвинуть новый аргумент о злоупотреблении правом – хорошо известную концепцию *abuse of process*. Данная концепция в странах common law применяется в случаях недобросовестности стороны или не для достижения должной цели. То, что использование Грузией ссылки на CERD является исключительно процедурной тактикой, является более чем очевидным. Такую тактику применяли и другие государства. Так, сейчас уже мало кто вспомнит, что первоначально печально знаменитое дело *О геноциде (Босния и Герцеговина против Югославии)* было направлено Боснией в 1993 году отнюдь не потому, что объектом спора была именно Конвенция 1948 года. Если внимательно прочитать жалобу Боснии, направленную в МС ООН в 1993 году, то из нее ясно видно, что объектом и целью жалобы была попытка Боснии отменить поставки оружия, наложенные Резолюцией СБ ООН в отношении всех сторон конфликта. Ссылка на Конвенцию по геноциду была чисто процедурной – между Боснией и Югославией в то время не было никакого другого многостороннего договора, который бы позволил привлечь СРЮ к Суду. Однако впоследствии этому делу был благополучно придан статус «геноцидного», правда, при помощи МТБЮ. Другим таким случаем было *Дело о вооруженных действиях в Конго (ДРК против Руанды)*. Там Республика Конго также ссылаясь на Конвенцию о ликвидации дискриминации против женщин, хотя для всех было очевидно, что объектом спора защита прав женщин не является. Кстати, интересно, что во время слушаний по делу Грузия против России в прошлом сентябре сама Грузия восклицала: «Никто никогда ранее не мог предположить, что военные действия Руанды в Конго ставят вопрос о дискриминации против женщин!». По иронии судьбы это восклицание было высказано со стороны государства, которое пыталось убедить Суд в том, что объект и цель ее жалобы – расовая дискриминация. Если бы это даже и было так, то В ЧЕМ КОНКРЕТНО состоит спор – Грузия так и не объяснила: в чем сущность расхождения? Концепция *abuse of process* применялась как юридический аргумент, направленный на отклонение юрисдикции международного суда, который применялся в практике неоднократно, хотя и не столь часто¹. Конечно, осторожный подход к этой концепции со стороны судов более чем очевиден, но, думаю, обсудить приемлемость данного аргумента на нашем «круглом столе», можно.

¹ Так, можно, например, назвать аргументы стран НАТО в делах Югославия против стран НАТО (1999 года) в МС ООН, аргументы Австралии в деле Науру против Австралии, аргументы Франции в деле *Сатоисо* (Франция против Панамы) в Международном трибунале по морскому праву, несогласное мнение судьи Швебеля и особое мнение судьи Дженнингса по делам *Ливия против США* и *Ливия против Британии* (предварительные возражения).

Итак, МС ООН в очередной раз вынес решение, которое с точки зрения его обоснования не может быть квалифицировано иначе, чем самодискредитация. Указанные дефекты решения не могут позволить признать данное решение Суда как принятое законно. Следует отметить, что впервые за всю свою более чем 60-летнюю историю решение МС вынесено не только большинством в один голос (такие случаи, конечно, бывали и ранее), но также и тем, что все несогласные судьи приложили ЕДИНОЕ несогласное мнение. В этом едином несогласном мнении высказаны все аргументы, которые доказывают, что аргументы большинства неверны. Конечно, я уже показал, что большинство само прекрасно понимало, что выносит неправоое решение. Но в данном случае я бы хотел поднять формальную проблему: юридические критерии законности решений МС ООН. На сегодняшний день таких критериев нет. Означает ли это, что сегодня ЛЮБОЕ решение МС ООН является a priori законным. С одной стороны, мы знаем, что существует презумпция законности решений МС ООН. Но, с другой, мы также понимаем, что решение, противоречащее нормам действующего международного права, законным быть не может. Таким образом, хотелось бы поднять вопрос о необходимости разработки и принятия «Критериев законности решений международных судебных органов». Исходя из вышесказанного, первый критерий уже очевиден: обязанность Суда ответить в своем решении на все аргументы, высказанные сторонами. Однако есть и еще одна проблема, которая особо ярко высветилась именно в деле Грузия против России. Это проблема *соотношения решения Суда с несогласными мнениями судей*. Механизм подготовки общего решения таков, что большинство Суда ознакомлено с мнением меньшинства до утверждения (а чаще всего – даже до начала подготовки) решения большинства. А ведь это означает, что большинство не может утверждать, что оно не знало о том или ином аргументе со стороны других судей. Отсюда мое предложение: предлагаемые «Критерии» должны обязательно содержать аргументы, объясняющие, почему были отклонены позиции несогласных судей. Этот элемент является абсолютно необходимым, так как практика МС ООН, в том числе последних 10-15 лет, просто изобилует примерами, когда несогласные мнения судей полностью доказывают не только слабость, но и дефектность, а иногда и прямую незаконность и даже аморальность тех решений, которые были приняты большинством. В полной мере к таким решениям МС можно отнести и Решение от 15 октября 2008 года по делу Грузия против России.

Глава российской команды в МС ООН Р.А. Колодкин хотя и дипломатично, но весьма четко предупредил, что установление юрисдикции в данном деле, даже *prima facie*, может оказать неблагоприятное воздействие на будущее признание обязательной юрисдикции Суда по международным договорам¹. В этой связи возникает вопрос: как быть с таким признанием юрисдикции МС ООН со стороны России? В этой связи следует отметить, что, на мой взгляд, довольно часто не совсем верно говорят о признании «обязательной» юрисдикции МС ООН. Но главная проблема состоит не в «обязательности» юрисдикции, а в ее автоматическом характере. Для России, вероятно, было бы неверно выступать против обязательного характера юрисдикции МС ООН – да мы никогда против нее и не выступали! – а вот против автоматического характера такой юрисдикции следует отказываться. Решение МС ООН от 15 октября 2008 года показало, что МС ООН совершил *abuse of process* в отношении России, сделал это умышленно и этим доказал, что признавать автоматическую юрисдикцию такого суда не соответствует национальным интересам Российской Федерации². Если

¹ См.: Документ Международного Суда ООН: CR 2008/23. Para 23.

² Об этом еще до принятия Решения МС от 15 октября 2008 года автор настоящей статьи писал в другой своей статье, опубликованной в сборнике «Международное право и национальные интересы Российской Федерации» (*Liber amicorum* в честь профессора О.Н. Хлестова).

уж быть откровенным, то можно сказать, что с признанием юрисдикции и установлением временных мер защиты МС ООН сам совершил abuse of process. Суд *был обязан* признать отсутствие своей юрисдикции. Ведь не только Грузия не объяснила ни России, ни Суду, В ЧЕМ СОСТОИТ СПОР ПО CERD между Грузией и РФ, *но и сам Суд в своем Решении этого не объяснил*. Это есть abuse of process со стороны самого МС ООН.

Кстати, еще один вопросом, который, вероятно, также следует решить при составлении «Критериев...», – это вопрос о причинах неучастия тех или иных судей в вынесении отдельных решений Суда. Так, в слушаниях по делу и в вынесении Решения от 15 октября 2008 года не принимал участия один судья. Это судья Парра-Арангурен из Венесуэлы. В первый день слушаний Президент МС ООН Хиггинс заявила, что она удовлетворена объяснениями, данными судьей, о причинах его неучастия. Однако нам эти причины неизвестны. В условиях, когда решение было принято большинством в один голос, неучастие одного судьи, пусть и по причинам, которые Хиггинс сочла уважительными, не может считаться удовлетворительным. Видимо, следует ставить вопрос о решении данной проблемы.

Профессор В.Шешель в Гаагском трибунале

Драган Тодорович¹

Профессор, доктор юридических наук Воислав Шешель находится в предварительном заключении Международного трибунала по бывшей Югославии (Гаагского трибунала) с 24 февраля 2003 года. Семь лет в камере предварительного заключения он ожидает, что весной 2010 года окончится первая фаза процесса – доказательства обвинения. Полных семь лет он находится в предварительном заключении, но приговор так и не вынесен, что доказывает, что в отношении В.Шешеля нарушено право на проведение оперативного судебного процесса, то есть право на проведение процесса в разумный срок. Предварительное заключение уже переросло в отбытие наказания тюремного заключения на неопределенный срок. Поскольку он столь долго лишен свободы без приговора, следовательно, речь идет о своего рода пытке.

Право на личную защиту во второй раз было признано решением Апелляционной палаты МТБЮ от 8 декабря 2006 г. Для реализации данного права он был вынужден объявить голодовку протеста на 28 дней. После первой попытки начала судебного процесса в ноябре 2006 года вторая попытка начать процесс была предпринята 7 ноября 2007 г. В январе 2009 года у прокуратуры оставалось пять часов для представления своих доказательств, когда судебная палата начала новый процесс против В.Шешеля – на этот раз о неуважении к суду. Целью данного процесса является новая попытка навязывания В.Шешелю адвоката. 11 февраля 2009 года судебная палата приняла решение остановить процесс о военных преступлениях на неопределенное время в связи с открытием нового судебного процесса о неуважении к суду. Намерение очевидно: любой ценой установить ответственность за неуважение, чтобы это стало основанием для навязывания адвоката, провоцирования новой голодовки и завершения процесса убийством тем же способом, как это было сделано в случае Слободана Милошевича, или же с целью как можно более длительного удержания профессора В.Шешеля в заключении – чтобы отстранить его от сербской политической жизни как политического противника пагубной политики США, НАТО и ЕС в отношении Сербии.

¹ Заместитель председателя Сербской радикальной партии.

Список нарушений прав профессора Шешеля бесконечен, начиная с запрета на общение, привилегированное общение с юридическими советниками, запрета посещения родственниками, а также постоянные угрозы аннулирования права защищаться лично, уклонение от финансирования защиты и т.д. В этом отношении д-р Шешель является самым бесправным жителем планеты. Известно, что Карла дель Понте в своей книге признала, что против профессора В.Шешеля она выдвинула обвинение по настоянию Зорана Джинджича, который требовал заключения Шешеля в Гаагу, чтобы лишить его возможности возвращения в Сербию.

Когда в течение января 2009 года, непосредственно перед окончанием представления доказательств обвинения, В.Шешель сообщил, что не выполнены условия для приведения доказательств защиты в связи с запретом на привилегированное общение с юридическими советниками и в связи с тем, что Секретариат Гаагского трибунала не осуществляет решение, по которому его защита должна финансироваться за счет средств ООН, вторая судебная палата сразу же выдвинула обвинение в неуважении к суду.

Обвинение в неуважении к суду было выдвинуто против Воислава Шешеля потому, что в одной из своих книг, опубликованных в 2007 году, в которой содержатся его заявления, направленные Гаагскому трибуналу (протест против одного из семи вариантов обвинения), и около 370 публичных документов государственных органов о том, что на территории Воеводины не было изгнаний гражданского населения, он, якобы, раскрыл имена трех защищенных свидетелей обвинения. Несмотря на то, что он не был автором ни одного текста в книге, он был осужден на 15 месяцев заключения за неуважение к суду, а апелляция на этот приговор не рассматривается уже в течение 7 месяцев.

Пример В.Шешеля демонстрирует грубейшие нарушения международных норм, гарантирующих справедливый и быстрый суд. Нарушены: право на оперативный судебный процесс, право на защиту, право на коммуникацию с юридическими советниками и все другие права из комплекса прав на быстрый и справедливый судебный процесс. Обвинение явно демонстрирует не только открытое и безнаказанное нарушение процессуального права, но и длительное злоупотребление процессом. На нем почти невозможно заметить разницы между прокуратурой и судьями. Все обвинения, вне любого разумного сомнения, рухнули, поскольку В.Шешель в ходе перекрестного допроса свидетелей обвинения показал общественности, следящей за процессом, что все обвинения являются ложными и основанными на ложных свидетельствах и фальсификациях.

Параллельно с нарушением прав доктора Шешеля в Гааге в Сербии осуществляются гонения и преследования Сербской радикальной партии для ослабления последней линии обороны борьбы за права и жизнь Воислава Шешеля. Ясно, что судьба проф. Шешеля в Гаагском трибунале идентична судьбе сербского народа. То, что он испытывает в МТБЮ, сегодня Сербия и сербы претерпевают со стороны США, НАТО и ЕС.

Гаагский трибунал – нелегальная и нелегитимная организация, основанная по резолюции Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г. (в день рождения Йосипа Броза Тито) – тогда был принят Статут МТБЮ. Статут менялся 7 раз, и Совет Безопасности принял еще 10 резолюций, относящихся к Статуту. Со времени, когда В.Шешель оказался в камере предварительного заключения, Статут менялся 3 раза. Только в Гаагском трибунале судьи принимают Правила процедуры и доказывания как инструкцию о правилах проведения судебного процесса. Судьи сами себе пишут правила, по которым они будут работать, и формируют уголовное дело за неуважение к суду. Правила

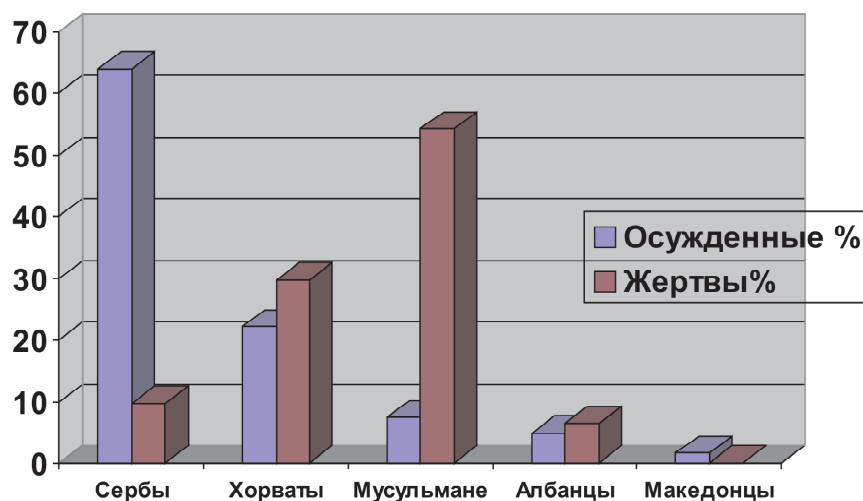
были приняты 11 февраля 1994 г., и с тех пор судьбы их меняли 44 раза, из них 16 раз с того времени, как проф. В.Шешель находится в камере предварительного заключения. Отдельные положения Статута и Правил менялись именно из-за Воислава Шешеля, и сразу эти положения применялись в его деле вопреки принципу запрета ретроактивности – чтобы сузить пространство для защиты и воспрепятствовать тому, чтобы от него общественность услышала и узнала истину о том, кто разрушил бывшую Югославию, поскольку развал СФРЮ не был делом рук сербского народа.

Просто невероятно, что и после принятия Римского статута и начала работы Международного уголовного суда 1 июля 2002 г. существует и работает Гаагский трибунал, который является воплощением нелегитимного и нелегального проявления силы, противостоящей международному праву. Об антисербском характере Гаагского трибунала и дискриминации, которой подвергается сербский народ, свидетельствуют цифры и статистика относительно национальной структуры обвиняемых, осужденных и установленных сроков заключения. Здесь ясно видно, что любой осужденный хорват, мусульманин или албанец представляет собой минимальную статистическую погрешность, а суть работы трибунала заключается в наказании сербов за неподчинение глобализму и оказание отпора интересам НАТО на Балканах. На сербах был опробован сценарий, который разработан для России. Сербов наказывают за то, что они осмелились ему противостоять.

Искренняя симпатия и приверженность профессора Шешеля и Сербской радикальной партии (с момента ее основания) к России – общеизвестные факты. Россия со своей политической и дипломатической силой является самым значительным фактором, способным защитить сербов, Сербию и профессора Шешеля, особенно его право на быстрое и справедливое судебное рассмотрение в соответствии с международными нормами. Ясно, что истина на стороне Воислава Шешеля, и его защита основана исключительно на требовании соблюдения международных норм.

ПРИЛОЖЕНИЯ

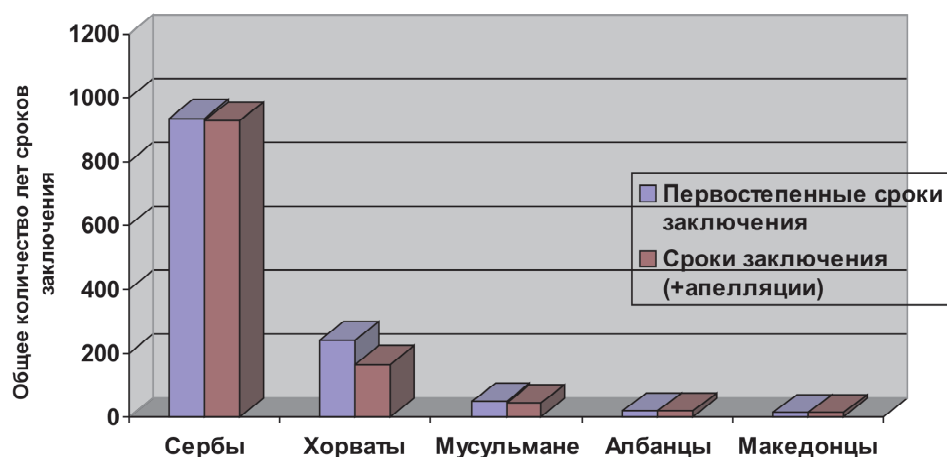
Осужденные и жертвы в судебных процессах МТБЮ

Национальность	Осужденные	Осужденные, в %-ном соотношении	Жертвы	Жертвы, в %-ном соотношении
Сербы	78	63.93%	15	9.68%
Хорваты	27	22.13%	46	29.68%
Мусульмане	9	7.38%	84	54.19%
Албанцы	6	4.92%	10	6.45%
Македонцы	2	1.64%	0	0.00%
Всего	122	100%	155	100%

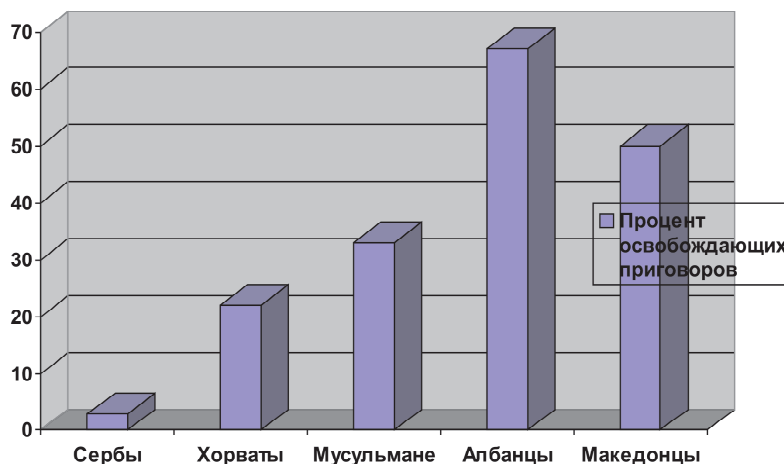
«Жертвы» представляют собой число, упомянутое в обвинениях.

Длительность сроков заключения в МТБЮ

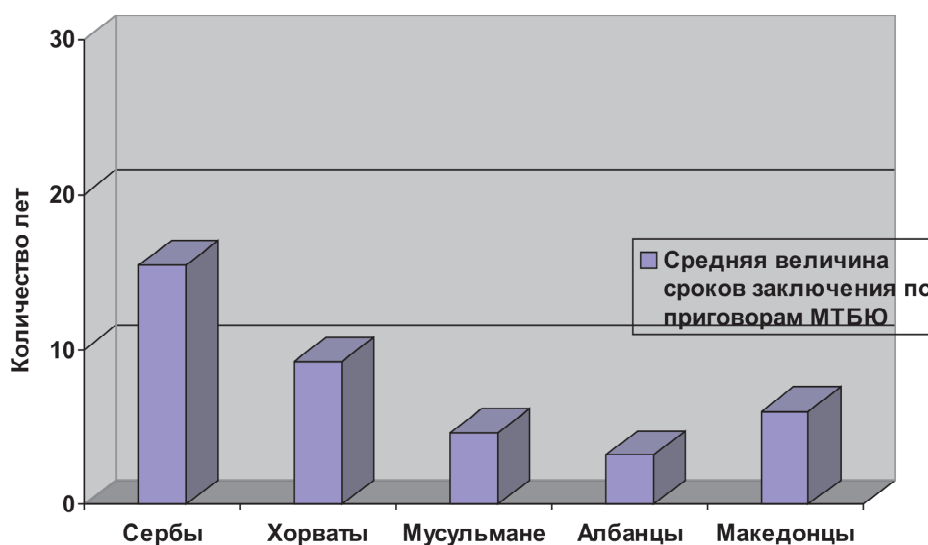
Национальная принадлежность	Первостепенные сроки заключения	%	Сроки заключения после апелляции	%
сербы	934.5	74.55%	928.5	79.56%
хорваты	240.5	19.19	166	14.22%
мусульмане	47.5	3.79%	41.5	3.56%
албанцы	19	1.52%	19	1.63%
македонцы	12	0.96%	12	1.03%
всего	1253.5	100%	1167	100%

Процент оправдательных приговоров

Национальная принадлежность	Освобожденные (число)	% освобожденных от совокупного количества приговоров
сербы	2	3%
хорваты	4	22%
мусульмане	3	33%
албанцы	4	67%
македонцы	1	50%
всего	14	11%

Средняя величина сроков заключения по приговорам МТБЮ

Национальная принадлежность	Средняя величина сроков заключения (количество лет)
сербы	15.48
хорваты	9.22
мусульмане	4.61
албанцы	3.17
македонцы	6.00

Данные на август 2009 г.

Понятие правового статуса судей международных судов (на примере Международного суда ООН)

Худынцева А.С.¹

Термин «статус» вошел в широкий оборот и часто употребляется как в бытовом, так и в научном контексте. Наибольшее распространение он получил в гуманитарных науках – социологии, психологии, политологии и, конечно, юриспруденции.

¹ Аспирант Уральской государственной юридической академии, кафедра иностранного государственного и международного права.

Этимологически слово «статус» (от лат. status) означает состояние, положение¹, которое определяется совокупностью прав и обязанностей лица, государственного органа, общественной организации, учреждения и т.п.² Другими словами, понятие «статус» фиксирует место лица в системе общественных отношений.

Термин «статус», несмотря на его широкое употребление в праве, нельзя, по-видимому, отнести к разряду тех немногих определений, в отношении которых среди юристов утвердилась единая точка зрения. Иллюстрацией этому может служить различное понимание юридического статуса в национальном и международном праве.

Так, вопрос о статусе тесно связан с такими теоретическими понятиями, как «субъект права» и «правосубъектность». В общей теории права обладание правовым статусом автоматически предполагает и наличие правосубъектности. Логика здесь следующая: правосубъектность мыслится как способность иметь права и обязанности, а также возможность их реализовывать; соответственно, субъектом права выступает лицо, обладающее такими правами и обязанностями. В свою очередь, права и обязанности – неотъемлемый элемент правового статуса лица. Это значит, что носитель правового статуса и субъективных прав и обязанностей в любом случае будет одновременно субъектом права, обладающим правосубъектностью.

В международном праве ситуация обстоит иначе. Наличие у лица статуса как таковое еще не означает его признания субъектом права (по крайней мере, такой вывод следует из традиционной для отечественной науки международного права трактовки международной правосубъектности). Лицо, обладающее статусом, еще не обязательно будет отвечать признакам независимости, участия в международном нормотворчестве и иным требованиям, которые обычно выдвигают в отечественной науке в качестве критериев международной правосубъектности.

Справедливости ради, необходимо сказать, что указанное различие в понимании «статуса» в международном и национальном праве вытекает не столько из различного понимания собственно самого понятия «статус», сколько из различия в трактовке других терминов – субъект и правосубъектность. Это яркий пример того, как специфика в восприятии отдельных (фундаментальных) терминов определяет облик всего понятийного аппарата той или иной отрасли (или системы права). Вместе с тем, что касается непосредственно термина «статус», то он и сам по себе не более определен и однозначен, чем затронутые понятия субъекта и правосубъектности.

Так, в юридической науке до сих пор нет ясного и общепризнанного ответа на вопрос о соотношении «правового статуса» и «правового положения».

Одни авторы, как, например, Н.В. Витрук, различают эти понятия. По мнению Н.В. Витрука, правовой статус личности составляет ядро правового положения личности. Помимо статуса в правовое положение в качестве дополнительных элементов автор включает гражданство, правосубъектность и юридические гарантии прав и законных интересов³.

¹ Статус // Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Русский язык, 2002. – С. 710; Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой – М.: Русский язык, 1989. – С. 762; Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – С. 355.

² Статус // Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 1158; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – С. 792; Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 483-484.

³ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979. – С. 25-34.

Другие исследователи, разграничивая правовой статус и правовое положение, соотносят их как потенциальное (статическое) и реализуемое (динамическое) состояния лица. П.В. Гармоза в диссертации «Правовой статус судей в России (становление и развитие)» высказал точку зрения, согласно которой статус определяет все права и обязанности, которые потенциально могут быть реализованы всеми его носителями (в данном случае судьями); правовое положение же – это то состояние, в котором конкретный судья находится в каждый отдельный момент времени, реализуя одни права и обязанности, предусмотренные статусом, и не реализуя другие. Отсюда – вывод автора о консервативной роли статуса по отношению к правовому положению¹.

Согласно другой распространенной позиции, которой среди прочего придерживаются С.С. Алексеев, В.Г. Бессарабов, Н.И. Матузов, С.В. Черниченко и др., термины «правовое положение» и «правовой статус» равнозначны и разграничение этих понятий в определенной мере является искусственным. Данное мнение представляется нам наиболее обоснованным. Как было показано, этимологически слово «статус» собственно и определяется как правовое положение лица. Кроме того, разграничение указанных терминов не нашло своего отражения ни в российском законодательстве, ни в судебной практике, ни в международно-правовых актах. Непонятно также, как такое разграничение может способствовать более глубокому и всестороннему исследованию правового состояния субъекта.

Следует, на взгляд автора, согласиться с тем, что попытки подменить «правовой статус» рядом смежных категорий выглядят в некоторой степени искусственными и нецелесообразными. И дело здесь не только в разграничении «статуса» и «правового положения». Для введения в научный оборот предлагались и иные соотносимые со статусом термины, как, например, «правовой модус», означающий правовой статус представителя той или иной социальной группы, обособленной по определенному признаку (род деятельности, возраст, состояние здоровья и т.д.)². Такие понятия без особой видимой надобности включают в себя часть смыслового содержания «статуса» и мало приживаются в юридической терминологии.

В юридической литературе не только не сложилось единого мнения о «внешних границах» указанного термина (т.е. о его соотношении со смежными категориями), но также и о его внутренней структуре и содержании. Это находит проявление в том, что различные авторы включают в состав правового статуса различные элементы. Единые критерии при отборе таких элементов и общее понимание структуры правового статуса отсутствуют.

Вопрос о структуре статуса наиболее четко разработан в исследованиях, посвященных изучению правового положения личности. В качестве элементов правового статуса здесь обычно выделяют ее права и обязанности. Можно сказать, что права и обязанности – это основные общепризнанные элементы в структуре правового статуса, поскольку если даже в статусе дополнительно обособляют другие структурные элементы, права и обязанности все равно признаются ядром, наиболее весомым и важным его компонентом.

В соответствии с общей теорией права субъективные права представляют собой меру дозволенного (возможного) поведения лиц³ или, иными словами, обеспеченные

¹ Гармоза П.В. Правовой статус судей в России (становление и развитие): Автореф. дисс. ... к.ю.н. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 13.

² Ровный В.В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 86-88.

³ Российская юридическая энциклопедия. – М.: Издательский Дом ИНФРА-М, 1999. – С. 939.

законом возможности пользоваться свободой выбора и действия¹. Юридические обязанности понимаются как мера должного поведения лица², соответствующего в правоотношении субъективному праву³. Субъективные права и обязанности существуют в единстве, т.к. наличие права предполагает наличие обязанностей.

Дискуссионным выглядит вопрос о выделении в структуре правового статуса на правах полноценного элемента «юридической ответственности». Решение этого вопроса напрямую зависит от того, что понимается под термином «ответственность». Существующие в теории определения рассматривают ответственность по-разному: как обязанность лица претерпевать меры воздействия за неисполнение или ненадлежащее исполнение юридических обязанностей⁴; как особое правоотношение, в соответствии с которым правонарушитель обязан претерпевать негативные последствия своего деяния⁵; как реакцию на правонарушение (применение мер наказания, реализацию санкций и т.п.)⁶, как разновидность гарантий, реализуемых в случае неисполнения обязанностей⁷, и т.д. Не вдаваясь в этот вопрос в дискуссию, скажем только, что если принять определение «ответственности» как «обязанности», необходимо будет исключить возможность ее самостоятельного выделения в структуре правового статуса, поскольку она войдет в первый элемент. Вместе с тем, если понимать ответственность как меру принуждения, выраженную в воздействии неблагоприятных последствий за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, то у нас есть все основания выделить наряду с обязанностями и правами еще один элемент правового статуса – юридическую ответственность. Тем более что применительно к статусу судей международных судов, большинство из которых обладает дипломатическими иммунитетами и привилегиями, положения об ответственности имеют свою довольно существенную специфику. И хотя с нами согласятся не все авторы (многие считают, что включение в статус ответственности сводит правовое положение к объективному праву⁸), осуществленный анализ позволяет выделить в структуре правового статуса три элемента: права, обязанности и ответственность.

Вместе с тем, в литературе получило распространение и широкое понимание статуса, его структуры и содержания, для которого характерно обособление большого количества дополнительных элементов. Последнее, в частности, свойственно для исследований правового положения различных категорий должностных лиц. Так, в структуру правового статуса должностного лица зачастую помещают также полномочия, компетенцию, гарантии, юридическую ответственность, правовые принципы, порядок наделения полномочиями, порядок освобождения от должности и т.д. Не являются исключением и отечественные работы, посвященные судьям национальных судов. П.В. Гармоза, например, считает, что структура правового статуса судей помимо прав и обязанностей включает также компетенцию судей⁹. А, скажем, в Энциклопедичес-

¹ Явич Л.С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: ЛГУ, 1985. – С. 64.

² Российская юридическая энциклопедия. – М.: ИД «ИНРА-М», 1999. – 1097 с.

³ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – Юрист, 2001. – С. 656; Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 317-318.

⁴ Общая теория государства и права / Отв. ред. Д.А. Керимов. – Л., 1961. – С. 266.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. – М.: Юридич. лит-ра, 1981. – С. 321-322; Базылев Б.Т. Юридическая ответственность: Теорет. вопр. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. – С. 95-96.

⁶ Спиридонов Л.И. Теория права и государства: Учебник. – М.: Проспект, 1997. – С. 285-286.

⁷ Гармоза П.В. Указ. соч. – С. 15.

⁸ Явич Л. С. Указ. соч. – С. 59.

⁹ Гармоза П. В. Указ. соч. – С. 12.

ком словаре Конституционного права России под конституционно-правовым статусом судьи понимаются «определяемое Конституцией РФ и федеральными законами правовое положение судьи, его права, обязанности, основания и порядок назначения на должность, гарантии деятельности»¹.

Автор полагает, что включение указанных дополнительных элементов в структуру правового статуса не всегда обоснованно, а в некоторых случаях нуждается в уточнении.

Во-первых, некоторые из них по своей сути являются ничем иным, как правами и обязанностями изучаемого субъекта, то есть полностью охватываются основными элементами структуры. Непонятно в этом отношении выделение в качестве самостоятельной структурной единицы привилегий и иммунитетов, а также компетенции, которая, в принципе, выступает комплексом обусловленных выполняемыми функциями прав и обязанностей в их определенном сочетании.

Во-вторых, включение дополнительных элементов в структуру статуса зачастую ведет к излишнему расширению его границ. Спорным представляется, например, предположение о включении в статус судьи порядка назначения на должность, наделения полномочиями, освобождения от должности и т.д. Ведь данные процедуры определяются комплексом прав и обязанностей не только самих судей (или кандидатов в судьи), но и международных организаций, органов и государств. Так, порядок избрания судей Международного суда ООН предполагает выдвижение кандидатур (право и обязанность соответствующих «национальных групп»), выбор из предложенных кандидатур и их утверждение (право и обязанность Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН); волеизъявление кандидата и его соответствие существующим требованиям. Иными словами, указанная процедура находится на стыке правового статуса государств, органов и индивидов. Сказанное справедливо и в отношении гарантий деятельности судей и иных должностных лиц. Применительно к судьям международных судов гарантии – это средства обеспечения независимости, которые на практике реализуются все тем же образом: через механизм прав и обязанностей самих судей, государств, органов, организаций, участников спора (в том числе индивидов, например, обратившихся в Международный суд по правам человека).

Разумеется, соответствующие процедуры, гарантии, привилегии и иммунитеты имеют непосредственное отношение к деятельности судей. Такие «околостатусные» юридические категории и процедуры традиционно рассматриваются в отечественных работах, посвященных анализу тех или иных статусов. В этом есть определенная целесообразность, поскольку таким образом более глубоко раскрывается не только сам предмет, но и его связи с другими сферами международно-правовых отношений, то есть дается понимание общей картины. Нельзя не отметить, что по этому пути следует и национальный законодатель. Во внутригосударственных законах, посвященных статусу, закрепляются не только права и обязанности (ядро), но и, скажем, процедура назначения на должность, гарантии деятельности.

Сказанное побуждает предложить следующую юридическую конструкцию, которая бы позволила преодолеть возникшее противоречие в понимании структуры статуса. Признавая ограниченное число элементов структуры статуса, следует согласиться с возможностью рассмотрения данной категории в широком и узком смысле. Статус в узком смысле – это права, обязанности и ответственность собственно судей Международного суда ООН. Статус в широком смысле – это еще и права, обязанности и ответственность иных участников международно-правовых отношений, которые не

¹ Конституционно-правовой статус судьи // Конституционное право России: Энциклопедич. словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка – М.: Юрид. лит-ра, 2002. – С. 142.

являются судьями, но действия которых непосредственно связаны и влияют на положение судей. К таким участникам можно отнести как организационно-публичные институты (государства, международные организации и их органы), так и индивидов (международных должностных лиц, кандидатов в судьи). При данном подходе выстраивается четкая и логическая структура статуса.

Все дополнительные элементы за пределами «ядра» статуса так или иначе «разбиваются» на права и обязанности. Часть из них (например, компетенция), как было сказано выше, – на права и обязанности самих судей (статус в узком смысле); часть – на права и обязанности иных лиц (статус в широком смысле). Так, гарантии деятельности складываются из прав и обязанностей не только судей, но и государств, ООН, ее органов и служащих. То же можно сказать и в отношении порядка назначения в судьи (здесь участником будет не судья, а кандидат в судьи, еще не вступивший в должность). К слову, иногда в литературе приходится встречать сочетание «назначение судей». Представляется, это не совсем верно. Точнее было бы сказать «назначение судьей», поскольку лицо, которому предстоит получить такую должность, выступает до назначения только кандидатом (а не судьей).

Таким образом, предлагаемые в качестве альтернативы элементы статуса «дробятся» на фундаментальные единицы – права и обязанности. Следовательно, именно они выступают базисными компонентами структуры. Выделение иных элементов, в том числе, не всегда соответствует логике и принципу системности. Коль скоро речь идет о такой категории, как «структура», все ее «узлы» должны быть четкими и определенными. Возникает вопрос: на каком основании вычленяются в качестве элементов одновременно и компетенция, и принципы деятельности, и основания, и порядок назначения, и гарантии. Где здесь критерий и система? Автор полагает, что такой подход оправдан в архитектонике национального закона о статусе судей, который направлен на комплексное урегулирование соответствующей сферы общественных отношений¹.

Немаловажно также уточнить, что структура статуса не аналогична его содержанию. Структура – это внутреннее строение, своего рода каркас, состоящий из указанных элементов. Структура отражает характер внутренних взаимосвязей, существующих в рамках исследуемого явления. Содержание представляет собой наполнение структурных элементов определенным смыслом. Если структура статуса выступает системой трех элементов – прав, обязанностей и ответственности, то содержание – это сочетание конкретных прав, обязанностей и ответственности судей.

Автор полагает, что структура статуса вполне может быть возведена в ранг теоретической категории. В этом случае структура будет едина у любого статуса независимо от его носителя. При таком подходе статус судьи, статус члена комиссии, статус международной организации и т.д. будут рассматриваться как имеющие единую трехзвенную структуру. Отличие же их правового положения будет состоять в содержании статусов, в различном сочетании определенных прав, обязанностей и ответственности. Содержание правового статуса, его внутреннее наполнение – это то, что делает статус судьи особым, отличным от статусов других должностных лиц. По аналогии, норма права в классическом понимании структурно состоит из трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Вместе с тем, в зависимости от особенностей регулируемых общественных отношений норма может включать только некоторые из указанных элементов (но не может включать другие элементы, дополнительные и не предусмотрен-

¹ Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» содержит требования, предъявляемые к судье и к кандидату на должность судьи, порядок наделения полномочиями, гарантии независимости, порядок прекращения полномочий. Закон РФ № 3132-1 от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» / Российская газета. – 1992. – 29 июля. – № 170.

ные структурой). При этом все нормы различны по своему смыслу и содержанию и поэтому имеют различные последствия.

Рассматривая содержание элементов статуса международного судьи, следует подчеркнуть, что в его состав входят не только функциональные права и обязанности, но также и социальные, и личные, и иные связанные с ним права. Такое понимание исключает неточные выводы, наподобие тех, к которым пришли В.Г. Бессарабов и М.И. Косарев. Последние указали, что если согласиться с трактовкой правового статуса как прав и обязанностей, то получается, что категория «правовой статус» совпадает с правовым понятием «полномочие»¹. Действительно, в словаре русского языка С.И. Ожегова «полномочие» определяется как «право», предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь»². А в энциклопедическом словаре по политологии это понятие определено как «строго очерченный перечень прав и обязанностей, а также способов их реализации, предоставляемых должностному лицу»³. Однако не следует забывать, что в соответствии с утвердившимся в науке пониманием полномочия – это не все права и обязанности должностного лица, а только «строго очерченный перечень прав и обязанностей», обусловленных выполнением должностным лицом своих функций.

В целом высказанные размышления можно сформулировать в виде следующих выводов. В ходе изучения понятия «статус» возникает проблема определения его «внешних» и «внутренних границ». В первом случае речь идет о соотношении «статуса» с рядом смежных категорий: правосубъектность, правовое положение, правовой модус; во втором – о выделении его структуры и элементов.

Говоря о «внешних границах» международно-правового статуса, следует отличать его от международной правосубъектности. Если во внутринациональном праве носитель статуса (прав и обязанностей) одновременно выступает обладателем правосубъектности, то в международном праве наличие у лица статуса как таковое еще не означает его признания субъектом права, поскольку «традиционная» концепция правосубъектности требует от международно-правового субъекта наличия не любых, а «особых» прав (способность к нормотворчеству, независимости и т.д.). С другой стороны, категории «статус» и «правовое положение» целесообразно рассматривать в качестве идентичных понятий. В основе данной точки зрения лежит мнение ряда авторитетных теоретиков права, таких как С.С. Алексеев, С.В. Черниченко и др. Кроме того, этимологически слово «статус» является синонимом правового положения лица. Разграничение указанных терминов также не нашло своего отражения ни в российском законодательстве, ни в судебной практике, ни в международно-правовых актах.

Структура статуса есть его внутренне строение и включает три элемента: права, обязанности и ответственность. Дополнительные компоненты, которые иногда выделяют в литературе (компетенция, принципы деятельности, порядок назначения, гарантии и др.), вероятно, не должны претендовать на значение самостоятельных структурных единиц по следующим основаниям. Во-первых, по существу они представляют собой набор в том или ином сочетании прав, обязанностей и ответственности, то есть складываются из базовых элементов статуса. Во-вторых, в их совокупности не прослеживается четкой системы или, по крайней мере, видимого критерия, без которого рассуждения о такой категории, как «структура», выглядят малообоснованными.

Статус международных судей как правовую категорию допустимо рассматривать в широком и узком смысле. Статус в узком смысле – это права, обязанности и ответс-

¹ Бессарабов В.Г., Косарев М.И. Понятие правового статуса адвоката // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 93-102.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русс. яз., 1989. – С. 479.

³ Политология: Энциклопедич. Словарь / Общ. ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984. – С. 479.

твенность собственно судей Международного суда ООН. Статус в широком смысле – это еще и права, обязанности и ответственность иных участников международно-правовых отношений, которые не являются судьями, но действия которых непосредственно связаны и влияют на положение судей. К примеру, гарантии деятельности или порядок назначения, которые многими авторами включаются в статусную структуру, являются сочетанием прав обязанностей и ответственности не только самих судей, но также и международных организационно-публичных институтов (государств, организаций, органов), и индивидов (международных должностных лиц, кандидатов в судьи).

Следует различать структуру статуса (внутреннее строение) и его содержание (наполнение конкретными правами, обязанностями и ответственностью). Структура статуса у различных носителей (например, международных судей, служащих международных организаций, самих международных организаций и т.д.) идентична (включает три элемента). При этом указанные статусы отличаются по своему содержанию, то есть по набору и комбинации субъективных прав и обязанностей. Сочетания последних, принципиально находясь в рамках трехэлементной структуры, определяют специфику и отличие статусов.

Таким образом, международно-правовой статус судей Международного суда ООН (в узком смысле) – это система их прав, обязанностей и ответственности, урегулированная нормами международного права.

Нападения на компьютерные сети и МГП: пробелы и возможные пути их устранения

Магомедов М.Ш.¹

Постоянный научно-технический прогресс открывает перед человечеством новые горизонты в области изобретения ранее не известных способов и средств удовлетворения его потребностей. Накопленный опыт и достижения в сфере высоких технологий обозначили к началу XXI века возможность использования в условиях вооруженного конфликта (ВК) компьютеров, содержащейся в них информации и сетей компьютеров. Очевидно, что данный факт уже отражается и будет продолжать отражаться в будущем на военных доктринах государств, потребует переосмысления трактовки многих положений международного гуманитарного права (МГП). Неизбежным и необходимым будет процесс уяснения влияния использования во враждебных целях компьютеров на принципы и нормы МГП.

Целью настоящей статьи является попытка определить: (1) что можно понимать под термином «нападение на компьютерные сети» (НКС) для целей МГП; (2) может ли НКС служить основанием возникновения ситуации ВК; (3) насколько действующее на данный момент МГП способно регулировать (ограничивать) использование НКС; (4) каковы общие черты возможного международно-правового регулирования применения НКС. Если специально не указано иное, автор намерен касаться вопроса об

¹ Магомедов Марад Шейхмагомедович – аспирант кафедры международного права МГИМО МИД РФ. Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научно-практической конференции «Девятые Мартенсовские чтения: актуальные проблемы международного гуманитарного права» (25-26 июня 2009, г. Санкт-Петербург).

НКС исключительно в рамках *jus in bello* и ситуации международного вооруженного конфликта (МВК) по смыслу общей ст. 2 Женевских конвенций 1949 г. (ЖК).

Прежде всего, хотелось бы отметить, что какое-либо новое явление, появившееся в результате развития человеческой цивилизации, может быть урегулировано правом, если данное явление поддается правовому регулированию и нуждается в таком регулировании. Как видится, в настоящее время назрела объективная потребность в регулировании с помощью норм МГП враждебного использования компьютеров, содержащейся в них информации и сетей компьютеров. В рамках Международной научно-практической конференции «Девятые Мартенсовские чтения: актуальные проблемы международного гуманитарного права» (25-26 июня 2009 г.) на неизбежность решения вопроса о применении норм МГП к НКС в своих докладах указали Президент РАМПИ, проф. А.Я. Капустин и Член Директората МККК г-н Ф.Шперри. Профессор Б.Р. Тузмухамедов в своей рецензии на «Пособие по международному гуманитарному праву» (под ред. Дитера Флека. – Оксфорд, 2008. – 770 с.) абсолютно точно подчеркнул необходимость специального исследования проблематики НКС в общем курсе МГП: так, было отмечено, что заслуживают рассмотрения «в отдельной главе правовые проблемы военного использования средств и методов воздействия на информационную инфраструктуру, иначе говоря, нападения на компьютерные сети»¹.

Потребность в урегулировании НКС нормами МГП диктуется ходом развития международных отношений: так, 9.7.2009 г. японские СМИ со ссылкой на американские власти назвали КНДР «источником массовых кибератак на сайты США и Южной Кореи». Как утверждают СМИ, «власти США проследили адреса нападавших, и их цепочка закончилась на компьютерах Северной Кореи. В то же время власти отметили, что не могут утверждать, что атаки были санкционированы официальной властью в Пхеньяне. Кибератака на десятки государственных и частных сайтов США началась 4.7.2009 г. и длилась несколько дней. 7.7.2009 г. из-за нападения была полностью заблокирована работа 25-ти крупных Интернет-порталов Южной Кореи. В их числе были сайты президента, министерства обороны и других государственных ведомств, парламента, правящей партии, ведущих банков и газет. Атаки продолжались и 8.7.2009 г. Нападение на сайты осуществлялось по принципу так называемой DDoS-атаки – массового захода на сервер с целью выведения его из строя. Эксперты отметили, что атаки были организованы с помощью сети зараженных вирусами компьютеров. В результате работа сайтов США и Южной Кореи была парализована на несколько дней. ... СМИ указали на то, что Северная Корея не обладает репутацией страны с высоким уровнем компьютерной грамотности и большим количеством хакеров, но получить консультацию по этому вопросу извне просто и дешево. Как отмечают специалисты, атаки были осуществлены с частных компьютеров, однако в целом уровень нападения позволяет утверждать, что за ним стояли не отдельные хакеры, а группа людей. Сами же атаки, по мнению южнокорейских спецслужб, были хорошо организованной «на уровне государства» акцией»².

Не подтверждая и не опровергая какие-либо факты из сообщений только что указанных средств массовой информации, а также оставляя открытым вопрос о применимости норм МГП к данной ситуации, хотелось бы указать на необходимость учета

¹ Тузмухамедов Б.Р. The Handbook of International Humanitarian Law / Ed. by Dieter Fleck. Oxford University Press, 2008, xxxix. – 770 p. [Пособие по международному гуманитарному праву / Под ред. Дитера Флека. – Оксфорд, 2008. – 770 с.] // Российский ежегодник международного права (Специальный выпуск), 2008. – С. 263.

² СМИ обвинили КНДР в массовых атаках на сайты США и Южной Кореи // КОММЕРСАНТЪ-ONLINE, 9.7.2009. [электронный ресурс]. <<http://www.kommersant.ru/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

Данное определение позволяет нам сделать вывод, что предметом МГП являются межгосударственные отношения, в качестве объекта¹ которых можно понимать НКС. Иными словами, в условиях достаточно четко определенного предмета МГП новый феномен при удовлетворении необходимых критериев уже укладывается в его (предмета) рамки – другое дело, насколько МГП способно регулировать НКС в ситуации отсутствия *lex specialis*. Однако предмет МГП не будет расширен даже в случае принятия специального международного договора об НКС. В последнем случае можно говорить о расширении *corpus juris* МГП.

В юридической литературе отмечается, что НКС – это «операции по нарушению, ухудшению или уничтожению информации, находящейся в компьютерах и компьютерных сетях, или предотвращению доступа к ней, а также операции по нарушению работы, ухудшению или уничтожению самих компьютеров и сетей». Далее дается ссылка на документ USAF Intelligence Targeting Guide (AF Pamphlet 14-210, 1 February 1998), в котором приводится ряд понятий, раскрывающих данное определение: «(а) искажение – изменение информационного содержания; манипуляция с данными с тем, чтобы они стали бессмысленными или ошибочными; уничтожение существующих сведений; (b) обман – особый тип искажения; изменение или добавление информации с тем, чтобы реальная ситуация была изображена в искаженном виде; создание ложных сведений, включая маскировку; (с) задержка – обратимое замедление проходящего через систему потока информации, а также замедление процесса приобретения и распространения новых сведений; (d) предотвращение доступа – обратимая остановка потока ин-

¹ В самом общем виде объект общественных отношений – это то, на что направлена деятельность определенных субъектов данного отношения. Более подробно см.: *Дедусенко А.С.* Международное торговое право: понятие, принципы и основные институты: Дис. ... к.ю.н.: 12.00.10. – Ростов н/Д: РГБ, 2007. – С. 171-173. См. также: *Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина.* – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 35-38.

формации на некоторое время; в то время как на своей территории информация может передаваться и использоваться, противник не имеет к ней доступа; предотвращение получения и распространения новых сведений; (е) нарушение – снижение возможности поставлять и (или) обрабатывать информацию (обратимое); это сочетание задержки и искажения; задержка получения и распространения новых сведений и уничтожение существующих сведений; (f) ухудшение качества – постоянное снижение возможности поставлять и (или) обрабатывать информацию; (g) разрушение – разрушение информации до ее передачи; долговременное уничтожение возможности поставлять и (или) обрабатывать информацию (буквенный ряд добавлен мной. – М. М.)»¹.

Анализ определения НКС и раскрывающих его понятий позволяет сделать несколько существенных для целей настоящего исследования выводов:

1. Стоит признать, что, к сожалению, данное определение и конкретизирующие его понятия учитывают в первую очередь военный аспект, оставляя без должного внимания гуманитарный.

2. Сущность НКС воплощается в том, что средством враждебного воздействия является поток данных. В связи с этим хотелось бы отметить, что использование, например, электромагнитного импульса для разрушения аппаратной части компьютера не будет являться НКС. Однако и при НКС возможен (а при некоторых видах НКС – вероятен) выход из строя аппаратной части компьютера: так, некоторые вирусные программы способны устанавливать частоту вращения жесткого диска, при которой он через определенное время сгорает. Иными словами, технически верно понимать, что НКС не сводится исключительно к соответствующим изменениям в программной среде компьютера.

3. При применении общих принципов МП к НКС важно учитывать то, что используемый при НКС поток данных подчиняется несколько иным физическим законам в сравнении с классическим оружием (например, электронные сигналы не подвержены силе тяжести Земли, в то время как расчет всех аспектов атаки с помощью ракеты немыслим без учета данного закона природы).

4. Хотя непосредственным объектом НКС является программная среда компьютера, манипуляция с информацией не является самоцелью нападения, т.е. использующее НКС государство преследует цель нейтрализовать какой-либо объект, но не с помощью прямой физической атаки на него, а косвенно – через выведение из строя обслуживающей функционирование данного объекта программной среды компьютера.

5. НКС могут носить различный характер: они могут быть обратимыми (ситуация, когда нападающая и (или) подвергшаяся атаке сторона может восстановить состояние программной среды при помощи деактивации программы, которая служила инструментом нападения) и необратимыми (ситуация, когда работоспособность компьютеров и их сетей может быть восстановлена лишь в результате инсталляции новой программной среды и (или) новой аппаратной части компьютера).

6. Важно различать первичные последствия (последствия в рамках программной среды) и вторичные последствия (объективизированные в реальной действительности) НКС. Здесь необходимо отметить, что не всегда необратимые НКС влекут наступление вторичных последствий; так, подобного развития событий не будет в случае, когда имеется альтернативный компьютер, чья программная среда полностью примет на себя выполнение функций программной среды первоначального компьютера, подвергшейся НКС и необратимо выведенной из строя.

¹ Цит. по: *Michael N. Schmitt. Wired warfare: Computer network attack and jus in bello* // *International Review of the Red Cross*, June 2002, Vol. 84, No 846. – P. 367.

7. Необходимо проводить различие между компьютерами-серверами (узлами компьютерной сети) и компьютерами, чья программная среда непосредственно обслуживает функционирование какого-нибудь гражданского или военного объекта.

Теперь с учетом только что обозначенных выводов технического характера стоит рассмотреть вопрос о том, может ли (а если может – то при каких условиях) НКС быть основанием возникновения ситуации МВК и насколько существующие принципы и нормы МГП применимы к НКС.

Квалификация НКС как МВК на основе объективных критериев

Прежде всего, напомним, что квалификация НКС как МВК должна осуществляться объективно. Необходимость специально указывать на данный аспект диктуется тем, что поскольку НКС представляют собой новый феномен в международном праве, у государств, которые располагают самыми современными компьютерными технологиями, может возникнуть желание поддержать позицию о невозможности НКС по формальным критериям удовлетворить требованиям общей ст. 2 ЖК. Выделение только что обозначенной группы государств представляет определенный интерес с правовой точки зрения: именно они могут считаться государствами, «чьи интересы затронуты непосредственно» в области международно-правового регулирования использования компьютеров, содержащейся в них информации и компьютерных сетей. Группу «особо затронутых» государств для целей оценки государственной практики в процессе образования обычно-правовой нормы выделял Международный суд ООН в ряде своих решений¹. С другой стороны, когда речь идет о защите покровительствуемых лиц и гражданских объектов от последствий ВК, нужно констатировать отсутствие таких «наиболее заинтересованных» государств, поскольку все государства юридически заинтересованы в соблюдении МГП в ходе любого ВК. Последний тезис можно подтвердить ссылкой на решения Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МУТЮ) по делу Фурунджия (1998 г.) и делу Купрешкича (2000 г.), в которых Трибунал подчеркнул, что нормы МГП являются нормами *erga omnes* и поэтому все государства «юридически заинтересованы» в том, чтобы данные нормы соблюдались, а, следовательно, имеют право требовать их соблюдения². Установление того, существуют ли в рамках МГП «особо затронутые» государства или каждое государство можно считать юридически заинтересованным в равной степени, будет существенным образом отражаться на процессе формирования обычно-правовой нормы применительно к НКС. Данный тезис будет развит в исследовании ниже.

Отказ государств признавать НКС в качестве основания возникновения МВК не может повлиять на применимость норм МГП. При этом сама общая ст. 2 ЖК определяет, что ЖК «будет применяться в случае ... вооруженного конфликта ... даже в том случае, если одна из них (Договаривающихся сторон. – М.М.) не признает состояния войны». Однако, к сожалению, общая ст. 2 ЖК не затрагивает ситуацию, когда оба государства отрицают наличие МВК.

Однако и в такой ситуации, по мнению юристов МККК, стороны, участвующие в ВК, не могут путем негласного соглашения помешать применению МГП³. Поскольку отсутствуют официальная практика и выражение правовой убежденности (*opinio*

¹ См., например: ICJ, North Sea Continental Shelf cases, Judgment, 20 February 1969, § 74. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

² См.: ICTY, Furundzija case, Judgment, 14.1.2000, § 47; ICTY, Kupreskic case, Judgment, 14.1.2000, § 48. [электронный ресурс]. <<http://www.icty.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

³ См.: The Commentaries on the four Geneva Conventions, 12 August 1949. [электронный ресурс]. <<http://icrc.org/ihl>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

juris), противоречащие такому мнению, то можно считать, что норма общей ст. 2 ЖК должна толковаться именно так, как предлагают юристы МККК. Хотя все же стоит указать на то, что данный аргумент может быть использован лишь как косвенное доказательство, поскольку отсутствие соответствующих практики и *opinio juris* не говорит автоматически о принятии государствами на себя обязательства по международному праву. Объяснение данного вывода сводится к следующему: отсутствие каких-либо реакций на обозначенное мнение юристов МККК могло быть вызвано не только правовой убежденностью в существующей обязанности, но также и фактом осознания существования права (в данном случае – на выражение своей позиции), которое просто не было реализовано (по самым различным причинам)¹.

По сути, в случае, если стороны отрицают существование МВК, мы имеем дело со специальным договором, целью которого является освобождение соответствующих государств от соблюдения МГП. Однако стоит указать, что в соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.5.1969 г.² (Венская конвенция 1969 г.) международный договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права (норме *jus cogens*). Таким образом, поскольку некоторые нормы МГП (в частности, нормы о запрете совершения военных преступлений) относятся к числу норм *jus cogens*³, не может быть принята во внимание воплощенная в форме договора субъективная оценка НКС в качестве явления, находящегося за пределами МГП.

Квалификация НКС в качестве основания возникновения МВК должна осуществляться объективно и только в соответствии с самим МГП.

Требования общей ст. 2 ЖК и НКС

В соответствии с общей ст. 2 ЖК нормы данных Конвенций будут «применяться в случае ... всякого ... вооруженного (выделено мной. – М.М.) конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами».

Прежде всего, отметим, что в МГП не существует какой-либо нормы, которая устанавливала бы запрет на применение положений данной отрасли международного права к НКС. Однако в то же время ожидаемым аргументом в пользу отсутствия МВК может служить указание на то, что НКС не влечет возникновения именно *вооружен-*

¹ Более подробно об оценке *opinio juris* см.: Гноевой А.В., Магомедов М.Ш. К вопросу о юридическом значении принципов Заключительного акта СБСЕ 1975 года // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 6. – С. 106.

² Ведомости ВС СССР. – 1986. – 10 сент. – С. 772.

³ См.: ICTY, Kupreskic case, § 520.

Однако отметим, что МУТЮ остановился на простой констатации принадлежности запретов совершения военных преступлений к *jus cogens*, оставив открытым вопрос о конкретном перечне данных запретов.

Наиболее полным списком военных преступлений можно считать ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда (Статут МУС). Как верно отмечается в юридической литературе, объединение всех составов военных преступлений в одной статье Римского Статута (ст. 8) представляет собой существенный шаг в развитии МГП (См.: Махниборода И.М. Роль Статута Международного уголовного суда в механизме имплементации норм МГП // Московский журнал международного права. – 2005. – № 3). При разработке Статута МУС указывалось, что ст. 8 Статута МУС носит обычно-правовой характер (см.: Report of the Preparatory Committee on the Establishment of ICC, 1996).

Однако остается без ответа вопрос о том, можно ли считать все положения ст. 8 Статута МУС нормами *jus cogens*. Ответ становится менее очевидным, если учитывать, что иногда под сомнение ставится квалификация определенных действий или бездействий как военных преступлений. См.: John B. Bellinger, III, William J. Haynes II. A US government response to the International Committee of the Red Cross study Customary International Humanitarian Law // International Review of Red Cross. June 2007 Vol. 89 No 866. – P. 466-467.

ного (по характеру) конфликта. В данной связи необходимо определить, каково правовое содержание определения «вооруженный» в контексте общей ст. 2 ЖК. Для этого целесообразно обратиться к Комментариям МККК к ЖК 1949 г., в соответствии с которыми вооруженным конфликтом является «любой спор, возникающий между двумя государствами и ведущий к действиям *вооруженных сил* (выделено мной. – М.М.). При этом не имеет значения, как долго длится конфликт и насколько велики жертвы»¹. Аналогичная трактовка содержится в Комментариях к ДП I.

При раскрытии содержания понятия «вооруженные силы» необходимо учитывать, в первую очередь, не то, что в военной операции используются солдаты, бронетехника и т.п., а то, что (1) данная операция представляет собой *проявление суверенитета* государства, и то, какие она (2) *способна повлечь последствия*. Иными словами, нужно акцентировать внимание на том, что в современных условиях объем понятия «вооруженные силы» не исчерпывается только отрядами солдат, бомбами и т.п., но включает также нападения, которые нацелены и способны причинить ранения или смерть покровительствуемым лицам и ущерб или разрушение – имуществу таких лиц, а также другие последствия, от которых призвано защищать МПП.

Общая ст. 2 ЖК и проявление суверенитета в совершаемом НКС

Затрагивая данный критерий, стоит отметить, что при квалификации какой-либо ситуации, как МВК, как верно указывает проф. Э.Давид, нужно учитывать следующее: «было бы неправомерно говорить о международном вооруженном конфликте, как только появляются признаки того, что действия *вооруженных сил* (выделено мной. – М.М.) какого-либо государства направлены вовне. ... Следует ли квалифицировать как международный вооруженный конфликт простой инцидент между таможенниками или силами безопасности, дислоцированными по разные стороны границ? Или даже действия недисциплинированных военных против своих коллег из соседнего государства? ... Без всякого сомнения, это было бы преувеличением: там, где речь идет об индивидуальных инициативах, неподконтрольных государству, нет и собственно межгосударственного столкновения. ... По сути, акт войны сродни акту суверенитета или государственной власти. Однако это не касается бесконтрольных поступков одного или нескольких военнослужащих, действующих в своих личных целях вне контекста вооруженного конфликта. Даже если порождается ответственность государства, которому принадлежат вышеупомянутые военные, так как их поведение составляет «акт государства» ..., это приписывание ответственности государству не означает *ipso facto* вовлеченности данного государства в международный вооруженный конфликт со своим соседом»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что критерий использования вооруженных сил не может быть признан надлежаще применимым во всех случаях. Для квалификации ситуации в качестве МВК важно, чтобы НКС составляло целенаправленный акт проявления суверенитета конкретного государства.

Неоднозначным видится решение проблемы о приписывании совершения НКС конкретному государству. Как известно, 12.12.2001 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Резолюцию 56/589, к которой в качестве приложения были прикреплены Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния³ (Статьи

¹ Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field / Jean Pictet (ed.). ICRC, Geneva. – P. 32-33.

² Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. – М.: МККК, 2000. – С. 110-111.

³ Текст на русском и английском языках см.: Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 380-405.

об ответственности). Глава II части 1 содержит 8 статей, касающихся приписывания определенного поведения на счет конкретного государства. В силу того, что отдельные положения МГП не всегда должны совпадать с положениями права международной ответственности, стоит указать, что нормы Статей об ответственности могут быть *mutatis mutandis* применены к сфере МГП. В соответствии со ст. 4(1) Статей об ответственности поведение любого органа государства должно рассматриваться как деяние данного государства в соответствии с международным правом независимо от того, осуществляет этот орган законодательные, исполнительные, судебные или любые иные функции, независимо от положения, занимаемого им в организации государства, и независимо от его характера как органа центральной власти или административно-территориального деления государства. В деле о расхождениях, касающихся иммунитета от судебного преследования специального докладчика Комиссии по правам человека (1999 г.), Международный суд ООН определил: «Согласно общепризнанной норме международного права, поведение любого органа государства должно рассматриваться в качестве деяния этого государства. Это норма ... носит характер обычая»¹. Представляется, что для целей МГП норма ст. 4(1) Статей об ответственности применима к вопросу о приписывании НКС на счет конкретного государства, если такое нападение осуществляется каким-либо органом государства.

Однако характер НКС позволяет перекладывать функцию осуществления данного нападения на частные военные компании. Как известно, в настоящее время вопрос о статусе таких компаний остается крайне дискуссионным, соответственно, неоднозначным видится возможный вариант урегулирования ситуации, когда частные военные компании осуществляют НКС. Очевидно, данная ситуация заслуживает отдельного исследования. В рамках настоящей работы укажем лишь, что в ситуации осуществления НКС частными военными компаниями может быть *mutatis mutandis* применена норма ст. 8 Статей об ответственности: «[п]оведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц фактически действуют по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения». МУТЮ в деле Тадица (1995 г.) определил, что «[у]словием присвоения государству по международному праву деяний частных лиц является контроль со стороны государства за такими лицами. Однако степень такого контроля зависит от фактических обстоятельств каждого дела»².

Только что в самых общих чертах был затронут вопрос о нормативном регулировании приписывания НКС на счет конкретного государства. Однако, касаясь доказательственной стороны дела, необходимо учитывать, что механизм осуществления НКС может создать существенные сложности в определении того, какое государство в действительности осуществило нападение. В случае классического МВК возможно идентифицировать нападающую сторону по военной форме ее вооруженных сил, а взятые в плен солдаты могут дать показания о своей государственной принадлежности. Кроме того, военная операция при участии солдат и с использованием оружия визуально воспринимается, в частности, средствами массовой информации. НКС осуществляется при помощи потока данных в компьютерной сети, данный поток содержит лишь двоичный код, позволяющий осуществить намеченный алгоритм в программной среде компьютера подвергнувшегося нападению государства, иными словами,

¹ ICJ, Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Reporter of the Commission on Human Rights. 29 April 1999. Reports. P. 87. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

² ICTY, Prosecutor v. Tadic, Decision on the Defense Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2.10.1995. [электронный ресурс]. <<http://www.icty.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

код потока данных не содержит указаний на государственную принадлежность нападающего. Существующими средствами можно лишь установить факт НКС, в то время как установить отправителя потока данных сложно. Последнее вызвано тем, что НКС может осуществляться через серверы, расположенные в разных частях Земли. Иными словами, отслеживание первоначального отправителя потока данных осложняется самой природой компьютерной сети, где ее узлы располагаются на территории разных стран и где передающие сигнал спутники принадлежат разным государствам. Стоит также добавить, что использующая НКС сторона может с большой долей вероятности успешно уничтожить все «электронные следы» проведенного НКС.

Общая ст. 2 ЖК и последствия НКС

Применительно к тому, к каким последствиям может привести намеченное или выполняемое НКС, стоит особо подчеркнуть, что именно предоставление пкровительствуемым лицам защиты от ранения или смерти, а их имуществу – защиты от ущерба или разрушения и, в общем, предотвращение и пресечение серьезных нарушений составляют основную цель МГП. Как отмечает применительно к вопросу об НКС проф. М.Н. Шмитт, «вооруженный конфликт имеет место, когда группа людей предпринимает действия, причиняющие ранения, смерть, ущерб или разрушение»¹.

Чтобы уяснить влияние цели МГП на результат толкования общей ст. 2 ЖК, необходимо обратиться к Венской конвенции 1969 г. Хотя в самой Венской конвенции 1969 г. специально оговаривается, что она применяется только к договорам, заключенным после ее вступления в силу для соответствующих участников (ст. 4), можно утверждать, что инкорпорированные в ней нормы о толковании могут быть использованы в отношении ЖК. Данный вывод можно подтвердить ссылкой на ряд решений Международного суда ООН: в решении по делу об острове Касикили/Седуку от 13.12.1999 г. говорится: «Суд определил, что будет продолжать толкование положений Договора 1890 года, применяя правила толкования, установленные Венской конвенцией 1969 года...»². Суд обосновал свою позицию тем, что «общие нормы международного права, регулирующие толкование договоров, отраженные в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, во многих отношениях могут рассматриваться как кодификация существующих обычных норм международного права по этому вопросу»³.

В соответствии со ст. 31(1) Венской конвенции 1969 г. международный договор должен толковаться, *inter alia*, в свете его целей. Подобный подход закрепился и в международной прецедентной практике: так, Европейский суд по правам человека в решении по делу «Вемгоф против Германии» (1968 г.) указал, что толкование европейской Конвенции прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г. (Конвенция 1950 г.) должно осуществляться таким образом, чтобы «наиболее соответствовать реализации цели и решению задачи, определенных договором»⁴. Итак, для того чтобы НКС могло быть основанием возникновения МВК, такое нападение должно означать потенциальную возможность наступления последствий, которые МГП призвано предотвращать и пресекать.

¹ Michael N. Schmitt. Op. cit. – P. 373.

² ICJ, Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Judgment, 13 December 1999, § 16. [Электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

³ ICJ, Arbitral Award of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal), 12 November 1991. Reports. – С. 69-70. [Электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

⁴ Publications of the European Court of Human Rights. Ser. A. Vol. 7. – P. 23.

Поскольку НКС представляет собой новый, требующий своего урегулирования, феномен в международном праве, последнее не может в данной ситуации оставаться в стороне. В решении Европейского суда по правам человека по делу «Лойзиду против Турции» (1996 г.) подчеркнуто: «то положение, что Конвенция (Конвенция 1950 г. – М.М.) является живым актом, который должен толковаться в свете современных условий, прочно утвердилось в практике суда»¹. Конечно, стоит учитывать, что данный тезис был обозначен региональным международным судебным органом в отношении имплементации регионального международного договора. Однако, как видится, в рассматриваемой нами случае международный договор (ЖК) необходимо толковать, *inter alia*, в свете современных условий.

Хотелось бы также отметить, что толкование общей ст. 2 ЖК *a contrario* (т.е. исходя из неприменимости МГП к НКС) означает, по сути, что НКС станут тем средством достижения военных целей, которое не будет подвергаться ограничениям, установленным договорными и обычно-правовыми нормами МГП. Можно утверждать, что именно при таком подходе к оценке сферы действия МГП новейшие технологии знаменуют собой возвращение человечества в средневековье, поскольку если признать, что применение НКС находится вне МГП, то для государств откроются большие возможности по обходу, *inter alia*, норм о запрете совершения военных преступлений, что нивелирует эффективность всей системы МГП.

В связи с вопросом об эффективности МГП в ситуации с НКС хотелось бы отметить следующее: в решении о морском разграничении района между Гренландией и Ян Майеном (1993 г.) Международный суд ООН подчеркнул значение основного положения ст. 31 Венских конвенций, определив, что соглашение «при всех условиях должно пониматься в его контексте, в свете объекта и цели»². А именно такому толкованию придается существенное значение для реализации одного из основных принципов толкования – принципа эффективности³. В решении по делу о территориальном споре между Ливией и Чадом (1994 г.) говорится о принципе эффективности как о «фундаментальном принципе толкования договоров, которого последовательно придерживается международная юриспруденция». В подтверждение приводится целый перечень судебных решений⁴. В решении относительно рыболовной юрисдикции в споре между Испанией и Канадой (1998 г.) Суд обратил внимание на то, что обе стороны обращаются к принципу эффективности, и подтвердил: «[д]ействительно, этот принцип (принцип эффективности. – М.М.) является важным в праве договоров и в практике настоящего Суда...»⁵. О принципе эффективности применительно к имплементации МГП говорил МУТЮ в своем решении по делу Тадица от 2.10.1995 г.: «в пределах, допустимых с точки зрения существующего международного права, Статут должен толковаться так, чтобы обеспечить эффективность [своих] целей»⁶.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 18.12.1996 «Лоизиду (Loizidou) против Турции». § 71. [электронный ресурс]. <<http://www.echr.coe.int>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

² ICJ, Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), 14 June 1993. Reports. С. 50. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

³ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2-х т. – Т. I. Заключение международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 617.

⁴ ICJ, Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad), 3 February 1994. Reports. – С. 25. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

⁵ ICJ, Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada). 4 December 1998. Reports. – С. 488. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

⁶ ICTY, Tadic case, 2.10.1995. – С. 99.

Итак, исходя из того, что толкование положений МГП должно осуществляться таким образом, чтобы не исключать эффективность всей системы защиты, которую обеспечивает данная отрасль международного права, в объем понятия «вооруженный конфликт» (в контексте общей ст. 2 ЖК) должна включаться ситуация применения НКС, когда последнее нацелено и способно вызвать такие последствия, от которых призвано защищать МГП. Только такое понимание общей ст. 2 ЖК позволяет в дальнейшем говорить о применимости общих норм МГП к НКС.

Как видится, при квалификации НКС как МВК ситуация более определена, когда НКС влечет настолько обширные последствия, что факт наличия МВК очевиден или когда наряду с НКС используются классические средства ведения военных действий, например, когда применение НКС является лишь частью военного плана. Однако в данном случае остается без ответа следующий вопрос: если НКС (например, вывод из строя программной среды компьютера, который обслуживал энергоустановку, из-за чего произошло отключение электроэнергии, что повлекло выход из строя военной инфраструктуры) предшествовало реализации иных пунктов военного плана (например, облегченное в результате только что упомянутого выхода из строя военной инфраструктуры занятие солдатами ключевых точек обороны противника), то что будет считаться началом МВК: момент совершения НКС или момент претворения в жизнь следующих за НКС пунктов военного плана?

Как видится, очевидным является факт применимости МГП к НКС, когда такое нападение приводит к нарушению работы программной среды компьютера, который обслуживает деятельность атомной электростанции, и когда такое нарушение приводит к сбою в работе ядерного реактора, из-за чего последний расплавляется, высвобождая опасные силы (по смыслу ст. 56 ДП I).

Поскольку определили, что НКС может служить основанием возникновения МВК в случае, когда такое нападение способно повлечь последствия, от которых призвано защищать МГП, то очевидно, что не регулируется нормами МГП применение НКС, потенциал которого по объективным причинам «не дотягивает» до того, чтобы можно было говорить об угрозе наступления вышеобозначенных последствий. В юридической литературе отмечается, что «гуманитарное право не распространяется на нарушение работы университетской интрасети, на перекачку финансовой отчетности, на временную приостановку доступа к Интернету или на кибершпионаж, так как даже если такие нападения и являются частью широкой кампании аналогичных действий, их предсказуемые последствия не заключаются в причинении ранения, смерти, ущерба или разрушения»¹. Однако гораздо менее очевидной является ситуация, когда «подрыв фондового рынка или банковской системы может, по существу, привести к краху экономики и, как результат, – к тяжелой безработице, голоду, душевным страданиям и т.д.». В доктрине МГП предлагается следующий вариант решения: «если НКС приведет к таким же тяжелым страданиям (к тяжелой безработице, голоду, душевным страданиям и т.д. – М.М.), то оно явится «нападением» в том смысле, в котором этот термин применяется в гуманитарном праве»².

На данном этапе можно сделать два основных вывода: (1) квалификация НКС в качестве основания возникновения МВК должна осуществляться объективно и только в соответствии с самим МГП; (2) общая ст. 2 ЖК должна толковаться путем включения в содержание термина «вооруженный конфликт» НКС, когда такое нападение является проявлением суверенитета нападающего государства и способно причинить ранения, разрушения и иные последствия, от которых призвано защищать МГП.

¹ Michael N. Schmitt. Op. cit. – P. 374.

² Ibid. – P. 377.

Теперь стоит перейти к исследованию применимости общих по характеру норм МГП (общие нормы МГП – *lex generalis*) к использованию НКС.

О возможности общих норм МГП быть применимыми к НКС

В ситуации отсутствия конкретной нормы, которая регулировала бы использование НКС, важным является ответ на вопрос о самой возможности применения к НКС общих норм МГП.

Полагаем, что сомнения относительно применения общих норм МГП к НКС вызваны в большей степени двумя причинами: во-первых, причиной политического характера: поскольку различие у потенциалах государств в сфере высоких технологий может быть колоссальным, поэтому находящиеся в более выгодном положении государства будут стремиться сохранить свободу использования НКС и не пойдут или неохотно согласятся на ограничение своего суверенитета в данной области; во-вторых, причиной мировоззренческого характера: часто какой-либо новый феномен встречается с настороженностью, которая, в первую очередь, обусловлена отсутствием соответствующей устоявшейся практики. В настоящее время в общественном сознании ассоциативный ряд, начатый со слов «война» и «вооруженный конфликт», может быть продолжен словами, среди которых неизбежно будут присутствовать такие понятия, как «ракеты», «взрывы», «пули» и т.п. Однако, как представляется, в рамках того же общественного сознания НКС не будут укладываться в объем понятий «война» и «вооруженный конфликт».

В данной связи стоит напомнить, что в деле о правомерности использования ядерного оружия Великобритания, США и Российская Федерация признали, что новизна ядерного оружия не исключает применимость к нему МГП¹.

Хотя существование запрета на применение оружия неизбирательного воздействия и средств ведения войны, способных нанести чрезмерные повреждения или причинить излишние страдания, не оспаривается, существуют различные мнения о том, делает ли сама общая норма МГП применение оружия противоправным или же применение оружия противоправно лишь в том случае, когда соответствующий запрет устанавливается конкретным договором или нормой обычного права². В данной связи стоит исследовать существующую практику государств и решения Международного суда ООН.

В своих выступлениях перед Международным судом ООН в деле о правомерности использования ядерного оружия Российская Федерация и Франция указали, что оружие может быть запрещено на основании общей нормы лишь в том случае, если государства решат запретить данное оружие с помощью договора. Однако большинство государств не высказали подобного требования и оценивали правомерность использования ядерного оружия на основании самих общих норм МГП. Более того сам Международный суд ООН в своем Консультативном заключении о ядерном оружии (1996 г.) анализировал правомерность использования ядерного оружия на основании общих норм и вне зависимости от договорного права³.

Статья 23 Приложения к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г.⁴ (Гаагское положение) указывает на самостоятельный характер общих

¹ См.: Давид Э. Указ. соч. – С. 264.

² См.: Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. – Т. I. Нормы. Пер. с англ. // МККК. – 2006. – С. 310, 318.

³ ICJ, *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, Advisory Opinion. 8 July 1996, § 78-79. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

⁴ Действующее международное право. – М.: Московск. независимый ин-т междунар. права, 1997. – Т. 2. – С. 575 – 587.

норм МГП, которые действуют «помимо (выделено мной. – М.М.) ограничений, установленных особыми соглашениями».

В пользу применимости общих норм МГП к новым средствам ведения войны свидетельствует Оговорка Мартенса, предусматривающая, что «в случаях, не предусмотренных принятыми ими (Высокими Договаривающимися Сторонами. – М.М.) постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»¹. Сама формулировка Оговорки Мартенса указывает на то, что государства путем согласования воли относительно содержания данной нормы (правила поведения) и согласования воли относительно признания за таким правилом поведения качества нормы международного права обозначили перспективный (на будущее) характер действия Оговорки.

Аргументом противников применимости МГП к НКС может быть то, что основной свод норм МГП был принят до появления возможности использования НКС. В таком случае ограничения, налагаемые на применение НКС, могут квалифицироваться как новые обязательства государств по международному праву. МГП ограничивает свободу действий сторон в ВК, как это подтверждает арбитражное решение, вынесенное 2.9.1921 г. по делу о судах и буксирах Дуная: «Международное право, применяемое к ведению войны, скорее, свод норм-ограничителей, нежели норм, предоставляющих полномочия»². Права стороны в ВК – это, по сути, не что иное, как осуществление государственного суверенитета в ситуации ВК в рамках, установленных МГП. Иначе отсутствие правил в какой-либо отдельной области влекло бы за собой отсутствие прав и полномочий, а не отсутствие ограничений свободы действий воюющих сторон, как это имеет место в действительности. Очевидно, что государства не желают ограничивать свой суверенитет больше, чем это предусмотрено в международном соглашении.

Проявление суверенитета в условиях ВК непосредственно связано с категорией «военная необходимость». МГП не допускает ссылки на концепцию военной необходимости, или «Kriegsraison», т.е. сторона в ВК не может быть освобождена от соблюдения МГП на основании Kriegsraison. Объяснение данному тезису видится в том, что МГП уже учло баланс между требованиями военной необходимости и требованиями гуманности³.

В соответствии со ст. 22 Гаагского положения «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». Как представляется, применение МГП к НКС не будет означать неосновательное ограничение суверенитета, поскольку государства уже согласились на такое ограничение, когда признали за Оговоркой Мартенса характер нормы международного права. Также нельзя не упомянуть ст. 36 ДП I, в соответствии с которой при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов средств ведения войны государства должны определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в международном праве. Однако стоит указать, что обязательство по ст. 36 ДП I связывает лишь участвующие в данном международном договоре государства.

Таким образом, позиция Международного суда ООН, обозначенная в Консультативном заключении о ядерном оружии, формулировка Оговорки Мартенса, обычное

¹ Преамбула Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г.

² Recueil des Sentences arbitrales. Vol. I, New York, Nations Unies, 1948. – P. 104.

³ См.: Hans-Peter Gasser. International Humanitarian Law. An Introduction / (separate print from) Hans Haug. Humanity for All. Second edition. ICRC, 2009. – P. 50.

и договорное МГП свидетельствуют о том, что общие нормы МГП должны применяться к использованию НКС. Однако именно в случае с НКС возникает аргумент для возражения против применения МГП к НКС, который заключается в том, что среди всего *corpus juris* МГП невозможно найти такие нормы, которые учитывали бы природу данного нового феномена. Как представляется, данный аргумент нельзя оспорить, используя логику вынесения Консультативного заключения о ядерном оружии. Суд, сосредоточив сначала внимание на сравнении ядерного оружия с химическим и отравляющим, оценивал правомерность применения ядерного оружия, учитывая его сущностные характеристики¹. Отметим, что данные средства имеют гораздо больше общего друг с другом, чем с НКС, поскольку последствия их применения непосредственно объективизируются в окружающей нас действительности (времени и трехмерном пространстве). Сущностные характеристики НКС позволяют говорить о почти полной независимости осуществления данного нападения от трехмерного пространства в связи с тем, что НКС подчиняется законам так называемого «киберпространства»; также не секрет, что НКС может быть произведено в поразительно маленькие промежутки времени.

Позиция Международного суда ООН о применении общих норм МГП к ядерному оружию базируется, *inter alia*, на том, что данное средство ведения военных действий является классическим по своему действию, иными словами, нормы МГП разрабатывались из расчета их применения к классическому оружию. В данной связи возникает уместный вопрос: может ли вывод Суда быть использован в ситуации с НКС, если учесть сущностные характеристики данного нападения?

Таким образом, в свете только что обозначенного акцент смещается с самой возможности применения *lex generalis* к НКС в сторону вопроса о том, а содержит ли МГП какие-либо нормы, которые учитывали бы природу НКС и, соответственно, могли бы ограничивать применение данного средства ведения военных действий. Можно предложить два варианта решения данной задачи: (1) общие нормы МГП вообще не применимы к НКС; (2) общие нормы МГП применимы *mutatis mutandis* к НКС.

По мнению автора, второй вариант более предпочтителен, поскольку именно он учитывает цель МГП и позволяет сохранить эффективность *jus in bello* в ситуации применения НКС.

НКС в свете требований некоторых общих норм МГП

Как представляется, целесообразно исследовать вопрос о соответствии применения НКС некоторым общим нормам МГП, которые имеют обычно-правовой статус².

В соответствии с принципом проведения различия стороны, находящиеся в ВК, в любое время должны проводить различие между гражданскими и военными объектами; нападения могут быть направлены лишь против военных объектов; нападения не могут быть направлены против гражданских объектов. При описании признаков военного объекта во главу угла ставится функциональный момент: в соответствии со ст. 52(2) ДП I военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество. Гражданский объект определяется через негативный элемент,

¹ Более подробно см.: Давид Э. Указ. соч. – С. 260-267.

² См.: Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч.

т.е. гражданский объект – это тот, который не является военным объектом¹. В данной связи возникает уместный вопрос: можно ли применительно к использованию НКС сохранить такое различие, поскольку изначально можно квалифицировать все компьютеры-серверы (узлы компьютерной сети) в качестве военных объектов. Действительно, различие невозможно будет сделать из-за технических характеристик самой компьютерной сети, поскольку такая сеть и ее узлы потенциально каждую секунду способны передавать и обрабатывать информацию как военного, так и гражданского назначения. Вероятно, в данном случае ограничение использования НКС должно быть увязано, в первую очередь, не с принципом проведения различия между компьютерами-серверами, а с принципом соразмерности, в соответствии с которым НКС запрещено, если оно, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу от нейтрализации компьютеров, чья программная среда обслуживает военные объекты.

Неотъемлемой частью принципа проведения различия является норма, в соответствии с которой каждая сторона, находящаяся в ВК, должна сделать все практически возможное, чтобы удостовериться, что объекты нападения являются военными объектами. Указание на «все практически возможные» способы установления характера предполагаемого объекта нападения позволяет утверждать, что данная норма применима к НКС, однако стоит отметить, что иная сущность НКС по сравнению с классическим оружием не позволяет применять обычные способы, которыми определяется факт того, что объект является военным (визуальное восприятие, спутниковое наблюдение и т.п.).

По техническим причинам соблюдение требования идентифицировать объект технически возможно только тогда, когда нападающая сторона уже получила доступ к программной среде компьютера либо отслеживает и обладает возможностью копировать данные, передаваемые через компьютерную сеть. Иными словами, при НКС нападающей стороне в любом случае приходится воздействовать на программную среду идентифицируемого объекта, в то время как при обычном визуальном восприятии такой объект не подвергается какому-либо воздействию извне. Таким образом, получается нестандартная ситуация, когда этап идентификации объекта и этап непосредственного воздействия на него (начальная стадия НКС) совпадают.

Несогласованность требований общих норм МГП с сущностью НКС может проявляться и на других примерах: так, стороны, находящиеся в ВК, должны принять все возможные меры предосторожности для защиты гражданского населения и гражданских объектов, находящихся под их контролем, от последствий нападений. Каковы должны быть конкретные проявления данной нормы в реальности? Практика государств показывает, что меры, которые можно принять для защиты гражданского населения и гражданских объектов, находящихся под контролем стороны в ВК, включают в себя сооружение убежищ и окопов, распространение информации и предупреждений, перемещение гражданского населения в безопасные места, регулировку движения транспорта, охрану гражданской собственности и мобилизацию организации гражданской обороны². Очевидно, что данные меры могут защитить покровительствуемых лиц лишь от вторичных последствий НКС (например, когда разрушение программной части компьютера, обслуживающего какой-либо объект гражданской инфраструктуры,

¹ См.: Магомедов М.Ш. Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооруженного конфликта // Московский журнал международного права. – 2007. – № 4. – С. 283.

² Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. – С. 90.

приводит к неработоспособности данного гражданского объекта, что, в свою очередь, способно причинить ранения, смерть и т.п.). Как видится, в рамках данной нормы следовало бы учитывать не только вторичные, но и первичные последствия НКС. Из перечисленных только что мер применимой является лишь мера по распространению информации и предупреждений (об НКС – в данном случае).

Означает ли, что в соответствии с нормой о принятии мер предосторожности государство должно предоставлять для компьютеров, обслуживающих гражданскую инфраструктуру, программы-антивирусы, файэрволы с определенными настройками безопасности и т.д.? Включает ли данная норма обязанность государства еще в мирное время построить инфраструктуру компьютерной сети таким образом, чтобы «гражданский» сегмент сети существовал параллельно (т.е. без общих узлов) наряду с «военным» сегментом сети. Очевидно, что «военный» сегмент сети государства уже находится в более закрытом для доступа состоянии по сравнению с «гражданским», иными словами, легко попасть из компьютера «военного» сегмента сети в «гражданский» сегмент, но трудно проделать обратную операцию. Однако применительно к МГП данное положение дел нельзя назвать удовлетворительным, поскольку цель МГП состоит в том, чтобы защитить покровительствуемые лица и гражданские объекты, а, по сути, в настоящее время «гражданский» сегмент сети остается незащищенным.

Как видится, имплементация обязанности по созданию параллельных сетей наталкивается на ряд препятствий: (1) даже если сети не будут иметь общих узлов ничто не помешает запустить (осознанно или неосознанно) вирус с материального носителя (например, DVD-диска); (2) не учитывается природа сети – в государстве может не быть ни одного компьютера-сервера; (3) если государство установит в своем национальном законодательстве обязанность построения «гражданского» сегмента сети по замкнутому циклу (т.е. без связи с внешней сетью), то не будет ли это расценено как нарушение свободы слова в мирное время. К тому же неизбежно придется считаться с экономическими последствиями такого решения.

К сожалению, не учитывают в полной мере природу НКС нормы о том, что каждая сторона, находящаяся в ВК, в максимальной практически возможной степени должна избегать размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них и что каждая сторона, находящаяся в ВК, должна в максимальной практически возможной степени удалить гражданские лица и объекты, находящиеся под ее контролем, из районов, расположенных вблизи от военных объектов. Вероятно, аргумент о том, что данные нормы предусматривают обязанность совершать определенные действия по перемещению соответствующих лиц и объектов именно в пространстве (как среде существования материальных объектов) в совокупности с указанием на лимит обязанности в виде «максимально практически возможной степени», может служить основанием для отстаивания позиции о неприменимости данных норм к НКС.

Однако, вероятно, именно в сфере МГП формализм должен уступать требованиям гуманности. Таким образом, данные нормы применимы к НКС, другое дело – формы их реализации являются иными по сравнению с использованием классического оружия. Можно предположить, что в рамках своих обязательств по МГП государства, в частности, должны выстроить инфраструктуру компьютерной сети таким образом, чтобы нападение на компьютеры, выполняющие какие-либо военные функции, не влекло автоматически первичные последствия такого нападения для компьютеров, обслуживающих гражданские объекты.

Представляется, что при рассмотрении вопроса о правомерности НКС в свете принципа запрета неизбирательных нападений нужно разделять такие понятия, как «меткость» и «точность» (= «избирательность»). Применительно к НКС уровень мет-

кости составляет сто процентов, поскольку поток данных точно попадает в программную среду компьютера. Точность, или избирательность, – это способность выбирать в качестве объекта нападения исключительно военные объекты. К сожалению, значение последнего параметра у НКС не равно значению параметра меткости.

Однако поскольку в определенной степени последствия НКС, наступившие в рамках программной среды, поддаются контролю, можно говорить о том, что нападающая сторона располагает значительным набором инструментов, благодаря которым НКС будет в большей степени избирательным. Так, программа, с помощью которой осуществляется НКС, может быть снабжена алгоритмом, позволяющим ее деактивировать после истечения какого-либо срока или наступления определенного события (в частности, когда действие программы уже не приносит какого-либо военного преимущества). В данном случае мы можем говорить об обратимом НКС. Обычно при использовании классического оружия объект физически полностью или частично уничтожается; в ситуации с обратимым НКС объект нейтрализуется посредством выведения из строя программной среды компьютера, обслуживающего деятельность данного объекта. Иными словами, военное преимущество достигается без необходимости безвозвратно полностью или частично уничтожать объект.

Кроме того, стоит указать, что при НКС возможно ограничить нападение только лишь компьютерами, непосредственно обслуживающими военные объекты, в случае, если в программе, используемой при нападении, заложен определенный критерий, позволяющий выделить «военные» компьютеры из всей массы остальных. Таким критерием может быть ip-адрес домена, в котором функционируют компьютеры, непосредственно обслуживающие военные объекты. В случае если программа, которую используют при нападении, не содержит такого критерия, то НКС может повлечь разрушение программной среды всех компьютеров, подвергшихся атаке. А такими компьютерами могут быть те, которые обслуживают функционирование гражданских объектов, и даже те, которые принадлежат не принимающему участия в ВК государству.

Не следует абсолютизировать способность нападающей стороны контролировать последствия НКС в рамках программной среды. Так, например, можно смоделировать ситуацию, когда на компьютер, чья программная среда обслуживает военный объект, производится НКС с помощью программы, снабженной таймером, который запустит ее через заданный промежуток времени; однако данную программу ее создатель может деактивировать, если сохраняется с ней связь через компьютерную сеть. Однако в связи с действиями стороны, контролирующей объект, последний перестает быть военным, и нападающая сторона теряет связь с программой, которая запускается в рамках программной среды компьютера, обслуживающего уже ставший гражданским объект. Таким образом, возникает вопрос о том, кого можно считать ответственным за наступление негативных последствий в данном конкретном случае.

Поскольку программы НКС могут распространяться по сети со скоростью движения электронов в проводнике, по-новому следует трактовать норму о том, что каждая сторона, находящаяся в ВК, должна делать все возможное, чтобы отменить или приостановить нападение, если становится очевидным, что объект не является военным или что нападение, как можно ожидать, вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц или то и другое вместе, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить.

В силу общего характера приведенных только что норм МГП остается лишь констатировать, что их имплементация во многом будет зависеть от доброй воли государств. Очевидно, что НКС нуждаются в детальном правовом регулировании, поскольку су-

существующие общие нормы МГП не могут учесть всей специфики данного феномена. Такая ситуация недопустима, поскольку надлежащее регулирование является одной из основ защиты покровительствуемых лиц и гражданских объектов во время ВК.

Общие черты возможного регулирования НКС

Как видится, вопрос о применении МГП к НКС может быть разрешен при помощи (1) толкования общей ст. 2 ЖК; (2) обычно-правового изменения нормы общей ст. 2 ЖК и (3) договорно-правовой (а) квалификации НКС как ВК, а также (б) регламентации ограничения НКС. Однако отмечу, что в определенных ситуациях целесообразным будет сочетание различных вариантов, для чего следует разделять межгосударственные отношения по поводу *признания НКС основанием возникновения МВК* и межгосударственные отношения по поводу *ограничения использования НКС* во время существующего ВК.

Выше уже были затронуты вопросы о толковании общей ст. 2 ЖК в направлении того, что НКС может служить основанием возникновения ситуации МВК в случае, если такое нападение является проявлением суверенитета государства и способно иметь последствия, от наступления которых призвано защищать МГП. Кроме того, применительно к НКС нами были интерпретированы некоторые общие нормы МГП. Представляется, что такое толкование вполне допустимо и не будет означать искажение норм МГП. Основным положительным моментом данного варианта разрешения проблемы с НКС является то, что в таком случае общая ст. 2 ЖК уже предусматривает применимость МГП к НКС. Отрицательным моментом можно считать то, что толкование общих норм МГП при их применении к использованию НКС будет в дальнейшем порождать споры из-за общего характера данных норм.

Однако в связи с тем, что толкование, как верно подчеркнул Международный суд ООН, означает разъяснение смысла и содержания правового акта, а не его ревизию¹, необходимо различать толкование международного договора и его изменение обычно-правовым способом. Применительно к НКС данные процессы *prima facie* могут иметь еле различимую грань. Существенное отличие заключается в том, что толкование общей ст. 2 ЖК по вышеуказанному пути означает, что ее положения уже изначально рассматривают НКС как юридический факт, способный быть основанием возникновения ситуации МВК. В случае с обычно-правовым изменением нормы общей ст. 2 ЖК подразумевается, что до такого изменения НКС не приравнивалось к ВК.

Однако стоит признать, в реальности развитие событий возможно таким образом, что практика государств просто будет констатировать применимость МГП к НКС, следовательно, затруднительно будет определить, что именно означает данная практика – акт соблюдения общей ст. 2 ЖК в результате ее соответствующего толкования или правовую убежденность в том, что общая ст. 2 ЖК дополнена обычаем, который требует применять МГП к НКС.

Как отмечал проф. Г.И. Тункин, «[с]лучаи изменения договорной нормы обычным путем более редки, поскольку договоры, как правило, предусматривают порядок их изменения или денонсации. Однако юридически такие изменения возможны с общего согласия всех участников договора. Согласие может быть явно выраженным (но не в форме, предусмотренной договоров) или молчаливым»². В решении по спору между Камбоджей и Таиландом о прохождении границы в районе храма Прех Вихеар

¹ См.: ICJ, Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania. 1950. Reports. – С. 229 [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

² Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2006. – С. 127.

(1962 г.) Международный суд ООН пришел к заключению, что поскольку обе стороны фактически признавали в течение длительного времени иное, чем указано в договоре, прохождение границы, результатом такой практики было изменение договора¹. Таким образом, как верно указал проф. Г.И. Тункин, «Международный суд ООН рассматривал практику Камбоджи и Таиланда в вопросе о выполнении договора о границе, практику, которая расходилась с положениями договора, свидетельствующую о дополнительном молчаливом соглашении, изменяющем некоторые постановления договора»².

В рассматриваемом нами случае практика по применению МГП к НКС не будет расходиться с положением общей ст. 2 ЖК, поскольку мы имеем дело исключительно с дополнением нормы данной статьи.

Юриспруденция Международного суда ООН обозначила различные подходы к важности практики в зависимости от того, можно ли какие-либо государства выделить в группу «наиболее заинтересованных». Так, при наличии данной группы процесс образования обычно-правовой нормы схематично можно представить следующим образом: если все государства, «чьи интересы особенно затронуты», представлены, факт активного участия большинства государств не является крайне важным, но эти государства должны, по крайней мере, не возражать против практики государств, чьи интересы «особенно затронуты»; если государства, чьи интересы «особенно затронуты», не принимают практику, она не может стать нормой обычного международного права, даже если единодушия и не требуется³.

Выше уже указывалось на отсутствие в рамках МГП категории «наиболее заинтересованных» государств. Данный вывод означает, что никакой практике какого-либо государства не должно предоставляться какое-либо преимущество по сравнению с практикой других государств.

В случае с обычно-правовым дополнением общей ст. 2 ЖК требуется четкий пример позиции (usage) участвующих в ВК государств применять нормы МГП к НКС. Представляется, что расширение сферы действия обязательств гуманитарного характера соответствует современному состоянию международного права. При правовой убежденности государств в необходимости применять МГП к НКС и при отсутствии постоянного возражения (persistent objection) против такого решения может выкристаллизоваться обычная норма, которая и станет основанием для применения МГП к НКС. Но в данной связи отсутствие persistent objection из-за молчания государств не означает автоматическую констатацию элемента *opinio juris*, подкрепляющего соответствующее правило поведения.

Однако если вопрос о применении МГП к НКС может быть решен на обычно-правовом уровне, то для достижения надлежащего уровня эффективности МГП регламентация (ограничение) использования НКС в силу специфики данного средства ведения военных действий должна быть четко прописана в нормах международного договора.

В таком случае государства могут разработать и заключить Дополнительный протокол IV к ЖК 1949 г. (или какой-либо другой международный договор⁴), который должен распространить действие норм МГП на ситуацию с применением НКС и

¹ См.: ICJ, Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). 15 June 1962. Reports. C. 33. [электронный ресурс]. <<http://www.icj-cij.org/>>. Дата последнего посещения веб-страницы – 5.8.2009.

² Тункин Г.И. Указ. соч. – С. 127-128.

³ См.: International Law Commission, Final Report of the Committee on the Formation of Customary (General) International Law, Statement of the Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law, Report of the Sixty-Ninth Conference, London, 2000. – P. 737.

⁴ «Договор» означает международное соглашение ... независимо от его конкретного наименования. – Ст. 1 Венской конвенции 1969 г.

урегулировать такое применение во время ВК. Хотя в рамках МГП существует большое количество требующих решения задач, как видится, целесообразно заключение международного договора, который будет касаться исключительно вопросов НКС, поскольку именно такое решение, позволяя мировому сообществу сосредоточиться на данной проблематике, не будет увязывать регулирование НКС с иными вопросами МГП. Также такой вариант может явиться фактором, способствующим достаточно быстрой ратификации данного международного договора.

Основной недостаток договорно-правового варианта разрешения проблемы с НКС заключается в необходимости широкой степени ратификации международного договора.

Как видится, промежуточным на пути к договорно-правовому оформлению регулирования НКС может быть шаг, заключающийся в разработке не обязательного (что является главным недостатком) по международному праву документа, который включил бы в свой текст конкретные ограничения, которые МГП с учетом специфики НКС должно накладывать на данное средство ведения военных действий. Данный документ мог бы быть разработан юристами различных международных межправительственных и неправительственных организаций, академической элитой и экспертами-практиками государств. В последнем случае, как видится, существенный вклад в разработку текста документа об НКС может внести деятельность МККК.

В случае если государства не готовы к принятию обязательного по международному праву акта по НКС, для целей учета правительственных позиций, военных и гуманитарных аспектов возможно рассмотрение и одобрение разработанного документа об НКС на сессии Генеральной ассамблеи ООН. Как верно отмечал проф. Н.М. Минасян, сложные международные отношения порождают различные формы волеизъявления государств, которые не всегда и не сразу находят свое выражение и закрепление в договоре. Постановления международных организаций представляют собой одну из таких форм выражения воли государств. Данные постановления играют определенную роль в сложном процессе образования норм международного права, нередко являясь ступенью, ведущей к завершению такого процесса¹. Позицию проф. Н.М. Минасяна, основателя школы международного права в Ростовском государственном университете (в настоящее время – Южный федеральный университет), спустя многие годы разделяет и международная судебная практика: так, в Консультативном заключении о ядерном оружии Международным судом ООН отмечается, что «... резолюции Генеральной ассамблеи, даже если они не являются обязательными, могут иногда обладать нормативной ценностью. Они могут в определенных условиях представлять доказательства, имеющие важное значение для установления существования нормы или появления *opinio juris*»².

В таком случае значение документа об НКС можно выразить в следующем:

1. Его появление укажет на то, что государства на определенном историческом этапе оказались способными сотрудничать друг с другом в гуманитарной области по поводу НКС.
2. Данный документ обозначил бы новый подход государств к решению вопросов об НКС.
3. При признании отсутствия качества обязательности данного документа по международному праву нельзя не отметить, что он не просто «рекомендовал» бы определенное правило поведения, а обозначил бы практику по признанию неправомерности

¹ См.: Минасян Н.М. Источники современного международного права. – Изд.-во Ростовск. ун-та, 1960.

² ICJ, *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, 8 July 1996. – С. 254-255.

соответствующих действий или бездействий, которые могли бы считаться правомерными в ситуации отсутствия данного документа.

4. Документ об НКС обозначил бы черты общего курса дельнейшего поступательного движения межгосударственного общения по вопросам регулирования НКС.

5. Положения документа об НКС могли бы входить в процесс образования международно-правового обычая, составляя часть государственной практики и/или правовой убежденности. В данной связи хотелось бы процитировать проф. Ю.М. Колосова, который указывал, что «одним [из] видо[в] норм международного обычного права следует признать положения резолюций международных организаций, прежде всего, Генеральной ассамблеи ООН, которые в течение ряда лет принимаются единогласно (без голосования) и содержат многократно повторяющиеся формулировки. Тот факт, что они не вызывают официального возражения государств, свидетельствует об их фактически универсальном признании. Здесь мы являемся свидетелями ... движения ... от формулирования положения к признанию его в качестве обычая. Такие обычаи являются результатом прогрессивного развития международного права, то есть выработки норм, которые не были известны в качестве обычно-правовых»¹.

6. Весь опыт составления документа об НКС мог бы учитываться при заключении нового международного договора об НКС.

Заключение

Итак, подводя итог проделанному в данной статье исследованию, можно сделать следующие выводы:

– Проблематика НКС отражается на военных доктринах государств, влечет переосмысление трактовки многих положений МГП и требует выработки и принятия новых норм МГП.

– Нет оснований говорить о расширении предмета МГП в связи с появлением НКС как нового средства ведения военных действий.

– НКС как средство ведения военных действий обладает целым рядом особенных сущностных черт, среди которых можно привести следующее: средством враждебного воздействия является поток данных, который подчиняется несколько иным физическим законам в сравнении с классическим оружием; при НКС преследуется цель нейтрализовать какой-либо объект, но не с помощью прямой физической атаки на него, а косвенно – через выведение из строя обслуживающей функционирование данного объекта программной среды компьютера; НКС могут быть как обратимыми, так и необратимыми; важно различать первичные и вторичные последствия НКС.

– Квалификация НКС в качестве основания возникновения МВК должна осуществляться объективно и только в соответствии с самим МГП.

– Общая ст. 2 ЖК должна толковаться путем включения в содержание понятия «вооруженный конфликт» НКС, когда они являются проявлением суверенитета нападающего государства и способны причинить ранения, разрушения и иные последствия, от которых призвано защищать МГП.

– Общие нормы МГП применимы *mutatis mutandis* к НКС. Именно данный вариант более предпочтителен, поскольку только он учитывает цель МГП и позволяет сохранить эффективность *jus in bello* в ситуации применения НКС.

– В силу общего характера норм МГП остается констатировать, что их имплементация во многом будет зависеть от доброй воли государств.

¹ Колосов Ю.М. Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве (тезисы выступления) // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. – 2005. – С. 20.

– Вопрос о применении МГП к НКС может быть разрешен при помощи (1) толкования общей ст. 2 ЖК; (2) обычно-правового изменения нормы общей ст. 2 ЖК и (3) договорно-правовой (а) квалификации НКС как ВК, а также (б) регламентации ограничения НКС.

– Очевидно, что НКС нуждаются в детальном правовом регулировании, поскольку текущее состояние МГП не может учесть всей специфики данного феномена. Такая ситуация недопустима, поскольку надлежащее регулирование является одной из основ защиты покровительствуемых лиц и гражданских объектов во время ВК.

Соотношение понятий «угроза миру», «акт агрессии» и «нарушение мира»

Пашина А.Д.¹

Запрещающая норма п. 4 ст. 2 Устава ООН касательно угрозы силой означает, что под ее действие подпадает запрещение использования угрозы любой агрессией, любого насилия. Акцент, сделанный в Уставе ООН на угрозе силой, вполне оправдан, так как применение угрозы силой, так же, как непосредственно самой силы, представляет серьезную опасность для международного мира и безопасности². Опасность, создаваемая угрозой применения силы, вытекает из того, что она обычно предшествует непосредственному применению силы, агрессии, насилия. Применение угрозы силой, хотя и не составляет акта агрессии или нарушения мира, в ряде случаев может представлять собой угрозу миру. Из ст. 39 Устава ООН следует, что угроза миру может возникнуть не только при прямом нарушении мира или совершении акта агрессии, но и при обращении государства к угрозе силой, в особенности вооруженной силы.

Понятия «угроза миру», «акт агрессии» и «нарушение мира» не идентичны. Так, Устав ООН эти понятия разграничивает. Понятие «угроза миру» охватывает более широкий круг действий, чем понятие «акт агрессии» или «нарушение мира», так как угроза миру в ряде обстоятельств может возникнуть не только в случаях актов агрессии или нарушения мира, но и в случае угрозы применения силы одним государством против другого государства или других государств. Раздельное упоминание в Уставе ООН всех этих трех понятий крайне важно.

Таким образом, угроза применения силы государствами в их международных отношениях, не будучи актом агрессии или нарушением мира, в ряде случаев может создавать серьезную опасность миру.

Выделение в Уставе ООН понятия «угроза миру» является доказательством того, что Устав категорически запрещает государствам обращаться в их международных отношениях не только к непосредственному использованию силы, но и к угрозе ею, которую Организация Объединенных Наций путем использования эффективных коллективных мер обязана предотвращать и устранять.

Действием, составляющим угрозу применения силы, агрессии, прежде всего, является мобилизация или сосредоточение одним государством своих вооруженных сил вблизи границ другого или других государств в мирных условиях. Данная мобилизация может касаться сухопутных, морских, воздушных сил и сосредотачиваться на сухо-

¹ К.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Академии управления «ТИС-БИ»

² Шармазанов Г.В. От права войны к праву мира. – М.: Международные отношения. – 1967. – С. 145.

путных или морских границах государства. Во всех этих случаях государство, первое прибегающее к подобным действиям, создает угрозу силой, противоречащую п. 4 ст. 2 Устава ООН. Маневры и демонстрации сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил одного государства вблизи сухопутных или морских границ другого государства также представляют собой угрозу силой, и в частности, вооруженной силой. С такой оценкой этих действий согласны ученые Л.Гудрич и Е.Хамбро, полагающие, однако, что трудно определить, когда такие маневры представляют опасность¹.

Угрозой силой являются создание военных баз (сухопутных, военно-морских и военно-воздушных) одним государством вблизи границ (также сухопутных и морских) другого государства², испытания водородного и атомного оружия в открытом море, полеты самолетов с грузом атомно-водородных бомб над открытым морем.

К действиям, составляющим угрозу применения силы, относятся и односторонние ультимативные заявления одного или более государств, посягающих на политическую независимость другого или других государств.

Обращает на себя внимание, что Устав не проводит различий ситуаций «угроза миру», «нарушение мира» и «акт агрессии» с точки зрения возможности дальнейшего применения коллективных мер³. Это означает, что и меры, не связанные с использованием вооруженных сил, и действия с применением вооруженных сил относятся в равной степени к трем ситуациям, то есть могут применяться как в случае нарушений мира и актов агрессии, так и в случаях угрозы миру. Нельзя согласиться с мнением, высказанным Ж.Комбако, что действия вооруженными силами не могут применяться в ситуациях, угрожающих миру⁴.

Меры Совета Безопасности в случаях угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии применяются, прежде всего, в целях ликвидации такой ситуации для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. При этом, если Совет Безопасности выявит сторону, виновную в акте агрессии, нарушении мира или угрозе миру, то:

- ее права и привилегии, принадлежащие ей как члену ООН, могут быть приостановлены (ст. 5 Устава);
- все государства, как члены (ст. 2 п. 5 Устава ООН), так и нечлены ООН (ст. 2 п. 6 Устава ООН), должны воздержаться от оказания ей помощи;
- в соответствии с международным правом она должна нести международно-правовую ответственность за агрессию (политическую, материальную, моральную);
- на нее должны быть возложены расходы по проведению коллективных действий.

На мой взгляд, для мира в XXI веке среди существующих вызовов и угроз наиболее опасными являются следующие.

Терроризм. Сейчас – как признается всеми – это действительно одна из самых острых и опасных для мирового сообщества угроз. Для краткости, мне хотелось бы обратить внимание на две принципиальные стороны этой проблемы. С одной стороны, терроризм превратился в явление международного масштаба и характера, приобретает все больший пространственно-географический размах. Сегодня еще трудно утверждать, что между террористическими актами, скажем, в Кашмире, на Ближнем Востоке, в Чечне или на Балканах, нет никакой связи. Реально за последние десятиле-

¹ L. Goodrich and E. Hambro, Charter of the United Nations: Commentary and Documents. – P. 70.

² Лазарев М.И. За ликвидацию военных баз США на чужих территориях. – М.: ИМО, 1959. – С. 65.

³ Александрова Э.С. ООН: Объединенные действия по поддержанию мира. – М.: Международные отношения. – 1978. – С. 47.

⁴ J. Combacau. Le pouvoir de sanction de l'O.N.U. Etude theorique de la coercition non militaire. – 1974. – P. 152.

тия в мире возникла сеть взаимодействующих между собой террористических организаций, институт наемничества. Террористическая деятельность все больше коммерциализуется, тесно смыкается с наркоторговлей, подпольным оружейным бизнесом, современным пиратством и другими видами криминального бизнеса. Политические мотивы в деятельности террористов все чаще вытесняются конкретными материально-меркантильными интересами. С другой стороны, проблемой следует считать все более настойчивые и масштабные попытки ряда государств при решении своих как стратегических, так и тактических политических и других целей использовать потенциал террористических организаций и методов их действий. Когда в международной практике мы сталкиваемся с использованием на государственном уровне двойных стандартов в подходах к оценке действий террористов и крупных террористических структур, это становится опасным. Какими бы многочисленными и непримиримыми ни были различные экстремистские группировки и движения, сами по себе они сегодня не в состоянии самостоятельно решить поставленные перед собой задачи. Для этого они должны обладать мощной и достаточно развитой экономической и научно-технической базой, производимыми в высокоразвитых государствах современными средствами вооруженной борьбы, материально-технического обеспечения и ведения пропагандистской работы, возможностями привлечения в свои ряды наемников и военных специалистов, иметь координирующие органы и своих сторонников в различных государствах и общественно-политических структурах мирового сообщества и другие возможности. Без определенной поддержки своих действий на государственном и международном уровнях их действия, как правило, обречены на неудачу. Вывод из этого достаточно определенный: на современном этапе терроризм может существовать и развиваться долго только в качестве разрушительного оружия, контролируемого более организованными и могущественными силами. Кто и что за этим стоит, можно определить, если проанализировать деятельность афганских талибов (а ранее – афганских моджахедов), исламских группировок в странах Центральной Азии, сепаратистов на пространстве бывшей Югославии и даже собственно России. Роль и место терроризма в формировании внутренних и внешних угроз безопасности нельзя ограничивать рассмотрением только его идеологической и эмоционально-разрушительной природы, необходимо смотреть гораздо шире, в том числе учитывать условия, в которых это явление зарождается и существует. Двойные стандарты в отношении террористов, все более настойчивые попытки некоторых стран использовать экстремистов для достижения стратегических, политических и иных, далеко идущих, целей обеспечивают живучесть терроризма, являются его питательной средой. Представляется, что именно в этом кроется наибольшая опасность терроризма, его угроза международному сообществу. Без политической, финансовой, материальной, дипломатической и других видов внешней поддержки терроризм обречен, а при условии совместных усилий объединенных наций с ним может быть покончено навсегда.

Следующая не менее важная проблема – *информационная война*. Сегодня это признают многие страны мира. Информационная война – это не выдумка, а вполне реальная проблема, в которой уже проявляются весьма опасные вызовы и угрозы. Информационные угрозы, информационный терроризм – это достаточно хорошо освоенные формы и приемы действий, применяемые для решения довольно широкого круга задач как локального, так и всеобщего характера. С учетом бурного развития средств сбора, накопления, обработки и передачи информации глобального характера и высочайшей оперативности современных коммуникационных систем и накопленного в мире богатейшего опыта информационного воздействия на большие массы людей информационные войны если не стали, то уже становятся реальностью нашего време-

ни. Особая опасность для мира и стабильности проявляется, когда информационные возможности государства задействуются с целью обеспечить успех¹. Примеров такого рода множество. Достаточно напомнить хотя бы «демонизацию» через СМИ (в основном западные) боснийских сербов во время внутренних междоусобиц в Боснии и Герцеговине, вслед за чем начинались военные акции со стороны некоторых стран НАТО и массированная материальная и финансовая поддержка мусульманским миром одной из конфликтующих сторон в Боснии и Герцеговине. Образ «врага» (в лице Сербии) и образ «невинной жертвы этнических чисток» (в лице косовских албанцев-сепаратистов), целенаправленно создававшийся информационными средствами, был использован как повод для неспровоцированной агрессии против суверенной Югославии в 1999 году, с задействованием военной мощи самого крупного в настоящее время военно-политического блока. Иными словами, информационный потенциал даже без использования его в специальных целях и специальными службами несет в себе серьезные вызовы и угрозы человечеству в XXI веке.

Внутренние и региональные вооруженные конфликты. Именно они предшествовали двум мировым войнам. Они же не один раз приводили мир в состояние чрезвычайно острой и опасной напряженности. Вероятно, роль внутренних конфликтов, особенно вооруженных, по их дестабилизирующему влиянию на состояние международной безопасности в современных условиях будет возрастать. И среди главных причин такого роста, на мой взгляд, будут не сами эти конфликты, взятые изолированно, а практика использования их ведущими державами мира в своих интересах. Проблема состоит в том, что международное сообщество, международные организации, которых становится все больше, при выработке своих подходов к внутренним конфликтам пока не предусматривают и не разрабатывают систем и мер, направленных на предотвращение использования таких конфликтов другими странами. В этом плане, во-первых, необходимо обратить внимание на практику т.н. «принуждения к миру», то есть применение ведущими странами своей военной силы для подавления очагов военной напряженности. К сожалению, «принуждение» приводит к последствиям, которые по своим масштабам многократно превосходят ущерб, наносимый международной безопасности и стабильности локальными вооруженными конфликтами, более того, создает новые более масштабные угрозы, поэтому международному сообществу и великим державам следует, во-первых, осторожнее распоряжаться своими силовыми возможностями для локализации таких конфликтов; во-вторых, разрабатывать такие международные нормы и механизмы, которые не позволили бы кому-либо превращать локальные вооруженные конфликты в инструмент глобальной геополитики.

Собственно военные угрозы в современных условиях, как показывают события последнего десятилетия, не исчезают. Стремление некоторых стран и военно-политических организаций использовать для решения своих стратегических задач военную силу или угрозу ее применения не только сохраняется, но и в ряде случаев приобретает постоянный характер. Во-первых, продолжается непровоцируемое наращивание военной мощи рядом стран, несоизмеримое с потребностями обеспечения национальной безопасности от внешних угроз, их стремление размещать свои военные контингенты в удаленных районах мира поближе к зонам интересов других государств, а эти интересы нередко не совпадают, что дестабилизирует и обостряет международную обстановку. Во-вторых, не только сохраняются, но и усиливаются рудименты «холодной войны», военно-политические блоки (в частности, НАТО), что, вне всяких сомнений, идет вразрез с интересами укрепления стратегической стабильности. Казалось

¹ Разуваев В.Э. Правовые вопросы борьбы со спамом как средства ведения информационной войны // Государство и право. – 2006. – № 7.

бы, с самороспуском Организации Варшавского договора, последующим распадом Советского Союза, отказом России и других стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, от привнесенной из Западной Европы идеи построения коммунистического общества перестала существовать главная «угроза», для защиты от которой, как уверяют основатели Североатлантического союза, создали НАТО. Тем не менее, блок НАТО не только сохранился, он расширяется в количественном и географическом отношении, распространяет зону своей ответственности далеко за пределы сферы безопасности стран – участниц альянса. Даже при соблюдении условий Договора об ограничении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) нарастают военные возможности НАТО за счет модернизации и реформирования военной организации союза, качественного совершенствования технической оснащенности вооруженных сил. Иными словами, несмотря на кардинальные изменения в мире в целом и в Европе, в частности, военные возможности ряда стран и сохраняемого ими военного союза увеличиваются, что само по себе несет угрозу безопасности других стран. Обращает на себя внимание еще один крайне негативный аспект сохранения и расширения НАТО. Представляется, что именно этот военно-политический блок, создававшийся после Второй мировой войны, несмотря на продолжающуюся активность по поводу его «приспособления» к новым политическим реалиям, является главной преградой на пути укрепления Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и превращения ее в эффективный региональный институт обеспечения коллективной безопасности объединенной Европы.

В-третьих, сегодня мы снова наблюдаем попытки сорвать или, по крайней мере, серьезно нарушить процесс контроля над вооружениями, пересмотреть основополагающие принципы такого контроля (в частности, принципа равной безопасности), разрушить проведенные жизнью международные соглашения. Речь, в частности, идет о Договоре по ПРО 1972 года¹. Что бы ни говорили апологеты необходимости пересмотра проверенного десятилетиями соглашения по противоракетной обороне (на которое, как на стержень, нанизываются другие соглашения в области разоружения, например по СНВ), объявленное президентом США Дж. Бушем стремление к созданию национальной системы противоракетной обороны прямо ведет к началу нового невиданного прежде витка гонки вооружений с самыми непредсказуемыми последствиями для всего человечества, а следовательно, несет реальную угрозу стратегической стабильности и международной безопасности. Как представляется, обуздать, предотвратить, снизить, свести на нет именно те вызовы и угрозы, которые ведут, прежде всего, к военной опасности для человечества (не хочу преуменьшать другие виды вызовов и угроз), есть первоочередная задача и забота международного сообщества, если оно способно сделать правильные выводы из печальных уроков XXI века.

¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г.
<http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm>

Правовое регулирование отношений собственности в Антарктике

Авхадеев В.Р.¹

Антарктику можно рассматривать как объект общего пользования. Общую характеристику и правовое положение объектов общего пользования, по мнению Броунли, можно определить с помощью набора групп прав. Действительно, достаточно, видимо, ясно, что в такие группы могут быть объединены, например, права, касающиеся использования пространств и их ресурсов, управления ими, а также и распоряжения. Еще одну группу могут составить права, связанные с проблемой владения (*possessio*). Основопологающей же была бы группа прав, описывающих собственную принадлежность объекта общего пользования, перекликающуюся с понятием правового титула², или понятием собственности (*dominium*).

Для удобства принадлежность объекта можно было бы называть его правовым статусом. В сущности, этот термин в некоторых работах употребляется нередко и для обозначения всей совокупности правовых норм, регулирующих правовое положение тех или иных пространств, однако в данном случае с точки зрения практической целесообразности можно было бы несколько сузить его содержание. Близким по значению является термин «правовой титул», однако обычно используется для решения вопроса о суверенитете государства, и в данном случае его использование могло бы создать некоторую двусмысленность.

Нужно также отметить, что эти права, касающиеся принадлежности пространства, возникают, как правило, не в силу Договора, а в силу определенных действий государства (его ясно выраженного намерения, существенной деятельности по освоению, в силу факта открытия и т.д.), и лишь формальное закрепление таких прав зависит от международного признания. В Конвенции ООН по морскому праву термин «правовой статус» встречается достаточно часто, однако в него в различных случаях вкладывается разное содержание. Так, в ст. 49 «Правовой статус архипелажных вод, воздушного пространства над архипелажными водами, а также дна и его недр», речь идет о суверенитете государства-архипелага на эти пространства. Понятие «суверенитет» может включаться в совокупность прав государства (его компетенцию) в отношении какого-либо пространства, и в этом смысле оно намного шире, чем понятие «правовой титул», либо используется как синоним «правового титула»³. Из ст. 49 явствует, что речь идет, скорее, обо всей совокупности прав, поскольку в п. 3 уже говорится об использовании архипелажных вод. В п. 2 оговаривается, что суверенитет осуществляется при определенных условиях, из чего, вероятно, следует, что понятие «суверенитет» в смысле ст. 49 и в целом, части IV Конвенции делим. В ст. 2 «Правовой статус территориального моря, воздушного пространства над территориальным морем, а также его дна и недр» указывается, что на эти пространства распространяется суверенитет прибрежного государства, причем суверенитет распространяется «за пределы сухопутной территории». Из этого определения неясно, идет ли речь о правовом титуле или обо всей полноте компетенции государства. В п. 3, однако, речь идет об осуществлении суверенитета с соблюдением Конвенции, из чего следует, что такой суверенитет не является полным.

¹ К.ю.н., ст. преподаватель кафедры публичного права филиала КГУ в г. Набережные Челны.

² Броунли Я. Международное право. – Книга первая. – М., 1977. – С. 197.

³ Броунли Я. Международное право. – Книга первая. – М., 1977. – С. 197, 209, 210.

Права прибрежного государства в отношении континентального шельфа не названы правовым статусом (ст. 77), однако в ст. 78 говорится о правовом статусе порывающих вод и воздушного пространства. На них, как известно, суверенитет прибрежного и других государств не распространяется, т.е. термин «правовой статус» тут употреблен для обозначения какого-то иного правового понятия.

В отношении международных пространств говорится, что их использование не затрагивает ни правового статуса вод, образующих такие проливы, «ни осуществления государствами, граничащими с проливами, их суверенитета или юрисдикции над такими водами». Иными словами, данная статья предполагает, видимо, что правовой статус проливных вод не является эквивалентом осуществления суверенитета припроливного государства. Более того, поскольку пролив может перекрываться территориальными водами, которые имеют свой правовой статус (ст. 2), то из этого следует, что физически одни и те же морские пространства имеют одновременно два правовых статуса. Если считать, что правовое положение проливов определяется не противоречащими друг другу нормами, то нужно признать, то, что здесь либо речь идет о правовой принадлежности территориальных вод в проливе не только припроливному государству, либо в понятие «правовой статус» вкладываются права государств, связанные, например, с использованием проливов, но не с вопросом об их принадлежности. Скорее всего, это так и есть, поскольку Конвенция говорит, по существу, лишь о праве пользования проливами (транзитный и мирный проход), т.е. об изъятиях из прав прибрежного государства, близких к тем, которые существуют в отношении использования территориальных вод.

Совокупность норм, определяющих порядок использования объекта, распоряжения и управления им, можно было бы для целей данного исследования считать правовым режимом этого объекта.

Правовой статус следует отличать от правового режима, к которому также относят и право владения, в т.ч. как самими пространствами, так и находящимися в их пределах ресурсами. Права владения в отношении пространств общего пользования определяются в современную эпоху не столько в силу фактической деятельности государств в их пределах (хотя и это тоже, конечно, имеет значение), а в силу Договора¹. Именно наличие договорной основы и предопределяет, очевидно, целесообразность отнесения прав владения к правовому режиму.

Нужно, конечно, иметь в виду, что термин «правовой режим» также часто используется для обозначения всей совокупности норм, регулирующих правовое положение того или иного пространства. Тем не менее, в современной доктрине международного права уже нашло отражение вышеуказанное деление правового положения некоторых пространств на их правовой статус и режим², и оно, как представляется, позволяет более ясно и систематизировано показать правовое положение таких объектов, в т.ч. находящихся в общем пользовании.

Можно показать, как с использованием системы групп прав можно было бы в принципе охарактеризовать некоторые пространства, имея при этом в виду, что правовая характеристика их не была бы исчерпывающей. Например, их размеры (в частности, ширина прибрежных морских зон, их границы) регулируются соответствующими нормами права, составляющими особую специфическую группу.

Что касается осуществления на практике прав прибрежных государств на территориальное море, то нельзя не признать, что даже этот морской пояс, непосредственно прилегающий к суше, освоен несравнимо меньше ее. Эти воды используются лишь

¹ Здесь и далее – «Договор» – договор об Антарктике 1959 года.

² Молодцов С.В. Международное морское право. – М., 1987. – С. 47, 87, 138-190.

относительно интенсивно как транспортный путь. Физически воды территориального моря составляют единое целое с водами Мирового океана в целом, что серьезно сдерживает возможности прибрежного государства распоряжаться ими по своему усмотрению: например, захоронение вредных веществ на суше и в море – это две существенно различные с правовой точки зрения различные операции. Наконец, самое существенное отличие суши от территориального моря – это то, что последнее практически не заселено на постоянной основе.

Несмотря на используемую в международных Договорах терминологию, реальное содержание прав прибрежных государств на прибрежные зоны (а все вышесказанное об ограничении таких прав в еще большей мере применимо к экономической зоне и континентальному шельфу) пока не соответствует по своей полноте подобным же правам в отношении суверенной сухопутной территории. Существенное различие заключается в уровне освоения этих пространств. По своему содержанию такие права, скорее, соответствуют праву владения при его перерастании в право собственности (суверенитета) и станут ему полностью эквивалентными на высокой стадии освоения, в частности, в случае создания постоянных поселений. Пока же, может быть, было бы более оправданно говорить, что весь Мировой океан за пределами внутренних вод в равной мере принадлежит всему человечеству (это и есть его правовой статус) с определенными изъятиями в отношении владения, управления, распоряжения (в частности, отчуждения ресурсов) и использования различных его частей.

Вместе тем, важно заметить, что участки морского дна, выделенные в 1987 г. Франции, СССР, Японии и Индии Подготовительной комиссией для Международного органа по морскому дну для разведки запасов полиметаллических конкреций в целях дальнейшей эксплуатации, находятся лишь во владении этих стран, продолжая оставаться собственностью всего человечества.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что при утверждении авторов концепции Общего наследия человечества о невозможности регулирования вопроса о принадлежности соответствующих пространств посредством данной концепции запрещается их национальное присвоение¹. Из всего этого следует, что человечество в данном случае использует не чью-то, а свою собственность, имея, видимо, права на ее идеальные части². Такой подход представляется вполне оправданным и в отношении открытого моря (*res communis*), тем более, что в отличие от прежних времен современная техника уже в принципе позволяет реально осуществлять право собственности в отношении его отдельных частей.

Оружие массового уничтожения и проблемы защиты окружающей среды

Брайджес М. (Палестина)

Общей характеристикой оружия массового уничтожения (далее – ОМУ) является способность к широкомасштабному неизбирательному уничтожению людей, окружающей природной среды и разрушениям. В связи с этим был создан так называемый режим нераспространения ОМУ, включающий в себя режимы нераспространения ядерного, химического и биологического оружия, а также режим физической защиты,

¹ Larschan B. and Brennan B.C. The Heritage of Mankin Principle in International Law – Columbia J. of Transnational Law, Vol. 21, 1983, note 80.

² Римское частное право. – М., 1948. – С. 194.

ОМУ от его распространения среди государств и негосударственных действующих лиц. Близко к ним относится и режим контроля за ракетными средствами доставки ОМУ. Первоначально режимы нераспространения были нацелены на то, чтобы такое оружие не попало в руки государств, не обладавших им. В последнее время наряду с этим все более актуальной становится задача недопущения попадания такого оружия в руки негосударственных действующих лиц, в первую очередь террористов¹.

Режим нераспространения ядерного оружия представляет собой «совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и не-ядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 году»².

На сегодняшний день не существует единого определения ядерного оружия, но все его виды имеют общую характеристику. Ядерное оружие определяют как предназначенные для военных целей ядерные взрывные устройства с неконтролируемым выделением энергии, получаемой при делении или синтезе расщепляющихся материалов. Ядерные взрывные устройства могут производиться в виде головных частей ракет, боезарядов авиационных бомб, артиллерийских снарядов, торпед, мин, переносных устройств.

На 60-е годы прошлого века приходится подъем развития атомной промышленности в мире. Развивая мирную ядерную энергетику, многие страны накапливали знания и технологии, которые могли быть использованы для создания ядерного оружия. Особенно остро встал вопрос помощи государствам, располагавшим ядерным оружием или продвинувшимся в области мирных ядерных технологий, другим странам, которые планировали создать собственное ядерное оружие. Так, например, известно, что США помогали Великобритании в создании и модернизации британского ядерного оружия. В 1957 г. СССР обязался поставить КНР макет ядерной бомбы и необходимую документацию. Но в 1959 г. Москва это обещание аннулировала, что в последующем стимулировало Пекин к активизации собственных усилий в данном направлении. Франция помогала Израилю в строительстве реактора в Димоне и завода по переработке облученного ядерного топлива, что способствовало продвижению израильских ядерных программ военного назначения. Также над ядерными программами активно работали ЮАР, Аргентина, Бразилия, Швеция, Австралия, Япония и многие другие страны.

Одновременно с этим мир стал осознавать опасность самого ядерного оружия, общественность начала формировать движения за его (ядерного оружия) запрещение и недопущение его дальнейшего распространения в мире. Также в этом были заинтересованы и страны, уже обладающие ядерным статусом. Таким образом, начал складываться консенсус в пользу ядерного нераспространения. Инициативу в этом вопросе проявила Ирландия, которая в декабре 1961 г. предложила Генеральной Ассамблее ООН резолюцию с призывом к заключению договора о нераспространении ядерного оружия. Текст будущего договора был согласован на переговорах между СССР и США, а также в рамках Комитета 18-ти государств по разоружению. 12 июня 1968 г. сессия Генеральной Ассамблеи одобрила Договор и открыла его для подписания.

В статье IX Договора о нераспространении ядерного оружия (далее ДНЯО, или Договор) говорится о том, что государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное устройство до 1 января 1967 г. Осно-

¹ Кулагин В.М. Международная безопасность: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 104.

² Ядерное нераспространение / Под ред. В.А. Орлова. – М., 2002. – Т. 1. – С. 16.

вываясь на данной норме, можно сделать вывод, что легитимными ядерными державами на данный момент являются США, РФ (в качестве правопреемницы СССР), Великобритания, Франция и КНР. Индия и Пакистан, официально признавшие наличие у них ядерного оружия, в качестве легитимных держав признаны не были. А Израиль о наличии у него ядерного оружия не заявлял.

Статья V, включенная в Договор по инициативе неядерных государств, предполагала предоставление ядерными государствами неядерным, под соответствующим международным контролем, «потенциальных благ от любого применения ядерных взрывов» для решения народно-хозяйственных задач, например, при масштабных земляных работах, вскрытии пластов полезных ископаемых и т.п. Однако подобные «услуги» на практике ни разу не предоставлялись, а заключение в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, при условии вступления его в силу, аннулирует положение данной статьи.

Неядерные государства также настаивали на включении в Договор положений, призванных обеспечить тем, кто отказывался от создания собственного ядерного оружия, необходимую безопасность от применения или угрозы применения против них такого оружия ядерными государствами или теми государствами, которые могут создать подобное оружие в будущем. Гарантии помощи неядерным государствам получили название «позитивных гарантий», а гарантии неприменения ядерного оружия против неядерных государств – «негативных гарантий». Однако ядерные государства отказались включить такие положения в текст Договора и поступили следующим образом.

В 1968 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советом Безопасности ООН была принята резолюция 255, которая признавала, что «агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против государства, не обладающего ядерным оружием, создала бы обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего, его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по уставу Организации Объединенных Наций». В 1995 г. «негативные гарантии» были даны ядерными государствами в виде односторонних заявлений¹.

ДНЯО также закрепил идею создания зон, свободных от ядерного оружия. Статья VII данного Договора гласит: «Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях». В данном случае такие зоны создаются неядерными государствами.

Безъядерный статус зон предполагает запрет на размещение в них ядерного оружия, независимо от его принадлежности, на его транзит через эти зоны, на проведение ядерных испытаний и мирных ядерных взрывов. Но в ряде договоров об учреждении зон, свободных от ядерного оружия, допускаются определенные отступления от этих запретов в части, касающейся транзита ядерного оружия через территориальные воды и мирных ядерных взрывов.

В 1967 г. был открыт для подписания Договор Тлателолко о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Латинской Америке. По мере присоединения к нему государств региона действие Договора распространялось и сейчас охватывает всю территорию Южной и Северной Америки (кроме США и Канады). Важно отметить, что Куба также присоединилась к Договору Тлателолко в 1995 г., не являясь на то момент участницей ДНЯО (присоединение произошло в 2002 г.), тем самым косвенно заявив об отказе от обладания ядерным оружием.

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН № 984, апрель 1995 г.

В 1985 г. был открыт для подписания Договор Раротонга, провозгласившей безъядерной зоной южную часть Тихого океана. В 1995 г. был открыт для подписания Бангкокский договор о создании безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии. За ним в 1996г. в Каире был открыт для подписания Договор Пелиндаба, о создании безъядерной зоны в Африке. Важно также отметить договор, определивший безъядерный статус Антарктики 1959 г., который предусматривал создание демилитаризованной зоны к югу от 60-го градуса южной широты. В 2006 г. Договор о создании безъядерной зоны в Центральной Азии был подписан главами МИД пяти государств – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Закрытыми для размещения ОМУ по Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.), являются космическое пространство и небесные тела, а по Договору о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1971 г.) – дно морей, океанов и его недра¹.

Функционирование созданных безъядерных зон и усилия по созданию новых зон, свободных от ядерного оружия, являются важным элементом режима нераспространения, особенно в отношении угроз регионального уровня².

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что мировое сообщество делает все возможное, чтобы человек и окружающая его среда находились в безопасности от ядерного оружия. Большая часть государств, присоединившихся к ДНЯО, неукоснительно соблюдает все его положения. В то же время режим нераспространения не стал непреодолимым препятствием на пути к обладанию ядерным оружием для целого ряда государств.

В разные годы многими учеными мира были проведены исследования воздействия ядерного оружия на окружающую среду, в частности на климат того региона, где было использовано такое оружие. В частности, было изучено влияние на климат дыма, образующегося в результате пожаров, вызванных региональным конфликтом между двумя странами, каждая из которых применила 50 ядерных зарядов по 15 Кт (примерно, мощность бомбы на Хиросиму) для удара по наиболее населенным городским регионам. В соответствии с указанным исследованием такой конфликт создал бы от 1 до 5 Tg (1Tg = 1012g, В.Я.) аэрозольных частиц угольной сажи, вброшенных в верхнюю тропосферу с последующим их выпадением оттуда в виде черного дождя. Для расчетов ученые использовали современную (так называемую *state-of-heart*) климатическую модель (Модель-Е), разработанную в Годдардском Институте космических исследований НАСА (NASA Goddard Institute for Space Studies), которая включает модуль для оценки переноса и седиментации аэрозольных частиц. В модели при воздействии на аэрозольный слой коротковолновой радиации частицы сажи нагреваются. Этот нагрев создает вертикальное перемещение, и аэрозоли поднимаются, приближаясь к верхней части стратосферы, т.е. намного выше, чем это обычно имеет место для слабоабсорбирующих вулканических сульфатных аэрозолей. В результате аэрозоли имеют очень большое время существования, и они продолжают воздействовать на климат на поверхности Земли в течение более десяти лет. Параметр «*mass e-folding time*» (время содержания в атмосфере) составляет для дыма 6 лет, в то время как для обычных извержений вулканов он равен одному году (Оман, 2006), а для тропосфер-

¹ Метелина О.В. Международно-правовое регулирование режима безъядерных зон и современные тенденции его развития: Дисс. ... к.ю.н. – Казань, 2007.

² Кулагин В.М. Международная безопасность: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 113.

ных аэрозолей – одной неделе. Спустя 6 лет *mass e-folding time* частиц дыма снижается, но все еще остается более высоким, чем у вулканических аэрозолей¹. Такая долгая продолжительность существования аэрозолей отличается от результатов, полученных в предыдущих моделированиях ядерной зимы, в которых либо фиксировалась степень вертикального распространения аэрозолей, либо использовались более старые модели климата с ограниченным вертикальным разрешением и меньшими высотами, искусственно ограничивавшими срок жизни частицы. К тому же субтропическая широта районов для вбрасывания (*injection*) дыма, выбранная в данном исследовании, обуславливает больший нагрев солнцем, нежели в прошлых сценариях ядерной зимы, которые рассматривали дымы в среднеширотных Советском Союзе, Европе и США. Меньшая широта также гарантирует, что эффект восходящего потока должен сохраняться круглый год. Значит, большие воздействия указанных факторов могут иметь место не только для войн весной и летом, как это считалось ранее.

Дымовое облако оказывает сильное влияние на температуру у поверхности Земли.

Температуры в стратосфере также резко искажаются. Средне-глобальное поверхностное охлаждение в $-1,25^{\circ}$ по Цельсию сохраняется годы, и спустя десять лет оно все еще составляет $-0,5^{\circ}$. Температурные изменения наиболее велики над Землей.

Охлаждение на несколько градусов происходит над большими пространствами Северной Америки и Евразии, включая основную часть районов выращивания зерновых. Как и в случае для оценок ядерной зимы, существенное влияние на климат будет иметь место в регионах, далеко удаленных от зон взрывов или от стран, вовлеченных в конфликт. Зимние температуры в Северном полушарии также сильно изменяются. Отражающий эффект снега (*snow feedbacks*) усиливает климатическую реакцию и увеличивает ее длительность. Такое влияние отражающего эффекта снега² было ранее замечено Робоком в 1984 году, использовавшим модель энергетического баланса при оценке сценариев ядерной зимы. В данном исследовании эти снежные аномалии сохраняются в течение пяти лет.

В первую и вторую зиму отмечено также существенное потепление в северной Евразии. Это хорошо известная реакция на нагревание стратосферы в тропических областях, которое наблюдалось после больших извержений вулканов и было связано с несомненным влиянием *Arctic Oscillation* (колебаний атмосферного давления в арктической зоне с периодом от нескольких недель до десятилетий). Нагрев аэрозолей в тропических областях ведет к увеличению температурного «полюс-экватор» градиента, усилению потоков и к изменению связанной с этим системы круговорота в стратосфере, в результате чего теплый океанический воздух распространяется над зимующими континентами.

Отмечена также область потепления на широте 60° в южном полушарии во второе лето. Но это не вызвано влиянием отражающего эффекта морского льда, поскольку здесь нет соответствующих изменений в ледовом покрытии. Скорее, это есть двоякая «динамическая – излучающая» (*dynamical-radiative*) реакция в океанском круговороте. Значительно более слабые западные ветры на поверхности создают такие же ослабленные океанские околополярное течение и вертикальное смешивание, что уменьшает утечку солнечного тепла с поверхности и приводит к меньшему охлаждению или небольшому потеплению. Это похоже на механизм, описанный Мэнебом и

¹ Journal of geophysical research, V.112, D13107, doi:10.1029/2006JD008235, 2007. – P. 3. – <http://envsci.rutgers.edu/~gera/nwinter/RobockJgr2006JD008235.pdf>

² Robock A., Oman L., Stenchikov G.L., Toon O.B., Bardeen C., Turco R.P. Климатические последствия региональных ядерных конфликтов. – С. 8. – <http://www.armscontrol.ru/pubs/climatic-consequences-of-regional-nuclear-conflicts.pdf>

другими учеными в 1991 году в эксперименте на спаренной «атмосфера-океан» модели климата со скоротечным увеличением и уменьшением содержания углекислого газа, который также показал небольшое потепление в этом регионе при уменьшенном CO₂. Эта реакция не видна в первое лето, т.к. доминируют излучающие эффекты, но она имеет место в Южном полушарии в следующие два летних сезона.

В результате охлаждения Земной поверхности уменьшается испарение и нарушается глобальный гидрологический цикл. Глобальный уровень выпадения осадков снижается примерно на 10%. Существенные изменения происходят в обычных сезонных циклах на больших территориях континентов, включая сильное сокращение периода муссонных дождей в Азии. Величайшее за последние 500 лет извержение вулкана – извержение Тамборы (Tambora) в 1815 году в Индонезии – вылилось на следующий, 1816-й, год в Северном полушарии в «Год Без Лета», когда убийственные морозы разрушали в течение всех летних месяцев сельское хозяйство в Новой Англии и привели к значительной эмиграции. Погода тем летом была настолько холодной и сырой, что во многих местах жатва была сорвана, и это привело к голоду и экономическому коллапсу. Но такой климатический срыв продолжался только около года. Поскольку в данном исследовании аэрозоли сажи подняты в верхнюю стратосферу, где продолжительность их существования близка к 10-ти годам, влияние на климат в случае вброса 5Tg является значительно более сильным и длительным, чем последовавшее за извержением Тамборы. И вулканический пепел (крупные частицы материала земной коры, называемые также «тепра» – *tephra*), и более мелкие сульфатные аэрозоли имеют намного больший индивидуальный параметр рассеивания (*scatter albedo* – альбе́до), чем дым от ядерных пожаров. Поэтому они поглощают намного меньше радиации и, следовательно, проявляют слабую способность к подъему вверх.

Похолодание за 10 лет, вызванное нашим 5Tg вбросом, почти в 2 раза превосходит то глобальное потепление (около 0,7°C), которое произошло за последние 100 лет. Это похолодание могло бы характеризоваться температурами ниже тех, что были во время прединдустриального «Малого Ледникового Века» (Little Ice Age – это несколько холодных погодных периодов между XVII и XIX-м веками)¹.

Из данного исследования видно, какие негативные последствия имеет использование ядерного оружия в качестве средств ведения войны.

Люди скапливаются в огромных мировых городских центрах, создавая мегаполисы с населением, превышающим 10 млн. человек. Имеется, по крайней мере, 8 государств с реальными ядерными арсеналами, и 40 стран контролируют количество урана или плутония, достаточное для производства ядерных взрывчатых устройств. Удивительно, но только немногим более одной мегатонны суммарной мощности ядерных взрывов достаточно для создания такого уровня дыма, который привел бы к глобальным климатическим аномалиям, превышающим любое из известных в истории изменений. В настоящее время совокупный ядерный арсенал в мире имеет общую мощность в 5000 мегатонн.

Главное политическое значение ядерной зимы², по мнению Алана Робока, состоит в том, что полномасштабная ядерная атака вызвала бы такие климатические последствия, которые бы разрушили систему снабжения продовольствием, что было бы равносильно самоубийству для атакующей страны и также ударило бы по странам, не участвующим в конфликте.

¹ Alan Robock, Luke Oman, Georgiy L. Stenchikov, Owen B. Toon, Charles Bardeen and Richard P. Turco, 2007: Climatic consequences of regional nuclear conflicts. *Atm. Chem. Phys.*, 7, 2003-2012. – P. 12.

² Alan Robock, Luke Oman, Georgiy L. Stenchikov, Owen B. Toon, Charles Bardeen and Richard P. Turco, 2007: Climatic consequences of regional nuclear conflicts. *Atm. Chem. Phys.*, 7, 2003-2012. – P. 16.

Гонка вооружений окончилась, и напряженность между сверхдержавами уменьшилась, потому что открытое обсуждение ядерной политики, начавшееся в ответ на теорию ядерной зимы, заставило человечество увидеть прямые и косвенные последствия применения ядерного оружия. Советский Союз распался только через пять лет после того, как началось резкое сокращение количества ядерных боеголовок, и это сокращение продолжается по такой же крутой линии, как и до распада СССР.

Несмотря на то, что последовали значительные сокращения американских и российских ядерных арсеналов, каждая сторона все еще сохраняет достаточно оружия, чтобы воспроизвести ядерную зиму, уточняет Алан Робок в своем исследовании. Ученые полагают, что несколько других стран обладают теперь достаточным количеством ядерного оружия для того, чтобы не только нанести в региональной ядерной войне суровый ущерб самим себе и другим, но также причинить ущерб остальному миру через значительные изменения глобального климата, как это отмечено в исследовании и в работе Оуэна Туна. Также, по мнению последнего результаты, полученные учеными, нужно проверить на других моделях климата с последующим тщательным анализом последствий для сельского хозяйства, системы снабжения водой, глобальной торговли, связи, путешествий, программ борьбы с загрязнением воздуха, а также для изучения многих других потенциальных воздействий на человека. Каждая из этих опасностей заслуживает внимательного рассмотрения правительствами с экспертной помощью большей части научного сообщества.

В рамках данной работы также необходимо рассмотреть вопрос о проблеме защиты окружающей среды от воздействия химического оружия.

Основу режима нераспространения и запрещения химического оружия составляют обязательства, принятые на себя государствами – участниками Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (Далее – Конвенция о химическом оружии), принятой в 1992 г. и вступившей в силу в апреле 1997 г. Данная Конвенция предусматривает не только отказ от приобретения химического оружия, но и обязательство государств, располагающих таким оружием, уничтожить его и предприятия по его производству. Следовательно, речь идет как о нераспространении, так и о запрещении одного из видов ОМУ.

К химическому оружию относят отравляющие вещества нервно-паралитического, кожно-нарывного, удушающего и других принципов действия и средства их применения (например, снаряды, авиабомбы, контейнеры). К химическому оружию относится и бинарное оружие, снаряженное нетоксичными в отдельности химическими компонентами, которые при взаимодействии в ходе применения образуют боевое отравляющее вещество.

Впервые химическое оружие в его современном понимании было применено в годы Первой мировой войны. В 1925 г. был подписан Женевский протокол, запрещающий боевое использование отравляющих веществ. Большинство стран обязались не применять химическое оружие первыми, но в то же время вносили оговорку на право применения химического оружия в ответ на нападение с использованием отравляющих веществ. В 1930-е гг. Италия применяла химическое оружие в Эфиопии, а Япония – в Китае. В годы Второй мировой войны ни страны «оси», ни противостоящие им силы союзников не использовали такого вооружения. Известно, что в 1980-х гг. Ирак применял химическое оружие в войне с Ираном, а также для подавления выступлений собственного населения против режима Саддама Хусейна.

Так же, как и в положениях о ядерных запасах, согласно Конвенции о химическом оружии государства, обладающие таким оружием, должны уведомить об имеющихся у них запасах и связанных с ним (химическим оружием) объектах. Официально о сво-

их запасах объявили Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация, Индия, Южная Корея и Албания. На тот момент США располагали примерно 31 тыс. тонн., а РФ – около 40 тыс. тонн боевых отравляющих веществ. Кроме того, на территории ряда стран находится «старое» (со времен Первой и Второй мировых войн) или «оставленное» другими государствами, например, Японией на территории Китая, химическое оружие.

По состоянию на 2004 г., к Конвенции о химическом оружии присоединились 162 страны, в которых проживает 95% населения Земли и расположено 98% мировой химической промышленности. К этому времени уже было уничтожено 12% мировых запасов химического оружия.

Главную обеспокоенность вызывают государства, которые не присоединились к Конвенции о химическом оружии и тайно разрабатывают это оружие, а также террористические организации. Химическое оружие часто называют «оружием бедных», что связано с невысокими затратами, по сравнению с ядерным оружием, на его изготовление. В частности, к данной Конвенции не присоединились страны, расположенные в «горячих точках». Ученые и эксперты в основном подозревают в обладании химическим оружием или его разработке Египет, КНДР, Сирию и несколько других стран. По мнению В.М. Кулагина, некоторые из этих государств объясняют неприсоединение к Конвенции о химическом оружии и недопущение международных инспекторов на свои химические объекты наличием угрозы использования против них ядерного оружия¹. Данный аргумент нередко используется ближневосточными странами со ссылками на наличие ядерного оружия у Израиля.

Режим уничтожения и нераспространения биологического оружия определяется Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, 1971 г. (далее – Конвенция о бактериологическом оружии).

К биологическому оружию относят бактериальные средства (бактерии, вирусы и т.п.), а также токсичные биологические продукты их деятельности (токсины), используемые в виде порошков, суспензий в боеприпасах, а также распространяемые с помощью живых зараженных переносчиков заболеваний с целью вызвать массовые заболевания людей, животных и растений. Агентами биологического оружия могут быть бактериальные средства и токсины естественного происхождения, сохранившиеся после эпидемии таких заболеваний, как сибирская язва, холера, оспа и т.д.

Однако для повышения эффективности биологического оружия используются специально разработанные бактериальные и токсинные агенты. Одновременно с использованием достижений биотехнологий и генной инженерии в мирных целях существует возможность их использования для повышения жизнестойкости и поражающей способности существующих боевых агентов или для создания новых агентов на основе составных частей организмов, а также с помощью изменения их генетических кодов.

Известно, что проводились опыты по использованию биологического оружия Японией в Китае в 1930-х гг. Также программы по созданию такого оружия были обнаружены в Ираке после операции «Буря в пустыне» в 1991 г.

Согласно Конвенции о бактериологическом оружии государства-участники оставляли за собой право проводить работы в области защиты возможных биологических угроз, что требовало сохранения определенного набора боевых биологических агентов для разработки вакцин, профилактических мер и методов лечения против них. Однако если взглянуть на это по-другому, в процессе разработки средств биологической

¹ Кулагин В.М. Международная безопасность. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 318 с.

защиты неизбежно исследуется возможность создания вероятным противником новых видов наступательных боевых агентов. А это способствует пусть не фактическому созданию последних, то хотя бы накоплению знаний и технологий их разработки.

После окончания холодной войны государства – участники Конвенции о бактериологическом оружии предприняли несколько попыток по укреплению существующего режима нераспространения бактериологического оружия. В частности, в рамках периодических конференций, проводимых по рассмотрению действия созданной Специальной группы и вышеуказанной Конвенции, была начата работа по разработке Дополнительного протокола к последней. Данный Протокол должен был определить функции будущей Организации по запрещению бактериологического (биологического) и токсинного оружия, системы проверки соблюдения государствами положений Конвенции о бактериологическом оружии, уточнить границы между запрещенной и разрешенной деятельностью.

Сразу после террористических актов 11 сентября 2001 г. и случаев анонимной рассылки в США писем со спорами сибирской язвы Вашингтон ужесточил требования к будущему Дополнительному протоколу к Конвенции о бактериологическом оружии. По мнению большинства ученых и специалистов в данной области, это также связано с расширением американских программ по совершенствованию биологической защиты, которые они не хотели бы открывать для международных инспекций из опасений утечки информации о возможных путях создания еще более смертоносных видов наступательного биологического оружия. В рамках Специальной группы и в ходе пятой конференции по рассмотрению действия Конвенции о бактериологическом оружии, состоявшейся в 2001 г., государства-участники не смогли договориться об окончательной формулировке Дополнительного протокола. В связи с этим, становится уместным вывод, сделанный профессором В.М. Кулагиным о том, что режим запрещения и нераспространения биологического оружия является самым слабым из режимов нераспространения оружия массового уничтожения¹.

Имплементация программ помощи Европейских Сообществ в Чехии

Владимирова Е.А.²

В качестве реакции на кардинальные политические изменения, произошедшие в странах бывшего социалистического блока, Совет ЕС в июле 1989 г. принял решение о предоставлении экономической помощи ряду европейских государств на реформирование политических систем.

Программа PHARE³, одобренная Советом ЕС 18 декабря 1989 г.⁴, стала основным средством оказания финансовой поддержки странам центральной и восточной Европы на пути перехода к демократии и рыночной экономике. Первоначально ее адресатами были Польша и Венгрия, однако уже в 1990 г. она была распространена и на Чехословакию. С 1991 по 1993 годы индикативные программы PHARE были рассчитаны на

¹ Кулагин В.М. Международная безопасность: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 123.

² Аспирант Воронежского государственного университета.

³ Poland and Hungary Assistance for Economic Restructuring Programme.

⁴ Council Regulation (EEC) No 3906/89 of 18 December 1989 on economic aid to certain countries of Central and Eastern Europe // OJ L375. 23.12.1989.

один год, в 1994 г. Еврокомиссия предложила принимать их на трехлетние периоды¹. Поэтому следующая программа была принята на срок 1995-1999 гг. и заменила предшествующие трехлетние программы.

Постепенно назначение программы PHARE эволюционировало, стимулом чему послужили институциональная реформа Европейских Сообществ и подготовка к расширению Европейского Союза. С середины 1990-х гг. акцент сместился в сторону предоставления помощи десяти странам-кандидатам в их подготовке ко вступлению в ЕС и созданию условий для выполнения ими «копенгагенских критериев».

В связи с созданием в 2000 г. программ ISPA² и SAPARD³ инвестиционная помощь, предоставлявшаяся в рамках PHARE, вновь была переориентирована, чтобы избежать дублирования с двумя новыми программами. Координирование предоставления помощи в рамках всех трех программ осуществлялось на основании Регламента Совета ЕС № 1266/1999⁴.

В рамках программы PHARE Чехии ежегодно предоставлялась помощь в размере 60-70 млн. €. С 2000 г. эта сумма была увеличена до 100 млн. €. В 2002 г. стране было выделено 103,8 млн. €, а в 2003 – 114,18 млн. €. Таким образом, за весь срок реализации программы Чехии была предоставлена помощь в размере 1,034 млрд. €. 30% от общей суммы выделенных средств было израсходовано на «институциональное строительство», остальные 70% пошли на «инвестирование».

Суть «институционального строительства» заключалась в том, что эксперты, представлявшие государства – члены ЕС, делились накопленным опытом в выполнении критериев членства со странами – кандидатами на вступление. Существовали 4 схемы реализации данного типа проектов:

1) «попарное соединение» (twinning) – официальные представители власти государств – членов ЕС консультировали должностных лиц, занимавших аналогичные посты в странах – кандидатах на вступление, например, представители Государственной Контрольной Службы ФРГ и Греческого Национального Банка консультировали своих чешских коллег по вопросам имплементации стандартов ЕС в области контроля за коммерческими банками и минимизации нарушений в данной сфере;

2) консультирование (advice), например, при подготовке законопроекта по защите конкуренции в энергетическом секторе юристы и специалисты в области энергетики давали рекомендации Министерству промышленности и торговли Чехии;

3) обучение (training);

4) исследование (studies), например, специалисты в сфере инженерного дела Чехии и ЕС совместно подготовили проект железной дороги, соединяющей центр Праги с международным аэропортом.

В рамках «инвестирования» можно выделить 3 типа проектов:

1) техническое оснащение, например, в рамках программы PHARE чешской полиции было предоставлено специализированное оборудование для внедрения новой системы удостоверяющих личность документов, пригодных для машинного считывания. Они использовались в ЕС для сокращения времени ожидания на пунктах пропуска через границу и упрощения обнаружения преступников и поддельных документов;

¹ 17 мая 1994 г. полномочный представитель Европейской комиссии в ЧР Леопольдо Джиунти и заместитель министра иностранных дел ЧР Павел Братинка подписали Индикативную программу PHARE на 1994-1996 гг.

² Instrument for Structural Policies for Pre-Accession

³ Special Accession programme for Agriculture and Rural Development.

⁴ COUNCIL REGULATION (EC) No 1266/1999 of 21 June 1999 on coordinating aid to the applicant countries in the framework of the pre-accession strategy and amending Regulation (EEC) No 3906/89 // OJ L161/68. 26.6.1999.

2) строительные работы;

3) гранты и ссуды. Европейская Комиссия и правительство Чехии принимали совместное решение об учреждении фонда, и им направлялись заявки на выделение денежных средств, которые соответствовали целям создания и определенным критериям. Заявки на участие в других проектах от физических и юридических лиц не принимались. За реализацию программы PHARE в Чехии отвечало Министерство регионального развития.

Правовую основу имплементации программы PHARE в Чешской Республике составляют:

– Во-первых, Европейское соглашение о присоединении ЧР к ЕС¹, подписанное 4 октября 1993 г. в Люксембурге, и

– Во-вторых, Рамочное соглашение между правительством Чешской Республики и Европейской Комиссией об участии Чешской Республики в программах помощи Европейских Сообществ².

С целью определения приоритетных направлений подготовки ассоциированных стран к вступлению в ЕС Еврокомиссия на основе «Agenda-2000» разработала Партнерство по вступлению 1998 г., во второй части которого детально прописаны финансовые и технические инструменты, при помощи которых ЕС оказывал содействие в процессе подготовки стран-кандидатов к членству. Чешским аналогом Партнерства являлась Национальная программа подготовки ЧР к членству в ЕС. Эти два документа сыграли решающую роль при подготовке Национальных программ PHARE 1998, 1999, 2000 и 2001 гг.

Помимо Национальных программ можно выделить еще две категории проектов PHARE:

1. Международные программы. Существовало два вида подобных проектов, разработанных Европейской Комиссией: а) имплементация которых входила в компетенцию Чешской Республики³ и б) имплементированные Европейской Комиссией⁴.

2. Программы приграничного сотрудничества. Как уже отмечалось, в 2000 г. были созданы две новые программы: ISPA и SAPARD, рассчитанные на семилетний период их реализации. От программы PHARE их отличает сосредоточение контрольных и управленческих полномочий в руках чешского правительства. Таким образом, обе программы представляли собой гибрид финансовой помощи, предоставлявшейся третьим странам (например, PHARE), с финансовой помощью, предоставлявшейся странам – членам ЕС из Структурных фондов или фонда Солидарности (Cohesion fund).

В рамках программы ISPA осуществлялась поддержка инвестиционных проектов, направленных на улучшение состояния окружающей среды и инфраструктуры транспортных сетей Трансевропейских коридоров. Финансировалось до 75% от общей стоимости проектов, в исключительных случаях этот размер мог быть увеличен до 85%. В целях реализации программы заключалось три вида контрактов:

- договоры на предоставление услуг (service contract);
- договоры на выполнение работ (work contract);
- договоры поставки (supply contract).

¹ Europe Agreement establishing an association between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Czech Republic, of the other part // OJ L360. 31.12.1994.

² Framework Agreement between the Government of the Czech Republic and the European Commission Concerning Participation of the Czech Republic in the European Community's Aid Programme // Sbírka zákonů České republiky ze dne 21. srpna 1997, částka 73.

³ Например: LSIF, PPF, ACCESS 2000, Consensus III и др.

⁴ Например: Tempus, ACCESS 1999 и др.

Особое внимание уделялось предоставлению помощи при имплементации законодательства ЕС в области загрязнения вод и атмосферы и отходов производства. В транспортной сфере помощь предоставлялась на строительство и реконструкцию национальных транспортных сетей. За подготовку проектов отвечали Министерство окружающей среды и Министерство транспорта и связи соответственно.

Правовой основой имплементации программы ISPA является Постановление Европейского Совета 1267/1999 от 21 июня 1999 г.¹ и Национальные стратегии ISPA по транспорту и окружающей среде. Решением Комиссии 229/2000² Чехии ежегодно предоставлялась помощь в размере 57,2-83,2 млн. €. Всего за период действия программы было выделено 244,297 млн. €.

Программа SAPARD предоставляла помощь на решение конкретных задач в сфере сельского хозяйства и развития деревни в пропорции 2:1. За реализацию программы в Чехии отвечали Министерство сельского хозяйства и Министерство регионального развития. Чехия ежегодно могла получать 22,063 млн. €. Доля софинансирования программ с чешской стороны составляла 12,5% в доходных проектах (50% должно было обеспечить лицо, обратившееся за предоставлением помощи, а 37,5% – ЕС) и 25% – в проектах, не предполагающих извлечения прибыли (75% суммы предоставляет ЕС). В исключительных случаях финансирование осуществляется полностью за счет средств ЕС³. В общей сложности в рамках программы SAPARD было реализовано 1550 проектов, на которые Чехия и ЕС вместе выделили 129,7 млн. €.

Приоритетные направления имплементации программы SAPARD были определены в Плане развития сельского хозяйства и деревни в Чешской Республике в 2000-2006 гг., утвержденном Еврокомиссией 26 октября 2000 г. К ним относились:

1. В сфере сельского хозяйства:
 - инвестирование в сельскохозяйственные предприятия;
 - усовершенствование процессов производства и реализации сельскохозяйственных и рыбопромысловых продуктов;
 - усовершенствование механизмов контроля качества и защиты прав потребителей;
 - мелиорация земель и их перераспределение;
 - внедрение методов сельскохозяйственного производства, созданных для охраны окружающей среды и поддержки деревни.
2. В сфере развития деревни:
 - возрождение и развитие деревни и аграрной инфраструктуры;
 - развитие и диверсификация видов экономической деятельности;
 - усовершенствование профессиональной подготовки;
 - техническая помощь.

Правовой основой для реализации данной программы является Постановление Европейского Совета 1268/1999 г. от 21 июня 1999 г.⁴ о поддержке Сообществами под-

¹ Council Regulation (EC) No 1267/1999 of 21 June 1999 establishing an Instrument for Structural Policies for Pre-accession // OJ L161. 26.6.1999.

² Commission Decision of 7 March 2000 fixing an indicative allocation between beneficiary countries of the total amount of Community assistance under the Instrument for Structural Policies for Pre-accession // OJ L72. 21.3.2000.

³ Проекты, направленные на предоставление технической или аналогичной помощи (около 2% от всех проектов, реализованных в рамках SAPARD).

⁴ Council Regulation (EC) No 1268/1999 of 21 June 1999 on Community support for pre-accession measures for agriculture and rural development in the applicant countries of central and eastern Europe in the pre-accession period // OJ L161. 26.6.1999.

готовительных мероприятий, проводимых в странах Центральной и Восточной Европы в сфере сельского хозяйства и развития деревни.

Помощь ЕС в рамках всех трех программ предоставлялась через Национальный фонд Министерства финансов на основе финансовых меморандумов, в которых точно определялись количество и способ предоставления средств согласно соответствующим программным документам.

Институциональные основы имплементации всех трех программ помощи закреплены в Постановлении Правительства ЧР от 15 марта 2000 г. № 274¹. Министерство финансов в лице *Национального координатора помощи* и другие министерства несли ответственность за подготовку, имплементацию и мониторинг всех трех программ перед Комитетом правительства по европейской интеграции и перед Рабочим комитетом по интеграции Чешской Республики в ЕС. Национальным координатором помощи являлся заместитель министра финансов. Одновременно он являлся председателем Совместного комитета по мониторингу.

В компетенцию *Совместного комитета по мониторингу* входили мониторинг и оценка имплементации программ. В комитет входили: Национальный Уполномоченный Служащий, председатели Национального программного комитета и Комитета по мониторингу в сфере экономического и социального взаимодействия, а также представители Европейской Комиссии.

Ответственность за управление средствами финансовой помощи ЕС в Чехии возлагалась на *Национального Уполномоченного Служащего*, которым являлся первый заместитель Министра финансов.

Таким образом, PHARE, ISPA и SAPARD представляли собой три новых программы предоставления финансовой и технической помощи странами – членами ЕС кандидатам на вступление в ЕС. При имплементации этих программ в Чехии преследовались две основные цели: а) создание условий для максимально быстрого вступления страны в ЕС и б) получение всех возможных преимуществ, связанных с членством в нем. В рамках этих программ была создана институциональная основа имплементации коммунитарных программ и расходования средств структурных фондов ЕС.

¹ Usnesení vlády České republiky ze dne 15. března 2000 č. 275 + P ke koordinaci využívání prostředků pomoci Evropského společenství (PHARE, ISPA, SAPARD) v České republice // http://kormoran.vlada.cz/usneseni/usneseni_webtest.nsf/0/B0F3BDE94D1F3DBCC12571B6006BB4F4.

Итоги работы Европейского суда по правам человека за 2008 год

Постановления в отношении России, вынесенные по существу.

В 2008 году Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) вынес 245 постановлений по существу против Российской Федерации. Из их числа в 10-ти делах ЕСПЧ не было установлено нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) и лишь в одном постановлении *Булгакова против России (Bulgakova v. Russia № 69524/01 от 10/06/2008)* заключено мировое соглашение на сумму в 1500 евро.

Ежегодно ЕСПЧ выносит постановления по так называемым делам-клонам (аналогичные жалобы на нарушение государством статей Конвенции), а также постановления, в которых впервые рассматривает те или иные проблемы.

Необходимо отметить, что в 2008 году Европейским судом вынесено 10-тысячное постановление, начиная с 1961 г., это постановление Тахаева и другие против России (*Takhayeva and others v. Russia № 23286/04 от 18/09/2008*).

Ниже читателям предлагается краткий постатейный обзор всех постановлений, вынесенных в отношении России по существу в 2008 году.

Статья 2 (право на жизнь)

Нарушение права на жизнь было установлено в деле *Трапезникова против России (Trapeznikova v. Russia № 21539/02 от 11/12/2008)* за неэффективное расследование властями обстоятельств смерти родственника заявительницы. Однако гражданке с г. Ставрополь ничего не присуждено ввиду того, что заявительница не предъявила требований о справедливой компенсации.

В деле *Будаева и другие против России (Budayeva and others v. Russia №№ 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02, 15343/02 от 20/03/2008)* ЕСЧП установил нарушение ст. 2 Конвенции за необеспечение Государством безопасности граждан от схода ледника и селей с гор. Гражданам с Кабардино-Балкарии присуждено: за моральный вред: 30 000 евро – первому заявителю, 15 000 евро – второму заявителю, по 10 000 евро – третьему, четвертому, пятому и шестому заявителю.

Похищение родственников заявителей федеральными силами признано ЕСЧП нарушением ст. 2 Конвенции в делах из Чеченской Республики: *Элмурзаев и другие против России (Elmurzayev and others v. Russia № 3019/04 от 12/06/2008)* (двенадцати гражданам с д. Мартан-Чу присуждено: за моральный вред: 71 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 5 150 евро); *Атабаева и другие против России (Atabayeva and others v. Russia № 26064/02 от 12/06/2008)* (четырем гражданам с д. Ца-Ведено присуждено: за моральный вред: 35 000 евро на всех, за материальный ущерб: 10 000 евро на всех, за судебные издержки: 5 650 евро); *Умаров против России (Umarov v. Russia № 12712/02 от 03/07/2008)* (гражданину с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 40 000 евро, за материальный ущерб: 1 500 евро, за судебные издержки: 7 200 евро); *Ахиядова против России (Akhiyadova v. Russia № 32059/02 от 03/07/2008)* (гражданке с г. Веденского р-на присуждено: за моральный вред: 70 000 евро, за материальный ущерб: 5 000 евро, за судебные издержки: 5 150 евро); *Мусаева против России (Musayeva v. Russia № 12703/02 от 03/07/2008)* (гражданке с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 35 000 евро, за материальный ущерб: 10 000 евро, за судебные издержки: 8 000 евро); *Исигова и другие против России (Isigova and others*

v. *Russia* № 6844/02 от 26/06/2008) (пятерым гражданам присуждено: за моральный вред: 75 000 евро на всех, за материальный ущерб: 20 000 евро на всех, за судебные издержки: 17 737 евро); *Бетаяев и Бетаяева против России* (*Betayev and Betayeva v. Russia* № 37315/03 от 29/05/2008) (двоим заявителям присуждено: за моральный вред: 70 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 5 000 евро); *Чехаева и другие против России* (*Gekhayevea and others v. Russia* № 1755/04 от 29/05/2008) (пятерым заявителям присуждено: за моральный вред: 70 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 5 150 евро); *Сангариева и другие против России* (*Sangariyeva and others v. Russia* № 1839/04 от 29/05/2008) (девятерым заявителям присуждено: за моральный вред: 40 000 евро в общей сложности на всех, за материальный ущерб: 12 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 6 150 евро); *Ибрагимов и другие против России* (*Ibragimov and others v. Russia* № 34561/03 от 29/05/2008) (шестерым заявителям присуждено: за моральный вред: 35 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 5 650 евро); *Уцаева и другие против России* (*Utsayeva and others v. Russia* № 29133/03 от 29/05/2008) (восьмерым гражданам с д. Новые Атаги присуждено: за моральный вред: 165 000 евро в общей сложности на всех, за материальный ущерб: 37 000 евро в общей сложности на всех, за судебные издержки: 13 220 евро); *Тахаева и другие против России* (*Takhayeva and others v. Russia* № 23286/04 от 18/09/2008) (пятерым гражданам с дер. Мескер-Юрт присуждено: за моральный вред: 25 000 евро первому и второму заявителю совместно, 5 000 евро третьему и четвертому заявителю совместно, 5 000 евро пятому заявителю, за материальный ущерб: 3 000 евро первому и второму заявителю совместно, за судебные издержки: 3 650 евро); *Капланова против России* (*Kaplanova v. Russia* № 7653/02 от 29/04/2008) (гражданке с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 70 000 евро, за материальный ущерб: 2 000 евро, за судебные издержки: 8 600 евро).

Убийство отца заявителя федеральными силами в деле *Зубараев против России* (*Zubayrayev v. Russia* № 67797/01 от 10/01/2008) признано нарушением ст. 2 Конвенции. Заявителю – гражданину с г. Найс, Франция, до 1999 г. проживавшему в д. Старые Атаги, Чечня, присуждено: за моральный вред: 8 000 евро.

В деле *Хациева и другие против России* (*Khatsiyeva and others v. Russia* № 5108/02 от 17/01/2008) нарушение права на жизнь установлено за гибель родственника заявителей в результате бомбардировки федеральными силами чеченских селений. Гражданам Ингушетии (всего 7 заявителей) присуждено: за моральный вред: по 20 000 евро первому, второму и седьмому заявителю, по 10 000 евро третьему, четвертому, пятому и шестому заявителю, за судебные издержки: 9 150 евро.

Также в деле *Месхидов против России* (*Mezhidov v. Russia* № 67326/01 от 25/09/2008) гибель семьи заявителя от обстрела его деревни федеральными силами артиллерией признана нарушением ст. 2 Конвенции. Гражданину с п. Надтеречное, Чеченская Республика, присуждено: за моральный вред: 100 000 евро, за судебные издержки: 2 150 евро).

Гибель родственников заявителей по вине федеральных сил признана нарушением права на жизнь в следующих делах из Чеченской Республики: *Насуханова и другие против России* (*Nasukhanova and others v. Russia* № 5285/04 от 18/12/2008) (шести гражданам с д. Первомайская присуждено: за моральный вред: 25 000 евро первому и второму заявителю совместно и по 25 000 евро остальным четверым заявителям, за материальный ущерб: 2 000 евро первому и второму заявителю совместно, за судебные издержки: 3 650 евро); *Мусиханова и другие против России* (*Musikhanova and others v. Russia* № 27243/03 от 04/12/2008) (одиннадцати гражданам с Урус-Мартана присуждено: за моральный вред: 39 000 евро на всех заявителей, за судебные издержки: 7 150

евро); *Тагирова и другие против России* (*Tagirova and others v. Russia № 20580/04 от 04/12/2008*) (семи гражданам с Урус-Мартана присуждено: за моральный вред: 9 400 евро на всех заявителей, за судебные издержки: 3 650 евро); *Умаева против России* (*Umayeva v. Russia № 1200/03 от 04/12/2008*) (гражданке с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 30 000 евро, за материальный ущерб: 4 736 евро, за судебные издержки: 1 783 фунтов стерлингов); *Гандалоева против России* (*Gandaloyeva v. Russia № 14800/04 от 04/12/2008*) (гражданке с Ачхой-Мартана присуждено: за моральный вред: 35 000 евро, за судебные издержки: 2 650 евро); *Берсункаева против России* (*Bersunkayeva v. Russia № 27233/03 от 04/12/2008*) (гражданке с Урус-Мартана присуждено: за моральный вред: 35 000 евро, за судебные издержки: 4 700 евро); *Асхарова против России* (*Askharova v. Russia № 13566/02 от 04/12/2008*) (гражданке с д. Сержен-Юрт присуждено: за моральный вред: 35 000 евро, за судебные издержки: 6 150 евро); *Ильясова и другие против России* (*Ilyasova and others v. Russia № 1895/04 от 04/12/2008*) (четырем гражданам с д. Мескер-Юрт присуждено: за моральный вред: 35 000 евро всем заявителям совместно, за материальный ущерб: 4 000 евро первому заявителю, за судебные издержки: 6 000 евро); *Ахмадова и другие против России* (*Akhmadova and others v. Russia № 3026/03 от 04/12/2008*) (четырем гражданам с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 35 000 евро всем заявителям совместно, за материальный ущерб: 3 101 евро всем заявителям совместно, за судебные издержки: 8 150 евро); *Ахмадова и Ахмадов против России* (*Akhmadova and Akhmadov v. Russia № 20755/04 от 25/09/2008*) (двоим граждан с г. Урус-Мартан присуждено: за моральный вред: 35 000 евро обоим заявителям совместно, за материальный ущерб: 3 000 евро обоим заявителям совместно, за судебные издержки: 3 650 евро); *Ахмадов и другие против России* (*Akhmadov and others v. Russia № 21586/02 от 14/11/2008*) (восьми гражданам с Гудермесского района присуждено: за моральный вред: 5 000 евро первому заявителю, 20 000 евро второму и третьему совместно, 40 000 евро четвертому и пятому совместно, 45 000 евро шестому, седьмому и восьмому совместно, за материальный ущерб: 5 000 евро седьмому и 4 500 евро восьмому заявителю, за судебные издержки: 7 150 евро); *Магомед Мусаяев и другие против России* (*Magomed Musayev and others v. Russia № 8979/02 от 23/10/2008*) (четырем гражданам с д. Радужное присуждено: за моральный вред: по 35 000 евро каждому заявителю, за материальный ущерб: 10 000 евро второму заявителю, за судебные издержки: 8 669 евро); *Юсупова и Заурбеков против России* (*Yusupova and Zaurbekov v. Russia № 22057/02 от 09/10/2008*) (двоим гражданам присуждено: за моральный вред: по 25 000 евро каждому заявителю, за материальный ущерб: 8 000 евро обоим заявителям совместно, за судебные издержки: 7 150 евро); *Зулпа Ахматова и другие против России* (*Zulpa Akhmatova and others v. Russia №№ 13569/02 и 13573/02 от 09/10/2008*) (шести гражданам присуждено: за моральный вред: 35 000 евро первому заявителю, 35 000 евро третьему и четвертому совместно, 35 000 евро пятому и шестому совместно, за материальный ущерб: по 8 000 евро первому и третьему заявителям, за судебные издержки: 9 150 евро); *Албеков и другие против России* (*Albekov and others v. Russia № 68216/01 от 09/10/2008*) (троим гражданам присуждено: за моральный вред: по 35 000 евро первому и второму заявителям и 20 000 евро третьему заявителю, за судебные издержки: 1 619,27 евро).

Бесследное исчезновение родственников заявителей признано нарушением ст. 2 Конвенции в следующих делах из Чеченской республики: *Азиевы против России* (*Aziyevy v. Russia № 77626/01 от 20/03/2008*) (заявителям присуждено: за моральный вред: 75 000 евро – обоим заявителям, за материальный ущерб: 300 евро – первому заявителю, за судебные издержки: 7285 евро); *Шаипова и другие против России* (*Shaipova and others v. Russia № 10796/04 от 06/11/2008*) (пятерым гражданам с Урус-Мартана

присуждено: за моральный вред: 6 000 евро всем заявителям совместно, за судебные издержки: 4 150 евро); *Хаджалиев и другие против России* (*Khadzhaliyev and others v. Russia № 3013/04 от 06/11/2008*) (троим гражданам с Ачхой-Мартановского р-на присуждено: за моральный вред: 50 000 евро первому и второму заявителю совместно и 20 000 евро третьему заявителю, за материальный ущерб: 3 000 евро первому и второму заявителю совместно и 1 500 евро третьему заявителю, за судебные издержки: 4 150 евро); *Магомадова и Исханова против России* (*Magamadova and Iskhanova v. Russia № 33185/04 от 06/11/2008*) (двоим гражданам с Шалинского р-на присуждено: за моральный вред: по 35 000 евро каждому заявителю, за материальный ущерб: по 3 000 евро каждому заявителю, за судебные издержки: 4 150 евро); *Халидова и другие против России* (*Khalidova and others v. Russia № 22877/04 от 02/10/2008*) (пятерым гражданам с г. Урус-Мартан присуждено: за моральный вред: по 30 000 евро первому и четвертому заявителям и 10 000 евро пятому заявителю, за материальный ущерб: 3 000 евро первому и 1 500 евро четвертому заявителю, за судебные издержки: 3 650 евро); *Расаев и Чанкаева против России* (*Rasayev and Chankayeva v. Russia № 38003/03 от 02/10/2008*) (двоим гражданам с г. Грозный присуждено: за моральный вред: 35 000 евро обоим заявителям, за судебные издержки: 5 150 евро обоим заявителям); *Лянова и Алиева против России* (*Lyanova and Aliyeva v. Russia № 28440/03 от 02/10/2008*) (двоим гражданам с г. Карабук, Республика Ингушетия и г. Грозный присуждено: за моральный вред: по 35 000 евро каждому заявителю, за материальный ущерб: по 2 000 евро каждому заявителю, за судебные издержки: 1 489,47 фунта стерлингов первому и 7 000 евро второму заявителю); *Цурова и другие против России* (*Tsurova and others v. Russia № 29958/04 от 06/11/2008*) (четверым гражданам с д. Вознесенская, Республика Ингушетия присуждено: за моральный вред: по 25 000 евро второму и четвертому заявителю и по 5 000 евро первому и третьему заявителю, за материальный ущерб: 10 000 евро второму и четвертому заявителю совместно).

Статья 3 (свобода от пыток и унижающего человеческого достоинства обращения)

В деле *Алексян против России* (*Aleksanyan v. Russia № 46468/06 от 22/12/2008*) Европейский суд установил нарушение ст. 3 Конвенции за негуманное и жестокое обращение ввиду ненадлежащего лечения при содержании под стражей больного СПИ-Дом. ЕСПЧ обязал государство немедленно освободить заявителя из-под стражи.

Оказание неадекватной медицинской помощи в тюрьме признано нарушением ст. 3 Конвенции в деле *Меченков против России* (*Mechenkov v. Russia № 35421/05 от 07/02/2008*), гражданину с г. Новосибирск, отбывающему срок в ИК-18 г. Новосибирска, присуждено 5 000 евро в качестве справедливой компенсации морального вреда.

В деле *Маслова и Налбандов против России* (*Maslova and Nalbandov v. Russia № 839/02 от 24/01/2008*) граждане из Нижнего Новгорода признаны жертвами нарушения ст. 3 Конвенции за жестокое обращение с заявителями официальных лиц государства, причем первая заявительница была изнасилована милиционерами. В счет компенсации морального вреда заявителям присуждено 70 000 и 10 000 евро соответственно.

Постановление *Муминов против России* (*Muminov v. Russia № 42502/06 от 11/12/2008*) также констатирует нарушение ст. 3 Конвенции в отношении гражданина Узбекистана, отбывающего срок в Узбекистане. Но Суд не готов к вопросу о справедливой компенсации, и данный вопрос отложен.

Европейский суд установил нарушение ст. 3 за плохие условия содержания под стражей гражданки с г. Солнечногорск, Московской обл. в постановлении *Матюш*

против России (Matyush v. Russia № 14850/03 от 09/12/2008); гражданина с г. Дзержинск Нижегородской обл. в постановлении *Бузычкин против России (Buzychkin v. Russia № 68337/01 от 14/10/2008)*; троих граждан с г. Иваново в постановлении *Коробов и другие против России (Korobov and others v. Russia № 67086/01 от 27/03/2008)*. При этом суд ничего не присудил заявителям ввиду того, что они не предъявили требований о справедливой компенсации.

В постановлениях *Моисеев против России (Moiseyev v. Russia № 62936/00 от 09/10/2008)*, *Белашев против России (Belashev v. Russia № 28617/03 от 04/12/2008)*, *Салманов против России (Salmanov v. Russia № 3522/04 от 31/07/2008)*, *Старокадомский против России (Starokadomskiy v. Russia № 42239/02 от 31/07/2008)*, *Сударков против России (Sudarkov v. Russia № 3130/03 от 10/07/2008)*, *Селезнев против России (Seleznev v. Russia № 15591/03 от 26/06/2008)*, *Гулиев против России (Guliyev v. Russia № 24650/02 от 19/06/2008)*, *Щебет против России (Shchebet v. Russia № 16074/07 от 12/06/2008)*, *Алексей Макаров против России (Aleksey Makarov v. Russia № 3223/07 от 12/06/2008)*, *Дорохов против России (Dorokhov v. Russia № 66802/01 от 14/02/2008)*, *Власов против России (Vlasov v. Russia № 78146/01 от 12/06/2008)*, *Гусев против России (Gusev v. Russia № 67542/01 от 15/05/2008)*, *Суховой против России (Sukhovoy v. Russia № 63955/00 от 27/03/2008)* Суд установил нарушение ст. 3 Конвенции за плохие условия содержания под стражей и присудил: первому заявителю – за моральный вред: 25 000 евро, за судебные издержки: 3 973 евро; второму заявителю – за моральный вред: 10 000 евро, за судебные издержки: 220 евро; третьему заявителю – за моральный вред: 9 600 евро; четвертому заявителю – за моральный вред: 15 500 евро, за судебные издержки: 785 евро; пятому заявителю – за моральный вред: 12 000 евро; шестому заявителю – за моральный вред: 5 000 евро; седьмому заявителю – за моральный вред: 12 000 евро, восьмому заявителю (гражданину с г. Вена, Австрия) – за моральный вред: 10 000 евро, девятому заявителю – за моральный вред: 5 000 евро; десятому заявителю – за моральный вред: 7 000 евро; одиннадцатому заявителю – за моральный вред: 35 000 евро; двенадцатому заявителю – за моральный вред: 5 000 евро, за судебные издержки: 1 000 евро; тринадцатому заявителю – за моральный вред: 3 000 евро.

За жесткое обращение в тюрьме нарушение ст. 3 Конвенции установлено в постановлениях: *Белоусов против России (Belousov v. Russia № 1748/02 от 02/10/2008)* (гражданину с г. Южно-Сахалинск, Сахалинской обл., присуждено за моральный вред: 30 000 евро); *Владимир Романов против России (Vladimir Romanov v. Russia № 41461/02 от 24/07/2008)* (гражданину с г. Иваново Суд присудил за моральный вред: 20 000 евро); *Дедовский и другие против России (Dedovskiy and others v. Russia № 7178/03 от 15/05/2008)* (семерым гражданам, в настоящее время отбывающим срок в Пермской обл., присуждено: за моральный вред: по 10 000 евро каждому (в общей сложности на всех – 70 000 евро)).

Нарушение ст. 3 Конвенции за плохие условия содержания под стражей, принуждение к самооговору установлено ЕСПЧ по жалобе двух граждан с г. Набережные Челны, Республики Татарстан, в постановлении *Полуфакин и Чернышев против России (Polufakin and Chernyshev v. Russia № 30997/02 от 25/09/2008)*. Присуждено: за моральный вред: 8 000 евро первому и 5 000 евро второму заявителю.

Постановления *Акулинин и Бабич против России (Akulinin and Babich v. Russia № 5742/02 от 02/10/2008)*, *Самойлов против России (Samoylov v. Russia № 64398/01 от 02/10/2008)*, *Надросов против России (Nadrosov v. Russia № 9297/02 от 31/07/2008)*, *Олег Никитин против России (Oleg Nikitin v. Russia № 36410/02 от 09/10/2008)* констатируют нарушение ст. 3 Конвенции за жесткое избиение заявителей милиционерами.

Присуждено: за моральный вред: 20 000 евро первому и 10 000 евро второму заявителю, за судебные издержки: 140 евро первому заявителю за издержки во внутренних судах и 3 500 евро обоим заявителям за издержки в ЕСПЧ; за моральный вред: 10 000 евро третьему заявителю; за моральный вред: 10 000 евро четвертому заявителю; 8 000 евро в счет компенсации морального вреда пятому заявителю.

В деле *Чембер против России (Chember v. Russia № 7188/03 от 03/07/2008)* ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 Конвенции за жестокое издевательство над заявителем с г. Шахты Ростовской обл. «старослужащими» солдат при прохождении им военной службы по призыву и присудил за моральный вред: 10 000 евро, при этом компенсация присуждена в виде исключения по инициативе (*propter motu*) суда, поскольку заявитель не предъявлял никаких требований о справедливой компенсации.

В постановлении *Рябкин против России (Ryabikin v. Russia № 8320/04 от 19/06/2008)* ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 за экстрадицию гражданина с г. Санкт Петербург в Туркмению и присудил за моральный вред: 15 000 евро, за судебные издержки: 8 299 евро.

В 2008 г. вынесено 10-тысячное постановление ЕСПЧ, начиная с 1961 года. Это постановление *Тахаева и другие против России (Takhayeva and others v. Russia № 23286/04 от 18/09/2008)*, в котором установлено нарушение ст. 3 за жестокое обращение с заявителями – пятью гражданами с д. Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской Республики. Присуждено: за моральный вред: 25 000 евро первому и второму заявителю совместно, 5 000 евро третьему и четвертому заявителю совместно, 5 000 евро пятому заявителю, за материальный ущерб: 3 000 евро первому и второму заявителю совместно, за судебные издержки: 3 650 евро.

В остальных постановлениях, вынесенных по жалобам граждан из Чеченской Республики, заявителями являлись родственники погибших либо пропавших без вести по вине федеральных властей граждан. При этом в большинстве дел отмечается, что российские власти отказывались сотрудничать с ЕСПЧ при рассмотрении жалоб. Итак, нарушение ст. 3 Конвенции за жестокое обращение установлено в следующих постановлениях: *Мусиханова и другие против России (Musikhanova and others v. Russia № 27243/03 от 04/12/2008)*; *Ахмадова и Ахмадов против России (Akhmadova and Akhmadov v. Russia № 20755/04 от 25/09/2008)*; *Насуханова и другие против России (Nasukhanova and others v. Russia № 5285/04 от 18/12/2008)*; *Берсункаева против России (Bersunkayeva v. Russia № 27233/03 от 04/12/2008)*; *Асхарова против России (Askharova v. Russia № 13566/02 от 04/12/2008)*; *Ильясова и другие против России (Ilyasova and others v. Russia № 1895/04 от 04/12/2008)*; *Ахмадова и другие против России (Akhmadova and others v. Russia № 3026/03 от 04/12/2008)*; *Хаджалиев и другие против России (Khadzhaliyev and others v. Russia № 3013/04 от 06/11/2008)*; *Магомедова и Исханова против России (Magamadova and Iskhanova v. Russia № 33185/04 от 06/11/2008)*; *Цурова и другие против России (Tsurova and others v. Russia № 29958/04 от 06/11/2008)*; *Магомед Мусаев и другие против России (Magomed Musayev and others v. Russia № 8979/02 от 23/10/2008)*; *Юсупова и Заурбеков против России (Yusupova and Zaurbekov v. Russia № 22057/02 от 09/10/2008)*; *Зулпа Ахматова и другие против России (Zulpa Akhmatova and others v. Russia №№ 13569/02 и 13573/02 от 09/10/2008)*; *Халидова и другие против России (Khalidova and others v. Russia № 22877/04 от 02/10/2008)*; *Расеев и Чанкаева против России (Rasayev and Chankayeva v. Russia № 38003/03 от 02/10/2008)*; *Лянова и Алиева против России (Lyanova and Aliyeva v. Russia № 28440/03 от 02/10/2008)*; *Азиевы против России (Aziyevy v. Russia № 77626/01 от 20/03/2008)*; *Умаров против России (Umarov v. Russia № 12712/02 от 03/07/2008)*; *Ахиядова против России (Akhiyadova v. Russia № 32059/02 от 03/07/2008)*; *Мусаева против Рос-*

сии (*Musayeva v. Russia № 12703/02 от 03/07/2008*); *Исигова и другие против России* (*Isigova and others v. Russia № 6844/02 от 26/06/2008*); *Элмурзаев и другие против России* (*Elmurzayev and others v. Russia № 3019/04 от 12/06/2008*); *Атабаева и другие против России* (*Atabayeva and others v. Russia № 26064/02 от 12/06/2008*); *Бетаяев и Бетаяева против России* (*Betayev and Betayeva v. Russia № 37315/03 от 29/05/2008*); *Чехаева и другие против России* (*Gekhayeva and others v. Russia № 1755/04 от 29/05/2008*); *Сангариева и другие против России* (*Sangariyeva and others v. Russia № 1839/04 от 29/05/2008*); *Ибрагимов и другие против России* (*Ibragimov and others v. Russia № 34561/03 от 29/05/2008*); *Уцаева и другие против России* (*Utsateva and others v. Russia № 29133/03 от 29/05/2008*); *Капланова против России* (*Kaplanova v. Russia № 7653/02 от 29/04/2008*).

Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность)

Нарушение ст. 5, п. 1, п. 4 Конвенции ЕСПЧ установил в деле *Исмоилов и другие против России* (*Ismoilov and others v. Russia № 2947/06 от 24/04/2008*) за незаконную депортацию 12-ти граждан Узбекистана из России. Особое (несовпадающее с большинством) мнение высказал по этому делу судья от России А.Ковлер. Присуждено: за моральный вред: по 15 000 евро каждому, за судебные издержки: в общей сложности на всех – 17 709 евро. В итоге России это дело обошлось в 197 709 евро.

Незаконное содержание в психиатрической больнице признано ЕСПЧ нарушением ст. 5, § 1 в деле *Штукатуров против России* (*Shtukaturov v. Russia № 44009/05 от 27/03/2008*), гражданину с г. Санкт-Петербург ничего не присуждено ввиду того, что ЕСПЧ не готов к этому вопросу и отложил его на более поздний срок.

Европейским судом установлено нарушение ст. 5 п. 1 Конвенции за помещение гражданки с Калининградской обл. в психиатрическую клинику в нарушение процедуры, предусмотренной внутренним Законом «О психиатрической помощи» в деле *Шулепова против России* (*Shulepova v. Russia № 34449/03 от 11/12/2008*), заявителю присуждено 4 000 евро в счет компенсации морального вреда.

Необоснованное продление содержания срока под стражей бывшего адвоката Юкоса, находящегося под стражей в Москве, по мнению ЕСПЧ, явилось нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции в деле *Алексян против России* (*Aleksanyan v. Russia № 46468/06 от 22/12/2008*). ЕСПЧ обязал государство немедленно освободить заявителя из-под стражи.

Нарушение ст. 5 п. 3 Конвенции ввиду того, что заявитель не был отпущен на свободу до суда, было установлено в деле *Силин против России* (*Silin v. Russia № 3947/03 от 24/04/2008*), гражданину с г. Москва присуждено: за судебные издержки: 1 225 евро, за моральный вред: ничего не присуждено ввиду того, что по мнению ЕСПЧ установление факта нарушения Конвенции само по себе составит для этого заявителя достаточно справедливую компенсацию.

Содержание под стражей в отсутствие судебного решения, по мнению ЕСПЧ, явилось нарушением ст. 5, п. 1 и 4 Конвенции в постановлении *Рябикин против России* (*Ryabikin v. Russia № 8320/04 от 19/06/2008*).

Длительное содержание под стражей ЕСПЧ признал нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции в следующих постановлениях: *Салманов против России* (*Salmanov v. Russia № 3522/04 от 31/07/2008*); *Алексей Макаров против России* (*Aleksey Makarov v. Russia № 3223/07 от 12/06/2008*); *Власов против России* (*Vlasov v. Russia № 78146/01 от 12/06/2008*); *Гусев против России* (*Gusev v. Russia № 67542/01 от 15/05/2008*); *Мацкус против России* (*Matskus v. Russia № 18123/04 от 21/02/2008*); *Попков против России*

Musayev and others v. Russia № 8979/02 от 23/10/2008); Ахмадова и Ахмадов против России (Akhmadova and Akhmadov v. Russia № 20755/04 от 25/09/2008).

Статья 6 (право на справедливое судебное разбирательство)

Нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции за неразумный срок судебного разбирательства в гражданском процессе было установлено в следующих постановлениях:

Марусева против России (Maruseva v. Russia № 28602/02 от 29/05/2008). Дело гражданки с г. Смоленск рассматривалось в общей сложности 4 г. 7 мес.) Заявительнице присуждено: за моральный вред: 2 100 евро, за судебные издержки: 47 евро.

Ролгезер и другие против России (Rolgezer and others v. Russia № 9941/03 от 29/04/2008). Иск граждан (всего 29 чел. с дер. Наумовка Томской обл.) о возмещении вреда, нанесенного им радиохимическим заводом, вблизи которого они проживали, рассматривался 4 г. и 6 мес. – и это только после 05.05.1998 г. – вступления в силу Конвенции в отношении России. В иске российским судом им было отказано. Гражданам присуждено за моральный вред: по 2 000 евро каждому (в общей сложности на всех – 58 000 евро), за судебные издержки: 60 евро – г-же Ролгезер;

Губер против России (Guber v. Russia № 34171/04 от 23/10/2008). Судебное разбирательство по иску гражданина с г. Нью-Портленд, США, об аннулировании сделки о приобретении машины от его имени третьим лицом, который был в конечном итоге судом отклонен, длился 4 г. и 10 мес. Заявителю присуждено: за моральный вред: 1 000 евро.

Еркимбаев против России Yerkimbayev v. Russia № 34104/04 от 23/10/2008). Иск гражданина с г. Москва о выселении с квартиры, представленной ему властями по ордеру, лиц, которые в ней незаконно проживали, рассматривался 5 лет и 8 мес., включая исполнение решения суда. Заявителю присуждено за моральный вред: 2 900 евро.

Орлова против России (Orlova v. Russia № 21088/06 от 09/10/2008). Иск гражданки с г. Санкт-Петербург к брату и городскому земельному комитету (спор о праве на землю) рассматривался 7 лет и 10 мес. Заявительнице присуждено: за моральный вред: 3 600 евро, за судебные издержки: 275 евро.

Марченко против России (Marchenko v. Russia № 5507/06 от 09/10/2008). Судебное разбирательство по делу гражданина с г. Москва к ряду граждан, которые продали квартиру его умершего отца, продолжалось 7 лет и 2 мес. (и это только после 05.05.1998 г., общий срок – 10 лет). Заявителю присуждено: за моральный вред: 3 600 евро.

Курбатов против России (Kurbatov v. Russia № 44436/06 от 02/10/2008). Судебное разбирательство по иску гражданина с г. Москва о незаконном лишении его квартиры длилось 5 лет и 3 мес. ЕСПЧ обязал Россию компенсировать заявителю моральный вред в размере 1 500 евро и судебные издержки в размере 425 евро.

Неразумный срок судебного разбирательства по уголовному делу был признан нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в постановлениях: *Головкин против России (Golovkin v. Russia № 16595/02 от 03/04/2008); Мацкус против России (Matskus v. Russia № 18123/04 от 21/02/2008); Бахитов против России (Bakhitov v. Russia № 4026/03 от 04/12/2008); Белов против России (Belov v. Russia № 22053/02 от 03/07/2008); Кривоносов против России (Krivonosov v. Russia № 3023/03 от 27/11/2008).* При этом, в зависимости от обстоятельств дела, ЕСПЧ присуждал заявителям компенсацию морального вреда в размере от 2-х до 8000 евро.

ЕСПЧ усмотрел нарушение ст. 6 Конвенции и в деле *Понушков против России (Ponushkov v. Russia № 30209/04 от 06/11/2008).* В счет справедливой компенсации

морального вреда, причиненного неразумным сроком уголовного следствия в отношении гражданина, отбывающего срок в г. Минусинск Красноярского края, заявителю присуждено 500 евро.

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за то, что суд кассационной инстанции вышел за пределы доводов кассационной жалобы и рассмотрел вопрос, который не обжаловался сторонами процесса, и, не обсудив со сторонами процесса вопрос, который по своему усмотрению рассмотрел областной суд и вынес по нему решение по существу, установлено по делу *Галич против России* (*Galich v. Russia № 33307/02 от 13/05/2008*). Гражданину с г. Омск присуждено: за моральный вред: 1 000 евро.

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за неуведомление о дате кассационного рассмотрения дела установлено в делах: *Субботкин против России* (*Subbotkin v. Russia № 837/03 от 12/06/2008*). Гражданину с г. Долгопрудный Московской обл. присуждено за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 1 000 евро; *Сазонов против России* (*Sazonov v. Russia № 1385/04 от 16/10/2008*). Гражданину с д. Дудинка Ямало-Ненецкого автономного округа присуждено за моральный вред: 1 000 евро; *Фокин против России* (*Fokin v. Russia № 75893/01 от 18/09/2008*). Гражданину с г. Инсара, Республика Мордовия, ничего не присуждено ввиду того, что он не предъявил требований о справедливой компенсации.

Литвинова против России (*Litvinova v. Russia № 34489/05 от 14/11/2008*). Гражданке с г. Белогорск Амурской обл. присуждено: за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 2 евро.

Нарушение п. 1 и п. 3(с) ст. 6 Конвенции за проведение кассационного слушания без надлежащего уведомления гражданки с г. Архангельск об этом судебном заседании установлено в деле *Сидорова (Адукевич) против России* (*Sidorova (Adukevich) v. Russia № 4537/04 от 14/02/2008*). Заявительнице присуждено за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 850 евро.

Нарушение ст. 6 п. 1 и п. 3(с) Конвенции за непредоставление гражданину, отбывающему срок в Свердловской обл., адвоката в суде первой и кассационной инстанции установлено в деле *Тимергалиев против России* (*Timergaliyev v. Russia № 40631/02 от 14/10/2008*). Заявителю ничего не присуждено ввиду того, что он не предъявил требований о справедливой компенсации.

Нарушение ст. 6 п. 1 и 3 (с) Конвенции за непредоставление гражданину, отбывающему срок в Нижнем Тагиле Свердловской обл., властями адвоката на кассационное слушание по его уголовному делу установлено в деле *Шулепов против России* (*Shulepov v. Russia № 15435/03 от 26/06/2008*). Заявителю присуждено: за моральный вред: 1 000 евро.

В деле *Кабков против России* (*Kabkov v. Russia № 12377/03 от 17/07/2008*) нарушение ст. 6 Конвенции выразилось в том, что российские суды в конечном итоге так и не рассмотрели по существу трудовой спор гражданина с г. Сергиев Посад Московской обл. Присуждено: за моральный вред: 3 000 евро.

Нарушение ст. 6 Конвенции за то, что при рассмотрении иска гражданина с г. Воркута, Республика Коми, к казне России суды не рассмотрели вопрос о его заболевании туберкулезом в тюрьме, установлено в деле *Пономарев против России* (*Ponomarev v. Russia № 7672/03 от 15/05/2008*). Заявителю присуждено: за моральный вред: 2 000 евро.

Нарушение ст. 6 п.п. 1, 3(а) и 3(б) Конвенции за переквалификацию обвинения судом кассационной инстанции установлено в делах: *Абрамян против России* (*Abramyan v. Russia № 10709/02 от 09/10/2008*) (гражданину с г. Пятигорск, Ставропольский край, присуждено: за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 35 евро) и *Сели-*

верстов против России (Seliverstov v. Russia № 19692/02 от 25/09/2008) (гражданину с г. Сарapul, Республика Удмуртия, присуждено за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 2 000 евро).

Нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции за задержку (3 г. и 4 мес.) в исполнении решения суда и фактически немотивированного нерассмотрения судами исковых требований гражданина с г. Саратов, касающихся исчисления его пенсии из заработка по уточненной справке о зарплате, установлено в деле *Серов против России (Serov v. Russia № 75894/01 от 26/06/2008)*. Заявителю присуждено за моральный вред: 1 000 евро, за судебные издержки: 55 евро.

Нарушение ст. 6 (п.п. 1, 3(b), 3(c)) Конвенции за отсутствие независимости и беспристрастности Мосгорсуда, неразумный срок судебного разбирательства в отношении гражданина с г. Москва ЕСПЧ установил в деле *Моисеев против России (Moiseyev v. Russia № 62936/00 от 09/10/2008)*.

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за проведение судебного разбирательства в незаконном составе суда (народные заседатели, назначенные судьей в процесс в нарушение закона) установлено в деле *Барашкова против России (Barashkova v. Russia № 26716/03 от 29/04/2008)*. Гражданке с г. Москва присуждено за моральный вред: 500 евро, за судебные издержки: 15 евро.

В деле *Исмоилов и другие против России (Ismoilov and others v. Russia № 2947/06 от 24/04/2008)* установлено нарушение ст. 6 п. 2 Конвенции за незаконную депортацию этих граждан из России.

В деле *Лучкина против России (Luchkina v. Russia № 3548/04 от 10/04/2008)* установлено нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за частичную отмену вступившего в силу решения суда Президиумом Волгоградского облсуда в порядке надзора (по новому ГПК), было отменено решение президиумом в части присуждения гражданке с г. Труа, Франция, морального вреда 5000 руб. с частного лица. Присуждено: за моральный вред: 2 000 евро, за материальный ущерб: 160 евро, за судебные издержки: 2 051,20 евро.

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за длительное (около 2,5 г.) неисполнение вступившего в силу решения суда в пользу заявителя, гражданина с г. Сочи, Краснодарского края (не было предоставлено жилье другой семье, в чью комнату должен был въехать заявитель после освобождения этой семьей) установлено в деле *Иван Новиков против России (Ivan Novikov v. Russia № 12541/05 от 03/04/2008)*. Заявителю присуждено: за моральный вред: 3 100 евро.

В деле *Брага, Тимофеев, Кирюшкина против России (Braga, Timofeyev and Kiryushkina v. Russia № 24229/03 от 06/03/2008)* суд установил нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за длительное: в отношении Тимофеева (5 лет и 5 мес.), в отношении Кирюшкиной (7 лет и 6 мес. – исполнено через 2 мес. после коммуникации жалобы) неисполнение вступившего в силу решения суда от 23.12.1999 г. в пользу заявителей (присуждено было обеспечить их квартирами). Поскольку заявитель Брага 17.05.2007 г. (т.е. через 2 месяца после коммуникации жалобы) скончалась, а ее сын во исполнение решения суда получил 29.05.2007 г. однокомнатную квартиру и не выразил желание продолжать рассмотрение жалобы своей матери в ЕСПЧ, то дело в этой части было прекращено. Гражданам с г. Кемерово присуждено за моральный вред: Тимофееву – 3 900 евро, Кирюшкиной – 4 700 евро.

Нарушение ст. 6 Конвенции в том, что заявителя не доставляли в суд из психиатрической больницы, установлено в деле *Штукатуров против России (Shtukaturov v. Russia № 44009/05 от 27/03/2008)*.

В деле *Шуленова против России* (*Shulepova v. Russia* № 34449/03 от 11/12/2008) установлено нарушение ст. 6 п. 1 за несправедливое судебное разбирательство, поскольку экспертами в судебном деле были назначены работники психбольницы, куда гражданку с Калининградской обл. поместили.

Нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Рякиб Бирюков против России* (*Ryakib Biryukov v. Russia* № 14810/02 от 17/01/2008) установлено за то, что решение суда не было оглашено гражданину с г. Тольятти Самарской обл. по окончании судебного заседания. Заявителю ничего не присуждено ввиду того, что, по мнению ЕСПЧ, установление факта нарушения Конвенции само по себе составит для этого заявителя достаточно справедливую компенсацию.

Отсутствие надлежащего расследования по поводу жестокого обращения с гражданином с г. Иваново, а также отсутствие возможности оспорить показания свидетеля, по мнению Суда, явились нарушением п. 1 и п. 3(d) ст. 6 Конвенции в деле *Владимир Романов против России* (*Vladimir Romanov v. Russia* № 41461/02 от 24/07/2008).

Нарушение п. 1 ст. 6 – за чрезмерно длительное судопроизводство по уголовному делу гражданина с г. Москва ЕСПЧ установил в постановлении *Власов против России* (*Vlasov v. Russia* № 78146/01 от 12/06/2008).

Нарушение п. 3(d) ст. 6 (пятью голосами против двух) Конвенции за отказ суда вызвать свидетеля для защиты заявителя – гражданина с г. Москва – установлено в деле *Дорохов против России* (*Dorokhov v. Russia* № 66802/01 от 14/02/2008).

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за длительность судебного разбирательства по уголовному делу гражданина с г. Москва установлено в деле *Бровченко против России* (*Brovchenko v. Russia* № 1603/02 от 18/12/2008).

В деле *Мирилашвили против России* (*Mirilashvili v. Russia* № 6293/04 от 11/12/2008) установлено нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за несправедливое разбирательство по уголовному делу гражданина Израиля, отбывающего срок в Оренбурге, поскольку доказательства и показания свидетелей оценивались судом слишком произвольно.

Нарушение ст. 6 и Конвенции за непубличность судебного разбирательства по уголовному делу гражданина с г. Москва (член РВС) установлено ЕСПЧ в деле *Белашев против России* (*Belashev v. Russia* № 28617/03 от 04/12/2008).

Нарушение ст. 6, п.п. 1 и 3 (d) Конвенции в судебном разбирательстве по уголовному делу Суд установил в деле *Трофимов против России* (*Trofimov v. Russia* № 1111/02 от 04/12/2008). Гражданину с г. Апатиты Мурманской обл. ничего не присуждено ввиду того, что заявитель не предъявил требований о справедливой компенсации.

Нарушение ст. 6, п.п. 1 и 3 (d) Конвенции за отказ суда обеспечить присутствие в судебном заседании потерпевших от их преступления, а также свидетелей обвинения Суд установил в отношении двух граждан с г. Набережные Челны, Республика Татарстан, в деле *Полуфакин и Чернышев против России* (*Polufakin and Chernyshev v. Russia* № 30997/02 от 25/09/2008).

Нарушение ст. 6, п.п. 1 и 2 Конвенции ввиду нарушения принципов презумпции невиновности и равенства сторон в судебном разбирательстве установлено в отношении 3-х граждан с г. Глазов, Республика Удмуртия, по делу *Хужин и другие против России* (*Khuzhin and others v. Russia* № 13470/02 от 23/10/2008).

Статья 6 (п. 1 – право на справедливое судебное разбирательство)
и статья 1 Протокола 1 к Конвенции (право собственности)

По-прежнему одной из самых актуальных проблем, рассматриваемых ЕСПЧ по делам из России, является длительное неисполнение решений российских судов внутри страны. В 2008 году ЕСПЧ признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Прото-

кола № 1 за длительное неисполнение решений суда в 93-х постановлениях из России: *Бормотов против России* (Bormotov v. Russia № 24435/04 от 31/07/2008); *Красев против России* (Krasev v. Russia № 731/04 от 26/06/2008); *Кукало (№ 2) против России* (Kukalo (№ 2) v. Russia № 11319/04 от 24/07/2008); *Сухоруков против России* (Sukhorukova v. Russia № 23596/04 от 31/07/2008); *Белоцерковец против России* (Belotserkovets v. Russia № 34679/03 от 03/07/2008); *Мартынова против России* (Martynova v. Russia № 57807/00 от 26/06/2008); *Петухов против России* (Petukhov v. Russia № 40322/02 от 26/06/2008); *Толстов против России* (Tolstov v. Russia № 40078/03 от 26/06/2008); *Матвиец против России* (Matviyets v. Russia № 38999/05 от 12/06/2008); *Подъяпольский против России* (Podypolskiy v. Russia № 36939/02 от 12/06/2008); *Надежкин против России* (Nadezhkin v. Russia № 42940/02 от 12/06/2008); *Синицкие против России* (Sitnitskiye v. Russia № 17701/03 от 12/06/2008); *Шаров против России* (Sharov v. Russia № 38918/02 от 12/06/2008); *Дворяков против России* (Dvoryakov v. Russia № 28644/06 от 29/04/2008); *Портнова против России* (Portnova v. Russia № 34428/04 от 29/04/2008); *Клишина и другие против России* (Klishina and others v. Russia № 36074/04 от 24/04/2008); *Вассерман против России (№ 2)* (Wasserman v. Russia (№ 2) № 21071/05 от 10/04/2008); *Шевченко против России* (Shevchenko v. Russia № 42383/02 от 10/04/2008); *Горохов против России* (Gorokhov v. Russia № 40136/02 от 10/04/2008); *Фалимонов против России* (Falimonov v. Russia № 11549/02 от 25/03/2008); *Погуляев против России* (Pogulyayev v. Russia № 34150/04 от 03/04/2008); *Ширякалова против России* (Shirykalova v. Russia № 26307/02 от 27/03/2008); *Тухов и другие против России* (Tikhov and others v. Russia № 14296/03 от 27/03/2008); *Коротких против России* (Korotkikh v. Russia № 4543/02 от 27/03/2008); *Маямсин против России* (Mayamsin v. Russia № 3344/04 от 27/03/2008); *Гайворонский против России* (Gayvoronskiy v. Russia № 13519/02 от 25/03/2008); *Курьянов против России* (Kuryanov v. Russia № 37643/04 от 06/03/2008); *Денисов против России* (Denisov v. Russia № 34433/04 от 06/03/2008); *Трунов против России* (Trunov v. Russia № 9769/04 от 06/03/2008); *Авдеевы против России* (Avdeyevy v. Russia № 38405/02 от 06/03/2008); *Ледовкин против России* (Ledovkin v. Russia № 43209/04 от 21/02/2008); *Закомлистова против России* (Zakonlistov v. Russia № 24277/03 от 14/02/2008); *Агапонова и другие против России* (Agaponova and others v. Russia № 34439/04 от 07/02/2008); *Костенко против России* (Kostenko v. Russia № 23490/03 от 07/02/2008); *Черкашин против России* (Cherkashin v. Russia № 7412/02 от 07/02/2008); *Плехова против России* (Plekhova v. Russia № 42752/04 от 31/01/2008); *Наговицын против России* (Nagovitsin v. Russia № 6859/02 от 24/01/2008); *Леснова против России* (Lesnova v. Russia № 37645/04 от 24/01/2008); *Парфененков против России* (Parfenenkov v. Russia № 12115/03 от 24/01/2008); *Смородинова против России* (Smorodinova v. Russia № 37647/04 от 17/01/2008); *Алексенцева и другие против России* (Aleksentseva and others v. Russia №№ 75025/01, 75026/01, 75028/01, 75029/01, 75031/01, 75033/01, 75034/01, 75036/01, 76386/01, 77049/01, 77051/01, 77052/01, 77053/01, 3999/02, 5314/02, 5384/02, 5388/02, 5419/02, 8192/02 от 17/01/2008); *Сладков против России* (Sladkov v. Russia № 13979/03 от 18/12/2008); *Котляров против России* (Kotlyarov v. Russia № 750/02 от 18/12/2008); *Трапезникова против России* (Trapeznikova v. Russia № 21539/02 от 11/12/2008); *Сиверин против России* (Siverin v. Russia № 24664/02 от 04/12/2008); *Можжаева против России* (Moxhayeva v. Russia № 26759/03 от 04/12/2008); *Роман Пономарев против России* (Roman Ponomarev v. Russia № 31105/05 от 04/12/2008); *Труфанова против России* (Trufanova v. Russia № 11756/06 от 04/12/2008); *Людмила Горбунова против России* (Lyudmila Dubinskaya v. Russia № 5271/05 от 04/12/2008); *Горбунов против России* (Gorbunov v. Russia № 9593/06 от 04/12/2008); *Семочкин против России*

(Semochkin v. Russia № 3885/04 от 04/12/2008); Шакирзянов против России (Shakirzyanov v. Russia № 39888/02 от 20/11/2008); Иван Галкин против России (Ivan Galkin v. Russia № 38872/02 от 20/11/2008); Бронич против России (Bronich v. Russia № 40081/03 от 14/11/2008); Жук против России (Zhuk v. Russia № 42389/02 от 14/11/2008); Арулепп против России (Arulepp v. Russia № 35774/04 от 06/11/2008); Богунов против России (Bogunov v. Russia № 27995/05 от 23/10/2008); Кардашин и другие против России (Kardashin and others v. Russia № 29063/05 от 23/10/2008); Тульская против России (Tulskaya v. Russia № 43715/05 от 23/10/2008); Казанцева против России (Kazantseva v. Russia № 26365/05 от 23/10/2008); Трошев против России (Troshev v. Russia № 6396/05 от 09/10/2008); Смелов против России (Smelov v. Russia № 33660/04 от 02/10/2008); Зубарев против России (Zubarev v. Russia № 38845/04 от 02/10/2008); Ивченко против России (Ivchenko v. Russia № 29411/05 от 02/10/2008); Тибиллов против России (Tibilov v. Russia № 38943/04 от 02/10/2008); Захаров против России (Zakharov v. Russia № 35932/04 от 02/10/2008); Левин против России (Levin v. Russia № 35893/04 от 25/09/2008); Шафранов против России (Shafranov v. Russia № 24766/04 от 25/09/2008); Антонова против России (Antonova v. Russia № 25749/05 от 25/09/2008); Бахареv и другие против России (Bakharev and others v. Russia № 32786/04 от 18/09/2008); Денисова против России (Denisova v. Russia № 34431/04 от 18/09/2008); Доколин против России (Dokolin v. Russia № 28488/04 от 18/09/2008); Холоденко против России (Kholodenko v. Russia № 33617/04 от 18/09/2008); Ляцкая против России (Lyatskaya v. Russia № 33548/04 от 18/09/2008); Глухова и Брагина против России (Glukhova and Bragina v. Russia № 28785/04 от 18/09/2008); Колаев против России (Kolayev v. Russia) № 43284/02 от 03/07/2008); Дорожко против России (Dorozhko v. Russia № 5761/03 от 26/06/2008); Зябрева против России (Zyabreva v. Russia № 23567/06 от 18/12/2008); Веселяшкин и Веселяшкина против России (Veselyashkin and Veselyashkina v. Russia № 5555/06 от 18/12/2008); Воронин против России (Voronin v. Russia № 40543/04 от 04/12/2008); Евдокия Кузнецова против России (Yevdokiya Kuznetsova v. Russia № 8355/07 от 04/12/2008); Безбородов против России (Bezborodov v. Russia № 36765/03 от 20/11/2008); Вакуленко против России (Vakulenko v. Russia № 38035/04 от 14/11/2008); Галиханова против России (Galikhanova v. Russia № 15407/05 от 14/11/2008); Ларионов против России (Larionov v. Russia № 42431/02 от 14/11/2008); Кузьминский против России (Kuzminskiy v. Russia № 40081/03 от 14/11/2008); Кабанов против России (Kabanov v. Russia № 37758/03 от 14/11/2008). При этом в зависимости от обстоятельств дела суд также назначал некоторым заявителям компенсацию морального вреда и судебных издержек, в определенных делах обязывал Россию исполнить решения внутреннего суда в пользу заявителя в 3-х месячный срок. Кроме того, в последних 13-ти вышеперечисленных постановлениях ЕСПЧ отметил, что индексация присужденных российским судом сумм по ст. 208 ГПК РФ в России не является средством, которое позволяет утратить статус жертвы Конвенции, поскольку данное средство не предлагает моральный вред за это нарушение. Не является таким средством и подача иска за моральный вред – поскольку такое средство в России является сомнительным. ЕСПЧ также отметил, что не является средством правовой защиты обжалование бездействия органа власти (в том числе и пристава), не исполняющего решение суда, поскольку такая жалоба в суд ничего, в принципе, не решит и исполнение решения суда не ускорится. ЕСПЧ отклонил аргумент Правительства, что заявители в некоторых делах отказались заключить мировое соглашение, сославшись на ранее устоявшуюся практику по этому вопросу. ЕСПЧ еще раз указал, что по нарушениям Конвенции в связи с задержкой в исполне-

нии решения суда 6-месячный срок для подачи жалобы в ЕСПЧ начинается не от даты вступления решения суда в силу, а от даты полного исполнения решения.

В деле *Суслин против России* (*Suslin v. Russia* № 34938/04 от 23/10/2008) ЕСПЧ установил нарушение ст. 6, п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за длительное (1 г. 2 мес.) неисполнение решения суда от 12.01.2004 г. собесом, а также длительность судебного разбирательства (4 г. и 5 мес.), включая период неисполнения решения суда. Инвалиду ЧАЭС с г. Волгоград присуждено: за моральный вред: 3 500 евро.

Длительность неисполнения и отмена вступившего в силу решения суда в надзорном порядке (по новому ГПК) признаны ЕСПЧ нарушением ст. 6 п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 в постановлениях: *Азарьев против России* (*Azaryev v. Russia* № 18338/05 от 14/11/2008); *Виктор Петров против России* (*Viktor Petrov v. Russia* № 15890/04 от 24/07/2008); *Лимасовы против России* (*Limasovy v. Russia* № 37354/03 от 22/07/2008); *Исаков против России* (*Isakov v. Russia* № 20745/04 от 19/06/2008); *Акашев против России* (*Akashev v. Russia* № 30616/05 от 12/06/2008); *Куринный против России* (*Kurinnyy v. Russia* № 36495/02 от 12/06/2008); *Иванова против России* (*Ivanova v. Russia* № 11697/05 от 24/04/2008); *Нехорошев против России* (*Nekhoroshev v. Russia* № 45017/04 от 10/04/2008); *Дмитриева против России* (*Dmitriyeva v. Russia* № 27101/04 от 03/04/2008); *Муртазин против России* (*Murtazin v. Russia* № 26338/06 от 27/03/2008); *Игорь Коляда против России* (*Igor Kolyada v. Russia* № 19097/04 от 18/12/2008); *Алексеева против России* (*Alekseyeva v. Russia* № 36153/03 от 11/12/2008); *Магомедов против России* (*Magomedov v. Russia* № 20111/03 от 04/12/2008); *Игнатович против России* (*Ignatovich v. Russia* № 19813/03 от 23/10/2008); *Абдулманова против России* (*Abdulmanova v. Russia* № 41564/05 от 16/10/2008). Кроме того, большинству заявителей Суд назначил компенсацию морального вреда и материального ущерба.

Неразумный срок судебного разбирательства, а также отмена в порядке судебного надзора вступившего в силу решения суда в пользу заявителя Президиумом Орловского облсуда по протесту председателя этого облсуда (по старому – ГПК) признаны ЕСПЧ нарушением ст. 6, п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в деле *Игнатьева против России* (*Ignatyeva v. Russia* № 10277/05 от 03/04/2008). При этом гражданке с г. Москва ничего не присуждено ввиду того, что ЕСПЧ не готов к этому вопросу и отложил его на более поздний срок.

Пересмотр вступившего в силу решения суда по так называемым вновь открывшимся обстоятельствам в делах: *Ерогова против России* (*Yerogova v. Russia* № 77478/01 от 19/06/2008); *Мальцева против России* (*Maltseva v. Russia* № 76676/01 от 19/06/2008); *Тецен против России* (*Tetsen v. Russia* № 11589/04 от 03/04/2008), *Родичев против России* (*Rodichev v. Russia* № 3784/04 от 23/10/2008) ЕСПЧ признал нарушением ст. 6, п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1. Всем заявителям, кроме Родичева, ЕСПЧ назначил компенсацию морального вреда.

Отмена в порядке надзора (по новому ГПК РФ) вступивших в силу решений в пользу заявителей признана ЕСПЧ нарушением ст. 6 п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в постановлениях: *Пшеничный против России* (*Pshenichnyy v. Russia* № 30422/03 от 14/02/2008); *Гладышев и другие против России* (*Gladyshev and others v. Russia* № 20430/04 от 07/02/2008); *Ткачев против России* (*Tkachev v. Russia* № 22551/06 от 11/12/2008); *Чистяков против России* (*Chistyakov v. Russia* № 41395/04 от 04/12/2008); *Дементьев против России* (*Dementyev v. Russia* № 3244/04 от 06/11/2008); *Агасарян против России* (*Agasaryan v. Russia* № 39897/02 от 20/11/2008). Помимо компенсации морального вреда заявителям ЕСПЧ обязал исполнить в отношении некоторых заявителей отмененные в порядке судебного надзора решения суда в их пользу.

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

В постановлении *Сергей Кузнецов против России* (*Kuznetsov v. Russia № 10877/04 от 23/10/2008*) суд установил нарушение ст. 11 Конвенции в интерпретации ст. 10 ввиду нарушения права на свободу митинговать и выражать свою точку зрения. Заявитель с г. Екатеринбург получил также 1 500 евро в счет компенсации морального вреда.

Статья 13 (право на эффективное средство правовой защиты)

Отсутствие эффективных средств правовой защиты от неисполнения решения суда признано ЕСПЧ нарушением ст. 13 Конвенции в постановлениях: *Мороко против России* (*Moroko v. Russia № 20937/07 от 12/06/2008*), *Вакуленко против России* (*Vakulenko v. Russia № 38035/04 от 14/11/2008*), *Сладков против России* (*Sladkov v. Russia № 13979/03 от 18/12/2008*), *Сиверин против России* (*Siverin v. Russia № 24664/02 от 04/12/2008*), *Богунов против России* (*Bogunov v. Russia № 27995/05 от 23/10/2008*) и *Исаков против России* (*Isakov v. Russia № 20745/04 от 19/06/2008*).

Постановление *Вассерман против России (№ 2)* (*Wasserman v. Russia (№ 2) № 21071/05 от 10/04/2008*) интересно тем, что вступившее в силу решение суда от 30.07.1999 г. в пользу заявителя (пенсионера с г. Ашдод, Израиль) не исполняется и после вынесения ЕСПЧ постановления по делу Вассермана от 18.11.2004 г., которым были признаны нарушения Конвенции за длительное неисполнение все того же самого решения суда от 30.07.1999 г. У заявителя по-прежнему отсутствуют эффективные средства правовой защиты за эти неисполнения.

Отсутствие средств защиты от ограничения свиданий с семьей заявителя – гражданина с г. Москва в тюрьме признано ЕСПЧ нарушением ст. 13 Конвенции в деле *Власов против России* (*Vlasov v. Russia № 78146/01 от 12/06/2008*).

В постановлении *Сударков против России* (*Sudarkov v. Russia № 3130/03 от 10/07/2008*) нарушение ст. 13 Конвенции Суд усмотрел в отсутствии средств правовой защиты от нечеловеческих условий содержания в Московском СИЗО, условий транспортировки (этапа) из Москвы в исправительную колонию, условий содержания в Волгоградском «транзитном» центре содержания заключенных (пересылка).

Дело *Чембер против России* (*Chember v. Russia № 7188/03 от 03/07/2008*) затрагивает проблему отсутствия средств правовой защиты (ст. 13) в России против жестокого издевательства над заявителем «старослужащими» солдат при прохождении им военной службы по призыву и ненадлежащего проведения властями России расследования по этому поводу.

Отсутствие средств защиты от жестокого обращения в тюрьме с 7 гражданами, отбывающими в настоящее время срок в Пермской обл., признано ЕСПЧ нарушением ст. 13 Конвенции в деле *Дедовский и другие против России* (*Dedovskiy and others v. Russia № 7178/03 от 15/05/2008*).

В деле *Головкин против России* (*Golovkin v. Russia № 16595/02 от 03/04/2008*) нарушение ст. 13 Конвенции Суд усмотрел в отсутствии средств защиты против неразумного срока судебного разбирательства по уголовному делу.

Нарушение ст. 13 установлено также в деле *Бровченко против России* (*Brovchenko v. Russia № 1603/02 от 18/12/2008*) за отсутствие средств правовой защиты против незаконного содержания, длительности нахождения под стражей и длительности судебного разбирательства.

Отсутствие средств защиты от экстрадиции заявителя в Узбекистан установлено в деле *Муминов против России* (*Muminov v. Russia № 42502/06 от 11/12/2008*).

В постановлении *Бузычкин против России* (*Buzychkin v. Russia* № 68337/01 от 14/10/2008) нарушение ст. 13 Конвенции Суд усмотрел в отсутствии средств защиты против нарушения общих условий содержания заявителя под стражей и в тюрьме.

Отсутствие средств правовой защиты против похищения, исчезновения или убийства родственников заявителей федеральными силами, жестокого обращения, неэффективного расследования этих нарушений признано несоответствующим ст. 13 Конвенции в следующих постановлениях из Чеченской Республики: *Лянова и Алиева против России* (*Lyanova and Aliyeva v. Russia* № 28440/03 от 02/10/2008); *Умаров против России* (*Umarov v. Russia* № 12712/02 от 03/07/2008); *Ахиядова против России* (*Akhiyadova v. Russia* № 32059/02 от 03/07/2008); *Мусаева против России* (*Musayeva v. Russia* № 12703/02 от 03/07/2008); *Исигова и другие против России* (*Isigova and others v. Russia* № 6844/02 от 26/06/2008); *Уцаева и другие против России* (*Utsayeva and others v. Russia* № 29133/03 от 29/05/2008); *Капанова против России* (*Kaplanova v. Russia* № 7653/02 от 29/04/2008); *Азяевы против России* (*Aziyevy v. Russia* № 77626/01 от 20/03/2008); *Мусиханова и другие против России* (*Musikhanova and others v. Russia* № 27243/03 от 04/12/2008); *Берсункаева против России* (*Bersunkayeva v. Russia* № 27233/03 от 04/12/2008); *Асхарова против России* (*Askharova v. Russia* № 13566/02 от 04/12/2008); *Ахмадова и другие против России* (*Akhmadova and others v. Russia* № 3026/03 от 04/12/2008); *Магомед Мусаев и другие против России* (*Magomed Musayev and others v. Russia* № 8979/02 от 23/10/2008); *Юсупова и Заурбеков против России* (*Yusupova and Zaurbekov v. Russia* № 22057/02 от 09/10/2008); *Зулпа Ахматова и другие против России* (*Zulpa Akhmatova and others v. Russia* №№ 13569/02 и 13573/02 от 09/10/2008); *Элмурзаев и другие против России* (*Elmurzayev and others v. Russia* № 3019/04 от 12/06/2008); *Атабаева и другие против России* (*Atabayeva and others v. Russia* № 26064/02 от 12/06/2008); *Бетаяев и Бетаяева против России* (*Betayev and Betayeva v. Russia* № 37315/03 от 29/05/2008); *Чехаева и другие против России* (*Gekhayeva and others v. Russia* № 1755/04 от 29/05/2008); *Сангариева и другие против России* (*Sangariyeva and others v. Russia* № 1839/04 от 29/05/2008); *Ибрагимов и другие против России* (*Ibragimov and others v. Russia* № 34561/03 от 29/05/2008); *Насуханова и другие против России* (*Nasukhanova and others v. Russia* № 5285/04 от 18/12/2008); *Ильясова и другие против России* (*Ilyasova and others v. Russia* № 1895/04 от 04/12/2008); *Хаджалиев и другие против России* (*Khadzhaliyev and others v. Russia* № 3013/04 от 06/11/2008); *Магомадова и Исханова против России* (*Magamadova and Iskhanova v. Russia* № 33185/04 от 06/11/2008); *Ахмадова и Ахмадов против России* (*Akhmadova and Akhmadov v. Russia* № 20755/04 от 25/09/2008); *Тахаева и другие против России* (*Takhayeva and others v. Russia* № 23286/04 от 18/09/2008); *Халидова и другие против России* (*Khalidova and others v. Russia* № 22877/04 от 02/10/2008); *Расаяев и Чанкаева против России* (*Rasayev and Chankayeva v. Russia* № 38003/03 от 02/10/2008); *Цурова и другие против России* (*Tsurova and others v. Russia* № 29958/04 от 06/11/2008) (четверо граждан с д. Вознесенская, Республика Ингушетия).

Нарушение ст. 13 Конвенции в «чеченских делах»: *Зубараев против России* (*Zubayrayev v. Russia* № 67797/01 от 10/01/2008); *Хациева и другие против России* (*Khatsiyeva and others v. Russia* № 5108/02 от 17/01/2008) (7 граждан из Ингушетии); *Тагирова и другие против России* (*Tagirova and others v. Russia* № 20580/04 от 04/12/2008); *Умаева против России* (*Umayeva v. Russia* № 1200/03 от 04/12/2008); *Гандалоева против России* (*Gandaloyeva v. Russia* № 14800/04 от 04/12/2008); *Шаипова и другие против России* (*Shaipova and others v. Russia* № 10796/04 от 06/11/2008); *Месхидов против России* (*Mezhidov v. Russia* № 67326/01 от 25/09/2008); *Ахмадов и другие*

против России (Akhmadov and others v. Russia № 21586/02 от 14/11/2008); Албеков и другие против России (Albekov and others v. Russia № 68216/01 от 09/10/2008) ЕСПЧ усмотрел в отсутствии средств правовой защиты против неэффективного расследования обстоятельств гибели родственников заявителей по вине федеральных сил.

Статья 34 (воспрепятствование эффективному осуществлению права на индивидуальную жалобу)

В деле *Штукатуров против России (Shyukaturov v. Russia № 44009/05 от 27/03/2008)* Суд помимо нарушений статей 5, 6 и 8 Конвенции установил также нарушение ст. 34 Конвенции, за воспрепятствование российскими властями общению заявителя с ЕСПЧ.

Постановление *Рябов против России (Ryabov v. Russia № 3896/04 от 31/01/2008)* констатирует факт нарушения Россией ст. 34 Конвенции за преследование властями адвоката заявителя с Вологодской обл. (К.Москаленко).

За воспрепятствование тюремными властями заявителю подать жалобу в ЕСПЧ и общаться с ЕСПЧ в деле *Меченков против России (Mechenkov v. Russia № 35421/05 от 07/02/2008)* было установлено нарушение ст. 34 Конвенции, а также присуждено за моральный вред 5 000 евро.

Вскрытие корреспонденции заявителя с ЕСПЧ тюремной администрацией признано ЕСПЧ нарушением ст. 34 Конвенции в деле *Понушков против России (Ponushkov v. Russia № 30209/04 от 06/11/2008)*.

За невыполнение государством промежуточных мер, указанных ЕСПЧ по делу *Алексян против России (Aleksanyan v. Russia № 46468/06 от 22/12/2008)* в ноябре и декабре 2007 г., установлено нарушение ст. 34 Конвенции.

Статья 38 (отказ государства сотрудничать с Европейским судом)

Отказ властей России сотрудничать с ЕСПЧ был воспринят как нарушение §1 (а) ст. 38 в совокупности с иными статьями Конвенции в следующих постановлениях: *Дедовский и другие против России (Dedovskiy and others v. Russia № 7178/03 от 15/05/2008); Маслова и Налбандов против России (Maslova and Nalbandov v. Russia № 839/02 от 24/01/2008); Умаров против России (Umarov v. Russia № 12712/02 от 03/07/2008); Ахиядова против России (Akhiyadova v. Russia № 32059/02 от 03/07/2008); Мусаева против России (Musayeva v. Russia № 12703/02 от 03/07/2008); Исигова и другие против России (Isigova and others v. Russia № 6844/02 от 26/06/2008); Атабаева и другие против России (Atabayeva and others v. Russia № 26064/02 от 12/06/2008); Уцаева и другие против России (Utsateva and others v. Russia № 29133/03 от 29/05/2008); Капланова против России (Kaplanova v. Russia № 7653/02 от 29/04/2008); Азиевы против России (Aziyevy v. Russia № 77626/01 от 20/03/2008); Хациева и другие против России (Khatsiyeva and others v. Russia № 5108/02 от 17/01/2008); Зубараев против России (Zubayrayev v. Russia № 67797/01 от 10/01/2008); Мусиханова и другие против России (Musikhanova and others v. Russia № 27243/03 от 04/12/2008); Умаева против России (Umayeva v. Russia № 1200/03 от 04/12/2008); Берсункаева против России (Bersunkayeva v. Russia № 27233/03 от 04/12/2008); Асхарова против России (Askharova v. Russia № 13566/02 от 04/12/2008); Ахмадова и другие против России (Akhmadova and others v. Russia № 3026/03 от 04/12/2008); Ахмадов и другие против России (Akhmadov and others v. Russia № 21586/02 от 14/11/2008); Магомед Мусаев и другие против России (Magomed Musayev and others v. Russia № 8979/02 от 23/10/2008); Салатхановы против России (Salatkhanovy v. Russia № 17945/03 от 16/10/2008); Юсупова и Заурбеков против России (Yusupova and Zaurbekov v. Russia № 22057/02 от 09/10/2008); Зулпа Ахматова и другие против России (Zulpa Akhmatova and others v. Russia №№*

Нарушение права собственности за конфискацию на таможене незадекларированных 21 348 долларов США ЕСПЧ установил в деле *Исмаилов против России (Ismayilov v. Russia № 30352/03 от 06/11/2008)*. Гражданину с г. Москва присуждено: за моральный вред и материальный ущерб: 25 000 евро. Особое несовпадающее мнение высказал судья от России А.Ковлер, не согласившись с тем, что Суд признал нарушение ст. 1 Протокола № 1, так как конфискация контрабанды на таможене предусмотрена российским законодательством.

В 10-ти постановлениях, вынесенных в 2008 г., не установлено нарушений Конвенции. Это постановления:

– *Тишкевич против России (Tishkevich v. Russia № 2202/05 от 04/12/2008)*, в котором гражданин с г. Новый Уренгой Тюменской обл. жаловался на нарушение ст. 6 Конвенции за отмену в порядке судебного надзора решения суда в его пользу Президиумом Томского облсуда по спору с другим физическим лицом.

– *Ткачевы против России (Tkachevy v. Russia № 42452/02 от 06/11/2008)*, двое граждан с г. Москва. Не установлено нарушений ст. 6 Конвенции, ст. 1 Протокола № 1 и ст. 34 Конвенции.

– Салатхановы против России (*Salatkhanov v. Russia* № 17945/03 от 16/10/2008), двое граждан с г. Чеченской Республики. Не установлено нарушений статей 2, 13 и 38 § 1(a) Конвенции.

– *Ислаев против России (Islayev v. Russia № 34631/02 от 09/10/2008)*. Гражданин с Чеченской Республики жаловался на нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции ввиду того, что внутренние суды отказали заявителю восстановить процессуальный срок для предъявления иска к своему работодателю (задолженность по зарплате).

– *Крестьяниновы против России (Krestyaninovy v. Russia № 27049/05 от 25/09/2008)*. Заявители – супруги (муж – инвалид ЧАЭС) с г. Сарапул, Республика Удмуртия. Не установлено нарушений п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за неисполнение (8 мес. и 12 дн.) решения суда в пользу заявителей (была присуждена компенсация на приобретение жилья как инвалиду ЧАЭС).

– *Филоненко против России (Filonenkov. Russia № 22094/04 от 31/07/2008)*. Шестью голосами против одного (судья от России – А.Ковлер не согласен с мнением большинства) не установлено нарушений п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за

длительное неисполнение решения суда в пользу военного пенсионера с г. Кемерово (было присуждено жилье как отставному военному), поскольку заявитель отказался вместо жилья взять сертификат на жилье.

– *Проценко против России (Protsenko v. Russia № 13151/04 от 31/07/2008)*. Не установлено нарушений п. 1 ст. 6 Конвенции за отмену в порядке надзора решения суда в пользу гражданина с г. Таганрог Ростовской обл., поскольку решение было отменено в надзоре ввиду того, что третья сторона по делу (местный колхоз), интересы которой затрагивало данное решение, не была уведомлена об этом судопроизводстве.

– *Людмила Смирнова против России (Lyudmila Smirnova v. Russia № 8910/04 от 03/07/2008)*. Не установлено нарушений п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за длительное неисполнение семи решений суда в пользу заявителя (гражданки с г. Шахты Ростовской обл.) поскольку решения суда были обращены не к государству, а к частной компании ОАО «Ростовуголь».

(Обзор подготовлен Р.И. Шакировой)

Международно-правовые назначения

- *Назначение профессора Б.Р. Тузмухамедова судьей Международного трибунала по Руанде*
- *Назначение К.Г. Геворгяна Директором правового Департамента МИД РФ*
- *Избрание профессора А.Х. Абашидзе членом Комитета ООН по социально-экономическим правам*
- *Назначение Р.А. Колодкина Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Нидерландах*

**Назначение профессора Б.Р. Тузмухамедова судьей Международного трибунала по Руанде*

В сентябре 2009 года известный российский ученый, профессор Дипломатической академии МИД РФ Бахтияр Раисович ТУЗМУХАМЕДОВ был назначен Генеральным секретарем ООН судьей Международного трибунала по Руанде. 10 сентября Б.Р. Тузмухамедов принес торжественную присягу.

Б.Р. Тузмухамедов родился 30 марта 1955 года. Окончил международно-правовой факультет МГИМО МИД СССР (1977), аспирантуру того же института (1982), школу права Гарвардского университета (1994).

Заслуженный юрист РФ (2005). Вице-президент Российской Ассоциации международного права. Государственный советник юстиции. Советник Конституционного суда РФ.

Заместитель главного редактора «Московского журнала международного права». Член редколлегии Международного обозрения Красного Креста.

Член делегации с ССР в Спецкомитете ООН по Индийскому океану (1987). Эксперт Института ООН по исследованию проблем разоружения (1990-1992). Сотрудник Сил ООН по поддержанию мира в бывшей Югославии (1994-1995). Эксперт Международного комитета Красного Креста по исследованию обычных норм международного гуманитарного права (1998-2002).

С 1992 года – доцент, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России.

Является ответственным редактором первого российского учебника международного права, изданного за рубежом на английском языке (2009).

*Редакция «Казанского журнала международного права» поздравляет профессора
Б.Р. Тузмухамедова с назначением на столь высокую
и ответственную международную должность!*

**Назначение К.Г. Геворгяна Директором
Правового Департамента МИД РФ**

В ноябре 2009 года известный российский дипломат и юрист-международник Кирилл Горациевич Геворгян назначен Директором Правового департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации

К.Г. Геворгян родился в 1953 году.

Окончил в 1975 году МГИМО МИД СССР, факультет международного права.

Владеет французским и английским языками.

В системе МИД с 1975 года. Занимал различные дипломатические должности в Центральном аппарате министерства и за рубежом.

В 1993-1997 гг. – Советник Посольства Российской Федерации во Франции.

В 1997-2003 гг. – заместитель директора Правового департамента.

В 2003-2009 гг. – Посол Российской Федерации в Королевстве Нидерландов и, по совместительству, Постоянный представитель в Организации по запрещению химического оружия в Гааге.

Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Отмечен правительственными наградами.

*Редакция «Казанского журнала международного права» поздравляет
Кирилла Горациевича Геворгяна с назначением на столь высокую должность!*

***Избрание профессора А.Х. Абашидзе членом Комитета ООН
по социально-экономическим правам**

15 декабря 2009 года известный российский ученый, профессор Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ был избран членом Комитета ООН по социальным, экономическим и культурным правам. 28 апреля 2010 года А.Х. Абашидзе путем аккламации был избран членом Комитета на срок до 31 декабря 2014 года.

А.Х. Абашидзе родился 18 ноября 1958 года в г. Батуми.

Профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов и кафедры международного права МГИМО МИД РФ.

С 2008 года – Член Рабочей Группы Совета по правам человека ООН по произвольным задержаниям.

С 2006 года – директор Центра Инновационных форм в образовании и правовых исследований РУДН

С 2002 по 2006 годы – советник Подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека.

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН.

Член Экспертного Совета по международному праву при Председателе Государственной Думы и Совета Федерации.

Автор более 170-ти научных работ по международному праву, опубликованных в России, Грузии, Греции, Италии, Сербии, Швейцарии, Британии, США и др. государствах.

Редакция «Казанского журнала международного права» поздравляет профессора А.Х. Абашидзе с избранием на столь высокую и ответственную международную должность!

****Назначение Р.А. Колодкина
Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Нидерландах***

5 ноября 2009 г. Указом Президента Российской Федерации № 1239 известный российский юрист-международник и дипломат Роман Анатольевич КОЛОДКИН назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Королевстве Нидерландов и Постоянным представителем Российской Федерации при Организации по запрещению химического оружия в Гааге, Королевство Нидерландов, по совместительству.

Р.А. Колодкин родился 29 июля 1960 года.

В 1982 году окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

На дипломатической службе с 1991 года. Занимал различные должности в центральном аппарате министерства и за рубежом.

В 1991-1997 годах – помощник Первого заместителя министра иностранных дел РФ, начальник отдела Правового Департамента, заместитель директора правового департамента МИД России.

В 1994-1997 гг. – заместитель директора Правового департамента МИД РФ. В 1997-2001 гг. – заместитель Постоянного представителя России при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария.

С февраля 2002 года – директор Правового департамента МИД РФ.

С 2006 года – профессор кафедры международного права МГИМО МИД РФ.

С 2003 года – член Комиссии международного права ООН. В 2007 году – вице-президент Комиссии.

Владеет английским и французским языками.

Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса.

Редакция «Казанского журнала международного права» поздравляет Романа Анатольевича Колодкина с назначением на столь высокую должность!

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИОННЫХ ОРГАНАХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА 2009

2009 год стал особым для России в плане международно-правового обсуждения выполнения ею своих обязательств по основным договорам по правам человека. Во-первых, в феврале выполнение Россией международных договоров по правам человека рассматривалось в рамках так называемого Универсального периодического обзора в Совете ООН по правам человека. Во-вторых, в марте доклад России рассматривался в Комитете по правам человека, созданном на основании Международного пакта о гражданских и политических правах. Сегодня мы публикуем основные документы по результатам этих двух крупных международных событий.

Универсальный периодический обзор Совета ООН по правам человека по Российской Федерации

1. Выводы и/или рекомендации рабочей группы Совета ООН по правам человека по докладу Российской Федерации.

2. Позиция властей Российской Федерации относительно рекомендаций, предложенных иностранными делегациями – участниками обзора, в ходе универсального периодического обзора по РФ.

Выводы и/или рекомендации рабочей группы Совета ООН по правам человека по докладу Российской Федерации:

1) Рассмотреть вопрос о ратификации (Германия)/присоединении (Австралия) ко второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах;

2) реализовать свое заявление об отмене смертной казни де-юре (Германия); официально рассмотреть вопрос о введении моратория на приведение приговоров в исполнение, имея в виду отмену смертной казни (Бразилия); упразднить применение смертной казни (Австралия);

3) стать участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося продажи детей, детской проституции и детской порнографии (Словакия);

4) ратифицировать (Соединенное Королевство, Бразилия, Мексика) / присоединиться к Факультативному протоколу к КПП (Чешская Республика, Лихтенштейн), соответствующим образом создать свой национальный превентивный механизм (Чешская Республика) //в соответствии с требованиями указанного Протокола (Лихтенштейн) и изучить условия содержания в тюрьмах, в частности в местах содержания под стражей до суда, в целях приведения их в соответствие с международными стандартами (Чешская Республика); продолжить свои усилия по улучшению положения задержанных и принять меры по достижению этой цели (Алжир);

5) ратифицировать Римский статут МУС (Бразилия, Словакия, Франция);

6) рассмотреть вопрос о ратификации Конвенции о защите трудящихся мигрантов и членов их семей (Египет);

7) ратифицировать Конвенцию о защите всех лиц от насильственных исчезновений (Аргентина, Мексика), Конвенцию о правах инвалидов и Конвенцию № 169 МОТ (Мексика);

8) ратифицировать Протокол № 14 к Европейской конвенции о правах человека (Финляндия, Украина, Словения) и Хартию региональных языков и языков меньшинств (Украина);

9) стать участником остальных договоров Организации Объединенных Наций о правах человека (Словения);

10) снять оговорки к основным договорам о правах человека, таким как оба Пакта 1966 года (Бразилия);

11) продолжить свои усилия по консолидации своей национальной правозащитной институциональной архитектуры (Египет);

12) направить (Бразилия, Франция, Чешская Республика, Словения) и осуществить (Чешская Республика) постоянно действующее приглашение всем специальным процедурам Организации Объединенных Наций (Бразилия, Франция, Чешская Республика, Словения); всем тематическим специальным процедурам (Швейцария);

13) принять посещения специальных процедур Совета, которые были запрошены к настоящему времени (Мексика); как можно скорее выработать договоренность в отношении поездки Специального докладчика по вопросу о пытках (Швейцария); направить приглашение Специальному докладчику по вопросу о пытках совершить поездку на Северный Кавказ в соответствии с его обычным порядком деятельности (Дания); предоставить доступ к Ингушетии Рабочей группе Организации Объединенных Наций по насильственным исчезновениям и специальным докладчикам по вопросу о пытках и внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях (Соединенное Королевство); чтобы поездка Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, согласованная в принципе, состоялась в течение 2009 года (Норвегия);

14) как можно скорее представить возможную информацию об утверждениях о случаях насильственных исчезновений Рабочей группе по насильственным или недобровольным исчезновениям (Япония);

15) продолжить свои усилия по обеспечению уважения и поощрения принципов прав человека, несмотря на все имеющиеся вызовы и препятствия (Палестина);

16) активизировать свои усилия по разрешению нерешенных вопросов обеспечения прав человека, отмеченных в ее национальном докладе (Вьетнам);

17) и далее совершенствовать свое законодательство в области прав человека и свобод (Зимбабве);

18) внести поправки в соответствующее законодательство, в частности в Федеральный закон о противодействии терроризму и в Закон об экстремизме для обеспечения их соответствия международным обязательствам Российской Федерации (Мексика);

19) продолжить предпринимаемые ею ныне позитивные усилия по продвижению защиты прав человека (Корейская Народно-Демократическая Республика);

20) продолжить проведение своей политики расширения и укрепления международного сотрудничества в деле поощрения и защиты прав человека в интересах человечества (Зимбабве);

21) продолжить свое активное участие в работе Совета по правам человека, а также поддерживать свой вклад в УВКПЧ (Иордания);

22) предпринять дальнейшие необходимые меры по борьбе с экстремизмом (Турция); далее активизировать усилия по наказанию и пресечению экстремистских пре-

ступлений, противодействию расизму и ксенофобии, а также по поощрению большего уважения и терпимости к культурному разнообразию в обществе (Филиппины);

23) сформировать надежную институциональную основу, которая поможет борьбе с расизмом и созданию атмосферы расовой терпимости в российском обществе (Ирландия); создать национальный механизм противодействия явлению расистского насилия и собирать надежную статистику в этой связи (Бельгия); проводить активную политику повышения информированности и систематически осуждать расистское и ксенофобное насилие (Бельгия);

24) продолжить свою позитивную работу по борьбе с расовой дискриминацией и связанной с нею нетерпимостью (Алжир); уделять внимание замечанию КЛРД об укреплении законодательной основы в области недискриминации при уделении особого внимания гендерному равенству, этническим меньшинствам, коренным народам и мигрантам вне зависимости от их статуса меньшинств (Мексика); применять свое ныне действующее законодательство о борьбе с расизмом эффективным образом и принять новые структурные меры, специально предназначенные для противодействия дискриминации (Бельгия); принять в своем законодательстве четкое и полное определение расовой дискриминации (Новая Зеландия); рассмотреть вопрос о комплексном подходе и конкретных программах по борьбе с расистскими нападениями и дискриминацией, прежде всего в отношении уязвимого положения мигрантов (Нидерланды);

25) уделять особое внимание преступлениям на расовой почве и активизировать свои усилия по их изживанию (Республика Корея); наращивать свои усилия по расследованию актов расовой агрессии (Швейцария) и наказывать виновных в них (Швейцария, Австрия); а также на долгосрочной основе преодолевать глубинные причины этой проблемы в рамках реформ правосудия (Швейцария); предпринять новые шаги по борьбе с дискриминацией и обеспечить, чтобы виновные в расистских преступлениях и преступлениях на почве ненависти были должным образом привлечены к ответственности за свои преступления (Норвегия); систематически собирать данные о преступлениях по расовым мотивам на почве ненависти (Австрия);

26) предпринять дальнейшие усилия по решению проблемы безработицы, социально-экономического неравенства и социальной уязвимости среди ее населения (Малайзия);

27) продолжить свои усилия по поощрению равенства между мужчинами и женщинами (Алжир); продолжить свою политику обеспечения гендерного равенства в целях отстаивания прав женщин (Беларусь);

28) активизировать свои усилия и предпринять конкретные меры политики для поощрения терпимости и недискриминации лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и трансгендеристов (Швеция);

29) активизировать свои усилия по борьбе с пытками, в частности на основе действенного рассмотрения озабоченностей Комитета против пыток (Дания); рассмотреть озабоченности, выраженные Верховным комиссаром по правам человека в отношении применения пыток в Чеченской Республике, а также озабоченности Комитета против пыток в отношении многих продолжающих поступать и согласующихся утверждений о пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также сообщений о пытках и жестоком обращении в неофициальных местах задержания на Северном Кавказе (Австралия);

30) содействовать использованию не связанных с лишением свободы мер при вынесении приговора или определении мер пресечения в отношении беременных заключенных и заключенных с детьми и в случаях задержания женщин предусмотреть меры по обеспечению того, чтобы все дети могли поддерживать контакт со своими матерями (Новая Зеландия);

31) предоставить охранникам тюрем и сотрудникам правоохранительных органов в целом подготовку по вопросам прав человека, конкретно нацеленную на защиту прав женщин, детей, национальных меньшинств и лиц с миноритарной сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, а также и далее обеспечивать расследование и наказание за любые случаи нарушения прав человека такими сотрудниками (Чешская Республика);

32) принять специальное законодательство о насилии в семье (Чешская Республика), принять законодательные меры по объявлению вне закона насилия в семье, если этого еще не было сделано (Южная Африка); проводить комплексную стратегию борьбы с насилием в семье (Новая Зеландия); вести сбор статистических данных о случаях насилия в отношении женщин, включая насилие в семье, в качестве отдельного преступления и в конечном счете создать приюты и места безопасного размещения жертв насилия в семье, которые бы были доступны на местной основе, достаточным и устойчивым образом финансировались и имели соответствующую вместимость (Чешская Республика); активизировать усилия по борьбе с насилием в отношении женщин и расширением возможностей женщин получать безопасный приют (Швеция);

33) разрабатывать и осуществлять целый спектр мер по практическому осуществлению положений Конвенции о правах ребенка и двух ее Факультативных протоколов (Беларусь);

34) консолидировать меры национального и международного характера по обеспечению эффективной борьбы против торговли людьми (Беларусь);

35) предпринять дополнительные усилия по уточнению в своем законодательстве в различных областях прав человека, реформированию судебной системы и улучшению положения людей, лишенных свободы, чтобы и далее обеспечивать поощрение и защиту прав человека своих народов (Малайзия);

36) установить приоритет создания реальных и доступных механизмов подотчетности для обеспечения прозрачности расследования и наказания за нарушение прав человека, предоставлять действенные средства защиты и законного возмещения для потерпевших, а также принять меры по повышению независимости судебной системы и усилению контроля за осуществлением на уровне государства федерального законодательства и обязательств по правам человека (Новая Зеландия);

37) активизировать предпринимаемые ею в настоящее время усилия по реформированию системы правосудия в соответствии с международными стандартами (Нидерланды); и далее совершенствовать свое законодательство в направлении судебной реформы в целях принятия современного законодательства, учитывающего новые вызовы (Никарагуа); выполнить свои обязательства, в частности те, которые связаны с законодательной и судебной реформой в борьбе с коррупцией (Вьетнам); активизировать свои усилия по преодолению вызовов, существующих в области судебной системы, включая коррупцию, прозрачность и подотчетность органов государственного управления, а также рационального разделения функций между федеральным и региональными уровнями государственного управления (Италия); предпринять шаги по дальнейшему совершенствованию судебных процедур в целях ограждения прав человека (Австралия); предпринять шаги по осуществлению плана, касающегося судебных процедур, и принять меры по уменьшению коррупции в судебных процедурах (Австралия);

38) создать систему правосудия по делам несовершеннолетних (Австрия, Чешская Республика), которая стремится не только наказать, но и скорее помочь несовершеннолетним возвратиться в общество, принимая во внимание международные стандарты, существующие в этой области (Австрия);

39) продолжить осуществление своих планов действий по защите прав ребенка и семьи (Саудовская Аравия); продолжить свои усилия по уменьшению числа детей без родительского попечения, в частности активизировав работу, уже проводимую по преодолению этого явления (Алжир);

40) полностью упразднить систему прописки и принять дальнейшие меры по обеспечению того, чтобы как ее правовая система, так и ее практика были совместимы с защитой свободы передвижения (Чешская Республика);

41) продолжить свои позитивные меры по защите достоинства личности, свободы мысли, совести и религии (Палестина);

42) поощрять права правозащитников на свободу выражения, ассоциаций и собраний, а также пересмотреть законы об экстремизме и НПО для обеспечения их совместимости с международными обязательствами и стандартами в области прав человека, включая Декларацию Организации Объединенных Наций о правозащитниках (Словакия); пересмотреть свой закон о противодействии экстремизму таким образом, чтобы он уточнял определение экстремизма (Нидерланды); рассмотреть вопрос о пересмотре закона об НПО с учетом, в частности, озабоченностей, выраженных органами по правам Организации Объединенных Наций (Нидерланды);

43) принять меры по защите журналистов и других правозащитников (Австралия), принять дальнейшие меры, нацеленные на улучшение состояния свободы средств массовой информации и на защиту условий работы журналистов и правозащитников в стране (Италия); действенным образом расследовать и привлекать к ответственности за преступления и нарушения в отношении правозащитников и журналистов и наказывать виновных. Жалобы на запугивание правозащитников должны вызывать безотлагательную реакцию, и должны приниматься надлежащие меры по обеспечению их безопасности (Норвегия); активизировать свои усилия по расследованию практики запугивания и посягательств на журналистов и адвокатов и наказывать виновных в них (Швейцария);

44) принять соответствующие меры по широкому распространению и обеспечению неукоснительного соблюдения Декларации о правозащитниках. Эта Декларация, а также все другие стандарты в области прав человека должны, в частности, быть предоставлены для школ и высших учебных заведений (Норвегия);

45) уважать и ограждать возможности правозащитников и адвокатов по проведению своей работы без препятствий, запугиваний или преследования в соответствии с Декларацией Организации Объединенных Наций о правозащитниках и Основными принципами Организации Объединенных Наций о роли адвокатов (Соединенное Королевство);

46) принять дальнейшие меры по повышению безопасности журналистов и обеспечить, чтобы нарушения прав журналистов всесторонне и безотлагательно расследовались и чтобы любой признанный виновным привлекался к суду в соответствии с международными стандартами (Нидерланды);

47) проводить тщательное безотлагательное и беспристрастное расследование убийств журналистов и правозащитников, в том числе тех, о которых говорится в пунктах 18, 21, 24 и 58 доклада, и привлекать виновных к суду (Франция, Италия, Швейцария, Ирландия);

48) действенным образом расследовать и наказать за преступления, совершенные против лидеров украинских ассоциаций в 2002-2006 годах (Украина);

49) создать среду, в частности при помощи законодательной базы, поощряющую, а не ограничивающую право на свободу собраний и способствующую выражению гражданами своих разнообразных мнений (Австрия);

50) улучшить условия надлежащего функционирования независимых средств массовой информации, в частности национальных телеканалов, чтобы обеспечить большее пространство для выражения разнообразных мнений и точек зрения (Словакия);

51) в условиях нынешнего мирового экономического кризиса активизировать свои усилия по защите экономических, социальных и культурных прав наиболее уязвимых групп населения, включая мигрантов (Алжир);

52) продолжить свои позитивные усилия по консолидации областей здравоохранения и образования, прежде всего для детей-инвалидов (Куба);

53) продолжить свои позитивные усилия по поощрению и защите экономических, социальных и культурных прав и борьбе с бедностью (Куба);

54) продолжить осуществление комплекса важных программ, нацеленных на отстаивание экономических и социальных прав граждан (Беларусь);

55) активизировать свои усилия по предоставлению равных образовательных возможностей детям с инвалидностями, в том числе путем отказа от практики «восстановительных» и «специальных школ», оказания необходимой поддержки путем обеспечения того, чтобы учителя были подготовлены обучению детей с инвалидностями в обычных школах (Лихтенштейн);

56) активизировать свои усилия по обеспечению неукоснительного уважения прав лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным группам, включая образование их детей (Швеция); осуществить рекомендации, высказанные КЛРД в отношении путей улучшения положения коренных общин (Дания); выполнить принципы, содержащиеся в Декларации о правах коренных народов (Мексика);

57) предпринять меры по обеспечению прав этнических групп и национальных меньшинств по использованию их национальных языков на практике (Украина); активизировать свои усилия по обеспечению предоставления образования на языках меньшинств (Финляндия);

86) по мнению Российской Федерации рекомендации, содержащиеся в пункте 54 доклада, не имеют отношения к делу, поскольку они не соответствуют основе обзора, предусмотренной в резолюции 5/1 СПЧ «Институциональное строительство Совета по правам человека Организации Объединенных Наций».

87) все выводы и/или рекомендации, содержащиеся в настоящем докладе, отражают позицию представившего государства (представивших государств) и/или государства, проходящего обзор, в их отношении. Они не должны рассматриваться как одобренные Рабочей группой в целом.

**ПОЗИЦИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО
РЕКОМЕНДАЦИЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ
ДЕЛЕГАЦИЯМИ – УЧАСТНИКАМИ ОБЗОРА, В ХОДЕ
УНИВЕРСАЛЬНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ОБЗОРА
СОСТОЯНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
4 ФЕВРАЛЯ 2009 г.**

Власти Российской Федерации рассмотрели рекомендации, предложенные делегациями-участниками в ходе универсального периодического обзора Российской Федерации, и заявляют следующее:

1 и 2. Присоединение России ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, будет зависеть от формирования в обществе преобладающего мнения

о целесообразности отмены смертной казни *de jure*. Что касается отмены смертной казни *de facto*, то с августа 1996 года в России прекращено исполнение смертных приговоров, а в 1999 году всем ранее осужденным на смертную казнь эта мера наказания была заменена на пожизненное заключение или 25-летний срок лишения свободы. Таким образом, власти Российской Федерации не принимают данные рекомендации.

3. Российская Федерация является участником подавляющего большинства основных универсальных международных договоров по правам человека и далее намерена постепенно – учитывая финансовые последствия и необходимость изменений в законодательстве и практике – расширять спектр своих международных обязательств в правозащитной сфере. Вопрос о ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка будет рассмотрен в контексте вышеизложенного, однако на данном этапе власти Российской Федерации не принимают данную рекомендацию.

4. Российская Федерация принимает рекомендацию о том, чтобы продолжить усилия по улучшению ситуации с лицами, содержащимися под стражей, и принять меры для достижения этой цели. Кроме того, Россия является участником Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. и в соответствии с ней активно сотрудничает с Европейским комитетом по предупреждению пыток. Механизм названной Конвенции во многом дублирует механизм Факультативного протокола к Конвенции против пыток.

Таким образом, власти Российской Федерации не принимают рекомендацию в части требования о присоединении к Факультативному протоколу к Конвенции против пыток.

5. Вопрос о ратификации Статута Международного уголовного суда ООН находится на рассмотрении российских компетентных властей. Исходим при этом из того, что решение о присоединении к данному международному договору и о сроках такого присоединения является прерогативой государств и принимается, исходя из их национальных интересов. Россия при решении вопроса о ратификации Римского Статута будет учитывать среди прочих факторов первые результаты деятельности Суда и итоги работы над определением преступления агрессии. Таким образом, власти Российской Федерации до выработки согласованной позиции по названному документу всеми ветвями власти не могут принять данную рекомендацию.

6. Вопрос о ратификации Конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов будет рассмотрен после более подробного изучения с точки зрения приемлемости отдельных положений применительно к правовой системе Российской Федерации. На данном этапе власти Российской Федерации не могут принять данную рекомендацию.

7. Россия принимает рекомендацию о ратификации Конвенции о правах инвалидов и уже ведет работу в данном направлении. Власти Российской Федерации также рассмотрят вопрос о ратификации Конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений. Однако власти Российской Федерации не принимают рекомендацию о Ратификации Конвенции МОТ № 169, поскольку законодательство Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов по ряду направлений более прогрессивно и объективно лучше отражает особенности положения местных коренных народов.

8. Законопроект о ратификации Протокола №14 находится на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, и вопрос о его ратификации находится полностью в ведении законодательной власти. Таким образом,

власти Российской Федерации не могут принять данную рекомендацию, поскольку ее принятие может означать косвенное давление на законодателя.

Проработка вопроса о подготовке к ратификации Европейской Хартии региональных языков и языков национальных меньшинств ведется в рамках соответствующей межведомственной Рабочей группы. Однако общепризнанным является уникальность ситуации в Российской Федерации по количеству и разнообразию языков по сравнению с любым государством Совета Европы. Кроме того, изучается возможность реализации Совместной программы с Советом Европы по проработке вопросов потенциального присоединения к Хартии. В этой связи до формулировки своих выводов ведомственными и международными профильными экспертами власти Российской Федерации не могут принять данную рекомендацию.

9. Как было отмечено выше, Российская Федерация является участником подавляющего большинства основных универсальных международных договоров по правам человека и далее намерена постепенно – учитывая финансовые последствия и необходимость изменений в законодательстве и практике – расширять спектр своих международных обязательств в правозащитной сфере. Однако учитывая неопределенный характер предложенной рекомендации, власти Российской Федерации не могут ее принять.

10. Российская Федерация будет учитывать эту рекомендацию без ущерба для принципов международного права, касающегося международных договоров, и уже ее выполнила. Россия не делала оговорок при ратификации международных пактов по правам человека и сняла оговорки к другим договорам по правам человека, сделанные в свое время СССР.

11. Российской Федерацией уже длительное время проводится курс на развитие института прав человека. Так и в дальнейшем планируется вести постоянную работу по совершенствованию и укреплению государственных институтов прав человека. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию.

12 и 13 – Россия регулярно принимает соответствующих докладчиков и в дальнейшем будет принимать специальные процедуры Совета ООН по правам человека с учетом своих возможностей, важности и актуальности тех или иных вопросов для Российской Федерации, а также необходимости надлежащей подготовки таких посещений.

В последние годы состоялись следующие визиты: специального докладчика Комиссии ООН по правам человека по вопросам насилия в отношении женщин Я.Эртюрк (16-25 декабря 2004 г.); специального докладчика Совета ООН по правам человека по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Д.Диена (11-17 июня 2006 г.) и специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу независимости судей и адвокатов Л.Деспуй (19-30 мая 2008 г.). На 2009 г. планируется организация еще двух визитов: специального представителя Генерального секретаря ООН по правам человека и транснациональным корпорациям и иным предприятиям Дж. Ругги и специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов Дж.Анаии. Власти Российской Федерации не принимают данные рекомендации, поскольку налажено максимально тесное сотрудничество со специальными процедурами Совета ООН с учетом организационных возможностей властей Российской Федерации и объективных обстоятельств.

14. Российская Федерация принимает эту рекомендацию и уже активно работает в данном направлении. Российская Федерация с момента создания рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям активно сотрудничает с дан-

ным механизмом по конкретным случаям исчезновений. Все запросы Рабочей группы тщательно прорабатываются. Российские правоохранительные органы принимают все необходимые меры для получения информации о судьбе и точном местонахождении пропавших лиц.

15, 16 и 17 – Российская Федерация принимает эти рекомендации. Как указано в Национальном докладе Российской Федерации и как установлено Конституцией Российской Федерации, продвижение прав человека и дальнейшее совершенствование на практике демократических институтов является одной из приоритетных целей государственной политики во всех сферах.

18. Федеральные законы по борьбе с терроризмом и экстремизмом соответствуют международным обязательствам Российской Федерации и коренного пересмотра не требуют.

19, 20 и 21. – Российская Федерация принимает эти рекомендации. Как указано в Национальном докладе Российской Федерации и как установлено Конституцией Российской Федерации, продвижение прав человека и дальнейшее совершенствование на практике демократических институтов являются одной из приоритетных целей государственной политики во всех сферах.

22. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

23. Борьба с дискриминационными и экстремистскими проявлениями в любой сфере является важной задачей государственной политики, во исполнение которой уже существует сильная институциональная структура в рамках самых различных органов государственной власти, включая органы внутренних дел и прокуратуры, для борьбы с самыми опасными проявлениями дискриминации, экстремизма и расизма. Данная работа ведется в постоянном открытом диалоге с гражданским обществом. Таким образом, данная рекомендация уже реализована на практике и не принимается властями Российской Федерации.

24. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

25. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

26. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

27. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

28. Российская Федерация не принимает эту рекомендацию, поскольку в Российской Федерации отсутствует политика дискриминации по признаку сексуальной ориентации.

29. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

30. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию. Отмечаем, что работа в данном направлении ведется. В частности, Президентом Российской Федерации по итогам VII Всероссийского съезда судей 12 января 2009 года было дано поручение в сфере развития судебной и пенитенциарной системы подготовить изменения в законодательные акты Российской Федерации, предусматривающие, в частности, применение альтернативных мер уголовного наказания, не связанных с лишением свободы.

31. В Российской Федерации уже создана и функционирует система образовательных учреждений высшего и дополнительного профессионального образования, обеспечивающая подготовку сотрудников для нужд учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с учетом требований международно-правовых норм и правил в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, власти Российской Федерации уже на практике выполняют данную рекомендацию и поэтому не принимают ее.

32. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию о продолжении и активизации борьбы с домашним насилием, в том числе в отношении женщин, с оговоркой о том, что оставляют на свое усмотрение выбор необходимых для ее реализации организационных и политических мер.

33. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

34. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

35, 36 и 37 Российская Федерация принимает эту рекомендацию. В частности, Правительством России утверждена программа «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 годы, в которую также входит обеспечение электронного сопровождения судопроизводства в целях повышения качества правосудия и уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан. Ставится задача укрепления доверия населения к правосудию, в том числе посредством повышения качества и эффективности рассмотрения дел в судах, повышения уровня исполнения судебных решений, повышения гарантий и реального уровня независимости судей.

38. Российская Федерация принимает эту рекомендацию. Проект закона о внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», в том числе предусматривающий создание ювенальных судов, одобрен в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

39. Российская Федерация принимает эту рекомендацию и ведет активную деятельность в целях ее исполнения. Так, например, в целях защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, принят Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», а также в 2008 году Минобрнауки был разработан ряд методических рекомендаций органам исполнительной власти по вопросам деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан.

40. В связи с принятием в 1993 году Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие институт прописки, утратили силу. Российская Федерация будет продолжать развитие и обеспечение защиты свободы передвижения. С учетом изложенного власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию.

41. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

42. В Российской Федерации создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека, в рамках которого ведется конструктивный диалог с участием представителей неправительственных организаций в целях совершенствования законодательства, регулирующего деятельность НПО, с учетом международных норм и приведения его в соответствие международным стандартам, принимая во внимание рекомендации ООН.

Рассматривается возможность изменения законодательства, в котором планируется урегулировать вопросы налогообложения НПО, определения порядка взаимодействия с государственными органами, вопросы информирования гражданского общества о деятельности НПО, проведение гражданского контроля.

Таким образом, власти Российской Федерации принимают и на практике исполняют данную рекомендацию.

43. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

44. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

45. Российская Федерация принимает данную рекомендацию.

46. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

47. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

48. Российская Федерация эту рекомендацию не принимает, поскольку информация о каких-либо преступлениях в отношении лидеров украинских объединений не нашла своего достоверного подтверждения у правоохранительных органов Российской Федерации.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что индивидуальные нарушения прав человека не являются предметом процедуры Универсального периодического обзора.

49. В Конституции и других нормативных правовых актах Российской Федерации уже закреплён широкий спектр прав в отношении права на свободу объединений и выражения взглядов. При этом власти Российской Федерации ведут постоянную работу по совершенствованию демократических институтов и, в особенности, законодательства о неправительственных организациях и политических партиях. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию в русле продолжения таких усилий с оговоркой, что в Российской Федерации не может идти речи о среде, ограничивающей право граждан на свободу объединения и выражения своих взглядов.

50. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию и ведут активную работу в данном направлении. В частности, Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении принят проект Федерального закона «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами». Кроме того, ведется работа над совершенствованием Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в части улучшения правовых основ функционирования рынка СМИ в условиях развития новых технологий.

51. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию и уже ведут работу в этом направлении. В Российской Федерации предпринимается ряд мер, направленных, в том числе, на защиту самых уязвимых слоев населения, а также трудящихся-мигрантов в условиях кризиса. Так, например, ФМС России была создана «горячая линия», позволяющая совместно с компетентными органами государств – членов ОДКБ и ЕврАзЭС оперативно реагировать на факты притеснений и невыплаты заработной платы трудящимся-мигрантам.

52. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию. Развитие так называемого интегрированного (инклюзивного) образования в России рассматривается как одно из наиболее важных и перспективных направлений модернизации системы образования детей-инвалидов, позволяющее эффективно решать проблемы их социальной адаптации. Государственная политика России в данной сфере направлена на последовательное развитие интегрированных форм обучения детей-инвалидов в образовательных учреждениях общего типа. При этом предполагаются сохранение и модернизация существующей сети специальных (коррекционных) образовательных учреждений. Помимо того, указанные учреждения могут также выполнять функции учебно-методических центров, оказывающих методическую помощь педагогическим работникам образовательных учреждений общего типа, психолого-педагогической помощи обучающимся и их родителям.

53. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

54. Российская Федерация принимает эту рекомендацию.

55. Российская Федерация принимает данную рекомендацию.

56. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию.

В 1996 году указом Президента Российской Федерации была утверждена «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», которая представляет собой систему принципов и приоритетов в отношении деятельности

всех уровней власти – федеральных, региональных и местных в сфере обеспечения устойчивого развития коренного населения, национальных меньшинств и малочисленных народов в долгосрочной перспективе. Для достижения поставленных этих целей ведется деятельность в ряде направлений, среди которых совершенствование федеральной нормативной правовой базы, развитие и модернизация традиционной хозяйственной деятельности, повышение качества жизни, создание условий для улучшения демографических показателей, повышение доступа к образовательным услугам, сохранение культурного наследия, а также содействие развитию общин и других форм самоуправления коренного населения и малочисленных народов.

57. Власти Российской Федерации принимают данную рекомендацию. Российская Федерация уделяет значительное внимание проблеме удовлетворения языковых прав и этнокультурных потребностей участников образовательного процесса в системе российского образования: в августе 2006 года утверждена Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации; выполняются мероприятия Плана реализации приоритетных направлений национальной образовательной политики в системе общего образования в условиях его модернизации на 2004-2010 годы (утвержден вместе с концепцией), также ежегодно организуется мониторинг проблем изучения родных языков в системе образования Российской Федерации.

Комитет по правам человека

Заключительные замечания Комитета по правам человека для Российской Федерации

1. Комитет рассмотрел шестой периодический доклад Российской Федерации 15, 16 и 28 октября 2009 года и принял следующие заключительные замечания.

А. Введение

2. Комитет приветствует представление Российской Федерацией шестого периодического доклада и включение в доклад информации по ряду мер, принятых для снятия озабоченностей, выраженных Комитетом в его предыдущих заключительных замечаниях (CCPR/CO/79/RUS). Комитет приветствует также диалог с делегацией, подробные письменные ответы на предложенный Комитетом перечень вопросов (CCPR/C/RUS/Q/6/Add.1) и дополнительную информацию и разъяснения, представленные устно.

В. Позитивные аспекты

3. Комитет приветствует различные конституционные поправки, а также законодательные, административные и практические меры по повышению эффективности поощрения и защиты прав человека в государстве-участнике, принятые после рассмотрения пятого периодического доклада, в частности:

а) реформу судебной системы в рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы в Российской Федерации» на 2007-2011 годы, создание Национальной рабочей группы по реформе судебной системы и принятие в 2009 году Закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»;

б) принятие в 2008 году Национального плана борьбы с коррупцией и Федерального закона «О противодействии коррупции»;

с) повышение статуса аккредитации федерального Уполномоченного по правам человека («Омбудсмена») после его рассмотрения Международным координационным комитетом национальных правозащитных учреждений (МКК) в январе 2009 года;

д) создание Управления Уполномоченного по правам ребенка в сентябре 2009 года и ратификацию в 2008 году Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах;

е) принятие и вступление в силу двух положений, касающихся предоставления политического убежища и статуса беженца в Российской Федерации.

С. Основные проблемы, вызывающие беспокойство, и рекомендации

4. Комитет с обеспокоенностью отмечает, что многие из его рекомендаций по итогам рассмотрения пятого периодического доклада государства-участника (CCPR/CO/79/RUS) до сих пор не выполнены, и выражает сожаление в связи с тем, что большинство проблем, вызывающих беспокойство, сохраняется (статья 2).

Государству-участнику следует вновь рассмотреть рекомендации, принятые Комитетом в его предыдущих заключительных замечаниях, и принять все необходимые меры для их полного выполнения.

5. Принимая к сведению информацию, представленную государством-участником, Комитет вновь выражает свою обеспокоенность ограничительным толкованием и продолжающимся несоблюдением государством-участником положений Соображений Комитета в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту. Комитет напоминает далее, что государство-участник, которое становится участником Факультативного протокола, признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих юрисдикции государства-участника лиц и что несоблюдение положений Соображений может ставить под вопрос приверженность государства-участника Факультативному протоколу (ст. 2).

Комитет настоятельно призывает государство-участника пересмотреть его позицию в отношении Соображений, принятых Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту, и выполнить все положения этих Соображений.

6. Комитет выражает сожаление в связи с отсутствием информации о случаях, когда федеральный Уполномоченный по правам человека и региональные омбудсмены инициировали разработку законодательных актов или направляли жалобы отдельных лиц в суды. Комитет обеспокоен также тем, что рекомендации федерального Уполномоченного по правам человека не всегда выполняются должным образом (ст. 2).

Государству-участнику следует усилить законодательный мандат федерального Уполномоченного по правам человека и региональных омбудсменов и обеспечить выделение им дополнительных средств, с тем чтобы они могли эффективным образом выполнять свой мандат. Государству-участнику следует представить Комитету подробную информацию о количестве и результатах рассмотрения жалоб, полученных федеральным Уполномоченным по правам человека и региональными омбудсменами, и о принятых ими мерах, а также о рекомендациях и конкретных мерах, принятых властями по каждому случаю. Такая подробная информация должна распространяться публично с использованием доступных средств, таких как ежегодный доклад федерального Уполномоченного по правам человека.

7. Принимая к сведению заверения государства-участника о том, что контртеррористические меры не нарушают положения Пакта, Комитет, тем не менее, обеспокоен

тем, что некоторые аспекты Федерального закона «О противодействии терроризму» 2006 года, вводящего широкий круг ограничений прав по Пакту, которые, по мнению Комитета, сравнимы с теми, которые разрешены только в случае чрезвычайного положения, объявленного в соответствии с Конституцией государства-участника и Законом о чрезвычайном положении, и в частности тем, что: а) отсутствует точность в особенно широких определениях терроризма и террористической деятельности; б) режим контртеррористической операции, предусмотренный в Законе 2006 года, не сопровождается какими-либо оправдывающими его требованиями с точки зрения необходимости или пропорциональности, или процессуальными гарантиями, или судебным или парламентским надзором; и с) в Законе не предусматривается ограничение на отступление от положений Пакта и не учитываются обязательства, налагаемые статьей 4 Пакта. Комитет выражает также сожаление в связи с тем, что в Законе отсутствует положение, прямо определяющее обязательство властей соблюдать и защищать права человека в условиях контртеррористической операции (ст. 2).

Государству-участнику следует пересмотреть соответствующие положения Федерального закона «О противодействии терроризму» 2006 года с тем, чтобы привести их в соответствие с требованиями статьи 4 Пакта с учетом соответствующих доводов, изложенных в замечании общего порядка № 29 Комитета (2001 год) об отступлениях от обязательств в связи с чрезвычайным положением и замечании общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государств – участников Пакта. В частности, государству-участнику следует:

а) принять более узкое определение преступлений терроризма, ограничивающихся правонарушениями, которые правомерно могут быть приравнены к терроризму и его серьезным последствиям, и обеспечить, чтобы выполнялись процессуальные гарантии, устанавливаемые в Пакте;

б) рассмотреть вопрос о создании независимого обзорного механизма для рассмотрения законов, касающихся терроризма, и составления соответствующих докладов;

с) представить информацию о мерах, принятых в этом отношении, включая информацию о том, действие каких из предусмотренных Пактом прав может быть приостановлено в ходе контртеррористической операции и при каких условиях.

8. Комитет выражает обеспокоенность в связи с большим числом обвинительных приговоров по делам, связанным с терроризмом, которые могли быть вынесены судами в Чечне на основании признательных показаний, полученных посредством незаконного заключения под стражу и применения пыток (ст. 6, 7 и 14).

Государству-участнику следует рассмотреть вопрос о систематическом контроле всех обвинительных приговоров по делам, связанным с терроризмом, вынесенных судами в Чечне, для определения того, проводились ли соответствующие судебные разбирательства при полном соблюдении норм, устанавливаемых в статье 14 Пакта, и обеспечить, чтобы никакие показания или признания, полученные с применением пыток, не использовались в качестве доказательств.

9. Комитет обеспокоен наличием большого числа лиц без гражданства и соответствующих документов в государстве-участнике, в частности бывших советских граждан, которые не смогли приобрести гражданство или добиться признания национальной принадлежности после распада СССР и урегулировать свой статус в Российской Федерации или в любом другом государстве, с которым у них имеется значительная связь, и, соответственно, остались лицами без гражданства или с неопределенной национальной принадлежностью. Комитет отмечает также, что представители некоторых этнических групп из различных регионов, в частности лица из Центральной Азии

и с Кавказа, сталкиваются с проблемами приобретения гражданства вследствие сложности законодательных мер, регулирующих вопросы натурализации, и препятствий, возникающих в связи со строгими требованиями регистрации по месту жительства (ст. 2, 3, 20 и 26).

Государству-участнику следует принять все необходимые меры для урегулирования статуса лиц без гражданства на своей территории, предоставив им право на постоянное проживание и возможность приобретения российского гражданства. Кроме того, государству-участнику следует рассмотреть вопрос о присоединении к Конвенции о статусе апатридов 1954 года и Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года и провести законодательные и административные реформы, необходимые для приведения своих законов и процедур в соответствие с этими документами.

10. Принимая к сведению представленную государством-участником информацию о профилактических мерах, принимаемых для решения проблемы насилия в отношении женщин, в частности насилия в семье, Комитет по-прежнему обеспокоен сохраняющимися масштабами насилия в семье в государстве-участнике и отсутствием приютов, доступных для женщин. Комитет выражает сожаление в связи с тем, что им не была получена достаточная информация, касающаяся преследования лиц, виновных в насилии в семье, а также отмечает, что в правовой системе государства-участника не принято какое-либо специальное законодательство в отношении насилия в семье.

Комитет выражает также обеспокоенность утверждениями об убийствах в Чечне по мотивам защиты чести восьми женщин, тела которых были обнаружены в ноябре 2008 года (ст. 3, 6, 7 и 26).

Комитет настоятельно призывает государство-участника активизировать свои усилия по борьбе с насилием в отношении женщин, в том числе путем принятия конкретного уголовного законодательства в этом отношении. Государству-участнику следует оперативно расследовать жалобы, имеющие отношение к насилию в семье и другим актам насилия в отношении женщин, включая убийства по мотивам защиты чести, и обеспечить, чтобы ответственные лица были привлечены к судебной ответственности и должным образом наказаны. Должны быть выделены достаточные финансовые средства программам помощи жертвам, в том числе реализуемым неправительственными организациями, и на всей территории страны должны быть созданы дополнительные приюты. Государству-участнику следует также обеспечить обязательную профессиональную подготовку сотрудников милиции, с тем чтобы сориентировать их в отношении недопустимости любых форм насилия в отношении женщин.

11. Комитет выражает обеспокоенность по поводу сообщений о растущем числе преступлений на почве ненависти и расово мотивированных нападений на представителей этнических и религиозных меньшинств, а также непрекращающихся проявлений расизма и ксенофобии в государстве-участнике, включая сообщения о расовом профилировании и преследованиях со стороны сотрудников правоохранительных органов в отношении иностранцев и членов групп меньшинств. Комитет также испытывает беспокойство по поводу того, что милиция и судебные органы не принимают должных мер для проведения расследований, привлечения к судебной ответственности и наказания виновных в связи с преступлениями на почве ненависти и расово мотивированными нападениями на представителей этнических и религиозных меньшинств, которые зачастую квалифицируются лишь как «хулиганство», причем обвинения и приговоры не соответствуют тяжести соответствующих актов (ст. 6, 7, 20 и 26).

Государству-участнику следует прилагать настойчивые усилия для повышения эффективности применения законов, карающих за расово мотивированные преступления, и обеспечить проведение надлежащих расследований и судебных разбирательств по всем случаям расового насилия и подстрекательства к расово мотивированному насилию. Для жертв преступлений, совершенных на почве ненависти, следует обеспечить надлежащее возмещение ущерба, включая выплату компенсаций. Государству-участнику также рекомендуется организовать широкие просветительские кампании для повышения осведомленности населения о преступном характере таких актов и для формирования культуры терпимости. Кроме того, государству-участнику следует активизировать усилия по повышению осведомленности среди сотрудников правоохранительных органов и обеспечить наличие и доступность механизмов приема жалоб по поводу расово мотивированных нарушений со стороны сотрудников милиции.

12. Комитет с беспокойством отмечает, что смертная казнь в государстве-участнике до сих пор не отменена в законодательном порядке, несмотря на заслуживающий высокой оценки мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров, действующий с 1996 года, который, как отмечает государство-участник, твердо соблюдается. Комитет также испытывает озабоченность по поводу того, что срок действия нынешнего моратория истекает в январе 2010 года (ст. 6).

Государству-участнику следует принять необходимые меры для отмены смертной казни в законодательном порядке в кратчайшие возможные сроки и рассмотреть вопрос о присоединении ко второму Факультативному протоколу к Пакту.

13. Несмотря на заявления государства-участника о том, что каких-либо преступлений против мирного населения военнослужащими российских вооруженных сил или других воинских формирований на территории Южной Осетии не совершалось (пункт 264, документ CCPR/C/RUS/Q/6/Add.1) и что государство-участник не несет ответственности за возможные преступления, совершенные вооруженными формированиями (пункт 266), Комитет по-прежнему обеспокоен в связи с заявлениями о широкомасштабных неизбирательных злоупотреблениях и убийствах гражданских лиц в Южной Осетии в ходе военных операций со стороны российских сил в августе 2008 года. Комитет напоминает, что территория Южной Осетии находилась под фактическим контролем сил, осуществлявших организованную военную операцию государства-участника, которое в связи с этим несет ответственность за действия таких вооруженных формирований. Комитет с беспокойством отмечает, что российские власти до сих пор не провели никакой независимой и исчерпывающей оценки серьезных нарушений прав человека, совершенных военнослужащими российских вооруженных сил и членами вооруженных групп в Южной Осетии, и что жертвы не получили никакого возмещения ущерба (ст. 6, 7, 9, 13 и 14).

Государству-участнику следует провести всестороннее и независимое расследование по всем заявлениям о причастности военнослужащих российских вооруженных сил и других вооруженных групп, находящихся под их контролем, к нарушениям прав человека в Южной Осетии. Государству-участнику следует обеспечить, чтобы жертвам серьезных нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права было предоставлено эффективное средство правовой защиты, включая право на компенсацию и возмещение ущерба.

14. Комитет испытывает беспокойство по поводу поступающих сообщений о пытках и жестоком обращении, насильственных исчезновениях, произвольных арестах, внесудебных убийствах и тайном содержании под стражей в Чечне и других районах Северного Кавказа, совершаемых военнослужащими, сотрудниками служб безопасности и другими государственными служащими, и что лица, совершающие такие на-

рушения, по всей видимости, пользуются широкой безнаказанностью ввиду отсутствия систематической практики проведения эффективных расследований и судебных преследований. Комитет особенно обеспокоен тем, что в 2008-2009 годах в Чечне увеличилось число случаев исчезновений и похищения людей, а также в связи с заявлениями о наличии в Чечне массовых захоронений. Отмечая создание специальной структуры, призванной обеспечивать выполнение решений Европейского суда по правам человека и выплату компенсаций потерпевшим, Комитет вместе с тем испытывает сожаление по поводу того, что государство-участник пока не привлекло к судебной ответственности виновных в совершении нарушений прав человека в соответствующих случаях, хотя их личность нередко является известной. Комитет также с озабоченностью отмечает сообщения о коллективных наказаниях родственников лиц, подозреваемых в причастности к терроризму, таких как сжигание семейных домов, и преследованиях, угрозах и репрессиях в отношении судей, потерпевших и их родственников, а также выражает сожаление по поводу того, что государство-участник не обеспечивает эффективной защиты для соответствующих лиц (ст. 6, 7, 9 и 10).

Государству-участнику настоятельно предлагается обеспечить полную реализацию права на жизнь и физическую неприкосновенность всех лиц, находящихся на его территории, и ему следует:

а) принять строгие меры к тому, чтобы положить конец насильственным исчезновениям, внесудебным казням, пыткам и другим формам жестокого обращения и злоупотреблений, совершаемым сотрудниками правоохранительных органов или по их подстрекательству в Чечне и других районах Северного Кавказа;

б) обеспечить быстрое и беспристрастное расследование всех нарушений прав человека, предположительно совершенных государственными служащими или по их подстрекательству, силами независимого органа и в период проведения расследования временно отстранять от выполнения служебных обязанностей или переводить на иные направления соответствующих служащих;

с) привлекать виновных к судебной ответственности и обеспечить, чтобы они подвергались наказаниям соразмерно тяжести совершенных преступлений, а также предоставлять эффективные средства правовой защиты, включая возмещение ущерба, для жертв;

д) принять эффективные меры в сфере законодательства и на практике для защиты жертв и их семей, а также их адвокатов и судей, жизнь которых подвергается угрозе в связи с их профессиональной деятельностью;

е) представить информацию о возбужденных расследованиях, осуждениях и наказаниях, в том числе в рамках военных судов, в связи с нарушениями прав человека, совершенными государственными служащими против гражданского населения в Чечне и других районах Северного Кавказа, с разбивкой по типу преступлений.

15. Комитет испытывает беспокойство по поводу непрекращающихся и подкрепляемых соответствующими материалами сообщений об актах пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов и другими государственными служащими, в том числе в отношении лиц, находящихся под стражей в отделениях милиции, следственных изоляторах и тюрьмах. Комитет обеспокоен крайне низкими показателями осуждения соответствующих государственных служащих по статье 117 (истязание) Уголовного кодекса, а также по поводу того, что судебные преследования в связи с актами пыток в большинстве случаев осуществляются по статье 286 (превышение должностных полномочий) и статье 302 (принуждение к даче показаний) Уголовного кодекса. Принимая к сведению создание следственных комитетов

согласно указу от 2 августа 2007 года, Комитет, вместе с тем, отмечает, что данные комитеты подчинены прокуратуре и в силу этого, возможно, не обладают необходимой независимостью при рассмотрении заявлений о пытках со стороны государственных должностных лиц. Комитет также выражает озабоченность по поводу сообщений о том, что расследования и судебные преследования лиц, предположительно виновных в совершении актов пыток и жестокого обращения, часто сопровождаются необоснованными задержками и/или приостановлением процедур и что на практике бремя доказательства лежит на потерпевших. Кроме того, приветствуя принятие Федерального закона 2008 года об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, Комитет с обеспокоенностью отмечает отсутствие функционирующей национальной системы, укомплектованной полностью подготовленными специалистами, для осуществления контроля в отношении всех мест принудительного содержания и случаев предполагаемых злоупотреблений применительно к лицам, содержащимся под стражей (ст. 6, 7 и 14).

Государству-участнику следует:

а) рассмотреть вопрос о внесении изменений в Уголовный кодекс, чтобы установить уголовную ответственность за пытки как таковые;

б) принять все необходимые меры к тому, чтобы в полном объеме функционирующий независимый механизм контроля за обеспечением прав человека мог осуществлять контроль в отношении всех мест принудительного содержания и случаев предполагаемых злоупотреблений применительно к лицам, содержащимся под стражей, обеспечив регулярные, независимые, не объявляемые заранее и неограниченные посещения всех мест принудительного содержания, и привлекать виновных к уголовной и дисциплинарной ответственности;

с) обеспечить, чтобы все предполагаемые случаи пыток, жестокого обращения и чрезмерного применения силы со стороны сотрудников правоохранительных органов подвергались всесторонним и быстрым расследованиям, проводимым структурой, независимой от обычных прокурорских и милицеских органов, чтобы лица, признанные виновными, подвергались наказаниям согласно законам, гарантирующим соразмерность приговоров тяжести совершенных преступлений, и чтобы потерпевшим или их семьям предоставлялась компенсация.

16. Комитет выражает беспокойство по поводу тревожных масштабов угроз, нападения с применением насилия и убийств, которым подвергаются журналисты и правозащитники в государстве-участнике, что создает атмосферу страха и оказывает парализующее влияние на средства массовой информации, в том числе те, которые работают на Северном Кавказе, и испытывает сожаление по поводу того, что государство-участник не принимает достаточно эффективных мер для защиты права на жизнь и безопасность этих лиц (ст. 6, 7 и 19).

Государству-участнику настоятельно предлагается:

а) незамедлительно принять меры для обеспечения эффективной защиты журналистов и правозащитников, жизнь которых подвергается угрозе в связи с их профессиональной деятельностью;

б) обеспечить проведение оперативных, эффективных, всесторонних, независимых и беспристрастных расследований в связи с угрозами, нападениями с применением насилия и убийствами, которым подвергаются журналисты и правозащитники, и в соответствующих случаях привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении таких актов, и возбуждать против них судебные преследования;

с) представить Комитету подробную информацию о ходе всех уголовных разбирательств, связанных с угрозами, нападениями с применением насилия и убийствами, которым подвергаются журналисты и правозащитники в государстве-участнике, за период с 2003 по 2009 год.

17. Комитет обеспокоен сообщениями о том, что государство-участник осуществляет экстрадицию и неофициальную передачу иностранных граждан в страны, в которых, по сообщениям, применяется практика пыток, опираясь при этом на дипломатические гарантии, особенно в рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года. В частности, Комитет с озабоченностью отмечает возвращение в Узбекистан лиц, подозреваемых в причастности к акциям протеста, которые имели место в Андижане в 2005 году (ст. 6, 7 и 13).

Государству-участнику следует обеспечить, чтобы ни одно лицо, включая лиц, подозреваемых в причастности к терроризму, которое выдается или подвергается неофициальной передаче, будь то в контексте Шанхайской организации сотрудничества или за ее рамками, не подвергалось опасности применения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Кроме того, государству-участнику следует признать, что чем более систематический характер носит практика пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, тем меньше вероятность того, что дипломатические гарантии позволят устранить реальный риск применения такого обращения, сколь бы строгой ни была любая согласованная процедура последующих мер. Государству-участнику следует проявлять крайнюю осторожность в использовании таких гарантий и принять четкие и транспарентные процедуры, позволяющие надлежащим судебным механизмам проводить обзор до осуществления депортации, а также эффективные средства для того, чтобы можно было проследить судьбу соответствующих лиц.

18. Приветствуя различные меры, принятые государством-участником для борьбы с торговлей людьми, особенно в рамках законодательства и международного сотрудничества, Комитет обеспокоен заметным отсутствием признания прав и интересов жертв торговли людьми в контексте усилий государства-участника, направленных на борьбу с такой торговлей (ст. 8).

Государству-участнику следует в первоочередном порядке принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы жертвы торговли людьми получали медицинскую, психологическую, социальную или юридическую помощь. Следует обеспечить защиту всех свидетелей и жертв торговли людьми, с тем чтобы они могли иметь убежище и возможность давать показания против лиц, на которых лежит ответственность за соответствующие акты. Государству-участнику следует также и далее укреплять международное сотрудничество, а также существующие меры по борьбе с торговлей людьми и спросом в контексте такой торговли, выделяя достаточные ресурсы для привлечения виновных к судебной ответственности и применения к лицам, признанным ответственными за совершение таких актов, соответствующих наказаний.

19. Комитет выражает озабоченность по поводу значительного числа лиц, страдающих психическими расстройствами, которые лишены дееспособности в государстве-участнике, и очевидного отсутствия надлежащих процессуальных и материальных гарантий против чрезмерных ограничений в отношении осуществления ими тех прав, которые закреплены в Пакте. В частности, Комитет испытывает обеспокоенность по поводу отсутствия процессуальных гарантий и возможностей подачи апелляции против судебного решения о лишении того или иного лица дееспособности, которое основано лишь на наличии психиатрического диагноза, а также против решения о помещении того или иного лица в специализированное учреждение, которое нередко следует

за лишением дееспособности. Комитет также испытывает беспокойство по поводу того, что лица, лишённые дееспособности, не имеют правовых средств обжалования других нарушений их прав, в том числе жестокого обращения или злоупотреблений со стороны охранников и/или сотрудников специализированных учреждений, в которые они помещены, что дополнительно усугубляется отсутствием независимого механизма инспектирования психиатрических учреждений (ст. 9 и 10).

Государству-участнику следует:

а) пересмотреть свою политику лишения лиц с психическими расстройствами их дееспособности и определять необходимость и соразмерность любой меры на индивидуальной основе с соблюдением эффективных процессуальных гарантий и при обеспечении во всех случаях того, чтобы все лица, которые были лишены дееспособности, имели быстрый доступ к механизму эффективного судебного пересмотра изначального решения и в тех случаях, когда это применимо, решения о помещении их в специальное учреждение;

б) обеспечить, чтобы лица с психическими расстройствами могли осуществлять свое право на использование эффективного средства правовой защиты от нарушений их прав, и рассмотреть возможность использования менее ограничительных альтернатив принудительному ограничению свободы и лечению лиц с психическими расстройствами;

с) принять надлежащие меры для предупреждения всех форм жестокого обращения в психиатрических учреждениях, в том числе путем создания систем проведения инспекций, действующих на основе принятых Организацией Объединённых Наций Принципов защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (принятых Генеральной Ассамблеей в резолюции 46/119).

20. Приветствуя принятие Федеральной целевой программы развития уголовно-исполнительной системы на 2007-2016 годы в соответствии с решением № 540 правительства, принятым в сентябре 2006 года, а также общее сокращение числа содержащихся в тюрьмах лиц с целью соблюдения установленных норм санитарной площади и выделения необходимых ресурсов, Комитет по-прежнему обеспокоен переполнением тюрем, которое продолжает оставаться проблемой в некоторых районах, как признало государство-участник (ст. 10).

Государству-участнику следует продолжать принимать меры с целью улучшения условий содержания под стражей лишённых свободы лиц в соответствии с его Федеральной целевой программой, в частности в связи с проблемой переполнения тюрем, с целью обеспечения полного соблюдения требований статьи 10.

21. Комитет обеспокоен отсутствием независимости судей в государстве-участнике. В частности, Комитет озабочен механизмом назначения судей, в результате которого они подвержены политическому давлению, и отсутствием независимого дисциплинарного механизма, в частности в случаях коррупции. Комитет также обеспокоен относительно низким числом оправдательных приговоров по уголовным делам (ст. 2 и 14).

Государству-участнику следует изменить соответствующие положения национальных законов для обеспечения полной независимости судей от исполнительной власти и рассмотреть возможность создания, в дополнение к коллегиальному органу судей, независимого органа, отвечающего за вопросы, касающиеся назначения судей и их продвижения по службе, а также за соблюдение ими дисциплинарных положений.

22. Комитет выражает обеспокоенность относительно потенциального воздействия предложенного законопроекта о деятельности адвокатов и их коллегий на независимость юристов и осуществление права на справедливое судебное разбирательство.

тво, закрепленного в статье 14 Пакта. В частности, он с беспокойством отмечает, что этот законопроект предлагает наделить Государственное регистрационное агентство полномочиями лишать при определенных обстоятельствах адвокатов лицензии по решению суда без предварительного одобрения коллегией адвокатов и получать доступ к досье адвокатов по расследуемым делам и запрашивать информацию по любым делам, которыми они занимаются (ст. 14).

Государству-участнику следует пересмотреть совместимость предложенного законопроекта о деятельности адвокатов и коллегий адвокатов с его обязательствами по статье 14 Пакта, а также статье 22 Основных принципов, касающихся роли юристов, и воздерживаться от принятия любых мер, которые представляют собой притеснение или преследование адвокатов и неоправданное вмешательство в их деятельность по защите клиентов.

23. Приветствуя сокращение в 2008 году предусмотренного законом срока альтернативной гражданской службы для лиц, отказывающихся от прохождения военной службы по соображениям совести, с 42-х месяцев до 21-го, Комитет с обеспокоенностью отмечает, что продолжительность такой службы по-прежнему в 1,75 раза превышает продолжительность военной службы и что государство-участник по-прежнему считает, что дискриминация, которой подвергаются лица, отказывающиеся проходить военную службу по соображениям совести, обусловлена «льготным порядком» прохождения такой альтернативной службы (пункт 151, CCPR/C/RUS/6). Комитет с сожалением отмечает, что по своему характеру условия прохождения альтернативной службы представляют собой наказание, включая требование о прохождении такой службы за пределами постоянного места жительства, получение низкой зарплаты, размер которой ниже прожиточного минимума в случае лиц, направленных работать в социальные организации, и ограничения свободы передвижения соответствующих лиц. Комитет также обеспокоен тем, что за оценку заявлений, проводимую призывной комиссией для такой службы, отвечает Министерство обороны (ст. 18, 19, 21, 22 и 25).

Государству-участнику следует в полной мере признать право на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести и обеспечить, чтобы продолжительность и характер гражданской службы, представляющей собой альтернативу военной службе, не являлись равносильными наказанию. Государству-участнику следует также рассмотреть возможность того, чтобы оценка заявлений о получении статуса лица, отказывающегося от прохождения военной службы по соображениям совести, целиком проводилась гражданскими органами.

24. Комитет обеспокоен тем, что профессиональные работники средств массовой информации по-прежнему становятся объектами политически мотивированных судебных процессов и осуждений и, в частности, тем, что практическое применение Закона о средствах массовой информации, а также произвольное использование законов о диффамации служат сдерживающим фактором для критических выступлений средств массовой информации по вопросам, представляющим действительный общественный интерес, что негативным образом сказывается на свободе выражения мнений в государстве-участнике (ст. 9, 14 и 19).

Государству-участнику следует обеспечить, чтобы журналисты могли продолжать заниматься своей профессиональной деятельностью, не опасаясь привлечения к судебной ответственности и возбуждения против них дел о клевете за критику политики правительства или правительственных должностных лиц. С этой целью государству-участнику следует:

а) внести изменения в Уголовный кодекс, с тем чтобы отразить принцип, согласно которому публичные деятели должны мириться с более высокой степенью критики, нежели простые граждане;

б) декриминализировать диффамацию и рассматривать соответствующие правонарушения только в рамках гражданского судопроизводства, ограничивая размер любых выплат в порядке компенсации причиненного вреда;

с) предусмотреть выплату компенсаций журналистам и правозащитникам, подвергавшимся лишению свободы в нарушение статей 9 и 19 Пакта;

д) привести соответствующие положения Закона о средствах массовой информации в соответствие со статьей 19 Пакта, обеспечив надлежащее равновесие между защитой репутации человека и свободой выражения мнений.

25. С учетом наличия многочисленных сообщений о том, что законы об экстремизме используются против организаций и отдельных лиц, критикующих правительство, Комитет выражает сожаление в связи с тем, что определение «экстремистской деятельности» в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» остается расплывчатым, допускающим произвольный подход к его применению, а также в связи с тем, что вследствие внесенных в этот Закон в 2006 году изменений некоторые формы диффамации государственных должностных лиц объявлены актами экстремизма. Комитет с обеспокоенностью отмечает также, что некоторые положения статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» включают меры, не предусмотренные в Уголовном кодексе и наказываемые только в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, такие как массовое распространение экстремистских материалов, применение которых может не подлежать судебному пересмотру. Комитет обеспокоен также тем, насколько свободным образом трактуется судами определение «социальных групп» в статье 148 Уголовного кодекса, и их ссылкой на мнение различных экспертов в этом отношении, обеспечивающей защиту государственных органов и должностных лиц от «экстремизма» (ст. 9 и 19).

Комитет подтверждает свою ранее сформулированную рекомендацию (CCPR/CO/79/RUS, пункт 20) о том, что государству-участнику следует пересмотреть Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», с тем чтобы сделать определение «экстремистской деятельности» более точным и тем самым исключить любую возможность его произвольного применения и рассмотреть вопрос об отмене поправки 2006 года. Кроме того, при определении, является ли письменный материал «экстремистской литературой», государству-участнику следует принять все меры по обеспечению независимости экспертов, на заключениях которых основываются решения судов, и гарантировать право обвиняемого на контрэкспертизу с привлечением альтернативного эксперта. Государству-участнику следует также дать определение понятию «социальные группы» в том виде, как оно предусмотрено в статье 148 Уголовного кодекса, таким образом, чтобы оно не включало органы государства или государственных должностных лиц.

26. Комитет обеспокоен сообщениями о чрезмерном применении силы сотрудниками милиции в ходе демонстраций, в частности в связи с выборами в Думу в 2007 году и президентскими выборами в 2008 году, и выражает сожаление по поводу того, что он не получил от государства-участника никакой информации о расследовании соответствующих случаев или мерах по привлечению к судебной ответственности, принятых в отношении сотрудников милиции в связи со случаями чрезмерного применения силы (ст.21).

Государству-участнику следует представить подробную информацию о результатах любых расследований, судебных преследований и дисциплинарных мер, принятых в отношении сотрудников милиции в связи с предполагаемыми случаями чрезмерного применения силы в контексте выборов в Думу в 2007 году и президентских выборов в

2008 году. Государству-участнику следует создать независимый орган, полномочный получать, расследовать и урегулировать все жалобы, связанные с чрезмерным применением силы и другими злоупотреблениями полномочиями со стороны сотрудников милиции.

27. Комитет с обеспокоенностью отмечает, что, несмотря на внесенные в июле 2009 года поправки, ограничения в отношении регистрации и функционирования ассоциаций, неправительственных организаций и политических партий, предусмотренные Законом о некоммерческих организациях 2006 года, по-прежнему серьезно сдерживают осуществление прав на свободу выражения мнений, свободу ассоциации и собраний в государстве-участнике. Комитет также с сожалением отмечает, что меры, принятые государством-участником с целью сокращения числа международных доноров, пользующихся в Российской Федерации налоговыми льготами, привели к резкому сокращению финансирования иностранными донорами деятельности неправительственных организаций (ст. 19, 21 и 22).

Государству-участнику следует обеспечить, чтобы любое ограничение деятельности неправительственных организаций в соответствии с Законом о некоммерческих организациях 2006 года соответствовало положениям Пакта путем внесения, при необходимости, в этот Закон соответствующих поправок. Государству-участнику следует воздерживаться от принятия любых мер политического характера, которые прямо или косвенно ограничивают или сдерживают возможность неправительственных организаций свободно и эффективно осуществлять свою деятельность.

28. Комитет обеспокоен актами насилия в отношении лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ), включая сообщения о притеснениях со стороны милиции и инциденты, когда люди становились объектами нападений или убийств по причине их сексуальной ориентации. Комитет с обеспокоенностью отмечает систематическую дискриминацию в государстве-участнике в отношении индивидуумов по признаку их сексуальной ориентации, включая мотивированные ненавистью высказывания, проявления нетерпимости и предубеждения со стороны государственных должностных лиц, религиозных лидеров и средств массовой информации. Комитет также обеспокоен дискриминацией в области трудоустройства, здравоохранения, образования и в других областях, а также ограничением права на свободу собраний и ассоциаций, и отмечает отсутствие законодательства, конкретно запрещающего дискриминацию по признаку сексуальной ориентации (ст. 26).

Государству-участнику следует:

а) обеспечить эффективную защиту от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации, в частности путем принятия комплексного антидискриминационного законодательства, включающего запрещение дискриминации по признаку сексуальной ориентации;

б) активизировать усилия по борьбе с дискриминацией в отношении ЛГБТ, в том числе путем проведения информационно-просветительской кампании среди населения, а также обеспечения надлежащей подготовки для сотрудников правоохранительных органов;

с) принять все необходимые меры для обеспечения осуществления на практике права на мирные ассоциации и собрания для сообщества ЛГБТ.

29. Приветствуя распоряжение № 132 от 4 февраля 2009 года об устойчивом развитии коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и соответствующий план действий на период 2009-2011 годов, Комитет выражает обеспокоенность относительно предполагаемых неблагоприятных последствий для коренных народов:

а) принятой в 2004 году поправки к статье 4 Федерального закона о гарантиях прав

коренных малочисленных народов; б) процесса консолидации входящих в Российскую Федерацию территорий за счет поглощения национальных автономных районов; и с) эксплуатации земель, зон рыболовства и природных ресурсов, традиционно принадлежащих коренным народам, в результате предоставления лицензий частным компаниям на осуществление проектов в области развития, таких как строительство нефтепроводов и гидроэлектростанций (ст. 27).

Государству-участнику следует представить в своем следующем периодическом докладе подробную информацию о воздействии этих мер на районы традиционного проживания, уклад жизни и виды экономической деятельности коренных народов в государстве-участнике, а также на использование ими прав, гарантированных в статье 27 Пакта.

30. Комитет просит государство-участника опубликовать свой шестой периодический доклад и настоящие заключительные замечания, обеспечив их широкое распространение среди населения в целом и среди судебных, законодательных и административных органов. Соответствующие копии должны иметься в университетах, публичных библиотеках, библиотеке парламента, коллегиях адвокатов и в других соответствующих местах. Комитет просит также государство-участника обеспечить доступ к шестому периодическому докладу и настоящим заключительным замечаниям гражданского общества и действующих в государстве-участнике неправительственных организаций. Комитет рекомендует перевести доклад и заключительные замечания, помимо перевода на русский язык, на основные языки меньшинств, используемые в Российской Федерации.

31. В соответствии с пунктом 5 правила 71 правил процедуры Комитета государству-участнику следует представить в течение одного года соответствующую информацию об осуществлении им рекомендаций, содержащихся в пунктах 13, 14, 16 и 17 выше.

32. Комитет просит государство-участника включить в его седьмой периодический доклад, подлежащий представлению к 1 ноября 2012 года, конкретную обновленную информацию о последующих мерах, принятых в связи со всеми сделанными рекомендациями, и об осуществлении Пакта в целом. Комитет просит также обеспечить подготовку седьмого периодического доклада в консультации с действующими в государстве-участнике организациями гражданского общества.

1. Заявление Президента РФ 26 августа 2008 г.
2. Указы Президента РФ о признании Абхазии и Южной Осетии.
3. Указы Президента РФ о назначении Послов РФ в Абхазию и Южную Осетию.
4. Договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Абхазией.
5. Договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Южной Осетией.
6. Выступления президентов РФ, Абхазии и Южной Осетии после подписания договоров о дружбе и сотрудничестве.
7. Федеральные законы РФ о ратификации договоров РФ с Абхазией и Южной Осетией.

Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева 26 августа 2008 года, 15:00

Уважаемые граждане России!

Вы, безусловно, знаете о трагедии Южной Осетии: ночной расстрел Цхинвала грузинскими войсками привел к гибели сотен наших мирных граждан, погибли российские миротворцы, до конца выполнившие свой долг по защите женщин, детей и стариков.

Грузинское руководство в нарушение Устава ООН, своих обязательств по международным соглашениям, вопреки здравому смыслу развязало вооруженный конфликт, жертвами которого стали мирные люди. Эта же участь ждала Абхазию. Очевидно, в Тбилиси рассчитывали на блицкриг, который поставил бы мировое сообщество перед свершившимся фактом. Был выбран самый бесчеловечный способ добиться своей цели – присоединить Южную Осетию ценой уничтожения целого народа.

Это была не первая попытка. В 1991 году президент Грузии Гамсахурдия с призывом «Грузия – для грузин» – только вздумайте в эти слова! – приказал штурмовать Сухум и Цхинвал. Тысячи погибших, десятки тысяч беженцев, разоренные села – вот к чему тогда это привело. Именно Россия в тот момент остановила истребление абхазского и осетинского народов. Наша страна стала посредником и миротворцем, добиваясь политического урегулирования. При этом мы неизменно исходили из признания территориальной целостности Грузии.

Грузинское руководство выбрало другой путь: срыв переговорного процесса, игнорирование достигнутых договоренностей, политические и военные провокации, нападения на миротворцев – все это грубо нарушало режим в зонах конфликта, установленный при поддержке ООН и ОБСЕ.

Россия проявляла выдержку и терпение. Мы неоднократно призывали вернуться за стол переговоров и не отошли от своей позиции даже после одностороннего провозглашения независимости Косово. Но наши настойчивые предложения к грузинской стороне заключить с Абхазией и Южной Осетией договоренности о неприменении силы остались без ответа. К сожалению, их проигнорировали и в НАТО, и даже в ООН.

Сейчас понятно: мирное разрешение конфликта в планы Тбилиси не входило – грузинское руководство методично готовилось к войне, а политическая и материальная поддержка внешних покровителей только укрепляла ощущение собственной безнаказанности.

В ночь на 8 августа 2008 года в Тбилиси сделали свой выбор: Саакашвили избрал геноцид для решения своих политических задач. Этим он собственноручно перечеркнул все надежды на мирное существование осетин, абхазов и грузин в одном государстве. Народы Южной Осетии и Абхазии неоднократно высказывались на референдумах в поддержку независимости своих республик. Мы понимаем, что после того, что произошло в Цхинвале и планировалось в Абхазии, они имеют право решить свою судьбу сами.

Президенты Южной Осетии и Абхазии, основываясь на результатах референдумов и решениях республиканских парламентов, обратились к России с просьбой о признании государственного суверенитета Южной Осетии и Абхазии. Совет Федерации и Государственная Дума проголосовали в поддержку этих обращений.

Исходя из сложившейся ситуации, необходимо принять решение. Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами, – я подписал указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии.

Россия призывает другие государства последовать ее примеру. Это нелегкий выбор, но это единственная возможность сохранить жизни людей.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О признании Республики Абхазия

1. Учитывая волеизъявление абхазского народа, признать Республику Абхазия в качестве суверенного и независимого государства.

2. Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с Абхазской Стороной переговоры об установлении дипломатических отношений и достигнутую договоренность оформить соответствующими документами.

3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти переговоры с Абхазской Стороной о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и представить в установленном порядке предложение о его подписании.

4. В связи с обращением Президента Республики Абхазия Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, упомянутого в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Республики Абхазия функций по поддержанию мира.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
26 августа 2008 года
№ 1260

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О признании Республики Южная Осетия

1. Учитывая волеизъявление югоосетинского народа, признать Республику Южная Осетия в качестве суверенного и независимого государства.
2. Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с Югоосетинской Стороной переговоры об установлении дипломатических отношений и достигнутую договоренность оформить соответствующими документами.
3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти переговоры с Югоосетинской Стороной о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и представить в установленном порядке предложение о его подписании.
4. В связи с обращением Президента Республики Южная Осетия Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, упомянутого в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Республики Южная Осетия функций по поддержанию мира.
5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
26 августа 2008 года
№ 1261

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О назначении Григорьева С.В. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Абхазия

Назначить Григорьева Семена Вячеславовича Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Абхазия.

Президент

Российской Федерации

Д.Медведев

Москва, Кремль
25 октября 2008 года
№ 1527

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О назначении Каргиева Э.К. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Южная Осетия

Назначить Каргиева Эльбруса Каникоевича Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Южная Осетия.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
25 октября 2008 года
№ 1528

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ АБХАЗИЯ (Москва, 17 сентября 2008 года)

Российская Федерация и Республика Абхазия, именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами, опираясь на исторически сложившиеся прочные связи, традиции дружбы и доброго общения своих народов, считая, что укрепление дружественных отношений, добрососедства и взаимопомощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия отвечает коренным национальным интересам народов обоих государств, служит делу мира, безопасности и стабильности в Закавказском регионе, подтверждая свою приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, прежде всего целям и принципам Устава ООН, желая поднять свои отношения на качественно новый уровень, подтверждая свою приверженность соблюдению общепризнанных норм в области прав человека, стремясь к упрочению всеобщего мира и международного сотрудничества, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны будут строить свои отношения как дружественные государства, последовательно руководствуясь принципами взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, мирного урегулирования споров и неприменения силы или угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, равноправия и невмешательства во внутренние дела, соблюдения и защиты прав человека и основных свобод, добросовестного выполнения международных обязательств, а также другими общепризнанными принципами и нормами международного права.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны будут тесно сотрудничать в области внешней политики, взаимодействовать в деле укрепления мира, повышения стабильности и безопасности в Закавказском регионе и регулярно проводить в этих целях консультации по международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес. Они обязуются прилагать скоординированные усилия для содействия урегулированию региональных конфликтов и иных ситуаций, затрагивающих интересы Договаривающихся Сторон.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны будут тесно взаимодействовать друг с другом в деле защиты суверенитета, территориальной целостности и обеспечения безопасности Российской Федерации и Республики Абхазия. Они будут безотлагательно консультироваться между собой каждый раз, когда, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, возникнет угроза нападения на нее, в целях обеспечения совместной обороны, поддержания мира и взаимной безопасности. В ходе этих консультаций будут определяться необходимость, виды и размеры помощи, которую одна Договаривающаяся Сторона окажет другой Договаривающейся Стороне в целях содействия устранению возникшей угрозы.

Статья 4

Договаривающиеся Стороны будут совместно принимать все доступные им меры для устранения угрозы миру, нарушения мира, а также для противодействия актам агрессии против них со стороны любого государства или группы государств и оказывать друг другу необходимую помощь, включая военную, в порядке осуществления

права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.

Статья 5

В целях обеспечения безопасности Договаривающихся Сторон, а также мира и стабильности в Закавказском регионе каждая из Договаривающихся Сторон будет предоставлять другой Договаривающейся Стороне право строительства, использования и совершенствования ее вооруженными силами военной инфраструктуры и военных баз (объектов) на своей территории.

Условия и порядок реализации такого права в каждом конкретном случае будут определяться отдельными соглашениями.

Договаривающиеся Стороны заключат отдельные соглашения о военном сотрудничестве.

Статья 6

Договаривающиеся Стороны не будут участвовать в каких-либо блоках или союзах, направленных против любой из них.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет воздерживаться от участия в любых действиях или мероприятиях, направленных прямо или косвенно против другой Договаривающейся Стороны, или от их поддержки и не допустит, чтобы ее территория каким-либо образом была использована в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой Договаривающейся Стороны, а также не будет оказывать помощь третьим государствам при возникновении вооруженных конфликтов между этими государствами и другой Договаривающейся Стороной.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны подтверждают и уважают территориальную целостность и нерушимость существующих границ Российской Федерации и Республики Абхазия. Стороны заключат отдельное соглашение о прохождении государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Абхазия.

Охрана государственной границы Республики Абхазия будет осуществляться совместными усилиями Договаривающихся Сторон исходя из интересов их собственной безопасности, а также мира и стабильности в Закавказском регионе.

Договаривающиеся Стороны заключат по этому вопросу отдельное соглашение.

Статья 8

Граждане одной Договаривающейся Стороны могут иметь гражданство другой Договаривающейся Стороны на условиях и в порядке, установленных законодательством Договаривающейся Стороны, гражданство которой приобретается.

В целях урегулирования вопросов двойного гражданства Договаривающиеся Стороны заключат отдельное соглашение.

Статья 9

На территории каждой из Договаривающихся Сторон признаются документы, выданные государственными органами и органами местного самоуправления другой Договаривающейся Стороны.

Статья 10

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется гарантировать лицам, проживающим на ее территории, независимо от их расы, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного или иного положения, гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет защищать права своих граждан, проживающих на территории другой Договаривающейся Стороны, оказывать им покровительство и поддержку в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Каждый гражданин Республики Абхазия имеет право на защиту на территории третьего государства, где не имеется представительства Республики Абхазия, со стороны дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации на тех же условиях, что и граждане Российской Федерации.

Статья 11

Договаривающиеся Стороны будут принимать необходимые меры для обеспечения свободного въезда граждан своих государств на территории Договаривающихся Сторон, их выезда с этих территорий и передвижения по ним.

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать общий режим для въезда их граждан в третьи государства и выезда из них. Договаривающиеся Стороны будут разрабатывать и осуществлять согласованный комплекс мер по регулированию режима въезда граждан третьих государств на их территории и выезда этих граждан с их территорий.

Статья 12

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять на своих территориях эффективные меры, включая принятие соответствующих законодательных актов, для предотвращения и пресечения любых действий, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп населения, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной нетерпимости, враждебности или ненависти.

Договаривающиеся Стороны будут принимать на своих территориях эффективные меры по защите лиц или групп населения, которые подвергаются или могут подвергнуться угрозам или актам насилия, дискриминации или враждебности по причинам их этнической, языковой, культурной или религиозной самобытности, а также по защите их собственности.

Статья 13

Договаривающиеся Стороны будут обеспечивать защиту этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности национальных меньшинств на своих территориях и создавать условия для сохранения и развития этой самобытности.

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется гарантировать право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле.

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать защиту прав и свобод лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и гарантируют этим лицам право на равенство перед законом и равную защиту со стороны закона без какой-либо дискриминации.

Договаривающиеся Стороны будут создавать необходимые условия для эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни, а также в ведении государственных дел, в частности в вопросах, их касающихся.

Статья 14

Правовой режим государственного имущества, имущества юридических лиц и граждан одной Договаривающейся Стороны, находящегося на территории другой Договаривающейся Стороны, регулируется законодательством Договаривающейся Сто-

роны места нахождения имущества, если в дальнейшем иное не будет предусмотрено соответствующими двусторонними соглашениями между Договаривающимися Сторонами.

Если одна из Договаривающихся Сторон заявляет о принадлежности ей находящегося на территории другой Договаривающейся Стороны имущества, на которое предъявляют претензии третьи лица или государства, то другая Договаривающаяся Сторона обязана принять все необходимые меры по охране и сохранению такого имущества до окончательного решения вопроса о его принадлежности.

Статья 15

Договаривающиеся Стороны стремятся к достижению высокой степени экономической интеграции и в этих целях будут развивать торгово-экономическое сотрудничество, принимать меры для транспортных систем, взаимоувязывания систем связи и телекоммуникаций.

До достижения этих целей экономические и торговые отношения Договаривающихся Сторон будут строиться на основе взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования или национального режима, в зависимости от того, какой из них наиболее благоприятен.

Договаривающиеся Стороны обеспечат развитие экономических, торговых, научно-технических отношений на уровне:

- органов государственной власти;
- банков и финансовой системы;
- органов территориального и местного (муниципального) управления;
- предприятий, объединений, организаций и учреждений;
- совместных предприятий и организаций;
- индивидуальных предпринимателей.

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять широкий обмен экономической информацией и обеспечивать доступ к ней предприятий, предпринимателей и ученых обеих Договаривающихся Сторон.

Договаривающиеся Стороны заключат соглашения о развитии торгово-экономического, научно-технического и других направлений сотрудничества.

Статья 16

Российская Федерация будет принимать эффективные меры для поддержания и функционирования финансовой и банковской систем Республики Абхазия, исходя из того, что платежным средством на территории Республики Абхазия является российский рубль.

Статья 17

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать благоприятные экономические, финансовые и правовые условия для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, включая стимулирование и взаимную защиту инвестиций, всемерно поощрять различные формы кооперации и прямых связей между гражданами, предприятиями, фирмами и другими субъектами экономического сотрудничества обеих Договаривающихся Сторон.

Статья 18

Договаривающиеся Стороны будут оказывать друг другу содействие в ликвидации последствий крупных экологических катастроф на их территориях, а также взаимную помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций, вызванных природными и техногенными факторами и создающих угрозу для жизнедеятельности населения.

Статья 19

Договаривающиеся Стороны будут всемерно способствовать сотрудничеству и контактам в областях культуры, искусства, образования, туризма и спорта, содействовать свободному информационному обмену. Договаривающиеся Стороны заключат отдельные соглашения по этим вопросам.

Республика Абхазия будет поощрять изучение русского языка в ее дошкольных учреждениях и учебных заведениях.

Статья 20

Договаривающиеся Стороны будут развивать сотрудничество в области здравоохранения, в социальной и гуманитарной сферах, признавая необходимость совместных действий по охране здоровья населения, развитию медицинской науки и практики, соответствующей материально-технической базы, обеспечению лекарственными средствами, изделиями медицинской техники и продуктами детского питания.

Статья 21

Договаривающиеся Стороны урегулируют вопросы в сфере здравоохранения и социального обеспечения граждан одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны специальными соглашениями.

Статья 22

Договаривающиеся Стороны будут развивать сотрудничество в области науки и техники, поощряя прямые связи между учебными заведениями, научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими учреждениями, осуществление совместных программ и разработок, в особенности в приоритетных направлениях и в области передовых технологий.

Договаривающиеся Стороны обязуются взаимодействовать и создавать благоприятные условия в области подготовки кадров, обмена учеными, специалистами, аспирантами и студентами, взаимно признавать дипломы об образовании, ученые звания и степени.

Договаривающиеся Стороны заключат отдельное соглашение по вопросам науки и образования.

Статья 23

Договаривающиеся Стороны будут принимать меры по унификации законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, включая гражданское и налоговое законодательство, а также законодательство в области социальной защиты населения и пенсионного обеспечения.

Статья 24

Договаривающиеся Стороны в соответствии с нормами международного права и своим национальным законодательством будут осуществлять сотрудничество в борьбе с преступностью, терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, незаконным оборотом наркотиков, незаконной миграцией, а также с противоправными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, морского судоходства и других видов транспорта, с контрабандой и хищением культурных ценностей.

Статья 25

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять регулярный обмен информацией о разработке, принятии и применении правовых актов и международно-правовых документов.

Статья 26

Договаривающиеся Стороны обязуются уделять особое внимание развитию контактов и сотрудничества между парламентами и парламентариями обоих государств.

Статья 27

Споры между Договаривающимися Сторонами относительно толкования и применения настоящего Договора подлежат разрешению путем переговоров.

Статья 28

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Статья 29

Настоящий Договор заключается сроком на 10 лет.

Его действие будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон не заявит путем письменного уведомления о своем желании прекратить его действие не позднее чем за шесть месяцев до истечения очередного периода.

К моменту выхода соответствующая Договаривающаяся Сторона должна выполнить все обязательства, возникшие за время ее участия в настоящем Договоре.

Статья 30

В настоящий Договор могут быть внесены изменения и дополнения, являющиеся его неотъемлемой частью, которые оформляются отдельными протоколами. Изменения и дополнения могут быть предложены любой из Договаривающихся Сторон путем направления соответствующего уведомления другой Договаривающейся Стороне.

Статья 30

В целях реализации настоящего Договора Договаривающиеся Стороны при необходимости заключат между собой другие договоры и соглашения и создадут соответствующие координирующие органы.

Совершено в городе Москве 17 сентября 2008 года в двух экземплярах, каждый на русском и абхазском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

**ДОГОВОР
О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
(Москва, 17 сентября 2008 года)**

Российская Федерация и Республика Южная Осетия, именуемые в дальнейшем Договаривающимися Сторонами, опираясь на исторически сложившиеся прочные связи, традиции дружбы и доброго общения своих народов, считая, что укрепление дружественных отношений, добрососедства и взаимопомощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия отвечает коренным национальным интересам народов обоих государств, служит делу мира, безопасности и стабильности в Закавказском регионе, подтверждая свою приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, прежде всего целям и принципам Устава ООН, желая поднять свои отношения на качественно новый уровень, подтверждая свою приверженность соблюдению общепризнанных норм в области прав человека, стремясь к упрочению всеобщего мира и международного сотрудничества, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны будут строить свои отношения как дружественные государства, последовательно руководствуясь принципами взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, мирного урегулирования

споров и неприменения силы или угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, равноправия и невмешательства во внутренние дела, соблюдения и защиты прав человека и основных свобод, добросовестного выполнения международных обязательств, а также другими общепризнанными принципами и нормами международного права.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны будут тесно сотрудничать в области внешней политики, взаимодействовать в деле укрепления мира, повышения стабильности и безопасности в Закавказском регионе и регулярно проводить в этих целях консультации по международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес. Они обязуются прилагать скоординированные усилия для содействия урегулированию региональных конфликтов и иных ситуаций, затрагивающих интересы Договаривающихся Сторон.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны будут тесно взаимодействовать друг с другом в деле защиты суверенитета, территориальной целостности и обеспечения безопасности Российской Федерации и Республики Южная Осетия. Они будут безотлагательно консультироваться между собой каждый раз, когда, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, возникнет угроза нападения на нее, в целях обеспечения совместной обороны, поддержания мира и взаимной безопасности. В ходе этих консультаций будут определяться необходимость, виды и размеры помощи, которую одна Договаривающаяся Сторона окажет другой Договаривающейся Стороне в целях содействия устранению возникшей угрозы.

Статья 4

Договаривающиеся Стороны будут совместно принимать все доступные им меры для устранения угрозы миру, нарушения мира, а также для противодействия актам агрессии против них со стороны любого государства или группы государств и оказывать друг другу необходимую помощь, включая военную, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.

Статья 5

В целях обеспечения безопасности Договаривающихся Сторон, а также мира и стабильности в Закавказском регионе каждая из Договаривающихся Сторон будет предоставлять другой Договаривающейся Стороне право строительства, использования и совершенствования ее вооруженными силами военной инфраструктуры и военных баз (объектов) на своей территории.

Условия и порядок реализации такого права в каждом конкретном случае будут определяться отдельными соглашениями.

Договаривающиеся Стороны заключат отдельные соглашения о военном сотрудничестве.

Статья 6

Договаривающиеся Стороны не будут участвовать в каких-либо блоках или союзах, направленных против любой из них.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет воздерживаться от участия в любых действиях или мероприятиях, направленных прямо или косвенно против другой Договаривающейся Стороны, или от их поддержки и не допустит, чтобы ее территория каким-либо образом была использована в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой Договаривающейся Стороны, а также не будет оказывать помощь третьим государствам при возникновении

вооруженных конфликтов между этими государствами и другой Договаривающейся Стороной.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны подтверждают и уважают территориальную целостность и нерушимость существующих границ Российской Федерации и Республики Южная Осетия. Стороны заключат отдельное соглашение о прохождении государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия.

Охрана государственной границы Республики Южная Осетия будет осуществляться совместными усилиями Договаривающихся Сторон исходя из интересов их собственной безопасности, а также мира и стабильности в Закавказском регионе.

Договаривающиеся Стороны заключат по этому вопросу отдельное соглашение.

Статья 8

Граждане одной Договаривающейся Стороны могут иметь гражданство другой Договаривающейся Стороны на условиях и в порядке, установленных законодательством Договаривающейся Стороны, гражданство которой приобретается.

В целях урегулирования вопросов двойного гражданства Договаривающиеся Стороны заключат отдельное соглашение.

Статья 9

На территории каждой из Договаривающихся Сторон признаются документы, выданные государственными органами и органами местного самоуправления другой Договаривающейся Стороны.

Статья 10

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется гарантировать лицам, проживающим на ее территории, независимо от их расы, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного или иного положения, гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет защищать права своих граждан, проживающих на территории другой Договаривающейся Стороны, оказывать им покровительство и поддержку в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Каждый гражданин Республики Южная Осетия имеет право на защиту на территории третьего государства, где не имеется представительства Республики Южная Осетия, со стороны дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации на тех же условиях, что и граждане Российской Федерации.

Статья 11

Договаривающиеся Стороны будут принимать необходимые меры для обеспечения свободного въезда граждан своих государств на территории Договаривающихся Сторон, их выезда с этих территорий и передвижения по ним.

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать общий режим для въезда их граждан в третьи государства и выезда из них. Договаривающиеся Стороны будут разрабатывать и осуществлять согласованный комплекс мер по регулированию режима въезда граждан третьих государств на их территории и выезда этих граждан с их территорий.

Статья 12

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять на своих территориях эффективные меры, включая принятие соответствующих законодательных актов, для предотвращения и пресечения любых действий, которые представляют собой подстрекательство.

тельство к насилию против лиц или групп населения, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной нетерпимости, враждебности или ненависти.

Договаривающиеся Стороны будут принимать на своих территориях эффективные меры по защите лиц или групп населения, которые подвергаются или могут подвергнуться угрозам или актам насилия, дискриминации или враждебности по причинам их этнической, языковой, культурной или религиозной самобытности, а также по защите их собственности.

Статья 13

Договаривающиеся Стороны будут обеспечивать защиту этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности национальных меньшинств на своих территориях и создавать условия для сохранения и развития этой самобытности.

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется гарантировать право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле.

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать защиту прав и свобод лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и гарантируют этим лицам право на равенство перед законом и равную защиту со стороны закона без какой-либо дискриминации.

Договаривающиеся Стороны будут создавать необходимые условия для эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни, а также в ведении государственных дел, в частности в вопросах, их касающихся.

Статья 14

Правовой режим государственного имущества, имущества юридических лиц и граждан одной Договаривающейся Стороны, находящегося на территории другой Договаривающейся Стороны, регулируется законодательством Договаривающейся Стороны места нахождения имущества, если в дальнейшем иное не будет предусмотрено соответствующими двусторонними соглашениями между Договаривающимися Сторонами.

Если одна из Договаривающихся Сторон заявляет о принадлежности ей находящегося на территории другой Договаривающейся Стороны имущества, на которое предъявляют претензии третьи лица или государства, то другая Договаривающаяся Сторона обязана принять все необходимые меры по охране и сохранению такого имущества до окончательного решения вопроса о его принадлежности.

Статья 15

Договаривающиеся Стороны стремятся к достижению высокой степени экономической интеграции и в этих целях будут развивать торгово-экономическое сотрудничество, принимать меры для объединения энергетических и транспортных систем, взаимоувязывания систем связи и телекоммуникаций.

Договаривающиеся Стороны в торгово-экономических отношениях предоставляют друг другу режим не менее благоприятный, чем предоставляется любому третьему государству.

Договаривающиеся Стороны обеспечат развитие экономических, торговых, научно-технических отношений на уровне:

- органов государственной власти;
- банков и финансовой системы;
- органов территориального и местного (муниципального) управления;

- предприятий, объединений, организаций и учреждений;
- совместных предприятий и организаций;
- индивидуальных предпринимателей.

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять широкий обмен экономической информацией и обеспечивать доступ к ней предприятий, предпринимателей и ученых обеих Договаривающихся Сторон.

Договаривающиеся Стороны заключат соглашения о развитии торгово-экономического, научно-технического и других направлений сотрудничества.

Статья 16

Российская Федерация будет принимать эффективные меры для поддержания и функционирования финансовой и банковской систем Республики Южная Осетия, исходя из того, что платежным средством на территории Республики Южная Осетия является российский рубль.

Статья 17

Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечивать благоприятные экономические, финансовые и правовые условия для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, включая стимулирование и взаимную защиту инвестиций, всемерно поощрять различные формы кооперации и прямых связей между гражданами, предприятиями, фирмами и другими субъектами экономического сотрудничества обеих Договаривающихся Сторон.

Статья 18

Договаривающиеся Стороны будут оказывать друг другу содействие в ликвидации последствий крупных экологических катастроф на их территориях, а также взаимную помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций, вызванных природными и техногенными факторами и создающих угрозу для жизнедеятельности населения.

Статья 19

Договаривающиеся Стороны будут всемерно способствовать сотрудничеству и контактам в областях культуры, искусства, образования, туризма и спорта, содействовать свободному информационному обмену. Договаривающиеся Стороны заключат отдельные соглашения по этим вопросам.

Республика Южная Осетия будет поощрять изучение русского языка в ее дошкольных учреждениях и учебных заведениях.

Статья 20

Договаривающиеся Стороны будут развивать сотрудничество в области здравоохранения, в социальной и гуманитарной сферах, признавая необходимость совместных действий по охране здоровья населения, развитию медицинской науки и практики, соответствующей материально-технической базы, обеспечению лекарственными средствами, изделиями медицинской техники и продуктами детского питания.

Статья 21

Договаривающиеся Стороны урегулируют вопросы в сфере здравоохранения и социального обеспечения граждан одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны специальными соглашениями.

Статья 22

Договаривающиеся Стороны будут развивать сотрудничество в области науки и техники, поощряя прямые связи между учебными заведениями, научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими учреждениями, осуществление совместных программ и разработок, в особенности в приоритетных направлениях и в области передовых технологий.

Договаривающиеся Стороны обязуются взаимодействовать и создавать благоприятные условия в области подготовки кадров, обмена учеными, специалистами, аспирантами и студентами, взаимно признавать дипломы об образовании, ученые звания и степени.

Договаривающиеся Стороны заключат отдельное соглашение по вопросам науки и образования.

Статья 23

Договаривающиеся Стороны будут принимать меры по унификации законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, включая гражданское и налоговое законодательство, а также законодательство в области социальной защиты населения и пенсионного обеспечения.

Статья 24

Договаривающиеся Стороны в соответствии с нормами международного права и своим национальным законодательством будут осуществлять сотрудничество в борьбе с преступностью, терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, незаконным оборотом наркотиков, незаконной миграцией, а также с противоправными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и других видов транспорта, с контрабандой и хищением культурных ценностей.

Статья 25

Договаривающиеся Стороны будут осуществлять регулярный обмен информацией о разработке, принятии и применении правовых актов и международно-правовых документов.

Статья 26

Договаривающиеся Стороны обязуются уделять особое внимание развитию контактов и сотрудничества между парламентами и парламентариями обоих государств.

Статья 27

Споры между Договаривающимися Сторонами относительно толкования и применения настоящего Договора подлежат разрешению путем переговоров.

Статья 28

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Статья 29

Настоящий Договор заключается сроком на 10 лет.

Его действие будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон не заявит путем письменного уведомления о своем желании прекратить его действие не позднее чем за шесть месяцев до истечения очередного периода.

К моменту выхода соответствующая Договаривающаяся Сторона должна выполнить все обязательства, возникшие за время ее участия в настоящем Договоре.

Статья 30

В настоящий Договор могут быть внесены изменения и дополнения, являющиеся его неотъемлемой частью, которые оформляются отдельными протоколами. Изменения и дополнения могут быть предложены любой из Договаривающихся Сторон путем направления соответствующего уведомления другой Договаривающейся Стороне.

Статья 31

В целях реализации настоящего Договора Договаривающиеся Стороны при необходимости заключат между собой другие договоры и соглашения и создадут соответствующие координирующие органы.

Совершено в городе Москве 17 сентября 2008 года в двух экземплярах, каждый на русском и осетинском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Заявления**после подписания договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи
с республиками Абхазия и Южная Осетия**

17 сентября 2008 года, 18:00, Москва, Кремль

Д.МЕДВЕДЕВ: Уважаемые дамы и господа!

Наша сегодняшняя встреча с Президентом Республики Абхазия Сергеем Васильевичем Багапшем и Президентом Республики Южная Осетия Эдуардом Джабеевичем Кокойты имеет особый повод: только что мы подписали договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Республикой Абхазия, а также между Россией и Республикой Южная Осетия. Это, безусловно, историческое событие, к которому все мы шли очень непросто. Народы данных республик, по сути, в буквальном смысле выстрадали это подписание.

Подписанные соглашения – это логическое следствие развития цепи событий, происходивших в регионе с начала 90-х годов, и, конечно, это продолжение тех усилий, тех действий, которые предпринимались Россией начиная с 8 августа этого года. Целью наших действий, безусловно, было обуздание грузинских агрессоров, возвращение мира и стабильности в Закавказье, создание условий для свободного и демократического развития абхазского и южноосетинского народов.

Как известно, 26 августа я подписал Указ о признании независимости Республики Южная Осетия и Указ о признании независимости Республики Абхазия – подписал, руководствуясь, прежде всего, положениями Устава Организации Объединенных Наций, Декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года.

Сегодня сделан новый значимый шаг. Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи – это начало и, может быть, самая главная база для формирования правовой основы наших двусторонних отношений с Абхазией и Южной Осетией, отношений, которые впредь будут строиться на основе международного права. Сегодня закладывается надежный фундамент для самого широкого и всестороннего партнерства во благо наших народов. А наши границы в соответствии с теми договорами, которые только что были подписаны, становятся открытыми для деловых, культурных и просто человеческих контактов. На очереди и подписание так называемых отраслевых соглашений о сотрудничестве по самым приоритетным направлениям: это и безопасность, и охрана государственных границ, и борьба с терроризмом, и таможенная сфера, и экономика, и инвестиции и другие сферы. Все это основано на только что подписанных соглашениях.

Для нас ключевая задача текущего момента – обеспечение безопасности Абхазии и Южной Осетии. Подписанные договоры предусматривают, что наши страны совместно будут предпринимать необходимые меры для устранения угрозы миру, противодействовать всякого рода проблемам в этой сфере, а также противодействовать и актам агрессии против них. Мы будем оказывать друг другу всю необходимую поддержку, включая военную поддержку. Такая возможность предусматривается в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, которая провозглашает право на индивидуальную или коллективную самооборону.

Подчеркну, и мне бы хотелось это специально сделать именно здесь и именно сейчас, повторение агрессии со стороны Грузии (реваншистские настроения там, к сожалению, не скрывают, милитаризация этого государства продолжается) привело бы

к катастрофе регионального масштаба. Поэтому ни у кого не должно быть сомнений: новой военной авантюры мы не допустим. Иллюзий не должно быть ни у кого.

Дорогие друзья! Подписанные сегодня договоры будут иметь огромное значение для развития многонационального закавказского региона. Прочная безопасность и стабильность – это залог мирной жизни для всех проживающих здесь народов, это важнейшее условие восстановления атмосферы доверия и добрососедства, подъема экономики и социальной сферы обеих республик.

Хочу поздравить всех граждан России, граждан Республики Абхазия и Республики Южная Осетия с сегодняшним знаменательным событием. Его значение для наших народов поистине огромно.

От имени российских граждан хотел бы пожелать мира, успехов и процветания нашим братским народам. Подчеркну, что Россия и впредь будет оказывать им всяческое необходимое содействие.

Благодарю за внимание.

С.БАГАПШ: Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич! Дамы и господа!

Разрешите мне от имени многонационального народа Абхазии от всей души сказать Вам, Дмитрий Анатольевич, всему народу России, всем россиянам огромное человеческое спасибо. Спасибо не только за сегодняшний день и за то, что было сделано 26 августа, – спасибо за то, что на протяжении исторического обозримого Россия всегда была рядом с народом Абхазии, с народом Южной Осетии, со всеми народами, которые хотели и жили вместе с Россией и рядом с Россией.

Сегодняшнее событие – исторический момент для нашего небольшого государства. Мы постараемся сделать все, понимая эту величайшую обязанность, чтобы построить демократическое, правовое государство, в котором не будет места войнам, где будут соблюдаться все права и свободы малых народов. Мы гарантируем это своей жизнью и своей Конституцией. То, что было выстроено веками между Абхазией и Россией, все это будет иметь реальное продолжение в наших делах, в наших устремлениях. Мы ориентированы в этой жизни на великое государство, с коим шли все эти века, и будем это всегда развивать.

Я хочу еще раз сказать Вам огромное спасибо от всех нас, пожелать России мира, стабильности, мощи, потому что, когда сильна Россия, везде вокруг нее будет мир, будет стабильность и будет взаимное уважение народов друг к другу.

Огромное спасибо.

Э.КОКОЙТЫ: Многоуважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые дамы и господа!

Сегодня подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией. Этот документ имеет для народа Южной Осетии огромное значение и исторический масштаб не только потому, что мы заключили базовый политический договор с одной из ведущих держав мира, но и потому, что этот договор создает прочную основу гарантии безопасности для нашей страны и кавказского региона в целом.

Для народа Южной Осетии, который, если бы не вмешательство России, подвергся бы полному уничтожению, это жизненно важный вопрос. Мы неоднократно подчеркивали, что создание южноосетинского государства, его становление, стремление к международному признанию государственной независимости – все это было продиктовано необходимостью отстаивать право нашего народа на свободу, человеческое достоинство и, наконец, право на жизнь в условиях постоянной угрозы со стороны Грузии. С признанием Южной Осетии в качестве независимого государства со стороны России для нас начинается новая эпоха, связанная с возможностью обеспечения

безопасного будущего и устойчивого развития для ныне живущих и будущих поколений.

В подписанном сегодня Договоре отражены основные цели и принципы всех областей, отношения стратегического партнерства Южной Осетии и России на перспективу. Документ открывает максимальные возможности для созидательной работы, нацеленной на мир, безопасность, экономическое и социальное развитие. На базе Договора предполагается подписание ряда соглашений в разных сферах, которые будут конкретизировать различные аспекты сотрудничества. Договор нацелен на будущее, но вместе с тем он опирается на огромный исторический опыт отношений Осетии и Российского государства, насчитывающий не одну сотню лет. Эти отношения прошли испытания временем, и есть все основания для уверенности в их хорошей перспективе.

Хотелось бы сказать несколько слов об одном очень важном аспекте современных международных отношений. Справедливость, готовность оказать бескорыстную помощь тому, кто в ней нуждается, в сочетании с мужеством и решительностью – с давних времен эти качества были присущи политике Российского государства, чем Россия снискала огромную любовь и уважение многих народов. Сегодня позиция России по вопросу Южной Осетии и Абхазии, решительные действия по принуждению агрессора к миру, признание Южной Осетии и Абхазии основаны на стремлении обеспечить мир и защитить от истребления наши народы. Все это убедительно демонстрирует, что одним из важнейших изменений в международных отношениях остается нравственное начало, противопоставляющее всем попыткам насаждения однополярного миропорядка, основанного на диктате и политике двойных стандартов, твердую приверженность международному праву, справедливости, миру и демократическому развитию.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Южной Осетией и Российской Федерацией – новый пример утверждения приоритета демократических прав и свобод, ценностей и идеалов цивилизованного мира, вносящий реальный вклад в формирование справедливых международных отношений в XXI веке. Уверен, что именно по этому направлению должно идти развитие мирового сообщества в третьем тысячелетии.

Еще раз хотел бы выразить огромную признательность и благодарность Вам, Дмитрий Анатольевич, всему российскому народу за поддержку и помощь народу Южной Осетии.

Спасибо.

17 сентября 2008 года, 18:00, Москва, Кремль.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи
между Российской Федерацией
и Республикой Южная Осетия**

Принят Государственной Думой

29 октября 2008 года

Одобен Советом Федерации

12 ноября 2008 года

Ратифицировать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, подписанный в городе Москве 17 сентября 2008 года.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
24 ноября 2008 года
№ 210-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи
между Российской Федерацией
и Республикой Абхазия**

Принят Государственной Думой

29 октября 2008 года

Одобен Советом Федерации

12 ноября 2008 года

Ратифицировать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной
помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия,
подписанный в городе Москве 17 сентября 2008 года.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
24 ноября 2008 года
№ 211-ФЗ

Международное право – International Law; Московский журнал международного права; Международное публичное и частное право; Право и политика; Международная жизнь; Российский юридический журнал; Государство и право; Вестник Московского университета. Серия «Право»; Известия вузов. Правоведение; Вестник РУДН, серия «Юридические науки»; Вестник Санкт-Петербургского университета

Абашидзе А.Х. Рабочая группа по произвольным задержаниям Совета по правам человека ООН // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 88-99.

Абашидзе А.Х. Международно-правовые вопросы, возникающие в связи с приостановлением участия России в ДОВСЕ // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1.

Абдрашитов В.М. Прецеденты Европейского суда по правам человека и проблемы реализации принципа презумпции невиновности // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Абдуллаев Э.А. Роль специализированных учреждений ООН социально-экономического характера в охране окружающей среды (международно-правовые аспекты) // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1.

Абдулатипов Р. Динамика российско-таджикских отношений // Международная жизнь. – 2008. – № 3.

Абраменков М.С. Эволюция подходов к проблеме наследственного статуса // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Агеев В.Н. Международные стандарты в области ограничения прав и свобод личности // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 10-13.

Айсаева Л.А. Российская судебная система и Страсбургский суд: уроки взаимодействия // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 21-27.

Анишина В.И. Проблемы применения российскими судами решений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 14-18.

Арутюнян Д.Г., Шапиев К.А. Специфика применения оговорки к учредительным документам международных организаций // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 28-30.

Антипенко В.Ф. Конфликтологический подход в построении международно-правовых антитеррористических механизмов // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Антонова И.В. ФАО – специализированное учреждение ООН // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1.

Ануфриева Л.П. PRIMUS INTER PARES Рецензия на книгу Е.Т. Усенко «Очерки теории международного права». – М.: Норма, 2008. – 239 с. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Ануфриева Л.П. Значительный вклад в развитие основ научных знаний в области международного экономического права (рецензия на книгу А.А. Ковалева «Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности»: Учебное пособие. – М.: Научная книга, 2007. – 431 с. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Александрова С.П. Усиление королевской власти после реставрации Стюартов // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 6. – С. 138-150. – ISSN 0131-8039.

Алиев Э.А. Роль и участие ООН в развитии транспортных правоотношений государств // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 121-131.

Алисиевич Е.С., Кислицына Н.В. Статус Конвенции Совета Европы о правах человека и постановлений Европейского суда по правам человека в российской правовой системе // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 24-36.

Архипова А.Г. Страхование ответственности судовладельцев: применение английского опыта в российских условиях // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Армин фон Богданди. Конституционализм в международном праве: комментарии к предложению из Германии // Право и политика. – 2008. – № 1.

Атлангериев И.И. Российско-итальянские отношения: результаты и перспективы развития на современном этапе // Право и политика. – 2008. – № 5.

Аль-Арражи Мохаммед Хайтем Ахмед. Проблема защиты прав отдельных категорий лиц в период международных вооруженных конфликтов // Право и политика. – 2008. – № 10.

Андреев М.В. Политико-правовые концепции и доктрины Российской Федерации в сфере международной безопасности и международное право // Право и политика. – 2008. – № 11.

Антонов И.П. Представление о государствах как о субъектах международного публичного права в немецкой концепции XVII-XIX вв. // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 5-14.

Афанасьев Е., Помощников Н. Россия – эскато: новые горизонты сотрудничества // Международная жизнь. – 2008. – № 8-9. – Раздел «Дипломатия».

Астанин В.В. Гражданско-правовые механизмы ответственности за коррупцию // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Батырь В.А. Международно-правовые проблемы квалификации преступления геноцида и «катынское дело» // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 64-72.

Бартенев С.А. Правовые проблемы определения исключительной компетенции Европейского Сообщества // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Барциц И.Н. Глобальное административное право как вызов и угроза международному правовому порядку // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Баклан Д.С. Проблема урегулирования национальных интересов в Каспийском регионе (международно-правовой аспект) // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 149-172.

Бахин С.В. Перспективы развития международного права на XXI век // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Беликова К.М. Законодательные основы осуществления антимонопольными органами контроля за «экономическими концентрациями» в странах МЕРКОСУР // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 16-18.

Беликова К.М. Запрещенная деловая практика и квалифицирующие ее признаки по праву Венесуэлы // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 36-38.

Быкова Е.В. Проблемы взаимодействия правовых систем на современном этапе // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 30-34.

Богатырев А.Г. Рецензия на учебное пособие д.ю.н., профессора Ковалева А.А. «Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности на современном этапе» // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Богуш Г.И. Актуальные проблемы международного уголовного права // Вестник московского университета. – Серия «Право». – 2008. – № 5. – С. 49.

Богуш Г.И. Конфликт в Южной Осетии: вопросы международного уголовного права // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 233-261.

Боклан Д.С. О необходимости включения в многосторонние соглашения ВТО норм об охране окружающей среды // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 58-73.

Бороздина Я. Деятельность Совета Европы в сфере культуры // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 130-139.

Болгова В.В. Теоретические проблемы структуры публичного права // Право и политика. – 2008. – № 1.

Боташева А.К. Современный терроризм: проблемы классификации видов // Право и политика. – 2008. – № 10.

Борисова-Жарова В.Г. Право человека на здоровье как объект международно-правового регулирования // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Босхомджиева Г.Г. Некоторые международно-правовые гарантии обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Бутба С.Р. Международное право и правовая система Республики Абхазия // Право и политика. – 2008. – № 5.

Веремеев Н.В. Принцип «открытого регионализма» (международно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Волынская О.А. Проблемы правового обеспечения труда космонавтов // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Воробьев В. Герцлийская конференция в Иерусалиме // Международная жизнь. – 2008. – № 6.

Воробьева Е.В. Правоприменительная практика Верховного суда Израиля на оккупированных палестинских территориях // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Воронцова Н.А. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: реальность или миф? // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 210-217.

Гаврилов В.В. Место и роль международного права в правовой системе Великобритании // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 4. – С. 209-217. – ISSN 0131-8039.

Гаджиханова А.И. Международное сотрудничество и проблемы борьбы с терроризмом // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 157-167.

Гамзалов С.Д. Проблемы внешней политики ФРГ на современном этапе и перспективы развития // Право и политика. – 2008. – № 5.

Гарипов Р.Ш. Декларация ООН о правах коренных народов как важный шаг на пути к восстановлению справедливости // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Гарипов Р.Ш. Положения Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, 1989 г. и другие международные документы в области защиты прав коренных народов // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 3.

Гетьман-Павлова И.В. Наука международного частного права: дозволительный и запретительный статуты в теории Бартоло де Сассоферрато // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 19-23.

Гетьман-Павлова И.В. Наука международного частного права: теория реального и личного статутов в учении Бартоло да Сассоферрато // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 5-10.

Глотова С.В. Ливанский Трибунал – новый инструмент международного уголовного правосудия: история создания и основные черты // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 189-211.

Голик Ю.В. Наркотики как современная глобальная угроза (к выходу в свет сборника докладов Международного комитета по контролю над наркотиками «Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы» / Сост. и вступит. ст. А.В. Федорова. – М.: Австрия-центр, 2007 // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Горбачев В.А. Толкование судом ЕС положений о конкуренции, содержащихся в ст. 81 Договора об образовании Европейского Сообщества // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Горбачев В.А. Новый Закон РФ «О защите конкуренции» и антимонопольное законодательство стран ЕС // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Григорович Ю.В. Уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Данильцев М.А. Международно-правовой и национально-правовой статус объектов, расположенных на континентальном шельфе // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 6. – С. 100-107. – ISSN 0131-8039.

Девяцын М.Ю. О значении постановлений Федерального Конституционного суда ФРГ и Европейского суда по правам человека по делам, связанным с наймом жилого помещения, для формирования судебной практики, связанной с расторжением договора коммерческого найма жилого помещения // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 21-23.

Джантаев Х.М. Опыт классификации международных соглашений НПО // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 44-64.

Джантаев Х.М. Правовая природа международных соглашений с участием НПО // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 50-65.

Джантаев Х.М. Уголовная ответственность физических лиц в международном праве // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 179-195.

Димитров Н.Н. Международно-правовая природа и сущность современного миротворчества // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 47-55.

Должич А.А. Электронная подпись в коммерческом обороте: российское, зарубежное и международное регулирование // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Дорфман М. Правовые аспекты экстрадиции лиц из Израиля в Россию // Право и политика. – 2008. – № 6.

Дубинин Ю. Как была заложена правовая основа российско-украинских отношений // *Международная жизнь*. – 2008. – № 7.

Дудыкина И.П. Правовой режим земельных участков, обслуживающих здания дипломатических и консульских представительств // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 1.

Дульян А. Мюнхенская конференция 1938 года, 70 лет спустя // *Международная жизнь*. – 2008. – № 8-9.

Евдокимов А.В. Процедура защиты имущественных прав по российскому праву с перспективой обращения с жалобой в Европейский суд по правам человека: критерий исчерпания внутренних средств защиты // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 1. – С. 17-18.

Еникеев З.Д. Международно-правовые аспекты подготовки юридических кадров в современной России // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 1. – С. 19-24.

Емельянова Н.Н. Международно-правовые основы регулирования сотрудничества России и ЕС на перспективу // *Вестник РУДН*. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 3.

Емельянова Н.Н. Европейские вооруженные силы в кризисном реагировании (международно-правовые аспекты) // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2008. – № 3. – С. 138-149.

Емельянова Н.Н. Договор об обычных вооруженных силах в Европе и перевооружение Европы // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2008. – № 4. – С. 96-108.

Ермолина М.А. Морской аварийный случай, связанный с загрязнением, в международном морском праве // *Российский юридический журнал*. – 2009. – № 3.

Ерпылева Н.Ю. Физические лица как субъекты международного трудового права и международного образовательного права // *Право и политика*. – 2009. – № 5.

Ефремова Н.А. Правовые аспекты международной экономической интеграции в контексте национальных интересов государств-участников // *Право и политика*. – 2008. – № 3.

Жуков Г.П. Проблема предотвращения размещения оружия в космосе // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2009. – № 1. – С. 72-82.

Зайцева Е.С. Деятельность Международной организации уголовной полиции – Интерпола по борьбе с терроризмом // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2008. – № 1. – С. 216-227.

Захарова Л.И. Международное спортивное право: понятие, структура, принципы // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2009. – № 1. – С. 59-75.

Захарова М.В. Международно-правовые аспекты статуса физических лиц в условиях глобализации // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2008. – № 2. – С. 178-183.

Заемский В. Встреча на Ист-ривер // *Международная жизнь*. – 2008. – № 1-2.

Звягинцев В.В. Юридический анализ сущности транснациональной организованной преступности и ее признаков // *Право и политика*. – 2008. – № 8.

Зохрабян Р.П. Принцип равноправия и самоопределения народов: эволюция содержания в системе принципов международного права // *Вестник московского университета*. – «Серия право». – 2009. – № 2. – С. 61.

Зыкин И.С. Важное исследование проблем юрисдикционного иммунитета государства.

Ибрагимов А.М. Возникновение гарантий в международном праве // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Ибрагимов А. М. Концептуальные подходы к вопросу о гарантиях в международно-правовой доктрине // Российский юридический журнал. – 2009. – № 2.

Ибрагимов И.М. Международно-правовые императивы по защите прав потерпевшего // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Ибрагимов А.М. Международные гарантии обеспечения норм права международной безопасности // Право и политика. – 2009. – № 8.

Ибрагимов А.М. Специфика норм о гарантиях в международном морском и речном праве // Право и политика. – 2009. – № 9.

Иванова Д.И. Институциональный механизм международного контроля над терроризмом // Право и политика. – 2008. – № 7.

Иванова Д.И. Антитеррористическая политика ООН и стратегия контроля над международным терроризмом // Право и политика. – 2008. – № 11.

Иванов Д.В., Тарасьянц Е.В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее (часть 1) // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Измайлова Н.С. Компенсация морального вреда при нарушении права на неприкосновенность частной жизни в англо-американской и отечественной правовой практике // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Измайлова Н.С. Неприкосновенность частной жизни в англо-американской и российской правовых доктринах // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Ильяшев К.С. Международно-правовое регулирование экспорта российской урановой продукции в США // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 250-260.

Ищенко О.А., Ищенко Е.Г. Проблемы реализации норм международного права в российском законодательстве // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 34-38.

Карцов А.С. Международное гуманитарное право и русский консерватизм // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Карцов А.С. Международное гуманитарное право и русский консерватизм // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Каламкьян Р.А. Всеобщая декларация прав человека – 60 лет. Позитив развития в миропорядке на основе верховенства права Rule of Law // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 84-98.

Каламкьян Р.А. Совет безопасности ООН и Международный суд ООН: взаимодействие в интересах упрочения международного правопорядка // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 57-66.

Каримов Д.А. Квазиадминистративные функции консульских учреждений // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 4-6.

Карпович О.Г. Анализ современных международных подходов к борьбе с коррупцией // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 38-44.

Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и развитие международного права (к 60-й годовщине принятия) // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 81-87.

Карташкин В.А. Учреждение совета по правам человека и реформирование конвенционных органов // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 5-13.

- Копылов М.Н., Циприс М.С. Еще одно соглашение в системе Договора об Антарктике // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2009. – № 1. – С. 141-152.
- Кандель П., Станет ли Косово «состоявшимся» государством? // *Международная жизнь*. – 2008. – № 5.
- Кашкин С.Ю. Лиссабонский договор – новый этап развития права европейского союза. – 2008. – № 9. – С. 59-66.
- Керестеджиянц Л., Югославская трагедия // *Международная жизнь*. – 2008. – № 4.
- Каюмова А.Р. Современные юрисдикционные проблемы операций ООН по поддержанию мира // *Российский юридический журнал*. – 2009. – № 1.
- Касаев Э.О. Правовое регулирование иностранных инвестиций в энергетический сектор ливийской экономики // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2009. – № 1. – С. 175-187.
- Касаев Э.О. Правовые основы российской инвестиционной деятельности в ТЭК Ирака // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 3.
- Кембаев Ж.М. Лиссабонский договор: новый этап в развитии европейской интеграции // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 4.
- Кепбанов Е.А. Нейтральный Туркменистан: подходы к региональной безопасности // *Московский журнал международного права*. – 2009. – № 1.
- Кобец П.Н. Международный опыт предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате и возможности его использования в отечественной законодательной практике // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 5. – С. 42-46.
- Кобец П.Н. Об опыте предупреждения преступности незаконных мигрантов в странах Европы, Азии, Южной и Северной Америки // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 6. – С. 42-44.
- Комарова Т.Л., Полевая Е.В. Правовые режимы иностранных инвестиций // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 3. – С. 13-17.
- Копылова Е.Ю. Проблемы имплементации норм международного частного права во внутреннее право иностранных государств // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 4. – С. 24-28.
- Ковалев А.А. Международно-правовые основы недропользования: Учебное пособие. Авт.: Вылегжанин А.Н., Голицын В.В., Колосов Ю.М. и др. / Отв. ред. проф. А.Н. Вылегжанин. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2007. – 526 с. // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 1.
- Ковалев А.А., Шилова Н.Л. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 3.
- Козин В. Пять уроков «независимости» Косова // *Международная жизнь*. – 2008. – № 5.
- Коньшев В. Н. Угрозы военной безопасности США в условиях глобальной борьбы с международным терроризмом // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2009. – Вып. 2. – С. 272.
- Коржов Е.Н. Юридикто-экономический анализ эффективности реализации исполнения в натуре на основе применения Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 2.
- Кожевников О.А. Право на объединение с позиции Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // *Право и политика*. – 2008. – № 1.

Корчагин А.Г., Сонин В.В. Проблемы корпораций (юридических лиц) в частном и публичном праве // Право и политика. – 2009. – № 10.

Косарева И.А. Состояние здоровья как условие заключения брака по законодательству России и зарубежных стран // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Костенко Н.И. Организация Объединенных Наций на пути к новому согласию по вопросам международной безопасности // Право и политика. – 2008. – № 3.

Котов А.С. Международное публично-правовое регулирование инвестиционных споров // Право и политика. – 2009. – № 4.

Котляров И.И. Международное гуманитарное право о понятии «вооруженные силы» // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Котляров И.И., Ходжабегова К.Л. Деятельность внутренних войск МВД, органов внутренних дел России и международное гуманитарное право // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Красов С.И. Военные преступления в международном гуманитарном праве (из истории науки) // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Кружков В. Как Австрия стала нейтральной // Международная жизнь. – 2008. – № 8-9.

Кремнев П.П. Категория «Российская Федерация – государство – продолжатель СССР»: вопросы теории и практики // Вестник московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 23.

Клепацкий Л. Опыт СНГ // Международная жизнь. – 2008. – № 6.

Клепацкий Л. Стратегия отношений России и Евросоюза // Международная жизнь. – 2008. – № 4.

Кочешков А. Фактор североиранской нефти в мировой политике // Международная жизнь. – 2008. – № 7.

Кулешова И.А. Коллизийный и материально-правовой методы регулирования юридических лиц в международном частном праве // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 29-31.

Купреев С.С. К вопросу о юридической природе международных финансовых организаций // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 6-9.

Куropaцкая Е.Г. Международные принципы охраны и защиты прав ребенка // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 195-205.

Кучухидзе С.Т. Современная грузинская литература по международному праву // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Лабин Д.К. Правовая природа отношений между иностранным инвестором и государством в соответствии с двусторонними инвестиционными соглашениями // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 142-161.

Лавров В.С. Динамика развития Шанхайской организации сотрудничества // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Лысенко В.В. Регламентирование правового положения и функционирования неправительственных организаций в зарубежных странах // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 65-72.

Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам: соотношение международно-правовых и внутригосударственных аспектов // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 3. – С. 74-82. – ISSN 0131-8039.

Лазутин Л. А. Применение норм международного права в деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2.

Лазутин Л.А. Правовая помощь в международном уголовно-процессуальном праве // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Лаптева К.Н. Судебные учреждения государств и применение, развитие, примат международного права в правовых системах государств: общая характеристика, соотношение деятельности судов государств с деятельностью международных судов и трибуналов, отдельные конституционные ограничения работы судебных учреждений государств с международным правом // Право и политика. – 2008. – № 2.

Ларионова М. Поля взаимодействия G-8 с международными организациями // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Лавров С. Перспективы развития европейского сотрудничества: взгляд из Москвы // Международная жизнь. – 2008. – № 3. – Раздел «Дипломатия».

Лавров В. ШОС – право и безопасность XXI века // Международная жизнь. – 2008. – № 1-2.

Лимонникова М.А. Создание Венецианской комиссии как консультативного органа Совета Европы // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Лихачев В. Парламентский диалог России и ЕС продолжается // Международная жизнь. – 2008. – № 4.

Линников А.С. Роль источников «мягкого права» на европейском уровне в развитии законодательства ЕС о банковском надзоре // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Лисица В.Н. Иностранный элемент в международных инвестиционных отношениях // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 10-13.

Лисица В.Н. Право государства на экспроприацию иностранных инвестиций // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Логинов П.П. Особенности формирования единой политической системы Европейского Союза // Право и политика. – 2008. – № 9.

Лукиянова А.В. Международное сотрудничество государств в использовании космического пространства для целей мореплавания в рамках Международной Программы поиска и спасания при бедствии – КОСПАС-САРСАТ // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Лукиянова А.В. От Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) к Международной организации подвижной спутниковой связи (ИМСО) // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Люксембург А.В., Симкин В.С. Выборгский инцидент. О неправомерности и противоправности территориальных претензий к России с позиции послевоенного международного права и на основании современного научного знания // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 8-11.

Люттов Н.Л. Консультации и информирование работников в праве Европейского Союза // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4.

Магеррамов А.А. Внутригосударственное законодательство Азербайджанской Республики об охране окружающей среды и международное право: общие вопросы соотношения // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 28-32.

Магомадов А.Ш. К вопросу о возмещении вреда, причиненного гражданам террористическими актами, в зарубежных странах // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 24-26.

Мальцева О.Д. Взаимодействие России и Китая в глобализирующемся мире // Право и политика. – 2008. – № 11.

Малеев Ю.Н. Будущее Чикагской конвенции 1944 г. // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 22-41.

Малеев Ю.Н. Европейское право – международное право в контексте отношений «Россия – Европа» // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 27-40.

Малеев Ю.Н. Континентальный шельф России в Арктике: управление и использование без борьбы // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 112-126.

Малеев Ю.Н., Гликман О.В. Квалификация вооруженных конфликтов и применение норм международного гуманитарного права: вопросы, требующие решения // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 3-15.

Малеев Ю.Н. Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 6-20.

Малюшин А.А. Проблемы взаимодействия внутригосударственного и международного прецедентного права // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 33-35.

Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 2-4.

Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 1-5.

Мезяев А.Б. Роль международных судов в юридическом закреплении итогов разрушения Югославии // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 199-213.

Мещерякова О.М. Особенности разграничения компетенций в Европейском Союзе и принцип ограниченного наделения компетенцией // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 5-11.

Мансуров У.А. Международно-правовые вопросы сотрудничества Республики Таджикистан с Организацией Объединенных Наций // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 2.

Марусин И.С. Специальный трибунал по Ливану: особенности компетенции и организационной структуры // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 5. – С. 196-203. – SSN 0131-8039.

Манойло А.В. Проблемы и перспективы исследования информационно-психологических технологий разрешения международных конфликтов // Право и политика. – 2008. – № 3.

Манукян М.А. Понятие личного закона юридического лица (lex societatis) и критерии его определения // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Марченко М.Н. Виды источников права Европейского союза. Источники первичного права // Вестник московского университета. серия право. – 2009. – № 3. – С. 3.

Марченко М.Н. Идеи панъевропеизма в первой половине XX в. // Вестник московского университета. серия право. – 2009. – № 3. – С. 43.

Марченко М.Н. Понятие и основные особенности источников права Европейского союза // Вестник московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 2. – С. 3.

Марченко М.Н. Эволюция европейских объединительных идей (XI-XIX вв.) // Вестник Московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 33.

Марченко М.Н. Эволюция идей европейской интеграции и их реализация (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Вестник Московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 53.

Марченко М.Н. Эволюция идей европейской интеграции и их реализация (вторая половина XX — начало XXI вв.) // Вестник Московского университета. – Серия «Право», 2008. – № 5. – С. 3.

Митина С.И. Роль эллинистической монархии в формировании правовой базы межгосударственных отношений (IV-I вв. до н.э.) // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 29-33.

Морозова В.С. К вопросу о присоединении России к Болонскому процессу (правовой аспект) // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 25-27.

Мелков Г.М. Граница континентального шельфа России: мифы, реальность, ведомственные ошибки // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Мещерякова О.М. Суверенитет государств – членов Европейского Союза и Лиссабонский договор // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 2.

Моисеев А. Косовский прецедент и система международного права // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Монастырский Ю.Э. Выступление на международной научно-практической конференции «Международный коммерческий арбитраж в России: общие закономерности развития и особенности современной практики», посвященной 75-летию образования МКАС при ТПП РФ, 26 октября 2007 года. МКАС и рынок юридических услуг в РФ // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Монастырский Ю.Э. Дерогационный эффект арбитражной оговорки. Выступление на научно-практической конференции «Международный коммерческий арбитраж в России в условиях глобализации экономического развития», посвященной 15-летию Закона о международном коммерческом арбитраже РФ и 50-летию Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркской конвенции), 17 октября 2008 г. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Мукашев С.И. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Мукиенко И.Н. Правовые системы межгосударственных объединений // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 5-8.

Муранов А.И. Российские патентные поверенные: жертва некомпетентности, проявленной в ходе переговоров по вступлению России в ВТО // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2-3.

Мусина Н.М. Борьба ЮНИСЕФ с наркоманией среди детей // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Нефедов Б.И. Конституция Российской Федерации и проблема международной правосубъектности индивидов // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 6. – С. 24-36. – ISSN 0131-8039.

Насыров И. Р. Проблемы политико-правового регулирования международного сотрудничества регионов // Право и политика. – 2008. – № 4.

Насыров И.Р. Вклад российских регионов в построение отношений со странами исламского мира. Пример Татарстана // Право и политика. – 2008. – № 11.

Николаев А.М., Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – М.: Международные отношения, 2007. – 304 с. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Овлащенко А.В. Прогнозирование международно-правового регулирования межгосударственных морских отношений: проблемы теоретического обоснования // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 25-31.

Оганесян С.М. Понятие международных стандартов прав человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 18-22.

Опарина М.В. К вопросу о соотношении и особенностях понятий «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 19-31.

Орлов А.С. Соотношение договорной и судебной форм урегулирования международных территориальных споров (постановка проблемы) // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3.

Орбелян А.С. Вопросы применения силы в решениях Международного суда ООН // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Опарина М.В. Правовое значение решений Европейского Суда по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 13-15.

Османов Т.С. Надзорное производство в уголовном процессе России и общепризнанные принципы и нормы международного права // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 33-37.

Остроухов Н.В. Некоторые вопросы кодификации и прогрессивного развития гуманитарного права, применяемого во время вооруженного конфликта немеждународного характера // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Пантелеева З.Ю. Актуальные проблемы международной охраны авторских прав // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 17-22.

Пархоменко С. А. США и ШОС: партнерство и соперничество в Центральной Азии // Право и политика. – 2008. – № 3.

Печерица В.Ф., Чан Янь. Китай и Россия в условиях новых угроз и вызовов не-традиционной безопасности // Право и политика. – 2008. – № 1.

Петров В.О. Электронная (компьютерная) систематизация международного права // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Петров С., Россия и Канада. Близкие соседи и естественные партнеры // Международная жизнь. – 2008. – № 3.

Петина Ю.В. Законодательное оформление внешнеполитического суверенитета Канады // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 142.

Попова Е.Н. Международный механизм защиты прав людей с ограниченными возможностями // Право и политика. – 2009. – № 7.

Пожидаева М.В. Всеобщая декларация и права неграждан // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 110-117.

Прошунин М.М. Международные организации в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 113-125.

Пугина О.А. Международное правотворчество как особый вид создания системы норм // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 4-5.

Пуртов А.С. Принцип взаимной выгоды и его нарушения со стороны США // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Пушкарева Э.Ф., Скуратова А.Ю. В МГИМО-Университете МИД России проведена международная дискуссия «круглый стол» по теме «Недра Арктики и международное право» // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Рабцевич О.И. Национальные органы международной уголовной юстиции // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Рабцевич О.И. Международные следственные органы // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 43-48.

Рачков И.В. Решение Международного суда по делу о военной деятельности в ДРК // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 6-11.

Рудый Н.К. Преступления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти в уголовном законодательстве стран СНГ // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 38-41.

Раджабов С.А. Роль ООН в разрешении вооруженного конфликта в Таджикистане // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Русов А.Н. Толкование и применение Европейской Конвенции о правах человека: методологические аспекты // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 95-113.

Рябчиков Р.В. Современное понимание принципа свободных выборов в синтезе международного и национального толкования // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 31-33.

Савельева Л.В. Ответственность за загрязнение морской среды с судов: некоторые проблемы определения ущерба от загрязнения // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 28-37.

Савельева Л.В. Принципы международно-правовой ответственности за трансграничный ущерб, причиненный при использовании международных водотоков // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 161-175.

Сазонова К.Л. Великие державы и миротворчество Организации Объединенных Наций // Право и политика. – 2009. – № 3.

Свининых Е.А. О положениях статьи 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. // Право и политика. – 2009. – № 3.

Сарви́ро Ю.А. Юридическая природа внутреннего права международных организаций // Вестник московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 2. – С. 90.

Саруханян В.О. Роль системы ООН в борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 268-278.

Сасиев К.Х. Тенденции прогрессивного развития и кодификации норм международного права по вопросам использования трансграничных водотоков (экологический аспект) // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1.

Сафонов В.Е. Судебная власть и единство конституционного пространства в контексте действий норм международного права // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 15-20.

Сафронова Е.В. История науки международного права: юбилейные даты 2008 г. // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 1-5.

Саяпин С.В. Герхард Верле. Принципы международного уголовного права. Гаага, Нидерланды: TMC Asser Press, 2005 г., 488 с. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Сидорова Е.А. Проблемы укрепления международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 222-234.

Соколова Н.А. Антропоцентрический подход в международном праве окружающей среды // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 34-46.

Соколова Н.А. Международно-правовые пределы осуществления суверенитета над природными ресурсами // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 5-16.

Солнцев А.М., Миловидов О.Д. Материальная ответственность, возникающая в результате чрезвычайных экологических ситуаций в Антарктике // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 1. – С. 238-243.

Солнцев А.М. От конфликта к сотрудничеству: российско-китайские отношения в области управления водными ресурсами // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2009. – № 1. – С. 246-261.

Селезень П.А. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере налогообложения в межвоенный период // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 2. – С. 31-35.

Семенов И.С. Международно-правовые и национально-правовые аспекты отмены смертной казни // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 3.

Сеидов Ш. Г. Информационное общество и изменения внешнеполитических отношений в современном мире // *Право и политика*. – 2008. – № 1.

Слободина Е.В. Международно-правовые предпосылки сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза в сфере здравоохранения // *Международное право – INTERNATIONAL LAW*. – 2008. – № 2. – С. 125-131.

Сидорченко В.Ф. Право собственности на покинутое экипажем судно // *Известия вузов. Правоведение*. – 2008. – № 6. – С. 88-93. – ISSN 0131-8039.

Симкин Л. Последние решения Европейского суда: политика и право // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 4. – С. 2-6.

Сиротенко С.П. Законодательное регулирование лоббистской деятельности в некоторых иностранных государствах // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 6. – С. 38-42.

Синицына Н.В. Режим нераспространения ядерного оружия в современных условиях // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 1.

Скуратова А.Ю. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства международного сообщества». – М.: Гардарики, 2002-2005. Документы и комментарий в 3-х т. // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 1.

Смбатян А.С. Увеличение числа органов международного правосудия и их влияние на систему международного права // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 3.

Смирнов Д.Л. Возобновимые источники энергии как объект права ЕС // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 3.

Смирнова Е.С. Некоторые аспекты опыта латиноамериканских стран в решении проблем народонаселения // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 4.

Солнцев А.М. Международное экологическое право: принципы, источники и международные организации (рецензия на монографию М.Н. Копылова, С.М. Копылова, Э.Ю. Кузьменко «Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права». – М.: Экон-Информ, 2007. – 202 с.) // *Московский журнал международного права*. – 2008. – № 1.

Сорокина О.Ю. Полномочия Совета Безопасности ООН и действия региональных организаций по поддержанию мира // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 2. – С. 35-37.

Сосна А. Роль Европейского суда по правам человека в защите права собственности // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 4. – С. 19-21.

Султанов А.Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 2. – С. 11-14.

Султанов А.Р. Об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека как средстве реализации конституционных ценностей // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 4. – С. 15-18.

Султанов А.Р. Об общепризнанных принципах международного права и применении судами постановлений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 11-15.

Степанов Е.М. Право Европейского сообщества и национальное право. Развитие принципов права Европейских Сообществ // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Талимончик В.П. Резолюции международных организаций в правовой системе России // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 5. – С. 134-141. – ISSN 0131-8039.

Тарасьянц Е.В. Международно-правовые аспекты защиты прав человека при проведении биомедицинских исследований // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Тарасьянц Е.В. Первый Российский конгресс с международным участием «Биоэтика и права человека» // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Таранова Н.В. Сетевой подход в исследованиях международных отношений и процесса глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 173.

Татаринев А. Россия – Мьянма. 60-летие дипотношений // Международная жизнь. – 2008. – № 1-2. – Раздел «Дипломатия».

Тимофеева Н.Ю. К вопросу об определении терроризма в работах зарубежных правоведов // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 3.

Тимохин К.В. Роль островных территорий при разграничении морских пространств // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Тороп Ю.В. Правовое регулирование законодательной инициативы в Швейцарии // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 4. – С. 75-85. – ISSN 0131-8039.

Тихонова С.Н. Международно-правовые аспекты статуса вод Азовского моря // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – 27-30 с.

Томсинов В.А. Законодательная деятельность английского парламента в первой половине 1642 г.: формирование идеологии гражданской войны // Вестник Московского университета. – Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 63.

Томсинов В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 6. – С. 151-170. – ISSN 0131-8039.

Торкунов А., Панов А., Камынин М., Мурадов Г., Иноземцев В., Гутник В., Ознобищев С., Чуфрин Г., Ютанов Н., Авдеева Т., Пядышев Б. Внешнеполитические итоги 2007-го и перспективы 2008 года // Международная жизнь. – 2008. – № 1-2.

Третьяков К.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Китайской Народной Республике // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Троекуров Е.Р. Нейтралитет как институт международного права (зарождение, развитие, современные доктрины) // Право и политика. – 2008. – № 1.

Трудова О.В., Титов А.А. Реализация конституционно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ // Московский журнал международного права. – 2008. – № 4.

Трудова О.В., Яковлев Э.Ю. Проблемы судебной защиты экологических прав граждан России на международном уровне // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Трудова О.В., Яковлев Э.Ю. К вопросу о классификации, содержании, правовой гарантированности экологических прав человека и гражданина (сравнительный ана-

лиз правовых систем РФ и Евросоюза) // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 22-25.

Трунк А. Исключительная договорная компетенция Европейского сообщества в сфере правового сотрудничества по гражданским делам // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3.

Тузмухамедов Б.Р. Приостановление действия ДОВСЕ: юридический факт как учебное пособие // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Тузмухамедов Б.Р. Отмена смертной казни в России: международные обязательства и конституционная юрисдикция // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 53-74.

Ушаков С.В. Исполнение решений Лиги Наций и механизм применения санкций // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Ушаков С.В. Институциональная система ООН и международная обязанность по предотвращению преступления геноцида // Право и политика. – 2008. – № 11.

Ушаков С.В. Проблема принудительного исполнения решений Международного суда Организации Объединенных Наций и право ООН // Право и политика. – 2008. – № 5.

Фархутдинов И.З. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Федоров С. Косовское окно в Европу для Франции // Международная жизнь – 2008. – № 5.

Федосеева Н.Н. Опыт международно-правового регулирования электронного документооборота // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1.

Фурман Д. Парад суверенитетов» в переделе мира // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Фокин А.В. Использование договорных правовых конструкций при разграничении роялти и вознаграждения за оказание услуг в международном налогообложении (на примере США) // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Хамедова О.Д. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 2. – С. 139-147.

Хлестов О.Н. Кодификация и прогрессивное развитие права международных договоров (к 40-летию Венской конвенции) // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Хлестова И.О. Юрисдикционный иммунитет государства. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – 216 с. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Хорошилова Е.К. Полномочия Суда Европейских сообществ // Право и политика. – 2008. – № 12.

Хрущева Т.В. Принцип нейтралитета в современной мировой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Вып. 2. – С. 10.

Худынцева А.С. Институт временных судей в международных судах // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3.

Цанава Л.В. Взаимодействие Совета Европы и Европейского Союза в области прав человека: основные проблемы // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 211-222.

Цанава Л.В. Значение и роль Постановлений Европейского суда по правам человека для российской правовой системы // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 226-235.

Черниченко С. Действующие стратегические концепции США и НАТО в свете международного права // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 3. – С. 44-48.

Чистюхина С.Н. Защита окружающей среды Арктики (международно-правовой аспект) // Вестник РУДН. – Серия «Юридические науки». – 2008. – № 2.

Чуфрин Г. ШОС: quo vadis? // Международная жизнь. – 2008. – № 6.

Ципун А.В. Конституционные основы развития международного права // Право и политика. – 2008. – № 1.

Шапиев К.А. Анализ миграционных процессов в Европейском Союзе // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 6. – С. 2-4.

Швейцер В. Проигрывают все // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Шугуров М.В. Доктринальные аспекты применения международного права // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 2-11.

Шугурова И.В. Международное частное право: взаимодействие науки и практики // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 5. – С. 11-15.

Шебанова Н.А. Международные договоры Российской Федерации по вопросам раздела и использования государственной собственности бывшего СССР, находящейся за рубежом // Право и политика. – 2009. – № 5.

Шинкарецкая Г.Г. Россия, Арктика, континентальный шельф // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Шмагин Е. МИД и перестройка. 20 лет спустя // Международная жизнь. – 2008. – № 4.

Шимановская Д.О. Российская Федерация и ДОВСЕ: самооборона без применения вооруженной силы // Московский журнал международного права. – 2008. – № 5.

Шишелина Л. Растревоженный улей соседей // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Шугуров М.В. Международно-правовая доктрина и философия: аспекты взаимодействия // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1.

Юзбашян М.Р. К вопросу о формировании международного космического частного права // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.

Юматова А.О. Иммиграционная политика в праве Европейского Союза // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1.

Юматова А.О. Некоторые аспекты создания «Пространства свободы, безопасности и правосудия» в Европейском Союзе // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.

Юркина Е.Е. Законопроект «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» в свете практики Европейского суда по правам человека // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 4. – С. 235-251.

Язькова А. Возвратиться в правовое поле // Международная жизнь. – 2008. – № 5.

Ярышев С.Н. Европейский вариант единого экономического пространства // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2008. – № 3. – С. 189-199.

Ярышев С.Н. Единое экономическое пространство и единое информационное пространство как системное целое (международно-правовые аспекты) // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 120-137.

Ярышев С.Н. Международное управление в едином экономическом пространстве // Международное право – INTERNATIONAL LAW. – 2009. – № 1. – С. 163-171. (составители: Нугаева Н.Г., Муфлиханова Д.Р.)

Подписано в печать 11.05.2010. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 х 84/8. Гарнитура Times. Объем 30,7 п.л.
Тираж экз. Заказ №

Издательский центр Академии управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13